

Борьба
хорватского народа
за национальную
свободу

В. И. ФРЕЙДЗОН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

*Институт славяноведения
и балканистики*

Борьба
хорватского народа
за национальную
свободу

*Подъем освободительного движения
в 1859—1873 гг.*

История, идеология, политические партии

В. И. ФРЕЙДЗОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1970

Монография посвящена новому (после 1848 г.) подъему освободительной борьбы в монархии Габсбургов, проблемам сплочения, независимости и федерации южнославянских народов. В книге подробно рассмотрена идеология югославизма и иных течений в третьей четверти XIX в., показаны социальные основы позиции либеральных, радикальных и революционно-демократических кругов в хорватском национальном движении, его международные связи, политика австрийских властей в южнославянском вопросе, а также отношение России к австрославизму и политической борьбе в Австрии.

Автор уделил особое внимание проблеме формирования хорватской нации, взаимоотношениям между политическими движениями южнославянских народов, влиянию крупных событий в Европе на политическую борьбу в Хорватии.

Исследование основано на материалах советских и югославских архивов, печати и других источниках и обширной литературе.

Книга рассчитана на славистов, а также на лиц, интересующихся историей Австро-Венгрии, проблемами национальных движений и формирования наций.

Ответственный редактор

И. И. ЛЕЩИНОВСКАЯ

Идейно-политические основы освободительной борьбы зарубежных славянских народов в XIX в. представляют большой научный интерес. Изучение общественных сил и идеологии национальных движений, а также условий их развития, помогает познакомиться с многими особенностями истории народов.

В эпоху подъема капитализма и укрепления европейских наций буржуазия возглавила национально-освободительное движение. Единый национальный рынок и наиболее благоприятные условия выхода на внешние рынки, ликвидация абсолютизма и феодальных перегородок, воссоединение национальных территорий, развитие представительных учреждений и единых правовых норм, господство общенационального литературного языка, распространение в народе национального сознания, воспитание масс в буржуазно-национальном духе, наконец, создание независимого национального государства — все эти условия были необходимы для полного господства национальной буржуазии. Но большинство их соответствовало свободолюбивым чаяниям и нуждам широких слоев народа. Создание национальных государств означало громадный скачок вперед в историческом развитии народов, и прогрессивные политические деятели, отстаивавшие это, в разной степени выражали общенациональные интересы.

По словам Маркса, национальная война была «высшим героическим подъемом, на который еще способно было старое общество»¹. История национально-освобо-

¹ К. Маркс. Гражданская война во Франции; К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 365.

длительных движений показывает, на что (в частности, в идейном отношении) было способно «старое общество» в пору своего подъема, какие проблемы и как оно пыталось решать, что было ему не под силу и осталось в наследство как нерешенная задача новому обществу.

Эпоха общественного подъема буржуазии, национальных движений и складывания национальных государств в Западной Европе длилась до франко-прусской войны и Парижской коммуны.

Время с конца 50-х по начало 70-х годов XIX в. — один из периодов новой истории, весьма богатых событиями, многие из которых имели всемирно-историческое значение: быстрые изменения в экономике и социальной жизни, политические кризисы, войны, так или иначе затрагивавшие Австрию, Восточный вопрос, борьба за объединение Германии, Италии, восстания за национальную свободу (Польша, южные славяне, Крит), борьба демократии против абсолютизма в ряде стран, революционная ситуация и крестьянская реформа в России, подъем движения пролетариата в капиталистических государствах, создание I Интернационала, способствовавшего пробуждению политического сознания не только рабочего класса, но и непролетарских передовых кругов даже в отсталых уголках Европы, наконец, Парижская коммуна, эхо которой прокатилось по всем странам.

Одновременно с решающими успехами национальных движений на Западе в балканских землях Турции имела место упорная борьба за национальную свободу, временами принимавшая форму восстаний и войн. Австрийская империя располагалась между Западом и Турцией. Хотя здесь, как и в России и на Балканах, массовое освободительное демократическое движение особенно развернулось в начале XX в., 60-е годы XIX в. вслед за 1848—1849 гг. являлись временем большого общественного подъема угнетенных наций.

В 1848—1849 гг. ряд основных проблем буржуазно-демократического преобразования остался нерешенным, и к 60-м годам относится новый этап борьбы за их решение. Внешне- и внутривнутриполитическая ситуация, в которой с конца 50-х годов XIX в. находилась Австрийская империя, решающим образом сказалась на деятельности идеологов национального движения в южнославянских землях. Монархия Габсбургов переживала «глубокий госу-

дарственный кризис 1859—1866 гг.»². Слабость рабочего класса, нежелание австрийской буржуазии идти на решительные действия против абсолютизма, недостаточный уровень национально-освободительных движений привели к тому, что новая демократическая революция в Австрии оказалась невозможной и правящие круги смогли найти выход реформистским путем, сохранив множество остатков прежнего порядка в общественно-политической жизни.

Способ, которым осуществлялись преобразования, определил австрийский путь развития, который Ленин назвал «гнилым и медленным»³. В 1867 г. в Австрийской империи «упрочились основы политической свободы и конституционного строя», но многочисленные противоречия, свойственные этому многонациональному помещичье-буржуазному государству, не были преодолены, и их решение лишь на время отодвинулось. Государство Габсбургов осталось одной из «самых отсталых стран старого света», «феодальной, клерикальной, чиновничьей»⁴ монархией. Способ разрешения политического кризиса 60-х годов XIX в. во многом определил судьбу Австрийского государства.

Политический подъем в южнославянских землях в 60-х годах был следствием крупных сдвигов в их социальном развитии после 1848 г. В это время процесс складывания южнославянских наций проходил решающую стадию, закладывались или модифицировались возникшие ранее идеологические принципы национальных движений, на которые многие десятилетия ссылались разные политические группировки.

В 60-х годах в национальных движениях Австрийской империи преобладали различные либеральные течения. Они ставили целью достижение национальной свободы, но искали соглашения с властью. Содержанием освободительных движений южных славян империи была не только оппозиция абсолютизму, но и борьба против остатков феодализма в социальных отношениях, господства крупного инационального (австро-немецкого прежде всего) капитала и фискального гнета, за ускорение

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 84.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Там же, т. 23, стр. 314; т. 24, стр. 90, 176.

экономического развития своих земель. Все это усиливало радикальные и демократические тенденции внутри национально-либерального лагеря и вело к возникновению национально-радикального и, наконец, революционно-демократического течений. В южнославянских землях происходило размежевание между либералами, радикалами и революционными демократами в подходе как к социальным, так и политическим и национальной проблемам, возникали первые пролетарские организации, проявилась ограниченность буржуазного национал-радикализма.

Привлекает внимание и представляет особые трудности для историка то обстоятельство, что речь идет о национальном движении столь близких друг другу народов, что долгое время являлось предметом спора, составляют ли они одну нацию или несколько наций. Это чрезвычайно усложнило идеологию, программу, тактику национально-освободительного движения.

Одной из центральных тем исследования является югославизм — идеология национального единства южных славян, свойственная представителям разных классов южнославянских народов в XIX и XX вв., и связанная с ней проблема южнославянской федерации. В работе рассматривается также другое идейно-политическое построение хорватской буржуазии — панхорватизм.

После второй мировой войны буржуазная историография сосредоточила внимание на судьбе монархии Габсбургов. Наряду с тщетными попытками доказать, что ее правящие круги упустили возможность преобразовать это государство в «сообщество равноправных народов» и тем самым обеспечить его прочность «на века», имеются указания на важную роль Австрийской империи в деле предотвращения революции. Э. Францель даже утверждает, что, если бы Австрийская империя с ее «наднациональным порядком» не была разрушена, не возникла бы вторая мировая война⁵. Этот автор пытается переложить вину за трагедию войны на народы, входившие в состав реакционной монархии и сбросившие гнет Габсбургов.

В связи со всем этим актуально рассмотрение действительного хода событий и положения в Австрийской им-

⁵ E. Franzel. Der Donauraum im Zeitalter des Nationalprinzips. Bern — München, 1958.

перии в один из решающих периодов ее новой истории. Поэтому немалый интерес представляет австрославизм— система политических взглядов, исходившая из представлений о возможности решения национального вопроса в рамках империи.

Исследование истории общественно-политического подъема конца 50-х — начала 70-х годов XIX в. дает возможность выяснить роль классов и социальных слоев в национальном движении хорватов после революции 1848—1849 гг., побудительные причины отстаивания ими различных национальных требований, их тактику.

Характерной чертой указанного периода было то, что исторически южнославянские народы созрели для создания национальных государств (или каких-либо межнациональных объединений). Во весь рост они поставили Восточный вопрос, определив его главное содержание: ликвидацию турецкого гнета и завоевание национальной свободы. Крымская война показала балканским народам, что капиталистические державы Запада заинтересованы в сохранении турецкого господства на юго-востоке Европы и что помещичья Россия не обладает силами, достаточными для противодействия этой политике. Новая активизация политики России на Балканах в конце 50—60-х годов и энергичная политика Франции, острее которой одно время направлялось против Габсбургов, повлияли на внешнеполитическую ориентацию национальных деятелей южных славян. Международно-политическая неустойчивость в Европе (и внутри Австрийской империи) побуждала их смелее высказывать свои мысли и смелее действовать.

Экономическая экспансия германского и австро-немецкого капитала в Юго-Восточной Европе, связанная с завершением промышленного переворота в Германии и Австрии, а ввиду этого усиление агрессивности Австрии (Австро-Венгрии) и угроза того же со стороны Германии, шедшей к своему объединению, а затем объединенной,— все это представляло одно из важнейших внешних условий, в которых развивалось национальное движение южных славян.

Особенностью национальных движений южных славян были их разносторонние связи с Россией. Русское революционно-демократическое движение в 60—70-х годах начинает сказываться на идеологии борцов за свободу

Хорвагии. На их взгляды и деятельность повлияла освободительная борьба австрийских и балканских славян, а также народов Италии, Венгрии, Польши, Греции, Ирландии.

Указанные выше проблемы мало исследованы исторической наукой. Наконец, следует поставить вопрос о значении традиций национально-освободительного движения третьей четверти XIX в.

В основу исследования положены материалы советских хранилищ: Архива внешней политики России (АВПР), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ), отделов рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, архива Академии наук СССР и др. Эти материалы (дипломатические донесения, памятные записки политических деятелей, корреспонденция и др.) освещают общественно-политическую обстановку в Австрийской империи и южнославянских землях, идеологию и деятельность участников движения, политику держав. Автор ознакомился с рядом фондов архивов Югославии, содержащих сведения по истории национально-освободительного движения в Хорватии (переписка, судебные материалы, наброски программ, тексты листовок и др.). Речь идет об архиве Югославянской Академии наук и искусств в Загребе (JAZU), архиве С. Р. Хорватии, Музее гор. Загреба, Рукописном отделе Национальной и университетской библиотеки в Загребе.

Многочисленные данные о политической борьбе в Австрийской империи, в особенности в ее южнославянских землях, а также о политике Сербии в отношении Австрии и южных славян империи содержатся в сборниках документов. Это материалы хорватского сабора, 60-х — начала 70-х годов XIX в.⁶, переписка Рачкии — Штросмайер, изданная Ф. Шишичем (первый том, содер-

⁶ «Dnevnik sabora trojedne kraljevine Dalmacije, Hrvatske i Slavonije držana u glavnom gradu Zagrebu god. 1861». U Zagrebu, 1862 (а также стенограммы сабора за 1865—1867, 1868—1871 и последующие годы); «Spisi saborski sabora kraljevinah Dalmacije, Hrvatske i Slavonije od god. 1861», knj. I—IV. U Zagrebu, 1862.

жацій 400 писем, охватывает 1860—1875 гг.)⁷, наконец, австрийские законодательные акты⁸. Содержательна современная публикация документов о политике Сербии в интересующий нас период⁹. Серия «Материалов по истории хорватской литературы»¹⁰ и другие издания¹¹ освещают прежде всего идеологию и тактику национального движения. Сведения на этот счет имеются в публицистических брошюрах, речах, статьях участников движения. Иногда они собраны (не полностью) в специальных изданиях¹². Мемуары политических деятелей подчас являются органической частью их публицистики¹³. Множество данных имеется в хорватской печати.

Проблематике одного из ключевых периодов новой истории Хорватии посвящена обширная литература.

* * *

Основное внимание в нашей работе обращено на историю и идеологию политического движения в Хорватии и Славонии — областях, где сформировалось ядро хорватской нации, где находился центр ее политической мысли и где идейно-политическая борьба достигла более высокого уровня в сравнении с другими землями. Сведения о Далмации, Военной Границе, Истрии и т. д. сообщаются лишь в той мере, которая необходима для понимания проблем национального движения.

Так как идеология национального движения, представляющая центральный объект исследования, в разных землях была в сущности единой, такое распределение внимания автора, вынуждаемое объемом работы, допустимо и оправданно.

⁷ «Korespondencija Rački—Strossmayer»; knj. I—IV. Uredio F. Šišić (далее — F. Šišić. Korespondencija...). Zagreb, 1928—1931. См.: В. И. Фрейдзон. Корреспонденция Рачкий—Штросмайер как источник по истории Хорватии. «Славянский архив». М., 1959.

⁸ «Staatsgrundgesetze der Oesterreichischen Monarchie». Wien, 1861.

⁹ В. Вучкович. Политичка акција Србије у јужнословенским покрајинама хабсбуршке монархије. 1859—1874. Београд, 1965.

¹⁰ «Crada za povijest književnosti hrvatske», knj. 19, 26. Zagreb, 1950, 1956 (далее — «Crada»).

¹¹ Например: А. Palavrić, В. Zelić. Korespondencija Mihovila Pavlinovića. Split, 1962.

¹² А. Starčević. Djela, knj. I—III. Zagreb, 1893—1896; Т. Smičiklas. Nacrt života i djela biskupa J. J. Strossmayera. U Zagrebu, 1906.

¹³ А. Starčević. Nekolike uspomene. Zagreb, 1870; Е. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hrvatska», 1871, N 4—13.

*Национальное возрождение хорватов.
Австрийская реакция 50-х годов XIX в.
(краткие сведения)*

ХОРВАТЫ И ДРУГИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ
В СИСТЕМЕ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В третьей четверти XIX в. южные славяне находились в различных общественно-экономических условиях. Часть их жила под турецким господством, другая, в том числе основная масса хорватского народа, входила в состав Австрийской империи, третья — строила свои национальные государства.

Основным национальным центром сербского народа являлось княжество Сербия, вынужденное терпеть турецкие гарнизоны (до 1867 г.) и платить Турции дань. Самоотверженно отстаивала свою самостоятельность Черногория. Оба государства оказывали влияние на ход национального движения в других южнославянских землях.

В Австрийской империи сербы вместе с другими национальностями населяли Южную Венгрию — Бачку, Банат. Они обладали определенными «привилегиями», полученными от императора после массового переселения из турецких владений в XVII в. и заключавшимися в свободе отправления религиозного культа, праве иметь своего митрополита, преподавать в школах на родном языке и т. п. В Южной Венгрии (наряду с Сербией) возник очаг формирования сербской нации. Сербь составляли значительное меньшинство населения Хорватии, Славонии и Далмации¹ и примерно по-

¹ Имеется в виду австрийская провинция («королевство») Далмация, включавшая в свой состав быв. венецианские владения (округа

ловищу населения Хорватско-Славонской Военной Границы².

Словенский народ был раздроблен между несколькими землями Австрии и Венгрии.

Хорваты населяли «королевства Хорватию и Славонию»³, являвшиеся основным комплексом хорватских земель, основную территорию «королевства» Далмации и «маркграфства» Истрии, часть Военной Границы, междуречье Дравы и Нижней Муры (Меджимурье — до 1848 г. и после 1860 г. — в составе Венгрии), небольшие районы в Южной Венгрии (буневцы, шокцы), а вне империи — ряд районов Боснии и Герцеговины.

Хорватия и Славония занимали центральное положение среди южнославянских земель Австрийской империи. В 1857 г. они насчитывали 865,9 тыс. человек, в 1869 г. — 1160 тыс. (результат естественного прироста и территориальных изменений); Хорватско-Славонская Военная Граница — соответственно 674,9 и 696 тыс. человек, т. е. весь этот комплекс в 1869 г. — более 1,8 млн. человек⁴. Из них в Хорватии и Славонии католиков было около 83%, православных — более 15%; на Хорватско-Славонской Военной Границе — соответственно 49,3 и 48,3%⁵. В Далмации проживало 457 тыс. человек (1869 г.), в том числе католиков — более 82%, православных — около 18%. Менее 5% составляли итальянцы и итальянизированные горожане славянского происхождения. Тогда же население Истрии насчитывало 254,9 тыс. человек, из них

Задар, Сплит, Котор), а также территорию быв. республики Дубровник (Рагуза).

² Военная Граница — область военных поселений, в прошлом предназначенная для защиты империи от турецких набегов, была расположена вдоль южных рубежей Хорватии, Славонии и Венгрии. Часть ее, примыкавшая к Хорватии и Славонии, называлась «хорватско-славонской».

³ Под Хорватией в узком смысле понималась северо-западная часть современной С. Р. Хорватии с центром в Загребе. Славония — восточная часть междуречья Дравы и Савы. Так как после 1848 г. в административно-политическом положении Хорватии и Славонии не было различий, в работе они часто обозначаются как «Хорватия».

⁴ P. Matković. Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Zagreb, 1873, str. 33.

⁵ Там же, стр. 39.

южных славян — 69% (словенцев — 12%, остальные — почти все хорваты), итальянцев — 30%⁶.

Земли, заселенные хорватами, словенцами и сербами, отставали в экономическом отношении от центральных областей Австрийской империи. Все же Словения развивалась заметно более быстрым темпом.

Древнее Хорватское государство в 1102 г. вошло в состав земель венгерской короны св. Стефана на основе широкой автономии. В 1527 г. после поражения, нанесенного Венгрии турками, хорватские феодалы избрали королем Фердинанда Габсбурга. В конце XVII — начале XVIII в. австрийские войска вытеснили турок из Венгрии и Славонии.

Австрийские правящие круги, особенно в эпоху абсолютизма XVIII в., урезали и сводили на нет старинные «муниципальные права» хорватов — власть их сабора (сословного собрания) и бана (главы местной власти) — королевского наместника.

Хорватия и Славония все же сохранили свое особое положение в составе Венгерского королевства. Хорватский сабор посылал в венгерское государственное собрание (сейм) послов (нунциев), являвшихся представителями королевства. Законы сейма, касавшиеся Хорватии, не имели силы до провозглашения их в саборе. Бан назначался императором (королем). В 1712 г. сабор признал принцип нераздельности габсбургских владений и право на хорватский престол за женской линией Габсбургов. Император Карл VI подтвердил автономные права Хорватии. Эта хорватская «Прагматическая санкция» стала основным документом «государственного исторического права» Хорватии. В 1723 г. аналогичный акт был принят венгерским сеймом, причем здесь подчеркивалась неделимость земель венгерской короны, в состав которых входила и Хорватия.

Дворянские сословные учреждения Венгрии и Хорватии оставались органичной частью системы феодальной конституционности. Австрийской монархии не всегда

⁶ P. Matković. Geografsko-statistički nacrt Austrijsko-Ugarske Monarhije. U Zagrebu, 1874, str. 98, 141. Австрийская статистика учитывала вероисповедание и разговорный язык, что в условиях господства итальянского языка в общественной жизни и администрации приводило к искажениям данных (например, по данным 1869 г., в Далмации итальянцев — 10%).

удавалось игнорировать права дворянства, сплоченного вокруг сословных учреждений — сейма, вотировавшего налоги и определявшего число рекрутов, областных собраний, избравших местное чиновничество. В Хорватии сохранился национальный феодальный класс (хотя магнатство в значительной мере было инонациональным или мадьяризированным, в особенности в Славонии), своя государственная традиция. Это обстоятельство имело значение в период национального движения.

Венецианская Далмация и часть Истрии были присоединены к Австрийской империи в 1797 г., Дубровник — в 1815 г. Формально Далмация с Хорватией и Славонией составляли Триединое королевство — часть владений венгерской короны, однако объединены они не были. Далмация (как и Истрия) была подчинена австрийскому правительству.

Характер социально-экономического развития Хорватии и Славонии во второй и третьей четвертях XIX в. (см. гл. II) обусловил активизацию здесь политической борьбы. Это усиливало роль Хорватии среди остальных южнославянских земель Габсбургов.

Положение Хорватии и Славонии на пороге Балканского полуострова придавало им политический вес, больший, чем доля населения империи, приходившаяся на эти земли. Особое положение в этом смысле занимала и Далмация. «Без Хорватии и Далмации, от которых зависит сохранение флота и выход на морской простор, нет Австрийской империи», — отмечал русский посланник в Вене в 1867 г.⁷ Господство над узкой полосой Адриатического побережья, имевшей большое политическое и стратегическое значение, в частности, позволяло Вене контролировать экономические связи глубинных районов Балканского полуострова, которые австро-немецкая буржуазия все более считала своей сферой влияния и эксплуатации. Наконец, важное место продолжала занимать Военная Граница, армию которой Габсбурги использовали во всех войнах.

Австрийские власти планировали захват Боснии и Герцеговины с целью упрочить тыл своих владений на

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 163, т. 2, л. 450 (Вена), 1867 г. В дальнейшем в ссылках на материалы АВПР указание города (Фиуме и др.) означает, что донесение составлено соответствующим консульством или (Вена) посольством.

побережье и пресечь возможность возникновения на развалинах султанской Турции независимого южнославянского государства.

Это, наряду с итальянским и венгерским национальным движением, побуждало имперские власти особенно внимательно относиться к политическому положению в хорватских землях.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ХОРВАТСКИХ ЗЕМЛЯХ

Для всестороннего выяснения процесса формирования хорватской нации необходимы исследования в разных областях науки⁸.

Историческое развитие Триединого королевства и Боснии-Герцеговины привело на значительной территории к смешению католического и православного южнославянского населения, в массе единого по языку. Это, как и относительно слабое экономическое сплочение хорватских земель, создало особые условия для формирования хорватской нации. В середине XIX в. значительные слои населения еще не дифференцировались в национальном смысле, сохраняли силу локальные традиции. «Хорваты», «славонцы», «далматинцы» — эти этнонимы обозначали жителей соответствующих земель. «Серб» зачастую был синонимом православного.

Этническое родство южных славян принималось ведущей хорватской интеллигенцией за национальное единство. Экономические связи охватывали все хорватосербское население, проживавшее на обширной территории Хорватии, Славонии и Далмации совместно или чересполосно. Единство территории, языка, в ряде районов — экономики, многих черт культуры — все это способствовало представлениям о наличии единого южнославянского народа, нации.

В Хорватии (в узком смысле) уже в 50-е годы XIX в. имелись последовательные защитники «хорватизма», пропагандировавшие этноним «хорваты» как общенациональный.

⁸ Ход процесса в Далмации рассматривается в кн.: R. Petrović. Nacionalno pitanje u Dalmaciji u XIX stoljeću. Sarajevo, 1968. В советской литературе постановку вопроса см.: «Советское славяноведение», 1969, № 4.

Процесс национальной поляризации хорватов и сербов был связан с вероисповеданием. С давних времен среди хорватов и в Хорватском государстве господствовал католицизм, а среди сербов — православие. Это обусловило разные традиции, связи и влияния культурного и политического характера, что сказалось на культуре и мировоззрении населения. Условия жизни в средние века, когда принадлежность к определенной церкви была шитом народной самобытности (сербы в Турции и Австрии), а защита религии подчас — знаменем освободительного движения, сохранение остатков патриархальщины в XIX в., в пору формирования наций, отличия в социальной структуре хорватского и сербского населения, наконец, возникновение сербского национального ядра в православной Сербии — все это содействовало национальной дифференциации. Обстановка в Австрии и Турции способствовала отчуждению между католиками и православными. Исстари здесь правящие круги определяли свою политику в отношении разных этнических групп в зависимости от их религиозной принадлежности.

Очень важным обстоятельством было то, что в районах, где в эпоху подъема капитализма формировалось национальное ядро хорватов (вокруг Загреба) и сербов (княжество и Южная Венгрия), южнославянское население различалось не только по комплексу традиций, в том числе по религии (что уже являлось важным моментом), но также и по экономическим и государственно-политическим интересам обуржуазивающихся слоев.

По мере развития буржуазных связей вширь сознание национальных различий между хорватами и сербами вносилось буржуазией в народные массы на периферии указанных национальных очагов. Большую роль в этом сыграла церковь.

Религиозные различия как бы освящали все остальные, а религиозная принадлежность стала наиболее чувствительным регулятором национальной дифференциации населения. Религия, таким образом, была и особым фактором, влиявшим на национальное сознание, и освящением общественно-политических различий. Религия *не являлась* определяющим признаком нации вообще. Возникновению южнославянских наций были свойственны основные общественные закономерности этого процесса. Но религиозная принадлежность стала явственным

критерием стягивания населения в две родственные нации. В этих условиях субъективный момент — осознание отдельными лицами своей принадлежности к той или иной нации — являлся решающим в развитии процесса национальной дифференциации и консолидации населения значительных территорий⁹.

ХОРВАТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

После наполеоновских войн в Австрийской империи установился реакционный режим. Среди угнетённых наций широкое недовольство проявилось в Венгрии, где обуржуазивающееся дворянство боролось за лучшие условия для национальной экономики. Но эти же цели побуждали его добиваться упрочения своих позиций в расположенных на путях к морю и на Балканы хорватских землях, стремиться к ликвидации остатков автономии Хорватии и Славонии. Так, в условиях австрийского гнета назревал венгеро-хорватский конфликт. Вообще с развитием капитализма национальные противоречия стали играть все большую роль в жизни империи.

В 30—40-е годы XIX в. у хорватов происходил подъём национального движения¹⁰. Социальной основой движения являлись часть дворянства и буржуазия. Аристократия возглавила провенгерскую группировку («мадьяроны»), враждебную национальному движению.

Имперские власти, вынужденные делать уступки то венграм, то хорватам, лавировали, стремясь найти в Хорватии противовес более опасному для Габсбургов венгерскому национальному движению.

Идеологи национального Возрождения — Людевит Гай, Иван Кукулевич-Сакцинский, граф Янко Драшкович и другие — исходили из факта этнической близости всех южных славян, из представления об их национальном единстве¹¹. Считая, что южные славяне явля-

⁹ Осознание населением факта принадлежности к особой нации является важнейшим свидетельством степени зрелости процесса национальной консолидации. В. И. Ленин считал, что данная этническая общность составляет особую нацию, «безразлично, отличается ли она языком, если она чувствует себя другим народом». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 105.

¹⁰ См.: И. И. Лешиловская. Иллиризм. М., 1968.

¹¹ J. Šidak. Južnoslavenska ideja u Ilirskom pokretu. «Jugoslovenski istorijski časopis» (далее—ИИС), 1963, № 3.

ются потомками древних иллирийцев, деятели хорватского Возрождения называли их иллирийским народом. В связи с этим хорватское национальное Возрождение получило название иллирийского движения, иллиризма.

Население Хорватии, Славонии, Далмации и Военной Границы говорило на трех диалектах хорвато-сербского (или сербско-хорватского) языка: штокавском, кайкавском и чакавском¹². Наиболее распространенным являлся штокавский, свойственный и сербскому населению обширных районов юга Австрийской империи, Сербии, Боснии, Герцеговины и др. В районе Загреба распространен кайкавский диалект. Иллиры добились признания хорватской интеллигенцией штокавского диалекта в качестве национального литературного языка. Реформа открыла путь к национальному сплочению хорватов вокруг Загреба и ядра нации, сложившегося в этом районе.

Усилиями деятелей иллиризма были созданы национальные учреждения — читальни, ставшие центрами общественно-политической и культурной жизни, театр, музей и другие, возникли газета и фонд для издания и распространения книг («Матица иллирийская»). Сторонники иллиризма начали преподавание хорватского языка. Ускорилось развитие национальной литературы. Накануне 1848 г. иллиры стали внедрять родной язык в официальные учреждения Хорватии и Славонии.

Иллиризм выдвинул программу литературно-языкового и культурного слияния южных славян, видя в этом условие их политического объединения в дальнейшем. Иллиры, приняв штокавский диалект в качестве национального литературного языка, осуществили решающий шаг к языковому единству хорватов с сербами.

В политической области иллиризм выдвинул программу объединения хорватских земель, расширения их автономии (равноправия с Венгрией).

Иллиризм, возникший в Хорватии (тогдашнем «королевстве Хорватия» — в районе Загреба, Карловаца, Вараждина, Сисака), ввиду недостаточно продвинувшегося процесса национального развития, нашел меньший отклик даже в тех землях, где в дальнейшем сложилась

¹² Названия связаны с произношением местоимения «что» («што», «ча» и «кай»).

хорватская нация (Славония, Далмация и др.). Как движение хорватское, иллиризм получил небольшой отклик в словенских и сербских землях.

В обстановке краха реакционного режима иллирийская группировка в марте 1848 г.¹³ выдвинула требование объединения хорватских земель, национального правительства, ответственного перед сабором, демократических свобод, ликвидации сословных привилегий и феодальной зависимости крестьян. Лидеры иллиризма поддержали назначение двором на пост бана полковника Йосипа Елачича, верного императору и вместе с тем близкого национальному движению. Это олицетворяло их линию на компромисс с двором. В условиях революции Елачич издал манифест об освобождении крестьян. Венгерское конституционное правительство, созданное в марте 1848 г., отказалось признать самостоятельность Хорватии (даже в рамках земель св. Стефана).

Иллиры выступили за преобразование Австрийской империи на конституционных и федералистских началах¹⁴.

В мае 1848 г. сербская скупщина (конгресс) в Сремских Карловцах провозгласила создание автономной области (Воеводины) в составе Венгрии. Но венгерские власти попытались силой подавить сербское национальное движение. Это вызвало вооруженное сопротивление сербского народа. Конфликтом воспользовалось австрийское правительство.

Хорватский сабор выдвинул проект объединения южнославянских земель империи. Это объединение, по мнению иллиров, могло стать одной из федеральных единиц государства.

Елачич, получивший от сабора диктаторскую власть, действовал в соответствии с настроениями иллиров. Он отстаивал автономию Воеводины и ее союз с Хорватией. Вместе с тем в качестве условия примирения с Венгрией он, тайно поддерживаемый частью придворных кругов, потребовал восстановления компетенции имперского правительства в областях военной, иностранных дел, торгов-

¹³ Изложение событий 1848—1849 гг. см. в кн.: «История Югославии», т. I. М., 1963, гл. 29.

¹⁴ О политике иллирийской партии в 1848 г. см.: «Aktenstücke zur Geschichte des kroatisch-slavonischen Landtages und der nationalen Bewegung vom Jahre 1848». Wien, 1861.

ли и финансов (суд, школу, местную администрацию, церковные дела и ряд других иллиры стремились сохранить в автономном ведении). Таким образом, сторонники сохранения Австрийского государства в виде «федерации равноправных народов» выступили против достижений венгерского национального движения, тенденцией которого был раскол империи.

Летом 1848 г. хорватское правительство (банское вече), возникшее в ходе революции, пользовалось широкой самостоятельностью. Но 11 сентября 1848 г. войска Елачича вторглись в Венгрию. Окрепшая с их помощью реакция в 1849 г. перешла в наступление против национальных прав самой Хорватии, постепенно ликвидируя политические достижения иллиризма.

Провозглашенная Францем-Иосифом в марте 1849 г. централистская конституция нанесла удар хорватским либералам. Согласно конституции 1849 г., Хорватия и Славония становились независимыми от Венгрии. Далмация «временно» оставалась особой имперской территорией¹⁵. В состав Хорватии были включены Приморье и Риека. С целью ослабления Венгрии из нее была выделена область «Воеводина Сербия и Тамишский Банат», которая управлялась австрийскими бюрократами. Словенские земли по-прежнему остались раздробленными. Таковы были первые безрадостные итоги событий 1848—1849 гг. для южных славян империи.

Наступление реакции продолжалось. В 1850 г., правда, Франц-Иосиф признал права национального языка в делопроизводстве Хорватии и Славонии, утвердил ряд законов сабора 1848 г., обещал уважать «особые учреждения этих земель» и т. п. В Загребе было учреждено архиепископство.

Трудные условия развития хорватского национального движения, которому приходилось бороться против давления австрийских и венгерских правящих кругов, против германизаторских тенденций австрийской буржуазной демократии, недостаточный уровень национального движения южнославянских народов вообще (вне монархии) — все это способствовало трагическому исходу событий 1848—1849 гг. К тому же либеральное большинство

¹⁵ «Aktenstücke...», S. 192; R. Horvat. Hrvatski preporod u Dalmaciji. Zagreb, 1935, str. 5.

иллиризма само содействовало победе австрийских реакционных сил, от власти которых хорватские либералы хотели избавиться.

Несмотря на победу абсолютизма, прогресс хорватского общества, достигнутый в период иллирийского движения, было невозможно свести на нет. Большие права, которыми Хорватия располагала в 1848 г., укрепили традицию борьбы народа за национальную свободу.

АБСОЛЮТИЗМ 50-Х ГОДОВ И ПОЛИТИКА ГЕРМАНИЗАЦИИ

После поражения революции власть в Австрийской империи сосредоточилась в руках придворной аристократии, опиравшейся на армию, бюрократию, духовенство.

31 декабря 1851 г. Франц-Иосиф формально отменил конституцию 1849 г., так и не вступившую в силу. В интересах земельной аристократии и крупного австро-немецкого капитала установился абсолютистский режим. Министром внутренних дел стал А. Бах, задачей которого было проведение реформ, обусловленных капиталистическим развитием государства.

В 1852 г. на Хорватию был распространен австрийский гражданский кодекс 1811 г., созданный в интересах защиты частной собственности, были введены австрийские уголовный и процессуальный кодексы, прокламировано равенство граждан перед законом. В 1854 г. завершилась унификация управления. В Хорватии, по замечанию современника, были введены «немецкие законы»¹⁶.

Законодательство 50-х годов устранило ряд элементов прежнего феодального права. Но оно проводилось в интересах господствующей нации и сопровождалось германизацией всей государственной машины. Немецкий язык по всей империи (кроме Ломбардии и Венеции) был объявлен деловым языком администрации, языком преподавания в средних школах. В «императорско-королевском наместничестве» (как стало называться правительство Елачича) и на местах чиновничьи посты заняли пришедшие вышколенные бюрократы. В Хорватии их прозвали «баховыми пиратами».

¹⁶ В. И. Фрейдзон. О жизни и деятельности Евгения Кватерника. «Славянское возрождение». М., 1966, стр. 141.

В условиях наступления реакции национальные хорватские круги стремились «спасти хоть что-нибудь»¹⁷ из достижений 40-х годов, прежде всего хорватский язык в школе и учреждениях. Филологи занимались исследованием норм литературного языка. В начале 50-х годов на нем были созданы учебники¹⁸. Но после разгрома демократического движения спасти свободу национальной культуры было невозможно.

В Хорватии и Славонии преподавание в гимназиях было переведено на немецкий язык в 1854 г.¹⁹ Аппарат власти с его делопроизводством на немецком языке стал еще более чуждым народу. Крестьянин искал переводчика, чтобы понять «австрийские фирманы», — писал хорватский публицист²⁰. Даже названия населенных пунктов переименовывались: Лепоглава — Шенхаупт, Липник — Линденау и т. п.²¹

Жандармерия установила контроль над общественной, культурной и даже семейной жизнью граждан. Расцвели шпионаж и доносы. В 1855 г. Австрия заключила конкордат с папством. Церковь получила более широкие возможности надзора за обществом и школой. Епископы могли требовать уничтожения любой книги. Вместе с тем австрийские власти несколько расширили сеть начальных школ²². Правительство нанесло удары по национальным учреждениям: были закрыты читальни, газеты.

Германизаторская политика не дала результата. Едва в 1859—1860 гг. обруч абсолютистского режима ослабел, новый этап национального движения начался на почве, уже подготовленной иллиризмом: сразу же на родном языке возродились оппозиционная печать, школьное просвещение, вся общественно-политическая жизнь.

¹⁷ «J. J. Strossmayer. Dokumenti i korespondencija», I. Zagreb, 1933, str. 64, 66.

¹⁸ B. Sulek. Naš napredak u prirodnih znanostih za minulih 50 godinah. «Rad JAZU», sv. 80. Zagreb, 1885, str. 112; N. Andrić. Pod apsolutizmom. U Zagrebu, 1906, str. 18.

¹⁹ N. Andrić. Указ. соч., стр. 18, 19.

²⁰ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 9.

²¹ J. Trdina. Spomeni. Zbrano delo, III. Ljubljana, 1951, str. 267.

²² «Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj». Zagreb, 1958, str. 111—113.

*Начало подъема
национально-освободительного движения
в хорватских землях.
1859—1861 гг.*

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
В ХОРВАТИИ В 50-х—60-х ГОДАХ XIX в.—
УСЛОВИЕ НОВОГО ПОДЪЕМА
НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Отмена феодальной зависимости крестьян была реальным результатом политической борьбы в Австрийской империи в 1848—1849 гг. В третьей четверти XIX в. здесь завершался промышленный переворот. Добыча угля в 1850 г. составила 887,8, а в 1859 г.— 3 131 9 тыс. т., черных металлов — 162 и 317,3 тыс. т.¹ Число паровых машин в промышленности с 1852 по 1863 г. возросло с 630 до 2841, их мощность — с 8,4 тыс. л. с. до 44,4 тыс.² Коренные изменения происходили в транспортном деле: от Вены к окраинам государства и к морю прокладывались железные дороги³, быстро возрастал тоннаж парового флота.

В 1851 г. была устранена таможенная граница, отделявшая Венгрию, Хорватию и Славонию от австрийских земель. Были снижены или отменены импортные пошлины на ряд изделий. Резко ускорился процесс сплочения земель империи в едином рынке.

Ведущее место в индустриальном развитии занимали австро-немецкие и чешские земли. Австро-немецкая буржуазия далеко превосходила по своей мощи любую инонациональную буржуазию империи. Этим определялось экономическое развитие остальных земель государства.

¹ См.: D. Sabolović. Imbro Ignjatijević Tkalac. Zagreb, 1957, str. 14, 15.

² «Statistisches Jahrbuch der Oesterreichischen Monarchie für das Jahr 1863». Wien, 1864, S. 205.

³ См.: «Statistisches Handbuch der Österreichisch—Ungarischen Monarchie für das Zeitraum 1867—1876». Wien, 1878, S. 101.

Борьба с революцией, войны 50—60-х годов, рост бюрократического аппарата, финансирование строительства железных дорог и т. п. опустошали имперскую казну. Государственный долг, превысивший в середине 60-х годов 2 млрд. гульденов, тяжким грузом лежал на австрийских финансах⁴. Правительство повышало налоги.

В Хорватии наряду с зерновым хозяйством и животноводством большую роль играло виноградарство. Господствующую позицию в сельском хозяйстве занимало помещичье землевладение. Больше половины магнатских земель принадлежало венгерской и австрийской аристократии⁵. Большинство крупнейших имений находилось в Славонии. В собственно Хорватии преобладали хозяйства среднего и мелкого дворянства. Кроме того, в Хорватии (Турополе и др.) имелся слой дворян-однородцев, фактически в 50—60-х годах — свободного крестьянства. Эти различия в общественной структуре между Хорватией и Славонией влияли на расстановку здесь политических сил.

В 50-х годах австрийское правительство продолжило аграрные преобразования. В 1848 г. сабор гарантировал компенсацию помещикам за освобождение крестьян от урбариальных повинностей (барщины, оброка) и церковной десятины⁶. Ряд монопольных прав помещиков (на устройство рынков, торговлю вином и др.), их административная и судебная власть были отменены⁷. Но множество вопросов ждало решения.

Императорский указ (патент) 1853 г. в основном соответствовал решению 1848 г.: ликвидации за выкуп подлежали лишь урбариальные повинности. Выкупной фонд составлялся за счет специального налога на население:

⁴ «Pozor», 15.V 1866.

⁵ В конце XIX в. 60% площади крупных поместий (свыше 560 га) принадлежало нсхорватам. См.: В. Корач. Чиј земља у Југославији? Београд, 1920, стр. 27.

⁶ Урбариальные повинности — зафиксированные властью в XVIII в. обязательства крестьян в отношении помещиков за пользование точно определенными наделами.

⁷ R. Bićanić. Oslobodjenje kmetova u Hrvatskoj. «Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici». Zagreb, 1952; И. И. Лещиловская. Отмена крепостного права в Хорватии и Славонии в 1848 г. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». М., 1961, стр. 317—330.

помещикам выдавались выкупные облигации. Операция по выкупу планировалась на 40 лет⁸.

После 1848 г. помещицкому хозяйству не хватало ни капиталов, ни рабочей силы. Несмотря на наличие отработок и издольной аренды⁹, в конце 50-х годов в крупных имениях не обрабатывались обширные территории. Кредит предоставлялся на неблагоприятных условиях (24—36% в год)¹⁰. Мелкие и среднепоместные дворяне разорялись. Выкупные платежи уходили из рук помещиков к кредиторам. Дворянской собственностью овладевала буржуазия, по преимуществу инонациональная¹¹. Несмотря на то, что крупные землевладельцы тоже испытывали затруднения¹², они постепенно перестраивали экономику своих имений.

В этих условиях помещики, стремясь получить больше денежных средств, добивались закона о гарантированном казной выкупе крестьянами неурбарриальных участков¹³. Но правительство не видело возможности заставить крестьян нести еще более тяжелую ношу налогов.

Помещики предприняли ожесточенное наступление на интересы крестьянства, на его права на неурбарриальные и общинные земли. Крестьяне испокон веков держали на правах арендаторов виноградники («горные земли») и несли за это «горницу» — натуральную и денежную повинность¹⁴. «Горные земли», как и другие неурбарриальные участки, являлись базой множества крестьянских хозяйств. Вместе с тем они служили важнейшим

⁸ «Dnevnik sabora... 1868—1871», str. 478, 479.

⁹ E. Kvaternik. Hrvatski glavničar, Zagreb, 1863, str. 23, 24; J. Medarić. Historijski uvjeti razvoja sistema iskorištavanja zemljišta u Požeškoj kotlini od oslobođenja seljaštva do kraja segregacije (1848—1886). «Zbornik radova Ekonomskog fakulteta», V. Zagreb, 1958, str. 872—880.

¹⁰ V. Krestić. Seljački nemiri u Hrvatskoj i Slavoniji šezdesetih godina XIX vijeka. «Zbornik Historijskog instituta», 5. Zagreb, 1963, str. 430.

¹¹ E. Kvaternik. Hrvatski glavničar, str. 111.

¹² Например: «J. J. Strossmayer. Dokumenti i korespondencija», I, str. 340, 341.

¹³ Lj. Kuntić. O nekim osnovama za politiku hrvatskih građanskih stranaka u XIX stoljeću. «Radovi Filozofskog fakulteta u Zagrebu. Odsjek za povijest», br. 2 (1959), str. 55.

¹⁴ B. Stojasavljević. Gornjaci. Zagreb, 1959.

источником дохода помещиков¹⁵. В 1848 г. крестьяне отказались нести повинности за неурбарильные земли, но в 50-х годах помещики стали взыскивать недоимки за многие годы. При этом имели место судебный произвол, злоупотребления и даже сгон крестьян с земли. Повинности за неурбарильные земли, выкуп их и острые конфликты на почве прежних феодальных связей сохранились до XX в.

Пастбища и леса, имевшие решающее значение для экстенсивного хозяйства, являлись другим важным объектом классовой борьбы¹⁶. Ранее принадлежавшие общинам, они к 1848 г. (в Хорватии — в значительной мере, а в Славонии — почти полностью) были захвачены помещиками, и крестьяне пользовались ими за отработки и оброк. В годы перестройки помещичьего хозяйства торговля лесом стала одним из важных источников доходов помещиков¹⁷. По мере улучшения коммунаций цена на древесину поднималась. Это позволило владельцам крупных поместий в 60-х годах постепенно выйти из кризиса. Поэтому помещики стремились гарантировать себе исключительное право на леса.

Патент 1857 г. определил порядок ликвидации крестьянских лесных сервитутов и раздела (сегрегации) лесов и пастбищ между помещиками и крестьянами. Это размежевание, по существу очередная экспроприация крестьянства, развернулось в 60—70-х годах и еще более накалило обстановку. Крестьяне подвергались репрессиям за порубку «помещичьих» лесов и т. д. Захват помещиками лесов и пастбищ привел к резкому снижению поголовья скота в 50-х годах XIX в.¹⁸ Нередко помещики после сегрегации сдавали леса в аренду. Острая борьба за леса и пастбища продолжалась вплоть до краха империи Габсбургов. Вслед за сегрегацией осуществлялась комасация (землеустройство, округление) имений помещиков. При этом крестьяне лишались лучших участков.

Австрийские власти сохранили некоторые феодальные

¹⁵ Например: В. L. Hellenbach]. Misli o socialnoj politici u Austriji. U Zagrebu, 1862, str. 12.

¹⁶ В. Stojavljević. Suma i paša u borbi sela u Hrvatskoj i Slavoniji poslije 1848. Zagreb, 1961.

¹⁷ См.: I. Karman. Valpovačko vlastelinstvo. Zagreb, 1962.

¹⁸ V. Krestić. Seljački nemiri..., str. 434.

привилегии помещиков (регальные права: *jura regalia* *minoga*) — право круглый год продавать вино в корчмах, устраивать перевозки, охотиться и т. п.

В таких условиях помещики расширяли наем работников, завозили машины, стали применять достижения агрономии¹⁹. Они были озабочены дешевой транспортировкой леса и хлеба к морю, вопросами кредита, снижения поземельного налога, которым дворянство Хорватии и Славонии было обложено с 1848 г. До 1867 г. они проявляли недовольство режимом, по их мнению, не учитывающим интересы землевладельцев, и требовали участия в определении государственной политики. В Хорватии эти настроения, естественно, приобретали характер национальной оппозиции²⁰. Но класс помещиков стремился достичь своих целей в единстве с мощным венгерским дворянством путем соглашения с Веной.

В хорватской деревне сохранялось множество пережитков прежних производственных отношений, издольная аренда и отработки. Крестьянская община, опекаемая чиновниками, не могла свободно распоряжаться своими владениями (главным образом пастбищами). Хотя руководящее положение в общине переходило к зажиточной верхушке села и имели место противоречия внутри крестьянства, все же оно в целом противостояло классу помещиков. Одним из остатков старины являлась патриархальная семья (задруга). Мобилизация земли, развитие ипотечного кредита и интенсификация хозяйства были крайне затруднены ввиду семейной собственности на землю и отсутствия права у крестьян свободно распоряжаться участком задруги. В условиях роста товарно-денежных отношений после 1848 г. распад задруг ускорился. Поскольку законы феодального времени тормозили раздел задруг, последние делились нелегально. Австрийский капитал, местные помещики и часть буржуазии, изыскивавшие рабочую силу, стремились форсировать распад задруг, и этот вопрос стоял в центре дискуссий того времени.

Неурегулированность прав на землю и другие пережитки прошлого тормозили развитие производительных сил сельского хозяйства. К эксплуатации со стороны помещиков присоединялся гнет ростовщиков и скупщиков. Голод неоднократно охватывал Хорватию и Славонию.

¹⁹ J. Medarić. Указ. соч., стр. 879.

²⁰ См.: В. Л. Н[елленбах]. Мисли...

Крестьянство несло на себе всю тяжесть эксплуатации австрийским государством: непосильные налоги, государственные и местные, трудовую повинность; оно подвергалось телесным наказаниям, терпело произвол чиновников. К недоимщикам посылались на постой солдаты, имущество недоимщиков распродавалось с молотка. Вплоть до XX в. было в силе особое законодательство о бывших крепостных крестьянах. Крестьянство находилось внизу общественной лестницы.

Значительное расслоение крестьянства в Хорватии и Славонии было унаследовано от феодализма²¹. Но в собственно Хорватии, очевидно, преобладали средние по размерам хозяйства²². Развитие капитализма в деревне стало ускоряться позднее — в 70-х годах. Еще в начале 70-х годов в имениях помещиков наемные работники местного происхождения составляли небольшую часть, в основном же это были словенцы-отходники²³. Но в Приморье в 50—60-х годах население уже широко втянулось в работу по найму (судостроение, мореплавание, бурлачество, лесоразработки). Полуфеодалные отношения в деревне определяли облик страны в целом.

Требовалось систематическое насилие властей, чтобы удерживать массу народа в подчинении. Крестьяне стремились свободно владеть по крайней мере тем, чем они пользовались, а также вернуть захваченное помещиками в последний период. Они боролись различными способами — от жалоб сабору, бану, императору, длительных судебных тяжб с помещиками, протестов одиночек, порубки леса, потрав до столкновений с помещичьими служащими, чиновниками финансового ведомства, гайдучества и даже организованных вооруженных выступлений. Правительство отвечало конфискацией имущества, палками, кандалами, каторгой, расстрелами. Множество людей годами без суда содержалось в тюрьмах²⁴.

Наиболее крупные крестьянские волнения произошли в 1866—1867 гг. Так, в Бистрицком котаре (районе)

²¹ См.: M. Mirković. *Ekonomska historija Jugoslavije*. Zagreb, 1958, str. 220.

²² См. например: B. Stojsavljević. *Šuma i paša...*, str. 133, 134, 137, 145, 156.

²³ J. Medarić. Указ. соч., стр. 864; «Hrvatska» (Zagreb), 15.I.1871.

²⁴ См.: F. Šišić. *Korespondencija...*, I, str. 327, 328.

Хорватии власти пытались заставить крестьян ряда сел выкупить повинность за пользование лесом и неурбанизированной землей, принадлежавшими барону А. Шлиппенбаху²⁵. На 25 мая 1866 г. была назначена распродажа имущества 60 семей с. Подградье. Крестьяне «начали сговариваться в избах и церкви... и решили силой воспротивиться конфискации, считая, что они не обязаны платить... В этом мнении их утверждал указ Елачича, сохраняемый некоторыми жителями как завет»²⁶. В день аукциона толпа, «готовая к злодеянию», изгнала из села судебного исполнителя. Через полгода в село была направлена сотня солдат. Она наткнулась на отряд крестьян из нескольких сел числом до 400 человек. Крестьяне «разместились стратегически вполне грамотно», ожидая солдат с оружием в руках (ружья, вилы, косы, колья). Указывая на бумагу с манифестом Елачича, жители кричали: «Вот наши права». Согласно официальной версии, солдаты, «обороняясь», убили четырех жителей и нескольких ранили. Девятнадцать человек были присуждены к тюремному заключению (до 5 лет). Любопытно, что «народ, бунтуя, вспоминал известного в нашей истории Губеца, говоря, что его времена должны наступить вновь, что господ надо перебить и тогда станет хорошо». В народе в течение 300 лет сохранялась память о руководителе крестьянского восстания в 1573 г. Но все это своеобразно свидетельствует и о социальных отношениях в 60-х годах XIX в.

Кровопролитное столкновение произошло в июле 1867 г. в имении баронов Раух в районе гор. Карловац²⁷. Было убито 9 и ранено 36 человек²⁸. Крестьянское движение ввергло помещиков в панику²⁹.

Напряженное положение в деревне («непрерывная череда конфликтов, даже кровавых столкновений... между бывшими крепостными и органами власти»³⁰) накладывало печать на позицию политических группировок

²⁵ См.: «Pozor», 11.III 1867; V. Krestić. Seljački nemiri...

²⁶ Речь идет о манифесте 1848 г. о ликвидации феодальных повинностей. Крестьяне толковали его в нужном им смысле.

²⁷ См.: «Pozor», 5.VIII 1867. См. также: V. Krestić. Seljački nemiri..., str. 420 и далее.

²⁸ V. Krestić. Seljački nemiri..., str. 425 (официальные данные).

²⁹ Там же, стр. 427, 428.

³⁰ Из обращения сабора к императору. «Pozor», 10.I 1867.

дворянства и буржуазии в 60-х годах. Помещики и более богатое купечество искали сотрудничества с властью. В то же время национальная буржуазия пыталась несколько притупить противоречия в деревне.

Крестьянство сколько-нибудь существенно не участвовало в национальном движении, хотя было оппозиционно настроено к существующему строю. Объективно целью крестьянства была решительная демократизация всей социальной и политической жизни Хорватии. Хотя борьба крестьянства не сливалась с национальным движением, она являлась стимулом к распространению демократических освободительных идей³¹.

* * *

В деловой активности национальной буржуазии ведущее место занимала торговля. В 1857 г. в Хорватии и Славонии насчитывалось 1800 торговцев, объединенных в корпорации (гremии)³². Наибольшее значение имела экспортно-импортная торговля (вывоз сельских продуктов и леса, ввоз промышленных изделий из Австрии и заграницы и т. д.) и транзит. Важные позиции в торговле занимал австро-немецкий капитал, а в вывозе леса широко участвовал также французский и германский.

До проведения железных дорог по Хорватии, Славонии и Военной Границе пролегал важнейший торговый путь из Южной Венгрии, Сербии, Боснии, Валахии к Адриатическому морю³³. Товары везли по Дунаю и Саве, а от Карловаца гужевым транспортом, главным образом к портам Приморья и далее морем за границу, а также в Далмацию. Сава связывала центр Хорватии с собственно Австрией, со словенскими землями. Центры торговли, перевалки грузов, ремесла и мануфактуры — Карловац, Сисак, морские порты поднялись на этой торговой магистрали. Лес, хлеб, кожа, табак, шерсть, мед, воск, сало, вино, сушеная слива и другие товары сбывались более чем на 30 млн. флоринтов в год — таков

³¹ О национально-радикальных и близких крестьянству демократических кругах см. гл. IV.

³² Статистику см.: J. S a z i. Prva radnička društva u Hrvatskoj. Zagreb, 1957, str. 358.

³³ И. И. Лещиловская. Из истории торговли Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в. «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XXIV. М., 1962.

был оборот Сисака в начале 60-х годов XIX в. Через Карловац и Сисак ежегодно приходили сотни тысяч тонн разных грузов³⁴. Хорватские купцы, связанные с оптовиками Австрии и заграницы, сколотили немалые капиталы (Враницани, Црнадаки, Турковичи и др.).

На востоке важнейшую роль играли перевозки из Турецкой империи в Венгрию и обратно. Центрами торговли здесь были Осиек, Вуковар, Земун. Ярмарка Осиека стягивала купцов из турецких владений, осиецкие оптовики (хорваты и сербы, немцы и венгры) держали в руках снабжение Боснии и более отдаленных районов Балканского полуострова австрийскими изделиями и посредничали между Турцией и крупнейшим сельскохозяйственным рынком Пешта³⁵. Особую заинтересованность национальная буржуазия проявляла в улучшении условий торговли с Боснией. Купечество просило об учреждении там новых австрийских консульств³⁶.

В 50-х годах ввиду успехов промышленного переворота в Австрии зависимость национальной буржуазии от австрийских торговых компаний, банков, пароходных обществ и т. п. усилилась. Много торговцев инопатриотического происхождения обосновалось в хорватских землях. Купечество Загреба было связано с крупными центрами империи. Не случайно торгово-промышленная палата в Загребе в начале 50-х годов ходатайствовала о введении единой общеимперской системы мер³⁷.

Более значительные хорватские города — Загреб, Сисак, Вараждин, Карловац и другие — являлись экономическими центрами обширных районов не только гражданской Хорватии, но и соседних земель³⁸. Существовала сеть крупных областных рынков, связанных между собой. На этих рынках местной буржуазии принадлежали важные позиции. Но решающую роль в консолидации имперского рынка играл австро-немецкий капитал.

³⁴ «Denkschrift über die Notwendigkeit und die Bedeutung einer Eisenbahn von Semlin nach Fiume mit Abzweigung nach Zengg, Essek und Brod». Wien, 1864, S. 47, 49; N. Krešić. 50-godišnjica trgovačko-obrtničke komore u Zagrebu. 1852—1902. Zagreb [1902], str. 29.

³⁵ N. Pivašić. Trgovačko-obrtnička komora za Slavoniju u prvih pedeset godina njenoga opstanka. I. Osijek, 1904; K. Firinger. Prva osiječka gospodarska izložba. «Osiečki zbornik». VII. Osijek, 1960.

³⁶ См. например: «Spisi saborski... od god. 1861», sv. III, str. 19.

³⁷ N. Krešić. Указ. соч., стр. 5.

³⁸ См.: «Dnevnik sabora... 1868—1871», str. 106, 107.

Вместе с тем развивались экономические связи между разными южнославянскими землями.

Между населением словенских земель, Хорватии Славонии, Военной Границы, Боснии издавна систематически осуществлялся оживленный обмен³⁹. На ярмарки в Карловац и в населенные пункты Границы собирались тысячи жителей нескольких полковых округов, а также гражданских земель и Боснии. Столь же прочными были связи Далмации с Боснией, Герцеговиной и Черногорией, Славонии — с Сербией и Южной Венгрией. Всюду один язык, подчас общие нужды и заботы народа.

Как указывалось, миграции южнославянского населения привели к его территориальному смещению и сближению в хорватских землях. Капитализм резко усилил этот процесс. Крестьяне Словении отправлялись на заработки в хлебородную Славонию. Население Хорватии, Славонии, Военной Границы и Боснии работало на большом торговом пути (бурлаки, мастеровые и грузчики, лесорубы и т. д.). Рынок труда сближал южнославянское население разных земель.

Таким образом, хорватская экономика тесно переплеталась с экономикой соседних народов Австрийской империи и Балкан. При этом экономические связи между отдельными хорватскими землями, например Хорватией и Далмацией, а тем более Истрией, подчас были менее интенсивными, чем между Хорватией и Крайной (Словенией), Славонией и Южной Венгрией (Воеводиной) и Сербией и т. п. Как увидим, все это сказалось на идеологии хорватского национального движения⁴⁰.

Торговая буржуазия была заинтересована в улучшении условий транспортировки товаров. Традиционный путь был дорогим, долгим, ненадежным, функционировал лишь часть года. Он не мог обеспечить успешную конкуренцию хорватов на мировом рынке, в частности, с быстро возраставшим в 50-х годах XIX в. экспортом хлеба из Одессы⁴¹. Особое значение придавалось поэто-

³⁹ См. в частности: J. Šorgn. *Ekonomске zveze Slovencev in Hrvatov v novi dobi*. «Prilozi za ekonomsku povijest Hrvatske». Zagreb, 1967, str. 71—79.

⁴⁰ Проблема истории национального рынка еще недостаточно изучена хорватской историографией.

⁴¹ См.: «Denkschrift...», 56, 57, 68; В. Л. Н[елленбах]. *Misli...* str. 13; А. Старчевич. *Djela*, knj. I, str. 210.

му проекту железной дороги Банат — Славония — Хорватия — Адриатика (дорога Земун — Ријека⁴², которую можно назвать трансхорватской магистралью). В стремлении развивать железнодорожную сеть сказались близость интересов помещиков и богатой хорватской и сербской буржуазии. Но австрийские власти руководствовались иными интересами.

Хорватию связала с центром империи и крупнейшим ее портом Триестом дорога Штейнбрук (Зидани мост — на границе Хорватии и Словении) — Загреб — Сисак (1862 г.). Строительство вел международный консорциум «Зюдбанн» («Общество Южной железной дороги»). Дорога не удовлетворяла большинство торговой буржуазии и помещиков как потому, что не коснулась Славонии, так и ввиду высокого тарифа. В начале 60-х годов было использовано много красноречия, чтобы убедить Вену в выгодах экономического, социального и стратегического характера, которые принесла бы империи дорога Земун — Ријека. Бан с этой целью созвал совещание крупных помещиков и торговцев⁴³; действовал специальный «железнодорожный» комитет. Но дело не продвигалось. Это вызывало возмущение в Хорватии⁴⁴.

Проведение дороги к Загребу и Сисаку, стянувшей к себе поток товаров, нанесло тяжелый удар торговле хорватского Приморья и Карловаца, извозному промыслу, привело к разорению множества мелких торговцев, владельцев барж и т. п., лишило работы бурлаков. Объем перевозок от Карловаца к морю сократился в 10 раз⁴⁵.

Процессу экономического сплочения хорватских земель препятствовала финансовая политика властей: исходя из внешнеэкономических соображений, правительство сохраняло особый таможенный режим в Далмации и части Истрии. Эти районы были отделены таможенной границей от соседних территорий.

Экономические условия Хорватии, экономическая политика Австрии, а затем (с 1867 г.) Венгрии побуждали

⁴² См.: J. Gorničić-Brdovački. Razvitak željeznica u Hrvatskoj do 1918. godine. Zagreb, 1952.

⁴³ N. Plavšić. Указ. соч., стр. 66, 70.

⁴⁴ «Pozor», 5, 10.I 1863.

⁴⁵ М. Костић. О дунавско-савској трговини, лађама, лађарима и лађарским цеховима у XVIII—XIX веку до појаве железница. «Историски часопис» (Београд), 1960, IX, X, стр. 291.

хорватскую буржуазию бороться за объединение и широкую автономию страны.

Промышленность и ремесло по значению для национальной буржуазии сильно уступали торгово-кредитным операциям. Остатки феодальных отношений, полунатуральный характер крестьянского хозяйства, в преобладающей мере еще довольствовавшегося изделиями домашнего производства (сукно, полотно и др.) или сельских ремесленников (кузнецы, плотники, бочары и др.)⁴⁶, нищета деревни обусловили узость внутреннего рынка. Недостаток свободной рабочей силы и остатки цехового строя также сдерживали рост промышленности. Решающим образом в том же направлении действовала в 50-х, а частично и в 60-х годах общая экономическая ситуация в империи. Хорватский рынок был заполнен изделиями австрийских, а также иностранных (английских, французских, немецких) фабрик, доставлявшихся интонациональными и местными купцами⁴⁷. Железные дороги коренным образом упростили их деятельность.

В 1869 г. в обрабатывающей промышленности и ремесле Хорватии и Славонии было занято 35 тыс. человек, на Военной Границе — 7,3 тыс.; все промышленное население составляло соответственно 80 тыс. человек (около 7%) и 20 тыс. (около 3%)⁴⁸. В 1857 г. в Хорватии и Славонии наемных работников в производстве имелось 8,7 тыс. человек, а «предпринимателей», т. е. в основном владельцев мелких мастерских, — 10,9 тыс.⁴⁹

Разложение цехового ремесла в третьей четверти XIX в. завершилось. Регламентация стала нетерпимой для капиталистов⁵⁰ и более богатых ремесленников. В 1851 г. она была резко ослаблена, а в 1859 г. патентом императора отменена. Остатки ее, однако, сохранялись до 1872 г., когда венгерский парламент установил

⁴⁶ R. Bićanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji. Zagreb, 1951, str. 30, 31; P. Matković. Hrvatska i Slavonija..., str. 97, 98; «Privreda Hrvatske XVII—XIX stoljeća. Priredila M. Despot». Zagreb, 1957, str. 83.

⁴⁷ «Позог», N 1—87, 1867 (рекламы товаров).

⁴⁸ P. Matković. Hrvatska i Slavonija..., str. 89.

⁴⁹ Вместе с работниками в сфере торговли и слугами число рабочих в 1857 г. составило 32 тыс. человек. R. Bićanić. Doba manufakture..., str. 45, 264; J. Čazi. Prva radnička društva u Hrvatskoj, str. 358.

⁵⁰ См.: N. Plavšić. Указ. соч., стр. 44—47.

свободу предпринимательской деятельности⁵¹. В Хорватии и Славонии удар многим старинным отраслям производства — ремеслу и мануфактуре нанесли железные дороги. Если крупное купечество ликовало по поводу строительства железных дорог, то владельцы небольших предприятий видели в нем смертельную угрозу. «С тех пор как наше отечество облагодетельствовано железной дорогой, — жаловался один из них в 1871 г., — дела стали хиреть»⁵². Некоторые города, прежде славившиеся ремеслом, переживали упадок (Вараждин, Карловац). Надвигался кризис старинного судостроения⁵³.

Итак, новые средства транспорта внесли революционные изменения во внутриимперские экономические связи и даже в социальную структуру населения многих районов. Они изменили направление потока товаров, нанесли решающий удар остаткам былой замкнутости областных рынков — этой основы благополучия части национальной буржуазии — и окончательно сплотили их в общеимперском рынке. Всюду они решающим образом содействовали победе крупного — по преимуществу инонационального, банковского и торгово-промышленного — капитала над хорватским и сербским — средним и мелким. Лишь часть национальной (южнославянской) буржуазии получила немедленную выгоду от этого экономически прогрессивного процесса, другая — многочисленная, но экономически менее мощная — была вынуждена, преодолевая трудности, приспособливаться к новым связям, и не всегда могла это сделать. Экономическое сплочение разных территорий осуществлялось под руководством австро-немецкого капитала, прежде всего в его интересах. В южнославянских землях новые средства транспорта вместе с ликвидацией традиционного производства и торговли на первых порах подчас разрывали прежние непосредственные

⁵¹ Текст закона см.: J. Cazi. Prva radnička društva u Hrvatskoj, str. 400—405.

⁵² См.: O. Klobučar. Tvornica kamenine u Zagrebu. В кн.: «Iz starog i novog Zagreba». Zagreb, 1957, str. 236.

⁵³ Хотя объем производства судостроительных мануфактур продолжал возрастать, они встречались с трудностями. Упадок начался в 70-х годах XIX в. R. Vičanić. Doba manufakture..., str. 30; S. Štampar. Borba jedrenjača s parobrodima u Hrvatskom primorju. «Historijski zbornik» (далее — HZ), 1949; B. Kojić. Lošinjska brodogradnja. «Anali Jadranskog Instituta», br. 2. Zagreb, 1958; R. F. Barbalić. Brodarstvo Rieke prije austro-ugajske nagodbe. Там же.

экономические связи между отдельными районами, еще более усиливая их зависимость от крупных центров империи. Перед хорватской (южнославянской) буржуазией стояла труднейшая задача овладения национальным рынком и обеспечения благоприятных условий выхода на внешние рынки.

Таким образом, кризис прежних форм производства в хорватских землях не сопровождался быстрым промышленным подъемом. Процесс превращения национальной торговой буржуазии, владельцев мануфактур и ремесленной верхушки в промышленную буржуазию встретил серьезные препятствия⁵⁴. Старая экономическая структура разрушалась, а создание новой было затруднено. Буржуазия и помещики во всем винили австрийскую политику. В условиях многонациональной империи промышленный прогресс приводил к обострению национальных конфликтов.

Но в отраслях, не встречавших конкуренции, в 60-х годах стало ощущаться прогрессивное развитие. Это относится к лесопилению, мукомольному делу (паровые мельницы), выделке кож и некоторым другим отраслям, занятым добычей или первоначальной обработкой сырья. В 1852 г. в промышленности и земледелии Хорватии и Славонии имелись 4 паровые машины (43 л. с.), в 1863 г.—27 (551 л. с.)⁵⁵. В 1868 г. мощность паровых двигателей достигла 2 470 л. с.⁵⁶ Но от наиболее развитой области империи — Чехии — Хорватия и Славония отставали по добыче угля на душу населения в 18 раз, железной руды — в 16 (1863 г.). В 1863 г. в промышленности Чехии имелось 933 паровых двигателя (13 755 л. с.), в Хорватии и Славонии — 18 (477 л. с.), в Далмации — 2 (28 л. с.). По сравнению с 1852 г. число машин возросло: в Чехии — на 748, в Хорватии и Славонии — на 14, в Далмации — на 2; их мощность в Чехии — на 11 027 л. с., в Хорватии и Славонии — 434 л. с.⁵⁷. Сдвиги в примене-

⁵⁴ L. Katus. Hauptzüge der kapitalistischen Entwicklung der Landwirtschaft in den südslawischen Gebieten der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. «Studia historica», vol. 51. Budapest, 1961, S. 161.

⁵⁵ «Privreda Hrvatske XVII—XIX stoljeća», str. 85—90.

⁵⁶ M. Svetković. Neki podaci o razvitku industrije u Hrvatskoj. Zagreb, 1949, str. 5.

⁵⁷ «Statistisches Jahrbuch der Oesterreichischen Monarchie für das Jahr 1863», S. 188, 205 (сравнительный подсчет сделан нами.—В. Ф.).

нии машин в Хорватии и Славонии не идут в сравнение с развитием Чехии.

В этих условиях промышленности Хорватии и Славонии 60—70-х годов XIX в. была свойственна крайняя неустойчивость: нередко предприятия, просуществовав некоторое время, закрывались, не выдержав конкуренции. Поэтому, в частности, хорватская буржуазия была слабо втянута в производство.

В очерченных условиях кредитные операции, ростовщичество, торговля, откупа, спекуляция землей, приобретение ценных бумаг и т. п. являлись для буржуазии более надежными, чем производство, областями деятельности. Кредитное, вернее кредитно-ростовщическое дело в особенности быстро становилось важной сферой приложения национального капитала. Но организованный кредит находился в зародыше. Единственным крупным кредитным учреждением долгое время оставалась Первая хорватская кредитно-сберегательная касса⁵⁸, основанная в 1846 г. с капиталом всего в 40 тыс. крон. Она развивалась «медленно, но успешно»⁵⁹. В 1847—1857 гг. сумма вкладов возросла со 165,5 тыс. крон до 567,2 тыс. К 1867 г. вклады возросли до 2 млн. крон, в 1877 г. — до 10,9 млн. Но абсолютные цифры еще были скромными, а их рост меркнет в сравнении с дальнейшим подъемом кассы, которая в XX в. стала крупнейшим на юго-востоке Европы кредитным учреждением. Кредитно-сберегательная касса в Осиеке открылась в 1867 г.⁶⁰, в 1870 г. таких учреждений было 4, в 1872 г. — 8, в 1874 г. — 24, в 1867 г. был учрежден Эскомптный банк, а в 1873 г. уже имелось пять банков⁶¹.

Итак, подчиненное в национальном отношении положение Хорватии не помешало финансистам быстро богатеть, а наличие общеимперской экономической системы имело благоприятные для них последствия.

Города Хорватии и Славонии развивались медленно. Численность городского населения в 1857 г. едва превы-

⁵⁸ R. Signjar. Statistički atlas kraljevina Hrvatske i Slavonije. Zagreb, 1915, str. 55.

⁵⁹ L. Kosijer. Prva hrvatska štedionica. Karlovac, 1921, str. 7 и далее.

⁶⁰ N. Plavšić. Указ. соч., стр. 50—60.

⁶¹ «Statistisches Handbuch der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie für das Zeitraum 1867—1876», S. 138—141, 146, 147.

сила 75 тыс. человек, в 1869 г.—85 тыс.⁶² Загреб — центр хорватской политической жизни — еще не являлся общенациональным экономическим центром: это был город чиновников, дворян и мещан (в 1850 г.—14,3 тыс. населения, 1857 г.—16,7 тыс., 1869 г.—19,9 тыс.). В 1857 г. здесь имелось около 800 чиновников, юристов, священников, 200 торговцев и более 1000 «фабрикантов» и лиц, занятых в производстве, в том числе 521 наемный работник⁶³.

Жители части «трговищ» до 1848 г. находились в феодальной зависимости от помещиков. В третьей четверти XIX в. это население продолжало наряду с ремеслом и торговлей заниматься сельским хозяйством⁶⁴. Как и крестьянство, эти горожане вели борьбу с бывшими феодалами за общинные угодья, выпасы, лес⁶⁵. Часть мелкой городской буржуазии была близка по положению к крестьянству, что сказалось на ее политических настроениях.

Особое место среди городов занимала Риека, главный порт восточной части империи и промышленный центр. Население города было в основном хорватским. Господствующее положение здесь занимала итальянская и итальянизированная буржуазия, строившая свое благополучие прежде всего на экспортно-импортной торговле земель венгерской короны. Но преобладающие позиции в торговле империи занимал Триест, создававший Риеке опасную конкуренцию. Соединение Триеста железной дорогой с центром империи (1857 г.), а затем с Хорватией (1862 г.), усилило кризис Риеки. Помыслы местной буржуазии были направлены на обеспечение надежного сообщения с Венгрией⁶⁶. В административном отношении

⁶² P. Matković. *Hrvatska i Slavonija...*, str. 38, 39; R. Vićanić. *Doba manufakture...*, str. 264 (с 1857 по 1869 г. территория страны несколько изменилась). Городами считались лишь населенные пункты, имевшие статус «свободных королевских городов». Многие центры ремесла и торговли («трговища») таким статусом не обладали.

⁶³ P. Matković. *Hrvatska i Slavonija...*, str. 39; «Befölkerung und Viehstand von Kroatien und Slavonien nach der Zahlung von 31. Oktober 1857». Wien, 1859, S. 2, 3.

⁶⁴ Например, когда славонский городок Вировитица в 1871 г. пострадал от пожара, то погибло имущество горожан, работавших в поле. См.: «Hrvatska», 7.V 1871.

⁶⁵ «Spisi saborski... od god. 1861», sv. III, str. 191.

⁶⁶ См.: «Rijeka. Zbornik». Zagreb, 1953.

район Риеки до 1848 г. составлял особую территорию в составе венгерских земель, а затем до 1867 г. входил в состав Хорватии. Риека — постоянный предмет раздора между Хорватией и Венгрией — стала ареной острых конфликтов между их сторонниками.

Характер деловых связей значительных прослоек населения (торговцев, ремесленников) обусловил распространение немецкого языка в городах⁶⁷. Знание немецкого языка считалось признаком цивилизованности. Однако немецкий язык господствовал лишь на поверхности, большинство населения его не знало.

Хорватский фабрично-заводской рабочий класс в третьей четверти XIX в. лишь зарождался. Среди квалифицированных рабочих было много австрийских немцев, чехов и представителей других народов империи. Хорватские ремесленники и рабочие нередко учились в других землях. С самого зарождения рабочий класс Хорватии объединял представителей разных народов, а его передовые элементы восприняли идеи интернационализма.

Итак, хорватская буржуазия — главная общественная основа национальной идеологии в это время — по преимуществу была занята торговлей, откупам, ростовщичеством и т. п. Деловые связи более богатых элементов буржуазии соединяли их с помещиками. Буржуа арендовали землю и регальные права помещиков, скупали у них выкупные облигации, предоставляли дворянам кредиты, торговали продуктами их имений. Все это сближало буржуазию с дворянством и в социально-политическом отношении⁶⁸. Со своей стороны помещики широко занимались торговлей, втягивались в банковское дело и промышленное предпринимательство, в частности в де-

⁶⁷ R. Vićanić. Doba manufakture..., str. 49; J. Trđina. Указ. соч., стр. 275, 276. В Славонии города были денационализированы в большей степени, чем в Хорватии (там «главные города находятся в руках буржуазии, враждебной славянскому элементу», «Розог», II, II 1863). На пестроту национального состава городов Славонии обратил внимание В. И. Ленин. См.: «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 57.

⁶⁸ О периоде до 1848 г. см.: И. И. Лещиловская. Особенности развития национальной городской буржуазии в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XXX, 1966.

ла австро-немецких компаний⁶⁹. Но в основном дворянство было связано с полуфеодальными методами эксплуатации крестьянства. Буржуазные круги, занятые в производстве, были слабыми и не имели возможности успешно отстаивать свои интересы⁷⁰.

Хорватское общество в третьей четверти XIX в. разделялось на два основных лагеря: опиравшийся на мощь Австрийского государства господствующий лагерь помещиков, высшего духовенства, наиболее богатой торговой буржуазии, высшего чиновничества и массу трудового народа⁷¹.

На первый план политической жизни к 60-м годам выдвинулась интеллигенция, в подавляющей части буржуазная по происхождению и положению. Ее поддерживала часть средней и мелкой буржуазии. Но буржуазия не решалась покушаться на существенные интересы помещиков.

Так как рост капитализма происходил в условиях господства полуфеодального дворянства и австрийского крупного капитала, хорватская буржуазия была вынуждена отстаивать свои интересы в упорной борьбе⁷². При этом она должна была выдвигать политические, в особенности национальные, требования, имевшие общедемократическое содержание. Буржуазия мечтала стать хозяином в собственном доме. В рамках империи она добивалась равноправного партнерства с более мощными инациональными силами. Вместе с тем она стремилась укрепить связи с южнославянскими территориями Австрийской империи и вне ее, коренным образом упрочить свои позиции путем объединения южнославянских земель. Передовые идеологи национальной буржуазии мечтали о независимом национальном (или южнославянском) государстве и предпринимали действия для достижения этой цели.

Чем с большими трудностями встречались различные слои буржуазии, тем радикальнее становились на-

⁶⁹ См.: I. K a r a t a n. Privredni položaj hrvatsko-slavonskog područja u Habsburškoj monarhiji nakon ukidanja feudalnih odnosa. В кн.: «Prilozi za ekonomsku povijest Hrvatske».

⁷⁰ Lj. K u n t i ć. O nekim osnovama..., str. 76.

⁷¹ К хорватским землям в какой-то мере можно отнести характеристику Энгельсом общественного положения в Ирландии (1856 г.). См.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 29, стр. 43.

⁷² L. K a t u s. Указ. соч., стр. 116.

циональные взгляды их идеологов. В особенности неустойчивым было общественно-экономическое положение мелких собственников, производителей и торговцев. Эти менее обеспеченные слои буржуазии (частично и дворянства), вообще мелкобуржуазные элементы, остро ощущали гнет аристократии, австрийского капитала и государства. Поэтому мелкая буржуазия была основной питательной средой хорватского национального радикализма. В своей оппозиции инациональному господству она сближалась с интересами масс.

* * *

Хорвато-Славонская Военная Граница экономически была тесно связана с Хорватией и Славонией. Граница состояла из полковых округов. Часть граничар находилась под ружьем, другая могла быть мобилизована в любой момент. Население несло трудовую повинность (общинные работы, строительство военных сооружений, извоз). Воинские обязанности («патрули, муштра, вахты, экзерциции и т. д.») тяжелым грузом ложились на граничар, подавляли их хозяйство⁷³. Вся власть находилась в руках офицеров. Старшее офицерство в большинстве являлось австро-немецким. Управление и школьное дело было германизировано. На Границе царил произвол военщины, эксплуатировавшей крестьян-граничар.

Социальной ячейкой, поддерживавшей военную систему, была задруга, раздел которой был запрещен. В мирное время задруга содержала солдат, в нее возвращались отслужившие граничары и калеки. Буржуазная мобилизация земли и развитие кредита были невозможны. Занятия граничар торговлей и ремеслом были ограничены. Предпринимательской деятельности городской буржуазии также ставились препятствия. Но военная система не могла остановить разложение задруги и развитие товарно-денежных отношений. Она лишь отягощала его последствия и сдерживала рост производительных сил области. Нищета, голод, засилие ростовщиков, взяточничество, бесправие, невозможность свободно располагать своей рабочей силой — таковы условия жизни массы граничар в 50—60-х годах XIX в. Военно-феодальный режим стал особенно нестерпимым для народа и буржуа-

⁷³ См.: A. Starčević. Djela, knj. III, str. 250.

зии после 1848 г.⁷⁴ Австрийское правительство, формально признававшее принадлежность Хорватско-Славонской Военной Границы к Триединому королевству, однако, не спешило с демилитаризацией области, так как нуждалось в даровом граничарском войске⁷⁵.

Ситуация на Военной Границе способствовала росту здесь оппозиционных настроений в массе народа. Иностранные государства, революционная эмиграция разных национальностей, оппозиционные группировки в империи интересовались Границей, так или иначе рассчитывали воспользоваться содействием ее вооруженного населения. Недовольство граничар стало серьезно беспокоить австрийские правящие круги⁷⁶. Но широкого политически сознательного движения против режима, тем более против Габсбургов, на Границе не было.

В Хорватии национальное Возрождение в основном завершилось в 1848 г., в Далмации этот процесс широко развернулся в 60—70-х годах, в Истрии — тогда же, но менее интенсивно.

Далмация оставалась одной из самых отсталых провинций империи с застойной экономикой, слабой буржуазией. Поэтому социальная основа национального движения в Далмации была более мелкобуржуазной, чем в Хорватии.

Наряду со свободным крестьянским землевладением здесь издавна существовали отношения колоната: на основе наследственной или долготетней аренды крестьяне держали участки, как правило, принадлежавшие дворянам, буржуазии, церкви. Крестьяне отдавали землевладельцам от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ урожая и несли в их пользу другие повинности (в районе Дубровника, где имела место так называемая кметчина, крестьяне отбывали барщи-

⁷⁴ См.: В. И. Фрейдзон. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе в 50-х — начале 70-х годов XIX в. «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XXVI, 1963; M. Valentić. Osnovni problemi u ekonomici Hrvatsko-Slavonske Vojne krajine. HZ, 1965.

⁷⁵ ЦГВИА, ф. 428, д. 79, л. 39.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 428, д. 108, л. 38. «... Высшие военные власти, которые суть все немецкие, если заподозрят граничарского офицера в чтении славянской газеты, вносят его имя в лист лиц ненадежных, если в регименте (полку.— В. Ф.) двое-трое начальников — сербы, то раскортывают их по разным полкам». АВПР, Г. А., VA₂, д. 1016, л. 17, 1863 г.

ну до 1878 г.). После 1848 г. австрийские власти сохранили эти полуфеодалные отношения нетронутыми.

Основными отраслями хозяйства являлись виноградарство, виноделие, выращивание оливок, маслоделие. Другой важнейшей отраслью экономики были морская торговля, парусное судоходство и связанное с ним судостроение. И первое, и второе находились в решающей зависимости от внешних рынков⁷⁷.

Далматинцы славились как опытные моряки. Много их, в частности, служило в русском торговом флоте⁷⁸.

Далматинская торговая буржуазия издавна являлась посредником между внутренними районами Балканского полуострова (Боснией и др.), соседней Италией и другими заморскими странами.

После многовековой власти Венеции в Далмации тонкий господствующий слой дворянства, чиновничества и часть буржуазии были итальянскими или итальянизированными. Некоторые деятели национального движения в 60-х годах с трудом изъяснялись на родном языке. Землевладелец, ростовщик, представитель власти, судья говорили на языке, непонятном крестьянину (но в Дубровнике имелся национальный господствующий класс). Высшая бюрократия частично была австро-немецкой. Переплетение социальных и национальных противоречий в Далмации обусловило то, что южнославянское Возрождение, вовсе не отличаясь социальным радикализмом, пользовалось сочувствием крестьянства, которое надеялось на ликвидацию полуфеодалных отношений.

Национальная — хорватская и сербская — буржуазия, а также часть местного дворянства (Дубровник) видели, что укрепления своих позиций можно достичь благодаря сближению (в национальном смысле) с широкими слоями населения, с мелкой буржуазией, выходившей из крестьянской среды, и опираясь на своих единоплеменников в империи и на Балканах. Большое значение для развития национального Возрождения в Далмации имели подъем освободительного движения в других южнославянских землях и объединение Италии. В Далма-

⁷⁷ M. Gross. O nekim aspektima razvoja nacionalne ideje za vrijeme narodnog preporoda u Dalmaciji. «Historijski pregled», 1963, br. 1, str. 11, 12.

⁷⁸ См.: Г. И. Успенский. На Кавказе. [1883 г.]. «Русские очерки», т. III. М., 1956, стр. 154.

ции, недавно присоединенной к империи, не было традиций верности Габсбургам, а экономически область в это время была относительно слабо связана с Австрией. Оттуда она получала бюрократов, гарнизоны да росписи налогов.

Экономические интересы Далмации способствовали восприятию здесь югославистской объединительной идеологии.

Часть полуострова Истрии издревле принадлежала Габсбургам, другая была присоединена к империи в 1797 г. В 60-х годах XIX в. Истрия вместе с Горицей-Градишкой в Триестом составляла административную единицу Австрии — Приморье. Многочисленное итальянское население Истрии размещалось преимущественно в городах, составляло подавляющее большинство землевладельцев, буржуазии, а также большую часть трудового городского люда. Имелись и итальянские сельские районы. В северных районах полуострова располагались имения австро-немецких помещиков. На значительной территории Истрии существовал колонат. Славянское и итальянское крестьянство зависело от итальянских землевладельцев, ростовщиков и торговцев. Крестьянская беднота уходила на заработки в Триест или Пулу и, как и далматинцы, нанималась во флот или отправлялась рыть Суэцкий канал. Истрия, экономически и политически оторванная от Хорватии, тяготела к Триесту и словенским землям.

Национальное Возрождение хорватов и словенцев в Истрии развивалось в тесной связи с движением в словенских землях. Методы и содержание борьбы во многом были для них общими. Базой национального движения здесь первоначально стала мелкая сельская и городская буржуазия. Зачинателем движения была мелкобуржуазная интеллигенция (священники, учителя).

В отличие от Хорватии и Славонии национальному движению в Далмации и Истрии в 60-х годах XIX в. приходилось бороться за права на развитие языка и культуры против общественно-политических сил, являвшихся частью местного общества.

Общий обзор хорватских земель показывает, что экономические связи между ними в одних случаях были тесными, а в других — слабыми. Основой требования их объединения явилось не наличие развитого националь-

ного рынка, а необходимость облегчить процесс его складывания (и, конечно, ряд политических причин). Путем объединения и широкой автономии своей страны идеологи буржуазии стремились «создать нацию», отстоять против инационального давления и развить ее экономические и иные основы, прочнее внедрить национальное сознание в массы. Они видели, что в объединенном государстве резко улучшатся условия борьбы — экономической, политической и культурно-языковой — против инациональных соперников.

ОППОЗИЦИЯ АБСОЛЮТИЗМУ И ЕГО КРАХ

По свидетельству русского консула, «кроме итальянцев, которых никакие ласки... со стороны правительства не могли доселе заставить полюбить Австрию и привыкнуть к ее владычеству, и венгерцев, которым нелегко позабыть так скоро золотые времена народного управления, неудовольствие против правительства, как здесь уверяют, замечается особенно между кроатами...»⁷⁹ Помимо социально-экономических причин, способствовавших углублению недовольства, здесь сказались традиции иллиризма и 1848 г. Люди задумывались о причинах национальной катастрофы 1848—1849 гг., вследствие которой была утеряна даже прежняя, ограниченная автономия. Однако открытые проявления недовольства были редкими.

О настроениях кругов, преданных Габсбургам, свидетельствуют высказывания бана Елачича, который впал в немилость за свои австрославистские симпатии. «Основное впечатление, произведенное на меня баном, — сообщил в 1856 г. русский военный атташе в Вене Стакельберг, — глубокое и горькое разочарование вместе с сильным опасением за будущее Австрии». «За кровь, пролитую нами за отечество, — с возбуждением говорил Елачич, — мы не получили ничего, кроме неблагодарности и гнета... Невежественные бюрократы... навязали унитаристское устройство, несовместимое с гетерогенными элементами нашей монархии, их цель — стереть национальности и всюду насадить германизм... Господа Бах и Брук⁸⁰ за-

⁷⁹ АВПР, Г. А. VA₂, д. 718, л. 4 (Пагуза), 1858 г.

⁸⁰ Австрийский министр финансов. — В. Ф.

топляют нас немецкими чиновниками и подавляют налогами, обложение налогами удвоилось со времени введения унитаристской системы». Чиновники «суют нос во все домашние дела, в том числе интересуясь числом плодов на деревьях, качеством откорма свиней и количеством сидра или пива... Что касается прямых налогов, то они выше всякой возможности. Поземельный налог составляет 16%, а хотят его повысить до 24%... современное положение должно привести государство к катастрофе»⁸¹.

Проявления недовольства беспощадно пресекались. Писатель Мирко Богович, деятель иллиризма, редактировавший «Невен», в 1852 г. опубликовал стихотворение Ивана Филиповича «Утешение патриотам». В нем автор высказал мысль об ошибочности политики иллиров в 1848—1849 гг. «Но не время отчаиваться,— писал он,— чего не было, то будет. Правда должна победить...» Богович и Филипович были приговорены к каторжным работам в кандалах⁸².

Крымская война способствовала оживлению оппозиционных настроений в среде южнославянской интеллигенции. «Мои симпатии, как и всех патриотов моего времени, были решительно в пользу России»,— вспоминал адвокат Кватерник. В этой среде питали надежду, что Австрия будет втянута в конфликт, потерпит поражение, «а родина воспрянет и сбросит ненавистное ярмо»⁸³. За прорусские симпатии людей преследовали⁸⁴. Кватерника, например, так как он «эти симпатии выражал открыто и без всякой сдержанности», вскоре лишили прав адвоката. В конце 1857 г. он эмигрировал в Россию. Многие участники движения 1848—1849 гг. были изгнаны из школ и учреждений.

Репрессии не могли дать прочного результата. Однако проявление радикального духа было явлением нечастым. В ожидании лучших времен деятели иллиризма занялись наукой, поэтому 50-е годы принесли хорват-

⁸¹ ЦГВИА, ф. 428, д. 76, лл. 5—9.

⁸² A. B a g a s. Hrvatska književnost, knj. II. Zagreb, 1960, str. 34—36; N. A n d r i ć. Pod apsolutizmom, str. 16, 17.

⁸³ E. K v a t e r n i k. Gorke uspomene. «Hèrvatska», 29.I 1871. Евгений (Эвген) Кватерник (1825—1871 гг.) — сын учителя истории, в 1848 г. — сторонник иллиризма, в 60-х годах — лидер радикального крыла национального движения.

⁸⁴ J. T r d i n a. Указ. соч., стр. 274.

ской науке определенные плоды. Один из лидеров иллиризма Иван Кукулевич-Сакцинский, ставший архивариусом, в 1850 г. организовал «Общество югославянской истории». Публицист Богослав Шулек занялся химией, физикой, филологией, Л. Вукотинович — ботаникой.

Не только наиболее умеренные представители национального движения 40-х годов, но и некоторые бывшие либералы стали служить абсолютизму. Так, деятель иллиризма, знаменитый поэт Иван Мажуранич теперь являлся государственным прокурором⁸⁵ и преследовал патриотов. Некоторые либеральные интеллигенты клялись в верности «закону и короне» (Л. Вукотинович)⁸⁶. Других заставляли это делать⁸⁷.

Но в конце 50-х годов в Австрийской империи многое свидетельствовало о назревании политического кризиса. Правительству удавалось сохранять видимое благополучие лишь до первого испытания. Экономика империи, несмотря на большой подъем после 1848—1849 гг., заколебалась, ее захватил общеевропейский кризис 1857 г. Правительство, несмотря на беспощадные меры, не смогло стабилизировать финансовое положение⁸⁸. Быстро возрастал государственный долг. Банкиры — кредиторы Габсбургов — требовали гарантий платежеспособности казны. Масса рабочих, ремесленников и мелких чиновников страдала от финансовых маневров правительства и расцвета спекуляции. Нарастала угроза вспышки массовых выступлений. Многочисленные аресты⁸⁹ уже не могли упрочить режим. В этих условиях даже в австро-немецких аристократических кругах усилилась критика Баха⁹⁰, а дворянство Венгрии и Хорватии открыто выражало недовольство. Оппозиция отмечалась «во всех частях монархии и во всех классах публики»⁹¹.

Да и внешнеполитическая обстановка становилась для Габсбургов все более неблагоприятной. Положение

⁸⁵ См.: М. Живанчевић. Иван Мажуранич. Нови Сад, 1964.

⁸⁶ См.: «Grada», knj. 19, str. 196.

⁸⁷ См.: «J. J. Strossmayer. Dokumenti i korespondencija», I, str. 208, 209.

⁸⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 183, л. 128 (Вена), 1858 г.; см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 287, 288, 351—354; Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VII, 1950, стр. 530, 531.

⁸⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 183, лл. 217—218 (Вена), 1858 г.

⁹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 193, л. 184 (Вена), 1859 г.

⁹¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 183, лл. 232—233 (Вена), 1858 г.

Австрии в системе Германского союза становилось шатким. Франция поддерживала Пьемонт в планах вытеснения австрийцев из Италии. Надвигалась война. Волны освободительного движения вновь поднимались вокруг границ Австрийской империи. На юге — в Боснии и Герцеговине — очередное народное восстание вспыхнуло в 1857—1858 гг. В 1858 г. в Сербии к власти вновь пришла династия Обреновичей, и назревала активизация внешней политики княжества.

Так как население юга империи с вниманием следило за событиями на Балканах и в Италии, каждый успех освободительного движения в соседних с империей районах вызывал у австрийских властей двойную тревогу. Страх перед революционным подъемом определял политику Австрии⁹².

В 1858 г. правящие круги Австрии с целью укрепления своей власти, по сведениям русского посольства в Вене, предполагали ликвидировать титул бана (т. е. формальный остаток хорватской автономии) и создать загребское генерал-губернаторство, подчинив ему гражданские и военизированные области. «Тем самым австрийское правительство... сделает решающий шаг в области административной централизации и денационализации, проводимых им со всей настойчивостью»⁹³. Однако после поражения австрийцев в войне с франко-сардинской коалицией в июне 1859 г. об осуществлении прежних планов нечего было и говорить.

Поражения австрийской армии при Монтебелло, Мадженте и Сольферино не в последнюю очередь были следствием внутривнутриполитической ситуации в империи. Войска и население не проявляли энтузиазма. У немецких народов нежелание воевать проявилось наиболее открыто: «В последнюю итальянскую войну венгерцы сдавались в плен целыми ротами... а кроатские пограничные батальоны дрались весьма плохо... граничары убегали из дела, помня плохое спасибо за жертвы, принесенные ими правительству во время войны 1848—1849 гг.»⁹⁴. По со-

⁹² См.: М. Е к м е џ и ć. Spoljni faktor u procesu sazrijevanja balkanskih revolucija 1849—1878 godine. ЈИС, 1964, бр. 3.

⁹³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 181, лл. 210—212.

⁹⁴ ЦГВИА, ф. 428, д. 86, л. 34; д. 103, л. 91. Подробнее см.: В. И. Ф р е й д з о н. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе, стр. 100—102.

общению русского консула в Риеке, хорваты «горячо сочувствовали» Италии во время войны 1859 г.⁹⁵

Австрийцы оставили Ломбардию, которая была присоединена к Сардинскому королевству. Вскоре (1859—1860 гг.) в результате подвигов гарибальдийцев Италия была объединена. Вне национального государства остались Папская область и Венеция. Эти события произвели неизгладимое впечатление на южных славян Австрии и Турции.

НАЧАЛО КОНСТИТУЦИОННЫХ МАНЕВРОВ ГАБСБУРГОВ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ХОРВАТИИ

После войны недовольство режимом проявилось повсеместно. В стихийных выступлениях население выражало негодование эксплуатацией, гнетом налогов, ростом нищеты.

Что касается австро-немецкой буржуазии, то ее удовлетворяла германизаторская политика абсолютизма. Однако, серьезно окрепшая в 50-х годах, она хотела решающего участия в делах государства, гарантии своих интересов от покушений безответственной бюрократии. В разных районах империи выдвигались требования политических свобод, конституционного строя и т. п. В национальных районах они сливались с различными требованиями национального характера.

Среди этих районов наиболее важное место занимала Венгрия. После 1848 г. здесь усилилось разорение мелко-дворянства, крестьян и ремесленников, а обуржуазивающиеся слои помещиков, хотя несколько и упрочили свои позиции, встречались с экономическими затруднениями. Сказанное выше о последствиях развития капитализма и политики абсолютизма в Хорватии можно в основном отнести и к Венгрии. Но здесь социально-экономические процессы протекали интенсивнее. Если промышленное развитие Австрии расширяло рынок венгерского сельского хозяйства, то фискальная система, таможенная и тарифная политика, конкуренция австрийских товаров сдерживали накопление капиталов и раз-

⁹⁵ АВВР, Г. А., VА₂, д. 1012, л. 4 (Фиуме), 1861 г.

вите обрабатывающей промышленности (стимулировалась лишь первичная обработка сырья), способствовали углублению нищеты масс. В 1859 г., как казалось иностранному наблюдателю, венгерский народ был «готов подняться по первому знаку»⁹⁶. Этот вывод оказался поспешным, но все же брожение здесь в 1860—1861 гг. нарастало. Недовольство масс побуждало буржуазно-помещичьи слои активнее выступать с патриотическими лозунгами. Осенью 1860 г. волна демонстраций прокатилась по городам Венгрии. В Пеште и Дебрецене народ сбрасывал со зданий изображения двуглавых орлов. Раздавались крики: «Да здравствует Кошут! Да здравствует Гарибальди!» В словацкой Братиславе были сорваны дощечки с названиями улицы Елачича и площади Гайнау⁹⁷. По всей Венгрии уничтожались вывески с надписями на немецком языке. В Дебрецене произошли кровавые столкновения с войсками. Либеральные круги спешили подчеркнуть свои патриотические чувства: адвокаты стали отказываться от австрийской гербовой бумаги, городские власти — от сбора акциза; «сбор поземельной подати встречает в Венгрии такого же рода затруднения, поддерживаемые народом с непреодолимым чувством единогласия»⁹⁸.

Классики марксизма считали в 1859—1861 гг., что в Австрийской империи развивается революция. Новый революционный подъем казался вероятным и Н. Г. Чернышевскому⁹⁹.

Противоречия между крестьянами и помещиками наложили печать на отношение венгерского крестьянства к национальному движению. Правительство утверждало, что брожение охватило «мелкое дворянство, весьма многочисленное и весьма бедное, а также пролетариат (вероятно, имелись в виду малоимущие слои населения.— *В. Ф.*). Напротив, высшая аристократия, буржуазия и крестьянство воздерживаются от всяких демонстраций». По мнению правительства, крестьянство, терпевшее притеснения со стороны дворян, опасалось всевластия «сво-

⁹⁶ АВПР, Г. А., VA₂, д. 719, л. 353 (Финуме), 1859 г.

⁹⁷ Ю. Гайнау (1786—1853 гг.) — австрийский фельдмаршал, душитель венгерской революции 1848—1849 гг.

⁹⁸ ЦГВИА, ф. 428, л. 89, л. 3 (Вена), 1860 г.

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 134, 242, 246; Н. Г. Чернышевский. Указ. соч., т. VI, стр. 218, 319, 320, 321.

их» помещиков. Вена даже считалась с возможностью использования антипомещичьих настроений крестьян¹⁰⁰. Данное обстоятельство имело значение и для Хорватии.

Однако до этого дело не дошло. Противоречия с массой венгерского крестьянства и стремление обеспечить господство над славянским и румынским населением побуждали венгерских дворян искать соглашения с династией. Кроме того, венгерский помещичий класс все более привязывался к австрийскому рынку, к австро-немецкому капиталу.

Все имущие классы Австрийской империи не желали повторения событий «бурного 1848 г.». Однако в Венгрии требование национального суверенитета охватило широкие слои общества. При этом разные политические течения имели различные цели. Консерваторы представляли аристократию. Либералы — наиболее сильная группировка — в основном выражали настроения обуржуазивающегося среднего дворянства и относительно слабой национальной буржуазии. Радикальное течение, следовавшее традиции Кошута, хотя еще находило сочувствие у части дворян и демократических городских слоев, в дворянской среде теряло влияние.

Консервативные круги стремились к восстановлению прежних автономных прав Венгрии; либералы считали необходимым учреждение конституционного строя на основе законов 1848 г. (т. е. признания Габсбургами суверенитета Венгрии) и в этом случае имели в виду их пересмотр, приемлемый для правящих кругов Австрии; радикалы, связанные с эмиграцией, требовали восстановления в силе законов 1848 г., часть их мечтала не только о личной унии, но о полном отделении Венгрии от Австрии¹⁰¹. Как радикалы, так и либеральное течение связывали свои надежды с очередным внешнеполитическим конфликтом — прежде всего с Францией.

Вскоре, в 1860—1861 гг., формальное восстановление в силе законов 1848 г. стало главным лозунгом национального движения в Венгрии. К его поддержке стали склоняться и многие магнаты. Либерально-помещичьи

¹⁰⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 192, лл. 293—295 (Вена), 1860 г.

¹⁰¹ Часть населения Венгрии «стремится к кровопролитной революции», ее требования «несообразны с единством монархии», отмечали русские наблюдатели. См.: ЦГВИА, ф. 428, д. 89, л. 2; АВПР, ф. Канцелярия, д. 192, л. 260 (Вена), 1860 г.

круги, доминировавшие как в сейме, так и в печати, определили линию венгерского национального движения в 60-х годах XIX в. При всем том это было наиболее организованное и целенаправленное из всех национальных движений в Австрийской империи. Обстановка в Венгрии и состояние австро-венгерских отношений влияли на развитие событий в других землях, в особенности в Хорватии.

По накалу оппозиционных настроений, выказанных населением в 1859—1861 гг., как и ранее, Хорватия и Славония наряду с Венгрией оказались на переднем плане. Тяжелый неурожай 1859 г. и голод, охвативший Хорватию в 1860 г.¹⁰², усилили недовольство. Но оппозиционное движение в южнославянских землях, хотя оно беспокоило правящие круги, при отсутствии революции в Венгрии, не несло в себе рашающей угрозы империи.

Славянские народы империи не составляли единства в политическом движении. Уровень движения, различия в интересах их ведущих политических групп, силы, которыми они располагали для конституционной борьбы, обрекали их на вспомогательную роль в решении судьбы империи. Характерно, что русский наблюдатель в 1860 г. задавался лишь вопросом, «успеют ли правительство или венгерцы воспользоваться в свою пользу славянским движением?»¹⁰³

Но в случае подъема освободительного движения в странах Балканского полуострова или новой войны славянские народы империи могли стать одним из существенных факторов, расшатывающих устои Австрийского государства.

Военное поражение и финансовый кризис вынудили Франца-Иосифа уже в июле 1859 г. объявить о предстоящем изменении политических порядков. Бах был устранен, и в августе 1859 г. канцлером стал польский (галицийский) магнат А. Голуховский. В конце мая 1860 г. было созвано совещательное учреждение — так называемый имперский совет — рейхсрат. Он был составлен из высших должностных лиц и «усилен», согласно официальной терминологии, назначенными императором представителями земель — в большинстве помещиками.

¹⁰² J. Horvat. *Politička povijest Hrvatske*, I. Zagreb, 1936, str. 222.

¹⁰³ ЦГВИА, ф. 428, д. 89, л. 2 (Вена), 1860 г.

От Хорватии был приглашен крупный купец и предприниматель Амброз Враницани, от Славонии — дьяковский епископ Иосип Юрай Штросмайер¹⁰⁴, оба — зарекомендовавшие себя ранее как лояльные династии лица.

Штросмайер, в 1847—1848 гг. являвшийся придворным священником, в годы абсолютизма верно служил Габсбургам. Правда, уже тогда противники рисовали его как «радикала и несомненного панслависта»¹⁰⁵. Все же доверие к нему Франца-Иосифа не было поколеблено. В 1858 г. епископ получил чин тайного советника. Но его подлинные настроения проявились после краха бахова абсолютизма. Широко образованный, отличный оратор, Штросмайер производил сильное впечатление на современников.

Состав рейхсрата predetermined господство в нем умеренного духа. Однако положение в империи побудило его членов отмежеваться от режима. Так, венгерские аристократы провозгласили, что право законного представительства Венгрии принадлежит лишь ее сейму¹⁰⁶.

Венгры, чехи, поляки и хорваты просили императора восстановить местные представительные собрания (сеймы, ландтаги). Вскоре же венгерские магнаты, а вслед за ними представители других земель выступили за некоторую децентрализацию управления государством, прекращение германизаторской политики в сфере администрации и просвещения, признание «историко-политической индивидуальности земель», но в соответствии с «интересами и потребностями всего государства»¹⁰⁷. Аристократия рассчитывала при этом на передачу местной власти крупным землевладельцам.

Штросмайер и Враницани вновь — после 1848 г. — стали добиваться присоединения Далмации к Хорватии и Славонии.

Для придворных кругов возвращение к «конституци-

¹⁰⁴ И. Ю. Штросмайер (1815—1905 гг.) происходил из «плебейской» буржуазной семьи (неграмотный отец его торговал лошадьми в Осиеке), получил образование в Пензе и Вене, епископ — с 1850 г., доктор философии и богословия, в 30—40-х годах сочувствовал иллиризму.

¹⁰⁵ T. Šmičička s. Nacrt života i djela ..., str. 29.

¹⁰⁶ Штросмайер, искавший компромисса с властью, тогда не последовал их примеру. См. Ф. Поточняк. Штросмайер као политичар прاما нашој народној мисли. «Српски књижевни гласник», кн. XV, бр. 3. Београд, 1906, стр. 196.

¹⁰⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 192,, л. 251 (Вена), 1860 г.

онному порядку» означало восстановление традиционных представительных учреждений земель и территориальных пределов провинций. Все это не могло поколебать власти двора, да иначе и диалог с господствующим классом Венгрии был невозможен. Неизбежное при этом введение определенных политических свобод правящие круги стремились ограничить.

В связи с этими реформами должны были обостриться разногласия между национальностями. Положение осложнялось ввиду возросших централистских тенденций австро-немецкой либеральной буржуазии. Мощная в экономическом отношении, она требовала безраздельного единства империи, добивалась созыва общеимперского учреждения, которое бы высказалось по поводу внутреннего устройства империи¹⁰⁸.

Венгерское дворянство в свою очередь стремилось к централизации в рамках Венгерского королевства. Отстаивая «индивидуальность» последнего, оно отрицало национальные права населявших Венгрию народов, соглашаясь лишь на уступки хорватам. В Хорватии и Славонии возмущение абсолютизмом способствовало росту дружеских чувств к Венгрии.

Имперский совет принял рекомендации об автономии земель. Умеренные дворянско-буржуазные круги считали «закононое развитие национальностей», терпимое отношение к национальным языкам и т. п. путем к упрочению положения династии. Выявилась характерная расстановка сил: буржуазия угнетенных национальностей, опасаясь австро-немецкого централизма, сотрудничала с консервативными кругами.

Весной 1860 г. правительство с целью успокоения Венгрии заявило о ликвидации ее административной раздробленности, осуществленной после победы контрреволюции; началась подготовка к созыву сейма. В конце 1860 г. в состав Венгрии были возвращены районы Сербской Воеводины¹⁰⁹, а в январе 1861 г. — Меджимурье¹¹⁰. Вне прежней Венгрии остались, однако, Хорватия-Славония и Трансильвания.

¹⁰⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 192, лл. 253- 254 (Вена), 1861 г.

¹⁰⁹ Термин «Воеводина» сохранился в общественной жизни. В социалистической Югославии создан автономный край Воеводина.

¹¹⁰ Меджимурье (Муджумурье) было присоединено Елачицем к Хорватии в 1848 г. О действиях правительства в 1860—1861 гг. см.:

Действия властей вызвали возмущение в Хорватии и Воеводине. Сербская буржуазия стремилась к превращению «баховой» Воеводины в автономную область¹¹¹. Теперь Светозар Милетиц, лидер складывавшейся Национально-свободомыслящей¹¹² партии, выражавшей интересы средней и мелкой сербской буржуазии, выступил с призывом навсегда порвать с политикой, ориентирующейся на австрийские правящие круги. Это была прямая оппозиция политике сербской полуфеодално-клерикальной верхушки¹¹³. В дальнейшем партия Милетица, влияние и решительность которой вплоть до начала 70-х годов возрастали, выступала за соглашение с венгерским национальным движением против австрийского централизма, а в дуалистической монархии — за ослабление связей между Венгрией и Австрией, за сближение с хорватами (против Австрии), за гарантию национальных прав сербов Воеводины и активизацию вооруженной освободительной борьбы народа, находившегося под гнетом Турции, с целью создания большого Сербского государства.

Это политическое течение в Воеводине, тенденцией которого в сущности была ликвидация Австрийской империи, может быть охарактеризовано как национально-радикальное (хотя его относительно умеренная позиция в межнациональных отношениях в Венгрии заслуживает специального рассмотрения). Указанный радикализм определял позицию сторонников Милетица и в повседневной политической борьбе: они выступали против экспансии Австрийской империи на Балканы, против упрочения ее внутреннего и внешнеполитического положения. Как увидим, национал-радикализм в 60-х — начале 70-х годов в разной мере был присущ и хорватским политическим течениям (см. гл. III и IV).

F. Šišić. Kako Hrvatska izgubila Međumurje godine 1960—1961. «Obzor. Spomen-knjiga». Zagreb, 1936, str. 94—96.

¹¹¹ О Благовещенском соборе 1861 г., выдвинувшем требование автономной Воеводины, см.: Д. Кириллович. Српски народни сабори, књ. I. Нови Сад, 1937 и др.

¹¹² Или Национально-либеральной (слободоумна).

¹¹³ С. Милетић. Изабрани чланци. Нови Сад, 1939, стр. 24—26; Н. Петровић. Око Милетића и после њега. Нови Сад, 1964, стр. 40; О национальном движении в Воеводине см.: «Светозар Милетић в Народна странка», I—II. Сремски Карловци, 1968, 1969.

Население Хорватии и Славонии недвусмысленно высказывало враждебность правительству и его «пиратам». Деятели абсолютистского режима стали покидать Хорватию. С их уходом из учреждений и школ немецкий язык вытеснялся хорватским. В 1860 г. в загребской гимназии учащиеся старших классов пытались сорвать исполнение государственного гимна. В городском театре была освистана немецкая труппа, после чего ее спектакли были прекращены. Мещане вновь возлюбили национальную одежду...

Хотя полиция была поставлена на ноги, по Загребу распространялись плакаты, стихотворения антиправительственного и антинемецкого содержания. Как и в Венгрии, группы молодежи провозглашали лозунги в честь Кошута и Гарибальди, требовали конституции¹¹⁴.

Обстановку в Хорватии описал И. С. Аксаков, побывавший там летом 1860 г.: «Ненависть к Австрии сильнее, чем когда-либо ...народ здесь не клонит головы, никто не боится и не трусит, и заставляет правительство бояться». По его свидетельству, «в Карловаце молодежь провозглашала: «Живе Русь, живе Москва, союз с мадьярами!» Полиция благоразумно бездействовала»... Аксаков подчеркивал, что «Австрия боится Кроации, боится лишиться кроатского войска...»¹¹⁵

Тревожная международная обстановка, недавние военные неудачи Австрии, успехи итальянского национального движения в 1860 г., наконец, восстание в Боснии действовали ободряюще на радикально настроенные круги хорватского общества. «Итальянский переворот имел неотразимое влияние на политическое положение Кроации и на отношение ее к Австрии»¹¹⁶. Дж. Гарибальди приобрел широкую популярность в южнославянских землях.

В начале 60-х годов здесь быстро возросло влияние Франции. Несмотря на корыстные цели Наполеона III, помощь Франции делу объединения Италии способствовала распространению мифа о Бонапарте как защитнике

¹¹⁴ V. Krestić. Zagrebačke demonstracije i bekstvo Milana Makanca u Beograd 1862. HZ, 1962, str. 231, 232.

¹¹⁵ «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, М., 1892, стр. 140, 141.

¹¹⁶ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1013, л. 1 (Фиуме), 1861 г. (мнение русского консула в Риеке).

«принципа национальностей». По свидетельству очевидца, «слава Наполеона, его победы распространены (так в тексте. — В. Ф.) по всем славянским землям... С Наполеоном — новая эпоха, новые события, новое время, то новое, чего сотни лет чают славяне»¹¹⁷. Другой наблюдатель сообщал из Белграда, что о Наполеоне распространяются фантастические слухи, а хорваты и венгры направляют к нему «передовых людей» за указаниями¹¹⁸.

Но, несмотря на то, что «многие из кроатов... открыто выражают свои симпатии к Франции и твердо убеждены, что только содействием ее политики может устроиться их будущая независимость,— сообщал в 1861 г. русский консул в Риеке, — я имею основание предполагать, что этими чувствами воодушевлены, собственно, люди... думающие, что только посредством революционного восстания можно достигнуть счастливых результатов. Наоборот, люди, принадлежащие к разумной оппозиции... [желают] на первый раз только необходимого...»¹¹⁹

В Хорватии и Далмации объединение Италии наряду с сочувственными откликами вызвало опасения за судьбу районов, граничащих с Италией.

Русские дипломатические представители в начале 60-х годов сообщали также о надеждах хорватов на содействие России в приобретении ими национальных прав¹²⁰. Русских людей в Хорватии встречали с энтузиазмом. Аксаков сообщал также об ожидании здесь прямой военной помощи со стороны России (этим он «был озадачен») ¹²¹.

Хорватии и Славонии Вена была вынуждена уделять особое внимание. Стремясь найти здесь опору на случай политических потрясений, правительство в июне 1860 г. назначило баном генерала Йосипа Шокчевича — хорвата по национальности, ранее служившего под началом Елачича. Шокчевич сразу стал подчеркивать решающее значение для судьбы хорватов их верности династии и прочных связей со славянами Австрии... Австрийские правя-

¹¹⁷ «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, стр. 142.

¹¹⁸ См.: В. И. Фрейдзон. О белградском «комитете» М. Бана. «Славянский архив». М., 1963, стр. 101.

¹¹⁹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1013, л. 8 (Фиуме), 1861 г.

¹²⁰ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1013, л. 9.

¹²¹ «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, стр. 140, 145 («сочувствие к русским такое, какого я не ожидал»).

шие круги заигрывали с австрославизмом, чтобы отвлечь хорватов от провенгерских и центробежных тенденций.

С октября 1860 г. в Загребе с разрешения властей начала выходить газета «Пóзор» («Воззрение», «Взгляд»), ставшая зеркалом настроений буржуазной среды и собравшая вокруг себя широкий круг деятелей¹²². «Пóзор» стал центром сплочения Национально-либеральной партии (народняки), наиболее влиятельного течения в национальном движении в 60-х — начале 70-х годов.

Все это свидетельствовало о вынужденном отказе властей от грубого централистско-германизаторского направления. Используя богатый политический опыт, придворные круги шли на ограниченные уступки разным национальностям, рассчитывая противопоставить их друг другу, выиграть время и сохранить решающую власть в своих руках.

Действуя в этом направлении, Франц-Иосиф издал манифест и диплом от 20 октября 1860 г. «относительно урегулирования внутригосударственных отношений»¹²³. Здесь провозглашалось, что долгом верховной власти является укрепление мощи империи при уважении традиционных различий между ее землями. Прокламировалось равноправие земель государства. Франц-Иосиф заверял, что отныне издание и отмена законов будут производиться «при содействии» сеймов земель (ландтагов) и рейхсрата. Общеимперское законодательство, касающееся финансов, кредита, таможенных сборов, торговли, транспорта, комплектования армии и т. п., должно осуществляться «при участии» рейхсрата. Для утверждения годовых бюджетов, введения налогов, решения вопросов, связанных с государственным долгом и заключением займов, необходимо «согласие» рейхсрата. Остальные дела составляли сферу деятельности сеймов: в землях венгерской короны — в соответствии с их прежней конституцией, в других — согласно их статутам (эти статуты издавались императором, тогда как конституция Венгрии и Хорватии по традиции не могла быть изменена без согласия их сеймов). Диплом фактически предусматривал сохранение полуфеодалного государственного

¹²² См.: J. Horvat. Povijest novinstva Hrvatske. Zagreb, 1962, str. 205—209; «Obzor. Spomen-knjiga», str. 240.

¹²³ «Wiener Zeitung», 21.X 1860. «Staatsgrundgesetze...», S. 2—5.

устройства с малокомпетентным рейхсратом, в котором преобладало влияние аристократии.

Одновременно с дипломом были опубликованы рескрипты о восстановлении Венгерской и Трансильванской придворных канцелярий, сеймов Венгрии, Хорватии и австрийских земель. Подтверждалась отмена сословной исключительности дворянства. Так, сабор Хорватии и Славонии предлагалось составить при участии «классов, ранее не пользовавшихся» политическими правами.

Политику Голуховского пронизывала «федералистско-централистская тенденция»¹²⁴, имевшая целью сохранение централизованного государства при уступках умеренным кругам.

Австро-немецкая буржуазия почувствовала себя униженной актами правительства, так как Венгрии давались более широкие права; к тому же обнародованные Голуховским статуты ландтагов австрийских земель отдавали эти собрания в руки помещиков и церкви.

Либеральная буржуазия Хорватии встретила диплом с воодушевлением, так как, кроме официального отказа от абсолютизма, он означал признание Веной особого положения Триединого королевства. Казалось, что австрийское правительство восприняло идею федерализма.

Либералы верили в «возрождение государства» императором. Горожане устраивали банкеты, прославляли на них «мудрого и доброго» Франца-Иосифа, встречали овациями новоназначенных высших чиновников. Жители Карловаца, одного из центров национального движения, по древнему обычаю изжарили на вертеле вола.

Политическая жизнь все более оживлялась. В ноябре 1860 г. в связи с подготовкой созыва сабора бан по традиции пригласил на совещание («банская конференция») ряд влиятельных помещиков, купцов, священников, адвокатов. В петиции Францу-Иосифу конференция просила признать хорватский язык официальным, учре-

¹²⁴ F. Šišić. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. Zagreb, 1916, str. 315. Еще более удачное определение («централистско-автономистская») было сформулировано в кн.: L. Eisenmann. Le compromis austro-hongrois de 1867, étude sur le dualisme. Paris, 1904.

дять Хорватско-славонскую придворную канцелярию (по делам управления, юстиции и просвещения), назначить хорватским канцлером местного уроженца и восстановить прежнее жупанийское (областное) управление. Наконец, конференция просила присоединить к Хорватии и Славонии Далмацию, три округа Истрии и о-ва Кварнеро, в старину принадлежавшие Хорватскому королевству. Из этого видно, что конференция стремилась подчеркнуть «законный» характер своих претензий.

Франц-Иосиф оказал хорватской депутации, вручившей ему петицию, подчеркнутое внимание. Вскоре был издан указ о хорватско-славонском «дикастерии» (отделе правительства); главой его был назначен И. Мажуранич; хорватские власти должны были вести дела на родном языке. В январе 1861 г. были восстановлены жупании, а на должности великих жупанов — начальников областной администрации — назначены политические деятели, в прошлом сторонники как иллирийской, так и провенгерской партий — И. Кукулевич, Л. Вукотинович, графы И. Эрдеди и Ю. Янкович и др., а также Штросмайер.

Что касается Далмации, то Франц-Иосиф считал нужным, чтобы вопрос был решен «после тщательного изучения и к общему удовлетворению». Для этого далматинские представители должны были прибыть в Загреб для переговоров, результаты которых следовало представить императору для решения. Истинный смысл этого ответа понятен в связи с обстановкой, сложившейся в это время в империи и Далмации. Выступления хорватов в пользу присоединения Далмации способствовали активизации политической борьбы в этой провинции. Национальная партия (народняки), в которую в 1860 г. начали спланиваться южнославянская (хорватская и сербская) интеллигенция, мелкобуржуазные круги, небогатая часть буржуазии, низшее духовенство, стала отстаивать употребление народного языка наряду с итальянским (образованных людей, владеющих родным языком, было еще так мало, а позиции итальянского языка столь сильны, что о большем пока думать не приходилось) и требовать присоединения области к Хорватии.

В момент, когда Вена искала выхода из кризиса, правительство не намеревалось выпускать из своих рук непосредственное управление Далмацией. Боясь усиления

Венгрии, оно опасалось присоединения Далмации к землям св. Стефана, частью которых считалась Хорватия¹²⁵. Видя в славянах противовес венграм и итальянцам, оно в то же время не сочувствовало решающему усилению национальных позиций хорватов и сербов, так как опасалось оказаться лицом к лицу со «второй Венгрией» (выражение русского посланника в Вене В. П. Балабина)¹²⁶. В Вене было решено пока что дать хорватам уклончивый ответ.

В Далмации воссоединению («аннексии», по тогдашней терминологии) воспротивились итальянизированные круги. Они не отрицали, что Далмация является южнославянской областью, многие из них и себя считали славянами, но были чужды *хорватскому* национальному сознанию и защищали принцип автономии Далмации. Язык южных славян они считали простонародным, но все же многие из них не возражали против его изучения в школах¹²⁷. Так сложилась группировка «автономистов». Под лозунгом автономии выступали как итальянизированные землевладельцы и буржуазия, так и австрийские чиновники итальянского происхождения. Для них автономия означала лишь сохранение управления областью в своих руках. Представитель Далмации в усиленном рейхсрате граф Борелли заявил, что присоединять Далмацию к Хорватии еще не время.

Объединение с Боснией и Герцеговиной было большей экономической потребностью Далмации, чем объединение с Хорватией, и это на первых порах сказалось на ориентации буржуазии¹²⁸. Имело значение и идейное влияние итальянского освободительного движения, в борьбе против которого Габсбурги опирались, в частности, на Военную Границу. Часть либеральных кругов опасалась, что воссоединение укрепит централистский режим, некоторые мечтали об объединении южных славян вне рамок Австрийской империи.

¹²⁵ G. Novak. Planje sjedinjenja Dalmacije s Hrvatskom 1860—1861. HZ, 1953, str. 14—18.

¹²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, л. 159, л. 274 (Вена), 1861 г.

¹²⁷ G. Novak. Prošlost Dalmacije, knj. II. Zagreb, 1944, str. 384.

¹²⁸ В то же время экономическая конъюнктура конца 50—60-х годов (кризис земледелия и подъем судоходства) побуждала далматинское купечество добиваться упрочения связей с Венгрией и Хорватией. См.; M. Gross. O nekim aspektima..., str. 12.

Вековая экономическая, политическая и культурная оторванность Далмации от Хорватии оставалась в начале 60-х годов, наряду с политической властью, непреодолимым препятствием их воссоединению. В конкретных условиях того времени воссоединение хорватских земель имело бы большое значение для борьбы всех южных славян Австрийской империи за национальные права.

Сабор Далмации избирался по куриальной системе, и сельская масса — почти $\frac{9}{10}$ населения — посылала меньше депутатов, чем крупные налогоплательщики, города и торгово-промышленные палаты. На выборах 1861 г. проявилась слабость народняков, едва приступивших к агитации. Народняки получили 14 мест, автономисты — 27¹²⁹. Сабор отказался вступить в переговоры с Загребом. Но национальное движение в Далмации постепенно приобретало все большую силу.

Борьбу Хорватии за расширение национальных прав власти пытались использовать для ухудшения венгеро-хорватских отношений. Поэтому они отнеслись терпимо даже к такому стороннику национального суверенитета, как Э. Кватерник.

В 1858 г. Кватерник жил в Петербурге. В это время начал действовать Московский славянский комитет¹³⁰. Хорватский эмигрант установил связи со славянофильскими и панславистскими кругами. Сам он в это время был не чужд «славизма» и русофильства. Акад. А. Куник, И. И. Срезневский, М. П. Погодин и другие ученые оказали ему поддержку. Кватерник был принят некоторыми аристократами, разговаривал с Е. П. Ковалевским — директором Азиатского департамента МИД.

Находясь в Петербурге и позднее — в Пеште и Вене, Кватерник призывал русские правящие круги отвлечься от религиозных различий, помочь венграм и хорватам и в свою очередь опереться на их поддержку в борьбе с Австрией¹³¹. Так, в марте 1859 г. Кватерник представил

¹²⁹ R. Nogvat. Hrvatski preporod u Dalmaciji, str. 20.

¹³⁰ О нем см.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960.

¹³¹ См. письмо Э. Кватерника М. П. Погодину от 22 мая 1858 г. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. М. П. Погодина. Подробнее см.: В. И. Фрейдзон. Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии. «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965,

В. П. Балабину целую программу действий, направленных на развитие русско-хорватских экономических и политических связей. Имелась в виду широкая закупка русскими купцами вина в Хорватии, поддержка хорватской журналистики, активизация деятельности русских консульств в Хорватии и Боснии. Особое внимание Кватерник уделял граничарам: он уверял, что, оказав им поддержку, можно поднять десятки тысяч граничар на восстание против Австрии, а вслед за ними — и весь «хорватский народ в Австрии и Турции»¹³².

Кватерник, перешедший в русское подданство, стал представителем «Российской компании судоходства и торговли» в Пеште. Но в его обязанности входила информация о политическом положении в Венгрии и Хорватии. Однако надежды Кватерника на русско-австрийские противоречия не оправдались. Правительство Александра II стремилось найти выход из внешнеполитической изоляции, в которой оказалась Россия после Парижского мира 1856 г.¹³³ Оно стало нащупывать возможность сближения в Австрией и Пруссией. Между тем надвигался франко-австрийский конфликт. Поэтому Кватерник, оставив русскую службу, направился в Турин — столицу Сардинского королевства, а затем в Париж¹³⁴.

Здесь хорватский эмигрант, выступая в газетах, стремился показать европейскому читателю, что хорватский народ хочет свободы и имеет право на самостоятельность. Позднее Кватерник считал своей заслугой то, что многие итальянцы перестали смотреть на хорватов как на слуг Австрии¹³⁵. Ему приходилось бороться с пропагандой итальянских экспансионистов в отношении хорватских и словенских земель и т. д. Он написал листовку,

стр. 45, 46; он же. О жизни и деятельности Евгения Кватерника, стр. 142—150.

¹³² ЦГАЛИ, ф. 436, д. 1475; В. И. Фрейдзон. О жизни и деятельности Евгения Кватерника.

¹³³ См., например: С. К. Бушует. А. М. Горчаков. М., 1961, стр. 5.

¹³⁴ В. П. Балабин одобрил его намерение выступить в Париже с пропагандой «хорватского дела» и снабдил его деньгами для поездки во Францию. АВПР. Политический отдел, д. 4, л. 3, 1859 г.

¹³⁵ Е. Kватерник. Gorke uspomene. «Hèrvatska», 12.11 1871. Примечательно появление в 1859 г. дружественной хорватам статьи известного итальянского деятеля Н. Томмазо, с которым Кватерник поддерживал хорошие отношения. L. Voïnovitch. La Dalmatie, l'Italie et l'unité yougoslave. Genève, 1917, стр. 315—319.

в которой призывал граничар к отказу от борьбы против французов и итальянцев¹³⁶.

Важным выступлением Кватерника в это время была анонимная брошюра, в которой доказывалось право хорватов на полный национальный суверенитет. Автор утверждал, что осуществление этого права соответствует интересам противников Австрии¹³⁷. Деятельностью Кватерника заинтересовался Ф. Кошут¹³⁸.

Кватернику удалось добиться приема у Кавура и французского принца Жерома Бонапарта. Как ранее русских, он пытался убедить их в готовности граничар к восстанию, а Жерому даже предложил «престол объединенного Хорватского королевства». Но его просьба о денежной помощи для организации восстания в Хорватии не нашла отклика.

Поворот Наполеона III к сближению с Австрией лишил Кватерника надежд на успех. Стремясь принять участие в политической борьбе на родине, он передал австрийскому посольству в Турине проект урегулирования положения в Австрии. Кватерник советовал Вене признать «национальный принцип» и создать ряд национальных государств, общими у которых были бы государство, финансы, оборона, парламент. Понимая, что его проект неудовлетворителен с точки зрения сторонников суверенитета¹³⁹, он предпринял этот шаг, чтобы открыть себе путь в Хорватию. Из Вены пришел ответ, что план Кватерника «невозможно рассматривать в качестве основы для серьезного разговора»¹⁴⁰. Все же правительство разрешило Кватернику, за которого ходатайствовал Штросмайер, не только вернуться в Хорватию, но и баллотироваться в сабор. Вена в стремлении мобилизовать все силы для противодействия венгерскому движению пыталась использовать даже автора «La Croatie». С либералами Кватерника в это время сближало стремление

¹³⁶ Ch. Segvić. Prvo progonstvo Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907, str. 152.

¹³⁷ «La Croatie et la confédération italienne». Paris, 1859. В русской литературе об этом см.: А. Гильфердинг. Собрание сочинений, т. II. СПб., 1868, стр. 153—165.

¹³⁸ См.: М. Нехајев. Djela, sv. 7. Zagreb, 1944, str. 244.

¹³⁹ См.: Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima hrvatske politike u šezdesetim godinama XIX st. «Radovi Filozofskog fakulteta. Historijska grupa», I. Zagreb, 1959, str. 69.

¹⁴⁰ E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hrvatska», 19.III 1871.

утвердить и расширить автономию Хорватии, объединить хорватские земли. На средства Штросмайера Кватерник издал свои сочинения, где обосновывал идею национального суверенитета хорватов¹⁴¹.

Другой идеолог национального радикализма, А. Старчевич, в «Петициях» Риекской жупании, ногариусом которой он являлся, в начале 1861 г. призывал к созыву полновластного сабора (т. е. конституанты), задачей которого считал провозглашение «священных принципов» свободы личности, слова, печати, союзов, избрание чиновников, рассмотрение экономических проблем, установление торговых отношений с другими странами, т. е. выдвигал широкие национально-демократические требования¹⁴².

После 1848 г. в Австрии усилились обуржуазивающееся дворянство, банковская и торгово-промышленная буржуазия. «Высшая буржуазия, мелкие собственники, ученые, журналисты, публицисты, коммерсанты тяготеют к единству монархии», привилегии Венгрии «оскорбляют их», — отмечал русский дипломат¹⁴³. Представители указанных кругов составили меньшинство рейхсрата 1860 г. Они добивались «абсолютного единства» государства в административно-политическом отношении и либерализации политической жизни. Аристократическим кругам пришлось уступить умеренным либералам, представителем которых был государственный министр А. Шмерлинг, сменивший Голуховского в декабре 1860 г.

Попытка династии урегулировать отношения в империи, опираясь на полуфеодалские круги, не дала результатов. Диплом не удовлетворил венгерское дворянство. И славяне всюду стремились «оградить свои права народности»¹⁴⁴. Псевдофедералистские жесты прави-

¹⁴¹ Е. Кватерник. *Politička razmatranja na razkrižju hrvatskoga naroda*, I. Zagreb, 1861; он же. *Das historisch-diplomatische Verhältniss des Königreiches Kroatien zu der ungarischen St. Stephans Krone*. Agram, 1861.

¹⁴² См.: А. Старчевич. *Djela, knj. II*, str. 13. Имевшиеся в это время между Кватерником и Старчевичем разногласия по вопросу об отношении к Австрии и правительству (см.: Л. Кунтич. *Vanjskopolički pogledi pravaša od 1858 do 1871*. Nacionalna i sveučilišna biblioteka, trezor. Рукопись диссертации), вероятно, как это случалось и позднее, не выходили за рамки тактических.

¹⁴³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 192, л. 257 (Вена), 1860 г.

¹⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 159, лл. 189—190 (Вена), 1861 г.

тельства привели лишь к активизации политических сил на местах: «Все провинции, все народности заговорили вдруг, требуя от правительства новых уступок, на которые оно не хочет согласиться»¹⁴⁵. В этих условиях опора на австро-немецких централистов показала династии лучшим выходом.

Существенное значение в этом повороте имели внешнеполитические соображения. Преобладание немецкого элемента в Австрийской империи давало Габсбургам опору в борьбе с Пруссией за гегемонию в Германии.

Результатом прихода к власти Шмерлинга был «февральский патент» (указ) 1861 г.¹⁴⁶ Это была конституция, изданная вопреки обещанию Франца-Иосифа без «участия земель» империи. Согласно патенту, рейхсрат состоял из двух палат. Нижняя комплектовалась из 343 представителей сеймов земель, верхняя — из членов царствующего дома, аристократии, представителей клира и назначаемых императором лиц. Собственно Австрии обеспечивалось преимущественное представительство¹⁴⁷. Куриальная система выборов, имущественный ценз и право представительства аристократии ставили господствующую нацию в еще более привилегированное положение, ибо к ней принадлежали дворянство и крупная буржуазия ряда славянских земель Австрии. Наконец, границы избирательных округов были установлены так, что австро-немецкое население получило преимущество.

Права рейхсрата были невелики. В основном он должен был санкционировать бюджет. Решения рейхсрата подлежали утверждению императором, который сохранил решающую власть. Он назначал председателей палат и главу правительства. Парламентской ответственности правительства не было.

Рейхсрату были подведомственны дела, касавшиеся всей монархии (по Октябрьскому диплому). Без участия представителей земель венгерской короны («узкий рейхсрат») он мог обсуждать собственно австрийские вопросы, при их участии (в «расширенном составе») —

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 428, д. 89, л. 2 (Вена), 1860 г.

¹⁴⁶ «Staatsgrundgesetze...», S. I—V, VI—IX.

¹⁴⁷ Венгрия получила 85, Хорватия—Славония—9, Далмация—5, Трансильвания—26 мест. Всего венгерско-хорватская часть государства располагала 120 местами. «Staatsgrundgesetze...», S. VII.

дела всего государства. В отличие от австрийских земель Венгрии и Хорватии предоставлялось право самим определять порядок выбора своих депутатов.

Конституция стала воплощением централистских идеалов. Февральский патент в определенной мере отвечал требованиям австро-немецкой либеральной буржуазии и являлся шагом на пути обуржуазивания Австрийской монархии. Но интересы австро-немецких либералов требовали подавления других национальностей, что делало невозможной сколько-нибудь последовательную либерализацию государства. Ряд законов абсолютизма, установивших всевластие бюрократии, сохранил силу.

В неавстрийских районах патент был встречен с неодобрением. В Хорватии продолжались оппозиционные выступления. Горожане Загреба забросали грязью и разбили вывески с названиями учреждений на немецком языке и императорским орлом (31.III 1861 г.). Тогда солдаты расквартированного в Загребе полка по приказу офицеров сорвали вывеску с хорватским гербом. Но это обострило обстановку. Солдаты были возвращены в казармы. Масса людей, неся хорватские флаги, с пением национальных песен восстановила хорватский герб на прежнем месте ¹⁴⁸.

Венгерский сейм отказался признать февральский патент. Франц-Иосиф, ставший государем в 1848 г., не смог тогда короноваться короной св. Стефана. Коронация, для которой требовалась санкция сейма Венгрии и сабора Хорватии, была необходима для стабилизации внутреннего положения. Венгерский сейм поставил условием коронации восстановление в силе законов 1848 г. и создание национального правительства. В связи с этим в августе 1861 г. сейм был распущен.

В «адресе», принятом небольшим большинством голосов (меньшинство требовало ограничиться «резолуцией»), сейм заявил об отказе «слиться» с Австрией, признать общеимперскую власть. Но, хотя и большинство, и более радикальное меньшинство сейма принципиально отстаивали суверенитет Венгрии, сейм оставлял дверь открытой для соглашения с Австрией. Решающее отличие венгерских национально-революционных кругов, эмигрантов, в частности Кошута, от либералов

¹⁴⁸ V. Krestic. Zagrebačke demonstracije..., str. 234.

заключалось в их стремлении обеспечить свободное экономическое развитие страны путем завоевания политической независимости.

Все же позиция сейма привлекла к Венгрии симпатии многих либеральных и буржуазно-демократических элементов в австро-немецких и славянских землях.

Уже в 1859 г. венгерское дворянство стало требовать восстановления «освященного историей» политического единства Венгрии с Хорватией и Славонией. Исходя из исторического права, венгерские помещики добились возвращения Венгрии Меджимурья и настаивали на включении в ее состав Риеки. Это ухудшило перспективы хорвато-венгерского соглашения.

Но в венгеро-хорватских отношениях сравнительно с периодом до 1848 г. произошли изменения. Со стороны венгерских либералов раздавались призывы к совместной борьбе за конституцию. Без единства с Венгрией,— заявляли они,— Хорватия стала игрушкой в руках правительства. Хорватам давались обещания поддержать их в борьбе за присоединение Далмации и Военной Границы, за политику, более благоприятную для дворянства и купечества, прежде всего за снижение налогов, стимулирование экспорта, организацию кредита и т. п. Привлечь на свою сторону хорватов (да и сербов Воеводины) или по крайней мере нейтрализовать их на период острых споров с правительством для венгерских дворянско-буржуазных деятелей было необходимо.

Обеспечение выхода к морю и экономических связей с Балканами через хорватские земли оставалось в центре внимания венгерских помещиков. Но в 60-х годах результаты процесса хорватского национального Возрождения, подъем национального движения остальных южных славян и вся ситуация в империи побуждали господствующий класс Венгрии согласиться с принципом автономии Хорватии.

Лидер венгерских либералов Ф. Деак отстаивал принцип политического единства (общности) Венгрии и Хорватии в отношениях с остальной Австрией. Это означало прежде всего единый парламент и правительство. Деак не возражал против расширения полномочий сабора и изменения «условий совместного законодательства». Он утверждал, что венгерская сторона признает автономию Триединого королевства. В территориальном

споре Деак отказывался идти на уступки, ссылаясь на «историческое право»¹⁴⁹. В целом смысл его аргументации сводился к тому, что если Венгрия сохранит за Хорватией автономию, то Австрия, вероятно, уничтожит ее. В соответствии с этим сейм 1861 г. потребовал возвращения Хорватии и Славонии в состав земель св. Стефана как их неотъемлемой части, вместе с тем прокламируя свободу хорватов определить здесь свое положение.

«Между славянами и венграми более нет национальной вражды, по крайней мере среди высших и просвещенных классов», — писал уже в 1859 г. Кватерник¹⁵⁰. Сближению между венгерским и хорватским оппозиционными течениями способствовала «общая ненависть к австрийскому правительству»¹⁵¹. Централистский и германизаторский режим 50-х годов показал, чего могут ожидать хорваты, если венские правящие круги вновь станут полными хозяевами положения.

Но понимание того, что венгеро-хорватские разногласия выгодны правительству, являлось не столько результатом анализа уроков 1848—1859 гг., сколько определенной общности интересов имущих классов Венгрии и Хорватии (как обычно, «уроки истории» учитывались постольку, поскольку это соответствовало реальным или кажущимся интересам общества)...

В Хорватии и Славонии силы, выступавшие за восстановление государственного единства (унии) этих земель с Венгрией во что бы то ни стало, имели определенную общественную физиономию. Хорватский публицист указывал, что «мадьяроны (венгрофилы.— В. Ф.) — это хорватское дворянство, еще имеющее свой кусок хлеба, а также часть местной хорватской буржуазии»¹⁵². «Магнаты... — это род касты, руководимой вполне мадьяронскими тенденциями», — отмечал русский консул. Это большей частью люди «по материальному положению вполне независимые»¹⁵³. Либеральная газета писала,

¹⁴⁹ См.: «Franz von Deak's Denkschrift über das Verhältniss zwischen Ungarn und Kroatien». Wien, 1861, а также: АВПР, ф. Канцелярия, д. 159, лл. 279—281 (Вена), 1861 г.

¹⁵⁰ АВПР, Г. А., Политический отдел, д. 4, л. 15, 1859 г.

¹⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 719, л. 352 (Вена), 1859 г.

¹⁵² A. Starčević. Djela, knj. III, str. 96.

¹⁵³ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1021, лл. 9, 25 (Фiume), 1865 г.

что унионисты — «карликовая партия наших денационализованных графов и баронов»¹⁵⁴.

Хорватское дворянство, после 1848 г. с трудом приспособившееся к новым условиям и не находившее, по его убеждению, должного отклика в Вене на свои претензии, видело в венгерских помещиках сильного союзника. С их помощью можно было более решительно подавить сопротивление крестьянства, решать проблемы кредита и экспорта¹⁵⁵. Для дворян лозунг ликвидации самовластья означал возрождение их хозяйничанья в местных делах под сенью венгеро-хорватской конституционности. Из этого видно, что в ориентации большинства дворянства в 50-х годах произошел поворот, так как среднее дворянство Хорватии ранее поддерживало иллиризм. Но теперь венгерское дворянство не только не угрожало «муниципальным правам» хорватов, как в 1840-х годах, но обещало защищать их от Вены. Об интересах хорватского и венгерского дворянства свидетельствуют, например, выступления хорвато-славонского барона Л. Хелленбаха и венгерского графа Э. Зичи. Хелленбах заявлял, что дорога Земун — Риека «соединит нас (хорватов. — В. Ф.) со славонскими братьями», сделает Приморье и Загреб средоточием «разнообразной венгерской экспортной торговли», Зичи же указывал, что дорога будет построена, как только Венгрия «станет краеугольным камнем положения»¹⁵⁶. Вывоз венгерского продовольствия влиял на ориентацию части хорватской буржуазии. Но унионистов поддерживала лишь часть купечества.

К унионистам в 60-х годах примкнули некоторые представители интеллигенции, в прошлом иллиры. Писатель М. Богович, подвергавшийся преследованиям при абсолютизме, считал унионизм средством спасения хорватов от денационализации.

¹⁵⁴ «Pozor», 20, 24.V; 7.VIII 1867. О составе унионистов см. также L. Hellenbach. Die Fusion, Agram, 1866, S. 41.

¹⁵⁵ См.: V. Bogdanov. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958, str. 525, 526, а также стр. 522, 528. Об унионистах см. также: «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, стр. 141. О социальных причинах унионизма см.: Lj. Kuntić. O nekim osnovama..., str. 82.

¹⁵⁶ «Pozor», 11.IV 1863; АВПР, ф. Канцелярия, д. 182, лл. 143, 144 (Вена), 1865 г.

«Крайнее» большинство унионистов возглавлялось славонскими магнатами, их поддерживало крупное, преимущественно немецко-венгерское, купечество Осиека. Кроме того, имелось «умеренное» буржуазно-дворянское крыло унионистов, требовавшее более широкой автономии, чем того хотело большинство¹⁵⁷. В доводах умеренных звучали патриотические национальные ноты¹⁵⁸. Умеренные стояли ближе, чем большинство течения, к национальной буржуазии.

В начале 60-х годов унионисты составили Национально-конституционную партию. Она выступала против единого рейхсрата. Ненависть к австрийской власти вызвала у некоторых унионистов сочувствие к венгерским радикальным кругам. Но в целом унионисты поддерживали программу австро-венгерского дуализма, искали компромисса с Веной¹⁵⁹. Большинство унионистов защищало требование единого венгеро-хорватского бюджета, единого законодательства и управления в финансовой, торговой и военной областях¹⁶⁰, общего сейма.

Пропаганда партии отражала общность классовых интересов хорватского и венгерского дворянства. Единство земель св. Стефана, указывали унионисты, гарантировало хорватов от растворения не только в «немецком море», но и в «море славянском». Отрыв Хорватии от короны св. Стефана, по мнению графа Эрдеди, привел бы к «несчастью для отечества»¹⁶¹. Магнатство продолжало традицию «мадьяронов» 40-х годов, опасалось объединения южных славян в буржуазном государстве.

Особую провенгерскую позицию в 1861—1867 гг. занимали деятели сербского национального движения в Хорватии и Славонии, основной базой которого являлся Срем. В соответствии с известной линией группировки С. Милетича М. Полит-Десанчич и другие выступали за хорвато-венгерское сотрудничество против Вены, за

¹⁵⁷ К умеренным принадлежали Л. Хелленбах, граф Ю. Янкович, часть чиновников. О политике умеренных см.: J. Z[ivkovi]ć. *Politički pabirci iz nedavne prošlosti Hrvatske*. U Zagrebu, 1892.

¹⁵⁸ См. «Pozor», 10, 11.IV 1863. Статья М. Б[оговича].

¹⁵⁹ Например, Хелленбах выдвигал тезис о важности союза «производителей» (помещиков) и «капиталистов», финансистов (олицетворение Вены!). См.: V. L. H[e]llena[ch]. *Misli...*, str. 75.

¹⁶⁰ «Pozor», 1.IV 1867.

¹⁶¹ «Spisi saborski... od god. 1861», sv. III, str. 162. См. также «Dnevnik sabora... 1861», str. 253; «Pozor», 27.V 1867 (И. Живкович).

независимость балканских народов. Это был радикальный унионизм, стремившийся воспользоваться австро-венгерскими противоречиями в интересах южных славян.

Провенгерские настроения в Хорватии охватывали круги более широкие, чем те, которые представляли унионисты. Идея *равноправного* союза с Венгрией преобладала в национальном движении ¹⁶².

¹⁶² Хорваты, по сообщению русского консула, «сильно хотят» соединиться с Венгрией, но при широкой автономии... Правительство стремится этому воспрепятствовать. АВПР, Г. А., VA₂, д. 1013, л. 3 (Фиуме), 1861 г.

*Австрославизм и югославизм*ОБ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ
ХОРВАТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Национальное движение выдвигало определенные аргументы для обоснования своих целей. В сочинениях его идеологов встречаются и попытки определить понятие «народа» (нации). Народ, — писал, например, В. Вержич, — есть «множество лиц, отмеченных... печатью общего происхождения, сходством нравов и характеров, наконец, подобием облика и осанки...» Все это, по его мнению, создает центростремительную силу, проявляющуюся в «единстве народного самосознания при отсутствии единого государства или же в единстве и того и другого»¹. Радикальные деятели Э. Кватерник и В. Бах считали, что народ выделяется «своим языком, обычаями, нравами, общим прошлым, потребностями, пользой, своей родиной и национальностью» и при этом должен «сам осознавать свою особенность»². Нет необходимости в критике этих определений. Существенны сами попытки разобраться в проблеме, вызванные нуждами движения.

Теоретической опорой его деятелей являлся «национальный принцип» — тезис о естественном праве народов на национальную свободу. Идеи равноправия народов и суверенитета нации как органической части «прав человека» развивались идеологами буржуазии в борьбе против феодализма и абсолютизма. Они распро-

¹ «Pozor», 22.XI 1865.

² Arhiv S. R. Hrvatske. Rakovička buna, kutija VII, br. 408.

странились по Европе во время французской революции и в первой половине XIX в.

Конечно, вызванный к жизни условиями и интересами поднимающегося буржуазного общества «национальный принцип» уже тогда имел определенное социально-политическое содержание. Возведение целей буржуазии своей нации до степени абсолюта, притупление классового сознания формирующегося пролетариата — даже в эпоху прогрессивной буржуазии это в той или иной степени входило в существо буржуазно-национальной идеологии. Однако превалирующим тогда было прогрессивное содержание «национального принципа».

События в Европе доказывали непреоборимость этого принципа. Возродились Сербское (1804, 1815 гг.) и Греческое (1821, 1829 гг.) государства, затем — самостоятельная Бельгия (1830 г.), укрепляла независимость Черногория, боролись за свободу поляки, ирландцы, южные славяне Боснии и Герцеговины, болгары. Завершилось национальное освобождение Италии (1859—1870 гг.), возникла объединенная Германия (1870 г.).

Уже в 40-х годах XIX в. представители хорватского национального движения основывали свои требования на «естественном праве», на «национальном принципе»³. В 1861 г. Штросмайер утверждал, что право на самостоятельность всем народам в равной мере «дано богом» — и в Риме, и в Афинах, и в Пеште, и в Загребе. Нет народов, предназначенных править другими. Любой народ имеет право «бросить под ноги договор, его поработивший...»⁴

Национально-радикальные круги с самого начала своей деятельности (т. е. с конца 50-х годов) также ссылались на национальный принцип⁵. В 1861 г. Кватерник говорил о «принципах естественных и национальных прав»⁶. И когда в 1871 г. национально-радикальная газета утверждала, что «принцип национальности свяще-

³ Мы отделяем использование этого принципа борцами за свободу от спекуляции на нем правящими кругами держав, в особенности Наполеоном III.

⁴ «Dnevnik sabora... 1861», str. 374, 375.

⁵ См.: Ch. Segvić. Prvo progonoštvo..., str. 141, 171. Подробнее см.: В. И. Фрейдзон. Общественно-политическая позиция Е. Кватерника. «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XXX, 1966, стр. 107.

⁶ «Das historisch-diplomatische Verhältniss...», S. 2—4.

нен, ибо исходит из воли народа», то это было уже общепринятым в патриотических кругах мнением⁷.

Умеренный унионист М. Богович, как и многие унионисты, ссылаясь в своих статьях на требования «XIX в. — века национальности». Таким образом, национальный принцип — идейная основа разных течений национального движения 60-х годов XIX в.

Хорватские публицисты понимали, что национальная идея, как и другие «великие гуманистические идеи», является «плодом нового времени... Всякий век имеет свои господствующие идеи, которые невозможно подавить. Ранее это было христианство или привилегии аристократии... Ныне господствует идея прогресса вообще, национального прогресса в особенности или идея национальности»⁸.

«Мы живем в эпоху, когда идея народности занимает все большее и большее место в практической политике, сплачивая и разрушая истари славные государства», — заявлял «Позор» в 1866 г.⁹ Либеральный деятель Ф. Рачкий считал, что национальность — великая сила современности; в прусских победах 1866 и 1870 гг. он видел силу «идеи, за которую немцы бьются», и был уверен, что эта идея не потерпит поражения и у славян, так как «никакая сила не может воспрепятствовать этому»¹⁰. Когда в 1867 г. на голову Франца-Иосифа была торжественно возложена корона св. Стефана и австро-венгерские господствующие классы ликовали по поводу «окончательного» усмирения народов монархии, хорватская газета утверждала: «Италия десять лет назад была более раздроблена, чем южные славяне... Таков ответ на вопрос, не погибли ли мы»¹¹.

Деятели национального движения видели свою цель в достижении суверенитета нации. В отношении объема прав все нации должны быть равноправны, ведь «количество и качество естественных прав... государства не зависят от его территории и численности населения. Бель-

⁷ «Hèrvatska», 8.I 1871.

⁸ «Pozor», 22.XI 1865; 27.VII 1866.

⁹ «Pozor», 14.VII 1866.

¹⁰ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 110; см. также: V. Novak. Antologija jugoslavenske misli i narodnog jedinstva. Beograd, 1930, str. 275.

¹¹ «Pozor», 14.VI 1867.

гия имеет столько же прав, сколько Франция, а Швеция и Норвегия — сколько Россия, и т. д.»¹².

Историческое прошлое хорватского народа давало возможность идеологам национального движения использовать аргумент «исторического государственного права». Отстаивая национальные требования против великодержавной политики правящих кругов и венгерских помещиков, они ссылались на отмеченные в документах и иных источниках права Хорватского королевства.

В феодальной, да и в пореформенной Австрийской империи принцип исторического права сохранял значение. Феодальный класс различных народов в отдаленном прошлом строил свои отношения с императорско-королевской властью на основе договоров, в которых признавались его автономные права. В XIX в. дворянство обосновывало этим свои притязания на автономию земель, на господство над другими народами или на то и другое. Однако степень осуществления «исторического права» зависела от политической силы данной нации.

До иллиризма историческое право являлось орудием помещиков, защищавших «муниципальные права» (автономию) Хорватии и Славонии или по сути дела привилегии местного дворянства в сфере управления. Историческое право служило дворянству для борьбы против централистской и реформационной политики императоров в XVIII в. Но хорватские дворяне, презрев историческое право, в 1790 г. отказались в пользу своих венгерских собратьев по классу от некоторых атрибутов автономии, в частности права сабора вотировать налоги¹³, когда сочли, что этот шаг упрочит позиции крепостников.

И в Венгрии, и в Хорватии историческое право как политический довод переняло национальное движение уже потому, что это движение началось как дворянское и дворянско-буржуазное, потому, что и после 1848 г. в империи сохранилось господствующее положение дворянства, сохранилась консервативная традиция, а вся юридическая и политическая надстройка была пропитана остатками феодализма.

¹² «Pozor», 9.VI 1867.

¹³ F. Sišić. Hrvatska povijest. Treći dio. U Zagrebu, 1913, str. 23; R. Horvat. Najnovije doba hrvatske povjesti. U Zagrebu, 1906, str. 15.

Но содержание борьбы за историческое право изменялось вместе с развитием капитализма. В 60-х годах XIX в. либеральная буржуазия пыталась, апеллируя к историческому праву, добиться широкой автономии Хорватии, объединения национальной территории, обеспечить благоприятные условия для развития национальной экономики. Национально-радикальное течение использовало историческое право в качестве средства легальной защиты требования национального суверенитета. В то же время помещики-унионисты выдвигали тезис о единстве венгеро-хорватского государственного права. Для них конфликта между хорватским и венгерским историческим правом не существовало.

Итак, в 60-х годах национальное движение стремилось историческим правом обосновать свои прогрессивные требования. При этом и в естественное, и в историческое право каждое течение вкладывало нужное ему содержание.

Однако сохранилась и другая черта «правовой» идеологии: возможность ссылки на «право» для отрицания национальных прав других народов на данной территории или для обоснования претензий на другие земли.

Политические задачи побуждали деятелей национального движения сочетать «исторические» и «естественные» аргументы. Именно так, например, историк Ф. Рачкий доказывал принадлежность города Риеки Хорватии¹⁴, а представители радикального течения заявляли претензии на «все земли, принадлежащие Хорватии,— по государственно-историческому и современному национальному праву», требовали гарантии «исторических, национальных и естественных, т. е. суверенных, прав» и т. д.¹⁵

Но историческое право опровергалось национальными деятелями, если оно противоречило хорватским интересам. Например, Иван Перковац иронизировал по адресу венгерских дворян, отрицавших, как он писал, существование «славянского юга» лишь потому, что о нем не упоминается в феодальном *corpus juris* (своде законов)¹⁶,

¹⁴ F. Račkí. Rieka prema Hrvatskoj. Zagreb, 1867.

¹⁵ «Das historisch-diplomatische Verhältniss...», S. 217; E. Kvaterník. Promemorija princu Jérômeu Napoléonu. Zagreb, 1936, str. 36 (1864. Здесь и далее в скобках — дата документа, письма, статьи и т. п., если она не указана в тексте). «Hèrvatska», 9.VII 1871.

¹⁶ «Pozor», 26.X 1866; 13.VII 1867.

а горячий пропагандист «правового» принципа Э. Кватерник опровергал основанные на историческом (венгерском!) праве претензии венгерских магнатов на Хорватию, называя это право «легитимной пакостью», убиваемой национальным принципом. В 1861 г. он указывал, что прибегает к историческо-правовой аргументации лишь потому, что противники игнорируют хорватские права, «вытекающие из принципа естественного права»¹⁷.

В правовой аргументации хорватов в сущности сказалась известная черта исторического развития: различные элементы надстройки, в частности политические, юридические и другие теории, во многих случаях определяют преимущественно форму исторической борьбы¹⁸.

НАРОДНЯКИ И ИХ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ

В 60-х — начале 70-х годов XIX в. преобладающая роль в хорватском национальном движении принадлежала Национально-либеральной партии (народняки)¹⁹. Ее идейно-политическая позиция определялась условиями существования и настроениями средней, а частично и мелкой буржуазии. Этот пестрый слой общества (или часть его), как отмечалось, с одной стороны, был заинтересован в расширении внутриимперских экономических связей и был связан с помещичьим хозяйством, с другой — терпел гнет Австрийского государства, страдал от господства австро-немецкого крупного капитала, инонациональной и местной аристократии. Положение средних слоев определяло двойственную линию народняков: конечную цель они видели в самостоятельном южнославянском государстве, но считали возможным национальное освобождение и объединение южных славян (хотя бы на время) в пределах Австрийской империи. Это сказалось и в колеблющейся тактике народняков.

Лидером партии являлся Штросмайер, по своим политическим взглядам стоявший особняком среди крупных

¹⁷ Ch. Segvić. Prvo progonstvo..., str. 141; «Das historisch-diplomatische Verhältniss...», S. 4.

¹⁸ Ф. Энгельс — И. Блоху, 21, 22.IX 1890 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37, стр. 394, 395.

¹⁹ Как обычно, в ту эпоху партией называлась группировка, или течение, не имевшая стройной организации.

землевладельцев (дьяковскому епископству принадлежало большое имение). В 60—80-х годах епископ был владельцем ценных бумаг, акционером пароходного общества, вкладчиком сберегательных касс, кредитором купцов и предпринимателей²⁰. Влияние народняков в буржуазных кругах колебалось. Временами их поддерживали представители богатой буржуазии (например, Васо Котур — купец и промышленник, Венцеслав Туркович — банкир, купец, судостроитель и землевладелец). Среди народняков выделялся Антун Якич — купец, владелец типографии, предситель торгово-промышленной палаты²¹. Якич прошел в сабор от одного из округов Загреба, где торговцы и ремесленники составляли большинство. Но в целом буржуазия еще мало занималась политикой. Ее интересы представляла интеллигенция. В стране со слабой буржуазией роль интеллигенции как особого слоя общества в национальном движении и всей политической жизни была особенно велика. В 1872 г. один из идеологов народняков Франьо Рачкий²² отмечал, что партию поддерживают «имущие граждане» и «независимая интеллигенция», т. е. нечиновные элементы. Нередко они (представители духовенства, журналисты, юристы) были связаны с буржуа родственными отношениями²³. Большая часть учащейся молодежи — светской и духовной — поддерживала народняков. Духовенство играло ведущую роль среди народняцкой интеллигенции и наложило печать на идеологию всего течения.

Барон Хелленбах, унионистский публицист, называл народняков «литератами» (т. е. «пишущей» интеллиген-

²⁰ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 215; II, str. 26.

²¹ «Znameniti i zaslužni Hrvati». Zagreb, 1925, str. 117; M. Despot. Časopis «Sidro» o hrvatskoj privredi «prednagodbenačkog» razdoblja. «Iz starog i novog Zagreba». Дж. Црнадак вспоминал, как его и еще двух «торговцев и патриотов» — М. Крешича и А. Якича — в конце 40-х годов «любовь к родине и роду своему соединила... для деятельности, и мы стремились открыть путь хорватскому духу и языку на поле торговли и ремесла» (N. Krešić. 50-godišnjica..., str. 118). После 1859 г. все они участвовали в политической жизни.

²² Ф. Рачкий (1828—1894 гг.) — доктор теологии и каноник, крупный историк, происходил из семьи сельского торговца.

²³ См., например: F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 221; В. И. Фрейзон. Корреспонденция Рачкий — Штротмайер как источник..., стр. 144 и др.

цией), но признавал их большое влияние на общество²⁴. Интеллигенция, являвшаяся наиболее активной силой движения, была пестрой по общественному положению. В ее взглядах проявлялись нюансы либерализма и буржуазного демократизма. Крупные национальные деятели Хорватии 60-х годов, за редким исключением, происходили из горожан и дворянства. Но много представителей младшего поколения интеллигенции уже было из крестьян.

К народнякам примыкала часть чиновничества, учителя и др.²⁵ Но, когда надежда на успех исчезала, чиновничество выступало как самая оппортунистическая прослойка²⁶.

В 1862 г. народники отмечали, что «главные сословия нашего народа — высокое дворянство, буржуазия и крестьянство... или ничего не знают, или слабо заботятся» о «высших целях государства». Поэтому, — писал «Пóзор», — народу (нации) трудно отстаивать свои интересы. Народ, «правда, и без них понемногу идет к определенной цели, которую поняли только отдельные лица и которой добиваются главным образом духовенство, ученые люди, учащаяся молодежь и вообще люди, живущие духовной жизнью». «Что касается буржуазии, то уже состояние нашей промышленности²⁷ и сбыта товаров, зависящих от иноземцев, показывает, что она в настоящее время не может быть тем фактором нашей национальной жизни, каким она является у других народов». В отличие, например, от Венгрии, продолжала газета,

²⁴ L. Hellenbach. Die Fusion, S. 9. Б. Шулек — публицист и редактор газеты, писал в 1863 г., что, «к счастью, все что владеет пером, осталось верным конституции и отечеству». «Građa»; knj. 19, 1950, str. 45.

²⁵ Ф. Рачкий с 1863 г. являлся инспектором школ (В. Новак. Фрањо Рачки. Београд. 1958, стр. 120). Б. Шулек одно время редактировал правительственный «Вестник полиции». «Građa»; knj. 19, str. 41. Об учительстве как опоре народняцкой оппозиции см.: I. E r s e g. Djelatnost Franje Račkoga odražena u njegovoj korespondenciji. «Zbornik Historijskog Instituta» vol. 2. Zagreb, 1959, str. 272.

²⁶ Увольнение чиновников являлось «одним из главных средств» правительства, когда ему надо было «иссушить источник оппозиции». М. Мразович и И. Перковац — Н. А. Попову [б. ч.], 1868 г. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. Н. А. Попова.

²⁷ Obrt — термин, означавший ремесло и промышленность, главным образом мелкую.

«лидеры нашего народа не могут гордиться чередой предков... они родились в лачугах у бедных родителей». Дворянство хорватское воспитано в венгерском духе, «мещанство придавлено иноземной промышленностью, крестьянство — непросвещенное...» «Поэтому наши национальные устремления не получают той поддержки, которой они достойны»²⁸. Такова самохарактеристика главного течения национального движения. Вероятно, ее не следует понимать буквально, но ясно, что движение не охватило большинства буржуазии.

Народняки выступали за подъем хозяйства Хорватии, прежде всего транзитной и экспортной торговли²⁹, а также кредитного дела³⁰, сельского хозяйства и промышленности. Некоторые народняцкие деятели занимались экономикой систематически³¹. Самого Штросмайера «весьма интересовало» проведение железной дороги из Славонии к морю и создание кредитных учреждений. Все это он считал «жизненными вопросами для нашего обедневшего народа»³².

Народняки сетовали на безразличие Вены к интересам Хорватии. Они мечтали о самостоятельности хорватской экономики, с емким рынком, капиталах и т. д. «Верная картина [нашего] хозяйственного положения была бы печальной, — писал «Позор», — Хорватия и Славония зависят от чужого хозяйства, как ранее кмет зависел от господина»³³.

Социальные проблемы занимали в умах народняков существенное, но подчиненное место. В их пропаганде подчас осторожно высказывалось намерение привлечь крестьян к поддержке борьбы за автономию Хорватии или хотя бы нейтрализовать их. Так, Шулек подчеркивал,

²⁸ «Pozor», I. II 1862.

²⁹ А. Якич пропагандировал создание акционерных обществ по образцу западных стран. В духе меркантилизма он утверждал, что «для благосостояния самое выгодное... торговля, привлекающая иностранные деньги в страну» («Pozor», 20. I 1863).

³⁰ «Никогда не было лучшего случая для финансистов столь выгодно вложить деньги и для патриотов содействовать интересам страны без всякой жертвы, даже с прибылью...» «Pozor», 3. VIII 1867. Речь шла об учетном банке.

³¹ А. Якич в 1864—1868 гг. издавал журнал «Сидро», посвященный проблемам хозяйства. См.: M. Despot. Casopis «Sidro»...

³² F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 8, 9 (1862 г.).

³³ См., например: «Pozor», 24. IX 1866, 6. VIII 1866. Кмет — крепостной крестьянин.

что «барщина отменена навсегда и ни в коем случае не может быть восстановлена»³⁴, что в 1848 г. господа «полностью уравнили с собой» крестьянина, поэтому, утверждал он, хорватская конституция является достоянием «не только господ, но всего народа»³⁵.

Но народняки не шли дальше проектов выкупа крестьянами оставшихся повинностей. В отличие от помещиков они лишь предлагали смягчить условия выкупа, протестовали против злоупотреблений дворянства, вызывавших бунты³⁶.

В 1866 г. народняки предложили законопроект о выкупе крестьянами земель, за которые те еще несли повинности, о гарантиях против захвата помещиками пастбищ и т. п.³⁷ В 1866 г. сабор, в котором преобладали народняки, предложил законодательным путем ускорить выкуп повинностей. «Остающиеся еще феодальные отношения надо отменить», считал сабор, но, «не желая, чтобы одна сторона получила выгоды за счет другой», признал право помещиков на возмещение. В обращении к Францу-Иосифу сабор заявлял, что эта реформа необходима для перехода «к положению, соответствующему духу и требованиям времени»³⁸.

Целью народняков было устранить наиболее нетерпимые феодальные пережитки, препятствия развитию экономики страны, вызывавшие возмущение масс и ослаблявшие возможности национального движения.

Экономические и просветительные проекты народняков были направлены на обеспечение постепенного подъема хозяйства и на сплочение таким путем хорватской нации. Б. Шулек, например, пропагандировал интенсификацию земледелия по примеру Англии, Бельгии и Голландии, применение усовершенствованного инвентаря, машин, развитие луговодства, регулирование русла рек, проведение дорог, переселение крестьян, наконец, обуче-

³⁴ Сторонники правительства приписывали оппозиции, борющейся за автономию Хорватии, стремление восстановить феодализм.

³⁵ B. Šulek. Hrvatsko-ugarski ustav ili konstitucija. U. Zagrebu, 1861, str. 71, 120, 121.

³⁶ Народ может «дойти до такого отчаяния, что, защищая имущество, не пожалеет своей крови». Поэтому необходимо скорее «все перестроить на законном основании», — писал «Позор» после крупных крестьянских волнений. «Pozor», 5.1 1867.

³⁷ Lj. Kunčić. O nekim osnovama..., str. 77, 78.

³⁸ «Pozor», 10, 12 I 1867. См. гл. VII.

ние крестьян, чтобы они могли более производительнее работать³⁹.

Штросмайер лестно отзывался о Елисавете Прасничкой, издававшей «народную библиотеку» и обучавшей крестьян новым методам хозяйствования⁴⁰. Но для народного просвещения народниками было сделано мало.

Отношение к революционным настроениям крестьян выразила народняцкая газета «Заточник» в 1869 г.: «Неправомерно и дерзостно требовать раздела земли между всеми, занимающимися земледелием, так как это было бы несправедливым, более того, диким захватом собственности»⁴¹.

В связи с нехваткой рабочей силы в хозяйстве некоторые либералы в саборе 1861 г. предлагали облегчить распад задруг. Они доказывали, что эта мера будет способствовать развитию экономики Хорватии⁴². Раздела задруг требовали по преимуществу наиболее оппортунистические по своей позиции в национальном вопросе круги, связанные с австрийским капиталом или венгерским и хорватским крупным землевладением. Дело в том, что в тогдашней Хорватии воспользоваться последствиями ликвидации задруг могли прежде всего крупные помещики и австро-немецкие фабриканты. Среди оппозиционных Вене и Пешту патриотов преобладали сторонники временного сохранения задруг. Многие народники считали, что распад задруг, ускоряющий размывание крестьянства («базы нации»), облегчит закрепление инациональной буржуазии в Хорватии, а также обострит классовую борьбу. Этот страх перед австрийским и венгерским помещичье-буржуазным либерализмом в социальной сфере примечателен. Национальная средняя и мелкая буржуазия видела для себя опору во временном сохранении некоторых старых общественных форм.

Неудовлетворенность буржуазии общественно-политическим строем государства сказалась в понимании народниками связи между политической реакцией и господством аристократии: «Высшая венгерская аристократия — элемент непримиримый с гражданской и нацио-

³⁹ B. Šulek. Izabrani članci. Zagreb, 1952, str. 180—186, 188.

⁴⁰ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 49 (1867 г.).

⁴¹ См.: M. Gross. Počeci radničkog pokreta u Zagrebu. HZ, 1955, str. 9.

⁴² «Dnevnik sabora... 1861», str. 889—917.

нальной свободой, со свободой религии...», «наша, особенно славонская, аристократия — каста, далеко стоящая от народа», «ее влиянию завидует всякий способный выходец из буржуазной среды, так как оно основано на привилегиях, а не знании и заслугах»⁴³.

Разночинная интеллигенция давала волю своему негодованию позицией земельных магнатов в национальном вопросе и подчас выражала демократические взгляды. Но в народняцком лагере абсолютно преобладали умеренно-либеральные воззрения. Буржуазия не была способна решительно бороться с влиянием крупных землевладельцев и не помышляла о существенном изменении социальной структуры Хорватии. Здесь сказались многообразные связи между буржуазией и помещиками (см. гл. II)⁴⁴. Все это ослабляло действенность национальных требований народняков⁴⁵.

Хорватским магнатам народняки противопоставляли английское дворянство, якобы стоящее «во главе общества», а не над ним⁴⁶. Сближение помещиков с буржуазией было идеалом народняков. Они мечтали о времени, когда широкие слои буржуазии проникнутся национальным духом, обуржуазившиеся помещики и экономически окрепшее крестьянство втянутся в национальное движение, поддержат буржуазию. «С прогрессом промышленности и торговли будет расти патриотизм» буржуазии, «просветить же крестьянство — наша главная забота», — провозглашал «Пбзор». Интересы нации требуют «действий, направленных на подъем сельского сословия, к которому следует причислить всякого, кто сам занимается земледелием»⁴⁷. В этом отношении образцом для народняков служила Чехия. Рачкий писал: «Нам следовало бы поднять народ духовно и материально... Чехи доби-

⁴³ «Pozor», 30.III 1867; 16.V 1862.

⁴⁴ В народняцком проекте закона о саборе (1866 г.) сохранялось право магнатов на личное присутствие в саборе. «Pozor», 7.I 1867.

⁴⁵ На отношении народняцкой публицистики к помещикам оказывала влияние политическая ситуация. Критические ноты тусклили, когда буржуазия сотрудничала с помещиками (например, в 1865 г.), и становились ярче, когда их позиции расходились (1867 г.).

⁴⁶ «Английское дворянство стоит во главе... всякого либерального движения», не отделяется от народа, является «головой национального тела». Поэтому, утверждал «Пбзор», к нему никто в Англии не испытывает вражды. «Pozor», 16.V 1862.

⁴⁷ «Pozor», 4.1; 1.II 1862; см. также «Pozor», 24, 25.1 1862.

лись успехов тогда, когда национально настроенные люди взяли в свои руки материальные интересы чешского народа»⁴⁸.

Народняки стремились использовать зарождавшееся в Хорватии рабочее движение для привлечения рабочих к поддержке буржуазной оппозиции. В конце 60-х годов народняцкий «Заточник» печатал статьи о рабочем вопросе. Он считал, что, хотя Хорватия — крестьянская страна, и здесь пора обратить внимание на рабочих, чтобы избежать острой классовой борьбы, свойственной Франции или Австрии. «Заточник» призывал улучшить экономическое положение рабочих путем повышения их квалификации с помощью государства⁴⁹.

Парижская Коммуна и классовая борьба хорватских рабочих вызвали поворот в отношении народняков к «рабочему вопросу». Особенно возмутила народняков солидарность между рабочими австро-немецких земель и Хорватии⁵⁰. Ведь в этом нашла выражение идеология, враждебная буржуазии.

В народняцкой группировке имелись немногочисленные элементы буржуазно-демократического толка. Они более последовательно защищали политические свободы, были врагами клерикализма в области культуры. Но они не выделялись особой национальной программой. Народняцкую группировку объединяли прежде всего национальные цели. В социальных и политических взглядах народняков были различия — от Штросмайера, который, будучи конституционалистом, все же выражал уважение царской семье Романовых, до Маканеца, увлекавшегося Сен-Симоном.

Милан Маканец (1848—1883 г.) — преподаватель, уже гимназистом участвовал в выступлениях протеста против режима и был вынужден бежать в Белград. Он возражал против создания богословского факультета в Загребе, сочувствовал утопическому социализму⁵¹. В 1869 г. Маканец возглавил движение загребских рабо-

⁴⁸ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 112 (1870 г.).

⁴⁹ M. Gross. Počeci radničkog pokreta u Zagrebu, str. 5—9.

⁵⁰ V. Cević. Historija organizacije i političkih borba grafičkih radnika Hrvatske. 1870—1955. Zagreb, 1955, str. 62, 63.

⁵¹ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 249; M. Gross. Počeci radničkog pokreta u Zagrebu; V. Bogdanov. O Milanu Makancu. «Živa prošlost». Zagreb, 1957.

чих за создание страхового и просветительного общества.

Маканец еще некоторое время участвовал в начальных шагах рабочего движения. При его поддержке в 1873 г. было создано «Ремесленно-рабочее общество». Что касается Парижской Коммуны, то этот мелкобуржуазный демократ сожалел по поводу того, что парижские рабочие не следовали учению Кабэ о ненасилии.

В Далмации национальная либеральная интеллигенция, на первых порах малочисленная, и по своему составу, и по социальной позиции была близка хорватославонской. В Истрии в 60-х годах национальной (средней) буржуазии не было, и движение имело более демократический, вернее, патриархальный характер. На Военной Границе социальной основой народняцкого движения являлось купечество, фактически составлявшее единое целое с буржуазией гражданских земель, офицеры и выходцы из их среды, нередко связанные с буржуазией и интеллигенцией Хорватии и Славонии⁵², мелкие чиновники и т. д. Все эти группы сознавали необходимость реформ. Но национальные чувства уже проникли в широкие слои граничар.

ПРОГРАММА РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

В РАМКАХ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. АВСТРОСЛАВИЗМ И ПРОБЛЕМА АВСТРИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Народняки унаследовали от иллиризма поддержку поднимающихся буржуазных слоев. Это было основой идеологической преемственности между ними. При всем том новая эпоха обусловила социальные и идейно-политические различия между иллирами и народняками.

Непосредственной целью народняков являлось объединение хорватских земель, расширение национальных прав в культурной, политической и экономической областях. В отличие от периода до 1848 г., объединение

⁵² Хорваты и сербы — офицеры, граничары по происхождению, служили почти в каждом полку австрийской армии. Они живо интересовались событиями в Хорватии. См., например: N. K r e š i ć. 50-godišnjica..., str. 115—117 (об эпохе иллиризма). О чтении офицерами «славянских газет» мы упоминали в гл. II.

земель теперь выдвигалось как практическая задача дня. Согласно историческому праву, под хорватскими землями народняки имели в виду Хорватию и Славонию, Далмацию, Хорватско-Славонскую Военную Границу, часть Истрии, о-ва Кварнеро, Меджимурье, часть Боснии (так называемая Турецкая Хорватия) и словенские районы: три округа Крайны, часть Штирии. Б. Шулек именно таким образом обосновывал требование объединения хорватских земель и претензии на некоторые нехорватские территории⁵³. В то же время он не упоминал о части действительно хорватских земель (например, о части Истрии). Это свидетельствовало о стремлении либералов приспособить свои требования к австрийским условиям и по возможности расширить территорию Хорватии⁵⁴.

Требование воссоединения хорватских земель обосновывалось народняками, в частности, социально-экономическими интересами хорватов. Присоединение Далмации необходимо для «морального и материального прогресса народа», для «расцвета торговли», гибнущей в современных условиях, «подобно цветку, лишенному солнца». Ликвидация «гнилой системы» на Военной Границе и присоединение области к Хорватии, — утверждали национальные деятели, — открыли бы путь развитию буржуазии — «быстрому распространению на Границе... людей из лучших и имущих классов». Военная же система удерживает «производство на низшей ступени», разоряет сельское хозяйство⁵⁵.

Народняцкая печать следующим образом разъясняла загребским мещанам значение автономии Хорватии. Жителям Загреба выгодно, писал «Побор», чтобы страна обладала «наиболее широкой и гарантированной автономией». Тогда в городе разместятся правительство, очаги культуры, сюда протянутся железные дороги, заводы поднимут здесь свои трубы, «возникнет большой город с процветающей промышленностью, появятся уч-

⁵³ B. Šulek. Hrvatsko-ugarski ustav ili konstitucija, str. 45.

⁵⁴ Следует учитывать, что в Истрии в это время хорватское национальное движение было слабым.

⁵⁵ «Pozor», 26.II 1863; 12.V 1866 (подпись Р. Ф.— вероятно, Ф. Рачкий); 19.III 1867. Сисакская торгово-промышленная палата заявляла, что военный режим превращает Военную Границу в «мумию». N. Plavšić. Указ. соч., стр. 76.

реждения, своими капиталами поддерживающие предприятия, сюда — в сердце Хорватии — будут сходиться все нервы нашего народа; концентрироваться весь духовный и материальный капитал»⁵⁶.

Глубокие корни требований народняков выявились в утверждении: «Зрелые, сознательные народы защищают свою национальность не из платонической любви к языку, они с непоколебимым упорством борются не для того, чтобы некоторые из их сыновей получили чины и почести. Их цель — более возвышенная: всесторонняя свобода, чтобы можно было развить ее ради своей пользы, чтобы занять место в истории как особая индивидуальность, чтобы жить своей жизнью, своими стремлениями, ... своей культурой, своей волей»⁵⁷.

Требование финансово-экономической автономии — основа минимальной программы народняков. Сущность автономии, утверждали они, в том, что сами хорваты определяют уровень налогов, а также «на что тратить свои деньги», сами отчисляют часть их центру, и против воли сабора никакая власть не может предпринять что-либо «в ущерб материальному развитию» Хорватии⁵⁸.

Народняки утверждали, что каждая страна обычно имеет собственные интересы — военные, финансовые, торговые и т. п. Например (в случае безоговорочного объединения с Венгрией), «какую гарантию получим мы от того, что железная дорога на Риеку не будет проведена в обход нашей страны?» А налоги? «Лишь гербы (финансового ведомства. — В. Ф.) будут другие, а солдаты станут обирать крестьян во имя Пешта, а не Вены». Пример Ирландии говорит о печальной судьбе народа, лишившегося своей государственности⁵⁹.

Народняки добивались, чтобы строительство дорог и портов в Хорватии находилось в компетенции автономных властей. В Австрии же это зависело от интересов аристократии, австрийских и иностранных банкиров⁶⁰.

Как и другие народы империи, хорваты, по мнению народняков, должны иметь право решать имперские проблемы (например, устанавливать величину пошлин,

⁵⁶ «Pozor», 7.VIII 1867.

⁵⁷ «Pozor», 16.IV 1867.

⁵⁸ «Pozor», 10.VIII 1867.

⁵⁹ «Pozor», 1.IV; 25.VII 1867; 6.XI 1866.

⁶⁰ См.: «Pozor», 5. I 1863.

число хорватских рекрутов для имперской армии), влиять на политику центральной власти. «На нашем знамени,— писал Б. Шулек в 1865 г.,— мы пишем самостоятельность Триединого королевства... центральному правительству мы хотим уступить от нашей самостоятельности лишь столько, сколько необходимо для сохранения Австрийской монархией своей мощи как европейской великой державы»⁶¹. Эта формула была классической в народняцкой публицистике.

Путь к национальному равноправию в Австрийской империи народняки видели в солидарности славянских национальных движений. Они принимали концепцию хорватского сабора 1848 г., считавшего, что «народ в Хорватии и Славонии видит свое счастье и несчастье в счастье и несчастье других славянских племен, живущих под австрийским жезлом»⁶². «В той мере, в какой поднимается остальное славянство Австрии, улучшается и облегчается наше положение»,— утверждал Штросмайер⁶³.

Концепция, предусматривавшая освобождение славянских народов в рамках Австрийской империи и исходившая из того, что интересы славян требуют сохранения и укрепления империи, известна под названием австрославизма. В австрославизме, развившемся в Чехии в 40-х годах XIX в., по-разному выражались интересы как местного дворянства, так и буржуазии. Крупным явлением в обосновании австрославизма в 60-х годах явились статьи выдающегося историка и деятеля чешского национального Возрождения Ф. Палацкого («Идея Австрийского государства», 1865 г.)⁶⁴.

В 60-х годах в связи с политической обстановкой в Австрийской империи среди либеральной интеллигенции развернулось движение славянской взаимности. Быстро расширились политические и культурные связи между славянскими народами.

При почти единодушном признании необходимости конституционного строя представления об устройстве Австрийской империи у разных политических и национальных групп различались. Австрослависты выдвигали программу федерализации империи, полагая, что при

⁶¹ B. Šulek. Izabrani članci, str. 210.

⁶² «Pozor», 16.VII 1866.

⁶³ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 38. Письмо от 6.II 1867 г.

⁶⁴ F. Palacký. Spisy drobné, díl I. V Praze, 1898.

этом славяне получают решающее политическое влияние в Австрии (произойдет ее «славянизация»). Численность славянского населения империи казалась австрославистам магическим рычагом для перестройки государства на началах справедливости.

Народняки, как их предшественники — деятели иллиризма (в 1848 г.), считали решением проблемы превращение империи в сообщество равноправных народов: «Основой будущего прочного существования Австрии должно быть равноправие народов»⁶⁵. Федеративное устройство монархии народняки, так же как иллиры в 1848 г. и национальные деятели Чехии или Словении, считали гарантией национального равноправия. Для народняков Вена — «не сердце, а чрево империи и торба без дна»⁶⁶, т. е. эксплуататор, но она может стать приемлемым центром монархии, которую следует лишь преобразовать. Для них был нетерпим централизм, будь то абсолютистский или конституционно-«либеральный», которого добивалась австро-немецкая буржуазия. Вместе с тем им была свойственна вера в возможность путем реформ «исправить» монархию Габсбургов.

Но сторонниками федерации объявляли себя не только славянские либеральные круги. В федералистском лагере в 60-х годах XIX в. различались разные течения. Аристократия — австро-немецкая, частично — венгерская и польская, связанная с бюрократическим аппаратом, — представляла консервативное течение. В Хорватии к нему тяготели верхи церкви и чиновничества, небольшая часть помещиков и буржуазии. Цели этого течения были ограниченными: монархия, централизованная в решающих сферах политической жизни, земское самоуправление в руках помещиков, союз последних с военщиной и церковной иерархией.

В сущности — это программа псевдофедерализма, замаскированного централизма. Таковую программу Габсбурги хотели бы осуществить. Но к 60-м годам XIX в. консервативные круги уже, как правило, не могли обеспечить свое преобладающее влияние в политике, их вытесняли либеральные помещичье-буржуазные элементы: в Австрии — по преимуществу сторонники централизма,

⁶⁵ «Pozor», 16.VII 1866.

⁶⁶ «Pozor», 28.VII 1866.

в Венгрии — дуализма, в ряде славянских земель — федерализма.

Другое — действительно федералистское, разных оттенков либеральное течение в основном было представлено буржуазией разных наций. Буржуазия стремилась расширить свои национальные права, завоевать суверенитет нации. К этому ее побуждали социально-экономические и культурные, т. е. *национальные*, интересы.

Крупной силой федералистского лагеря являлись чешские либералы, выдвинувшие идеологов федерализма (Ф. Палацкий, Ф. Ригер)⁶⁷. В Словении оба течения — буржуазно-консервативное (Я. Блейвейс и др.) и буржуазно-либеральное (Ф. Левстик, А. Томшич и др.) — мечтали об автономной Объединенной Словении в составе федерализированной Австрии. При этом относительно объема национальных прав имелись разные мнения. В Воеводине к федералистам примыкали наиболее умеренные сербские церковные, буржуазные и чиновничьи круги. Колеблющуюся позицию в федералистском лагере занимали польские помещики, склонные к сепаратному соглашению с правящими кругами.

Принципом федералистской концепции являлась децентрализация власти в империи и ее устройство на конституционных основах. В 1848 г. чешский сейм и хорватский сабор — различия между их проектами были невелики — предлагали оставить за центральной властью дела военные, иностранные, торговые и финансовые (касающиеся всей империи). Иллирийская партия имела в виду создание центрального парламента и ответственного правительства⁶⁸. Примером государственного устройства для федералистов 60-х годов служила Швейцария. «Как там три народа живут в сообществе и любви, так пусть живут и австрийские народы»⁶⁹.

Ф. Палацкий считал, что программа сохранения Австрийской империи соответствует всеобщей «централи-

⁶⁷ См.: Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XIV, 1956.

⁶⁸ «Aktienstücke...», S. 49; J. S i d a k. Austroslavizam i slavenski kongres u Pragu. «Historijski pregled». 1960, N 3—4, str. 210; он же. Poslanstvo hrvatskog sabora austrijskom parlamentu g. 1848. «Radovi Filozofskog fakulteta. Odsjek za povjesti», 3. Zagreb, 1960, str. 8.

⁶⁹ «Pozor», 11.VIII 1866.

заторской» тенденции прогресса. Он утверждал, что развитие человечества ведет к упрочению больших государств⁷⁰. Лидер чешского национал-либерализма по-своему откликнулся на одну из объективных тенденций капитализма: все большее сплочение наций прежде всего — в сфере экономической.

Что касается принципа федерации, то уже в 1848—1849 гг. выдвигались проекты учреждения автономных единиц как на этнической основе, так и на историко-территориальной и, наконец, комбинации того и другого⁷¹.

В 60-х годах федералистская программа разъяснялась народняками неоднократно. «Национальный принцип» неодолим, рассуждали они. Австрийская империя или приспособится к нему, или погибнет. Но федерализм и есть осуществление национального принципа в условиях империи⁷². Укажем на типичное выступление адвоката М. Хрвата. Австрия, писал он, населена разными народами, состоит из земель, не забывших о своем свободном прошлом... «Не остается иного, как устройство Австрии на базе равноправия и полной политической и национальной свободы всех народов, т. е. на основе федерации независимых народов, которые, прочно объединившись и имея равную пользу от конституции и национальной свободы, отбили бы всякую попытку установления как немецко-венгерского господства, так и немецкой централизации». «Но так как необходимо, чтобы Австрия не распалась», то — по Хрвату — надо некоторые дела передать центральной власти. Этими делами Хрват, как и народняки вообще, считал дипломатию, армию, денежную систему, торговые отношения с границей.

Определяя состав федерации, Хрват исходил из «исторического развития ... и ныне господствующего национального принципа», т. е. пытался совместить «историческое» и «естественное» право. По его мнению, Австрийский союз должен состоять из: 1) хорватских коронных земель — Хорватии с Меджимурьем, Далмации, Дубровника, Котора, о-вов Кварнеро, Славонии и,

⁷⁰ F. P a l a c k ý. Spisy drobné, díl I, str. 144 (1861 r.).

⁷¹ См., например: F. P a l a c k ý. Spisy drobné, díl I, str. 78, 79. В условиях революции Палацкий отстаивал демократический принцип учреждения национальных автономных областей.

⁷² «Pozor», 13.VII 1867.

согласно договору 1848 г., Сербской Воеводины; 2) словенских земель; 3) чешских коронных земель; 4) польских коронных земель (куда включались Галиция, Волынь, Буковина); 5) Венгрии (с Трансильванией); 6) австро-немецких земель⁷³. Хрват не включил в состав хорватских земель Истрию, игнорировал интересы словацкого, румынского и украинского населения⁷⁴.

В других статьях «Позор» развивал идеи Хрвата, ссылаясь как на «историческое право», так и на «дух времени». И то и другое предусматривает право «каждого народа на полную независимость», но одновременно учитывает, что народы Австрии связаны между собой и с династией; это означает необходимость создания общеимперского органа из депутатов земель пропорционально численности их населения⁷⁵, свободы личности и национальности, предоставления внутреннего устройства земель их усмотрению, ответственности всех властей⁷⁶.

Согласно федералистам, при осуществлении их проектов все народы были бы удовлетворены, внутреннее положение империи — прочным («федерация — конец революций»). И в 1848—1849 гг., и в 60-х — начале 70-х годов, когда Австрия, как казалось, находилась под угрозой гибели, австрославизм и федерализм выдвигались в качестве средства спасения трона. «Славянизация Австрии — единственное ее спасение, но она этого не хочет и устремляется к своей гибели», — сетовал Б. Шулек в 1861 г.⁷⁷

Отказ народняков от последовательной защиты этнического принципа федерации⁷⁸ имел глубокий смысл. Соглашаясь с принципом федерации «исторических земель», они не только стремились обосновать некоторые свои требования, но и сделать федерализм более приемлемым для его противников (например, венгерского дворянства), для консервативных кругов, для династии.

⁷³ «Pozor», 9.I 1862.

⁷⁴ В дальнейшем (1867 г.) народняки — с согласия ряда словенских национальных деятелей — предлагали объединить словенские земли с хорватскими в «южнославянское сообщество».

⁷⁵ Обычно народняки требовали равных прав для Хорватии и Венгрии независимо от численности их населения.

⁷⁶ «Pozor», 16, 17.XII 1862.

⁷⁷ «Građa», knj. 19, str. 39.

⁷⁸ Хотя в их выступлениях нередко говорилось о «народах». См., например: T. Smičikla s. Nacrt života i djela..., str. 41.

План федерации земель не имел ничего общего с всеобщим национальным равноправием, этим широко провозглашаемым идеалом народняков, но зато, казалось, открывал возможность соглашения с двором. Вообще в Австрийской империи в 60-х годах сторонники федерации, основанной на этническом принципе, не пользовались широким влиянием.

Народняки были готовы пойти на различные варианты федерации лишь бы добиться объединения хорватских земель и прочной автономии Хорватии. «Политика этой партии, — писал «Пóзор», — не игнорирует ни связи, соединяющей Триединое королевство с землями венгерской короны, ни связи с остальными королевствами и землями Австрийской монархии, развившейся на основе прагматической санкции и реальных обстоятельств, но сопротивляется всякому централизму как во всей монархии, так и в землях венгерской короны»⁷⁹. Пределом мечтаний народняков в области федеративного устройства империи было объединение в одну из федеральных единиц всех ее южнославянских территорий⁸⁰. При этом допускалась возможность различных вариантов связей федеративного характера между ними.

Стремясь договориться с Габсбургами об автономии своих земель, большинство федералистов, вопреки позиции демократических элементов, молчаливо или открыто предусматривало сохранение сильной императорской власти⁸¹, привилегий аристократии и т. п. В связи с этим надо указать на характерную черту либерального федерализма. Его сторонники далеко не всегда были в состоянии отмежеваться от псевдофедералистских консервативных кругов. Тех и других, вопреки существенным разногласиям, объединяло признание принципа «целости и великодержавного положения» Австрии, возможности решения национального вопроса в ее рамках.

В. И. Ленин понятиями «национал-либерализм» и «национал-либералы» обозначал идейно-политические

⁷⁹ «Pozog», 21.I 1867.

⁸⁰ Т. е. в конечном счете — торжество этнического принципа. Это соответствовало требованию хорватского сабора в 1848 г.

⁸¹ «Защищая принцип достаточно сильной государственной власти, мы вместе с тем являемся сторонниками государственного права отдельных королевств, которое без помощи государственной власти осуществить невозможно». «Pozog», 24.X 1866.

течения и группировки буржуазии⁸², которые «везде и повсюду» стремились разрешить национальный вопрос в рамках (границах) данного государства, искали соглашения с правящими кругами, идейно и политически зависели от господствующей реакции. В. И. Ленин отмечал, что в 60-х годах XIX в., когда Маркс развивал «последовательно демократическую», «враждебную национально-либеральной трусости политику», Ф. Лассаль в Германии «шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики», ибо хотел согласовать свою позицию в вопросе объединения Германии с политикой Бисмарка⁸³.

Австрославизм и федерализм славянской буржуазии Австрийской империи являлись выражением национально-либеральных взглядов. Народняки, как выяснится из дальнейшего, не ограничивались рамками австро-федералистских проектов, но, поскольку они признавали возможность хотя бы временного решения национального вопроса в границах империи Габсбургов, они склонялись к национал-либерализму. Последний вообще был присущ как умеренным либералам, так и многим буржуазным демократам⁸⁴.

В 1848 г., когда после ряда лет подъема хорватское национально-освободительное движение достигло кульминации, гегемония национал-либералов способствовала трагическому для него исходу. Для национального освобождения тогда было необходимо решительно ослабить центральную власть, влияние династии, абсолютистской реакции. Борьба за независимость шла в одном русле с борьбой за конституционный строй, за политическую свободу. По мере развития венгерской национальной революции Кошуту и его сподвижникам (по своим социальным взглядам — представителям *либерального* обуржуазивающегося дворянства) приходилось, даже вопреки сопротивлению своего же класса, искать поддержку у широких слоев народа. Стремление же обес-

⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 318.

⁸³ Там же, т. 26, стр. 138—154. Национал-либералами (в среде господствующей нации) Ленин называл: в России начала XX в. — кадетов, во время мировой войны — Потресова, Каутского и др. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 247—249; т. 26, стр. 134, 135; «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 171, 175.

⁸⁴ Правее народняков в национальной борьбе находилась умеренная группировка, отделившаяся от народняков в начале 60-х годов (так называемые самосталцы, о которых см. в гл. V).

печить свои национальные интересы в рамках Австрии и, следовательно, стремление сохранить Австрию, чтобы перестроить ее на началах конституционной монархии и национального равноправия, толкало федералистов (тоже дворянских и буржуазных либералов — по социальной сущности) к компромиссу с двором. Это приводило к упрочению позиций последнего, а в Хорватии усиливало влияние консерваторов (клер, часть аристократии и чиновников), враждебных всякому оппозиционному движению⁸⁵. Ограничиваясь обещаниями федералистам, реакция мобилизовала силы и вслед за подавлением австро-немецкой и славянской демократии, вслед за разгромом Пьемонта и венгерского движения за независимость покончила с федералистами. Вопреки их желаниям, позиция федералистов, стремившихся объединить южнославянские земли империи и дать отпор шовинизму венгерского дворянства, способствовала победе реакции. Поэтому в трудные моменты в 60-х годах XIX в., да и в XX в. австрийские власти пытались вновь заигрывать с идеей федерализма⁸⁶.

Катастрофа 1848—1849 гг. произвела сильное впечатление в Хорватии. Представители всех политических течений 60-х годов анализировали события того времени. Народняки, сохраняя австрославистские взгляды, не смогли вполне критически отнестись к политике иллиризма. Они, например, указывали на доверчивость иллиров к Елачичу, послушному воле двора, но все же народняцкий лагерь считал Елачича «бессмертным баном»⁸⁷.

⁸⁵ В тенденциях национальных движений, думается, заключена причина особенности революции 1848—1849 гг., отмеченной марксистской историографией: венгерское движение развивалось по восходящей линии, а сербское (можно сказать, и хорватское.— В. Ф.) — по нисходящей. См.: Р. Перовић. О српском покрету у Војводини 1848—1849. В кн.: «Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849». Београд, 1952; выступление Р. Перовича в 1954 г. «Историски гласник», 1954, № 3, а также: A. Lebl. *Revolucionarni pokret u Vojvodini 1848—1849*. Novi Sad, 1960.

⁸⁶ Понятия «либералы» и «либерализм», обозначающие группировки и течения определенных социальных слоев (обуржуазивающегося дворянства, буржуазии), очевидно, недостаточны, когда речь идет о национальном движении. По социальным взглядам либералы или близкие им многие деятели национальных движений (в Венгрии, Польше, как увидим, и в Хорватии) выступали с радикальной программой.

⁸⁷ «Pozor», 17.I 1863.

Культ Елачица стал возрождаться особенно после австро-венгерского компромисса 1867 г.

Однако в 60-х годах в хорватской либеральной среде уже было мало доверия к австрийской власти⁸⁸. К поддержке двора призывали, как правило, лишь элементы, стоящие на правом фланге австрославистского лагеря. Эта позиция умеренных сблизила их с реакционными кругами (часть магнатов, верхи церкви и др.), при любых обстоятельствах поддерживавшими императорскую власть. Но принципиальное признание единства монархии («общих интересов» народов, ее составляющих, как говорили тогда) в какой-то мере служило общей базой для народняков, умеренных и консерваторов и временами сближало эти группировки (см. гл. VII—IX).

Буржуазно-демократические элементы на левом крыле народняков отличались от большинства лидеров тем, что с наступлением тяжелого для национального движения периода (в начале 70-х годов) они продолжали отстаивать требование широкой автономии и сотрудничество хорватов со славянскими народами в борьбе за национальное освобождение. И вот даже эти элементы ввиду своего австрославизма и федерализма не могли решительно отмежеваться от умеренных. Вместе с умеренными австрославистами они в 1867—1872 гг. состояли в одной партии⁸⁹. Цепь от правых до левых федералистов замыкалась, и в этом, в частности, заключался вред, принесенный австрославизмом хорватскому национальному движению.

В области национально-политической резкую грань между умеренными (капитулянтскими) и консервативными кругами, с одной стороны, и буржуазной демократией — с другой, мог положить лишь отказ от австрославизма, т. е. национально-радикальная позиция.

В 60-х годах маневры правящих кругов в конечном счете были направлены на соглашение с венгерским

⁸⁸ «В 1848 г. мы сделали уступки австрийскому ответственному правительству и известно, в каком плохом положении оказались. Неужели ныне следует сделать те же самые уступки абсолютистскому правительству?», — риторически спрашивал Шулек в 1861 г. «Града», knj. 19, str. 39.

⁸⁹ Развернутое изложение австрославистских взглядов было дано М. Маканецем в 1871 г. См.: D. Kermauner. Dva pisma Milana Makanca Josipu Jurčiću. HZ, 1963, str. 147—149.

дворянством при выгодных для Вены условиях. Власти пытались шантажировать венгров угрозой федерализма и уступками буржуазии некоторых славянских земель. Эта тактика в 1860—1866 гг. не достигла результата, так как славянская буржуазия отказывалась служить орудием властей (в особенности в Словакии, Воеводине, Хорватии). Но все же федералисты в стремлении не утратить доверия династии в трудные для Габсбургов моменты (например, 1866 г.) прокламировали лояльность и во внутривластической борьбе в империи были обречены на политическое бессилие. Правящие круги могли быть уверены, что политические течения, не выходявшие за рамки федерализма, останутся верными единству государства и их можно будет не опасаться. В определенной степени федералисты, хотя они и отказывались капитулировать перед централистским режимом (именно такую позицию занимала Национально-либеральная партия Хорватии), невольно играли роль резерва правящих кругов. Ход событий в Австрийской империи разочаровывал народняков, терявших надежду на достижение национальной свободы в Габсбургской монархии, но все же они продолжали пропагандировать «славянизацию» государства.

* * *

Федералисты полагали, что устроенная согласно их проектам Австрийская империя не только стала бы неуязвимой для внешних врагов, а ее народы оставили бы мечты о присоединении к своим единоплеменникам, но, наоборот, соседи Австрии — имелись в виду балканские народы, — привлеченные благами свободы, присоединились бы к империи. «Славянская» Австрия была бы в состоянии расширить свои пределы.

После Крымской войны и особенно в 60-х годах подъем освободительного движения в Европейской части Турецкой империи, бесплодные попытки султанского правительства консолидировать Османскую империю, наконец, усиление вмешательства держав в ее дела, связанное с экспансией западноевропейского капитала в турецкие владения, привели к тому, что Восточный вопрос оказался в центре внимания политических группировок Габсбургской монархии. Все более становилось ясным, что то или иное его решение окажет серьезное воздейст-

вие на судьбу Австрийской империи. Возникновение на развалинах султанской Турции новых национальных государств габсбургские правящие круги считали страшной угрозой будущему монархии.

Народняки также связывали борьбу хорватов за национальное освобождение с решением Восточного вопроса. Его сущность они видели в борьбе южных славян прогив турецкого ига. Народняки понимали реакционную роль Австрийской империи на Балканах и, поскольку государство Габсбургов, вопреки всем бурям, продолжало существовать, проповедовали такие его реформы, которые, по их мнению, коренным образом изменили бы смысл австрийской политики и тем самым привели к решению Восточного вопроса в интересах империи и славян. В современную эпоху, утверждали они, Австрия может обеспечить себе будущее на Балканах, лишь уважая равноправие народов, иначе она «подвергнется ударам со стороны национального духа»⁹⁰.

Критикуя австрийскую внешнюю политику, направленную на совместное с Турцией подавление освободительного движения, народняки не уставали повторять, что эта политика вредна Австрийской империи, так как мешает Хорватии стать опорой империи на Балканах и сыграть роль ядра южнославянского государства — федеральной единицы монархии Габсбургов. В 1860 г. Рацкий, воодушевленный федералистскими идеями, писал, что «мы — югославыне Австрийской империи — должны решить славную задачу, касающуюся не только нас, но и наших засавских братьев (по р. Саве проходила австро-турецкая граница.— В. Ф.). Если мы ее решим, то станем для них центром притяжения»⁹¹.

И в 60-х годах и позднее, когда надежды на федерализацию империи исчезли, народняки не пропускали случая пожалеть о том, что правящие круги Австрии «не поняли» соответствия интересов империи и хорватов в Восточном вопросе. В 1867 г. «Пóзор» писал: «Имя иллирское, не историческое, не национальное, имело неизмеримое политическое значение, ибо охватывало все славянские племена в области Дуная и Адриатического моря... Но венские деятели вместо того, чтобы здесь ис-

⁹⁰ «Pozor», 19.X 1866.

⁹¹ V. Novak. Franjo Rački u govorima i raspravama. Beograd, 1925, str. 10.

к ключ к решению Восточного вопроса и великому будущему Австрии, гармонически сочетающемуся с будущим самих народов, задушили национальное движение, заковали хорватский народ в кандалы и отдали его в жертву немцам. Даже после 1849 г. мы забыли о пережитых несчастьях, поверили не столько в добрую волю, сколько в возросшую мудрость венских государственных деятелей. Мы снова указывали на общность Восточного вопроса с хорватским»⁹².

Во время централистского режима Шмерлинга (1863 г.) Штротмайер говорил посетившим его английским путешественникам, что «нам, хорватам, к сожалению, препятствуют те, кто ради своего собственного интереса должен нас поддерживать». Ту же мысль он повторил спустя четверть века: «Мы, хорваты, сорок лет стремились обеспечить себе первенство в деятельности на Балканском полуострове. Те, кто в собственных интересах должны были нас поддерживать, оттолкнули нас...». Наконец, в 1891 г. опять то же: «Было бы хоть на грош осмотрительности и разума, мы явились бы основным фактором, прокладывающим путь монархии на юго-восток»⁹³. Таким образом, идея австро-хорватского альянса не была «временным поветрием», но мечтой, отвечавшей настроениям хорватской либеральной буржуазии.

Общественно-экономической основой «австро-балканской» политики в Хорватии являлись связи части богатых кругов буржуазии с австрийской торговлей на Балканах, заинтересованность в посреднических операциях и т. п. (см. гл. II), а также интересы нарождавшейся национальной бюрократии. Что касается средних слоев, в основном представленных народняками, то их австро-балканская ориентация была обставлена серьезными оговорками. Более дальновидные деятели, в том числе Штротмайер и Рачкий, придерживались взгляда, что продвижение Австрии на Балканы достойно поддержки лишь *после* ее преобразования в «союз равноправных народов», что только такая Австрия способна играть роль освободителя.

Но публицистика народняков не всегда придерживалась этой точки зрения. Имели место высказывания,

⁹² «Pozor», 9.III 1867.

⁹³ F. Sišić. Korespondencija..., I, str. 18 (1863 г.); IV, str. 73, 281 (1889, 1891 гг.).

что экспансия Австрии на Балканы может помочь славянам перестроить империю⁹⁴, что Хорватия должна стать «сердцем южнославянского национального тела», что выполнение Хорватией своей миссии на Востоке будет счастьем для империи и народа и поэтому «наше правительство» (австрийское.— В. Ф.) должно поспешить, чтобы его не опередил какой-нибудь другой сеятель семян цивилизации на территории от Адриатики до Черного моря⁹⁵. Франц-Иосиф мог читать эти строки с удовольствием.

Следует, правда, иметь в виду, что попытки убедить Габсбургов в важности для них поддержки хорватов могли иметь тактические причины: для многих народняков важно было объединить южных славян, а тогда, полагали они, в какой-либо момент удастся достичь независимости⁹⁶. Но на практике эта линия была опасна для южного славянства. Кроме того, даже федералистская концепция, тесно связанная с идеями австрийской экспансии, не привлекала южнославянские народы. Для Сербии и Черногории самая широкая автономия в «свободной Австрии», которую могли придумать австрослависты, не казалась заманчивой!

Австрийские власти не упускали возможности воспользоваться австрославистскими лозунгами не только для укрепления государственного единства империи⁹⁷, но и для расширения своего влияния на южнославянское население Турции.

⁹⁴ В 1866 г. в связи со слухами о предложении Наполеона III отдать австрийцам Боснию «Пбзор» заявлял, что это соответствовало бы принципу национальности, так как народ Триединого королевства, Боснии и Сербии — один и тот же. «Мы, югославыне, живущие в большинстве своем в Австрии, хотим привлечь наших соплеменников в союз австрийских государств. Если мы не самые счастливые, то хотим присоединить братьев, еще менее счастливых... Мы хотим при распаде Турции вернуть наши исторические владения и поднять наше... Приморье, вместе с которым Триединое королевство должно стать ядром югославянства». «Pozor», 19.X 1866.

⁹⁵ «Pozor», 26.II 1863.

⁹⁶ Об этом подробнее см. ниже.

⁹⁷ При открытии савора 1861 г. бан Шокчевич, генерал, действовавший по указанию имперских властей, заявил, что единство империи «особенно необходимо нам — славянам, желающим вступить в более тесный союз с остальными славянами империи. Я полагаю, что савор в этом вопросе пойдет по тому направлению, которого придерживался наш савор в 1848 г.» См.: «Dnevnik sabora... 1861», str. 11.

Австрийское правительство, сотрудничавшее с Турцией в подавлении освободительного движения южных славян, вместе с тем пыталось воспользоваться отчаянным положением последних для упрочения своих позиций в Боснии и Герцеговине. «Для ее (Австрии.— В. Ф.) далматинских владений,— отмечалось в одном из русских документов,— более широкий тыл является вопросом жизни и смерти, в особенности при потере Венеции, и нет усилий и средств, которые она бы не употребляла для развития связей между пограничными провинциями, стремясь увлечь население (Босний и Герцеговины.— В. Ф.) перспективой осуществления его надежд в Австрийской империи»⁹⁸. С целью противодействия пропаганде Сербии в Боснии поощрялась проавстрийская и даже австрославистская пропаганда. Австрия предоставляла убежище беглецам из Боснии и Герцеговины, нередко разрешала переправлять туда оружие, помогала монахам-францисканцам создавать школы, приглашала из турецких южнославянских земель учеников в католические семинарии. Австрийские власти привлекали на свою сторону купцов, предоставляли им австрийское гражданство, тем самым гарантируя защиту от произвола турецких чиновников.

Власти убеждали население южнославянских земель Австрийской империи в том, что ему предстоит выполнить «освободительную миссию» на Балканах. Австрия пыталась использовать мечты хорватской буржуазии о присоединении Боснии⁹⁹. Вся эта «славянская» деятельность осуществлялась под контролем властей. Одновременно уже в 60-х годах в штабах готовились конкретные планы военного похода в Боснию и Герцеговину. Использование австрославистских фантазий габсбургскими властями наносило ущерб делу национального освобождения южных славян. Ввиду всего этого противники усиления Австрийской империи — национально-радикальные круги — выступали против австрославистов.

«Застава» С. Милетича писала в 1866 г., что народники предлагают «лекарство, худшее чем болезнь». «Сербская политика (речь идет о сербских национал-радикалах.— В. Ф.) выступает за будущее югославянства в том

⁹⁸ АВПР, Г. А., VA₂, д. 245, л. 175 (Белград), 1861 г.

⁹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 150, л. 9 (Вена), 1862 г.

виде, за который Черногория и Сербия проливали кровь, и считает, что то, что Черногория сохранила, а Сербия завоевала, надо расширить как зародыш дальнейшего...». Они (австрослависты.— В. Ф.) «были бы рады, пользуясь чуженациональным покровительством, вовлечь югославянство в сферу их нынешней зависимости, и вся картина югославянского будущего представляется в соответствии с этим в кругу провинциальной автономии, которая к тому же была и будет, а ныне и вовсе является иллюзорной». Борьбе хорватов за широкую автономию «Застава» обещала поддержку, пусть лишь они «не беспокоятся больше о венском правительстве, чем оно о них, пусть откажутся от австро-чешского федерализма, этого мертворожденного ребенка...»¹⁰⁰

Но, как будет показано ниже, хорватское национальное движение в целом далеко выходило за пределы австрославистской концепции, и сами народняки не ограничивались политическими рамками национал-либерализма.

Живучесть австрославизма была связана с рядом обстоятельств. Так, задача противодействия германской экспансии была для чешских австрославистов самой настоятельной. Вообще, внешнеполитические соображения — страх перед соседями — играли роль в аргументации австрославистов разных национальностей. Польское национальное движение в Галиции считалось с тем, что в составе Австрии легче обеспечить национальные права поляков, чем в самодержавной России¹⁰¹. Словенцы и хорваты опасались пангерманизма и итальянского экспансионизма.

Австрийский централизм рассматривался хорватским национальным движением как аванпост германизма. В условиях, когда резко возросла экспансия австро-немецкого и германского капитала на юго-восток Европы и назревала экспансия политическая, деятели хорватского национального движения считали, что будущее народов этого района подвергается тяжелому испытанию. Австрийский федерализм народняки считали средством против германизма внутри Австрийской империи и вне ее. В 1861—1866 гг. стремление Габсбургов закрепиться в Германском союзе и связанная с этим централистская

¹⁰⁰ «Застава», № 54, 1866.

¹⁰¹ В 1848 г. Палацкий также объяснял необходимость сохранения Австрии задачей противостоять экспансии Российской империи. См.: F. P a l a c k ý. Spisy drobné, díl I, str. 20.

политика — вот, что представляло главную опасность для хорватов, как по мнению народняков¹⁰², так и радикальных кругов («правашей», о которых см. в гл. IV).

Чувство неуверенности в будущем, сознание того, что южнославянские народы, раздробленные и подвергавшиеся национальному гнету, не готовы к отпору германской экспансии, все возрастало. После австро-прусской войны Перковац, в частности, писал, что вскоре, вероятно, встанет вопрос, где установится граница великогерманского государства, которое охватит и австрийских немцев¹⁰³. «Чем обширнее и сильнее становится Германия, тем настоятельнее потребность в том, чтобы народы Балканского полуострова освободились»¹⁰⁴. Но особую тревогу в Хорватии вызвало поражение Франции¹⁰⁵.

Штросмайер так рисовал тогда возможную перспективу русскому посланнику в Вене: «Вслед за Рейном Дунай станет немецкой рекой. Немецкие колонии, разбросанные по Австро-Венгрии, явятся проводниками германизации, распространяющейся к Адриатике (Триест) и Черному морю... и трудно вообразить себе тот гнет, который обрушит на Европу 60-миллионная нация. Немецкий вихрь сметет затем Венгрию и Польшу...»¹⁰⁶.

И все же следует обратить внимание на общественно-экономические причины живучести австрославизма.

Все федералисты имели в виду сохранение экономической общности имперских территорий. Они представляли круги, связанные либо с государством, либо с имперским рынком. Например, растущая чешская торгово-промышленная буржуазия была заинтересована в обще-

¹⁰² «Пока Австрия сохраняет какой-либо союз с Германией, пока она не отречется от стремления немецкого народа на Восток... славянскому, венгерскому и румынскому народам грозит опасность от немецкого элемента, не только снаряженного мощью своей литературы, торговли и промышленности, но обладающего и государственной властью». «Pozor», 24.V 1866 (т. е. накануне австро-прусской войны). Подробнее см. в гл. VI.

¹⁰³ «Pozor», 29.X 1866.

¹⁰⁴ «Pozor», 13.VI 1867. Таким образом, усиление Германии вызывало не только активизацию австро-федералистских настроений, но и стремления сбросить турецкий гнет.

¹⁰⁵ См. гл. IX, а также: В. И. Фрейдзон. Пропаганда в Хорватии франко-русского союза против германской экспансии в 60—70-х годах XIX в. «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., 1966.

¹⁰⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 146, л. 136 и далее (Вена), 1870 г.

имперском рынке, в его расширении. Когда Палацкий заявлял, что во всем мире господствует тенденция «сосредоточения», то он выступал в качестве идеолога общественных слоев, пользовавшихся плодами упрочения экономических связей между нациями. Условия развития чешской буржуазии не могли не повлиять на взгляд чешского ученого, что не будь Австрии, ее следовало бы создать...¹⁰⁷ То же можно сказать о настроениях части буржуазии ряда других наций.

Но между экономическим положением чешских и южнославянских земель, в частности Хорватии, имелись важные различия. Южнославянские народы занимали в империи — в экономическом смысле — полуколониальное положение.

Здесь в сохранении Австрийской империи был заинтересован меньший слой буржуазии, а именно верхушка купечества и финансистов. Как отмечалось, национальная буржуазия страдала от конкуренции и фискального гнета; в среде либерально-буржуазной интеллигенции зрело убеждение, что только в независимом государстве ее возможностям был бы предоставлен простор. Национально-радикальные (в основном мелкобуржуазные) элементы, выражавшие интересы слоев, подвергавшихся особо тяжкому гнету, не видели спасения даже в демократизации устройства империи и не верили в его осуществимость (см. гл. IV). Поэтому многие народняки, как они признавались сами, придерживались программы федерации, исходя из соображений оппортунизма.

Конечно, народы Австрийской империи, столетия жившие совместно, связывало множество традиций и нитей не только экономических, но и политических, культурных, психологических и т. п. Монархия Габсбургов была мощной державой, и многим казалось, что перестроить ее легче, чем разрушить. И все же в южнославянских землях зрели радикальные настроения, коренившиеся в общественно-экономических условиях жизни

¹⁰⁷ F. Palacký. Spisy drobné, díl I, str. 20 (1848 г.). Нетипичными для чешской буржуазии были идеи разрыва с Габсбургским государством, о которых все же имеются свидетельства. Чехи хотят таможенного союза с Россией, сообщал неизвестный автор письма в Россию (21.I 1870 г.), и «пригласить русского князя в короли», а в остальном остаться самостоятельными. ЦГАОР, Секретный архив (III Отделение), ф. 109, д. 429.

народов. Уже поэтому Габсбурги не могли допустить перестройки империи на федеративных основах.

Федерализм был неприемлем для правящих кругов империи и по другим причинам. Народняки, например, провозглашали необходимость демократического пути строительства государства путем свободных переговоров между представителями национальностей. «Никакая форма, к которой хорваты не присоединятся добровольно, не будет для них обязательной; конституционной формой будет рассматриваться лишь та, которую примут все народы монархии»¹⁰⁸. Б. Шулек так объяснял принципы своей партии: «оппозиция, кроме нескольких фантазеров... готова к примирению с Австрией, но ни в коем случае не тем путем, которого добиваются важные господа»¹⁰⁹ (т. е. без нажима сверху).

Последовательные федералисты выступали за проведение реформ без вмешательства военщины, бюрократии, камарильи: «Поскольку у ней (Австрийской империи.— В. Ф.) живут разные народы, она должна разделиться на свои естественные составные части. Последние же без вмешательства армии, ввиду своих интересов и обязательств перед династией, сами останутся в единстве»; избавившись от национального гнета, государство не будет нуждаться в паразитической бюрократии¹¹⁰ и т. д. и т. п. Таким образом, национальный суверенитет рассматривался Национально-либеральной партией как исходный пункт соглашения.

Буржуазные круги разных национальностей Австрии понимали, что обеспечение национальных прав невозможно вне конституционного строя. Народняки критиковали с этих позиций политический строй империи: «В принципе Австрия — конституционное государство, в действительности же имеется столько остатков абсолютистской системы, что невозможно разобраться, является ли государство в большей степени абсолютистским или конституционным...»¹¹¹.

Образец государственного строя народняки видели в Англии, Бельгии, Голландии¹¹². Шулек, например, счи-

¹⁰⁸ «Pozor», 7.I 1867.

¹⁰⁹ «Građa», knj. 19, str. 46 (а также стр. 39 и 42).

¹¹⁰ «Pozor», 2, 6.VIII 1866.

¹¹¹ «Pozor», 8.I 1867.

¹¹² См.: «Pozor», 16.VII 1867.

тал, что парламентаризм привел к подъему экономики и культуру этих стран, и в качестве противоположного примера приводил самодержавные государства — Турцию, Россию, Австрию. Вред самодержавия Шулек на основе австрийского опыта видел в произвольном обложении населения налогами и другими тяготами всесильной бюрократией¹¹³.

При всей ограниченности либерализма народняков они отстаивали ряд далеко идущих требований в отношении устройства Австрийской империи.

Сама борьба за национальные права побуждала народняков отвергать подчинение монарху. Когда сторонники австро-венгерского дуализма ссылались на то, что новое устройство соответствует «воле императора», народняки утверждали, что в конституционных вопросах на «волю государя» могут ссылаться лишь «реакционеры, сторонники абсолютизма». Не без иронии они приводили примеры поворотов в политике Вены в 1848—1849, 1860—1867 гг., сопровождавшихся ссылками на «волю государя». «Трудно человеку быть лояльным в неконституционном государстве или лишь по виду конституционном!»¹¹⁴.

Национальные права включались народняками в понятие конституционных прав, а национальная свобода рассматривалась как часть общеполитических свобод: «Где свобода печати и объединений, где ответственное правительство и суд присяжных, где независимость судей... где возможность конституционным порядком распоряжаться всем имуществом страны?»¹¹⁵. Здесь центральное требование народняков (финансово-экономическая автономия) стоит в ряду общедемократических требований.

Национальные идеи были неразрывно связаны с конституционалистскими воззрениями вообще¹¹⁶. С другой стороны, национальная свобода рассматривалась как

¹¹³ B. Šulek. Hrvatsko-ugarski ustav..., str. 15; B. Šulek. Izabrani članci.

¹¹⁴ «Pozor», 6.V; 25.VII 1867.

¹¹⁵ «Pozor», 25.VII 1867.

¹¹⁶ В 1866 г. в связи с намечавшимся учреждением венгерского ответственного министерства народняки отмежевались от «хорватских старых... патриотов [которые подобно венгерским староконсервато-

компонент демократии. Так, в ответ на утверждения, что свободу можно обеспечить на условиях узкой автономии, «По́зор» заявлял: «Хорватский народ понимает и ценит политическую и гражданскую свободу и, чтобы учредить ее и наслаждаться ею, ему нет нужды продавать свою государственную свободу. Без нее всякая иная свобода иллюзорна...». Подлинную живую конституционность составляют либеральные законы, гарантирующие свободу и счастье как народам, так и гражданам¹¹⁷. Под конституционным строем народники понимали прежде всего учреждение национальных (территориальных) представительных собраний и правительств, ответственных перед ними. Все это свидетельствует о демократическом содержании требования федерации, неприемлемом для правящих кругов.

Федерализм должен был, по мнению его сторонников, обеспечить условия для общественного и культурного подъема славянских народов. Но австро-немецкие и венгерские господствующие классы больше всего боялись подъема народов, являвшихся объектом их эксплуатации. Поэтому династия Габсбургов, плоть от плоти аристократии и финансистов, была противником федерации. Мы подошли к наиболее важной причине неосуществимости «демократической федерации свободных народов» реформистским путем в тогдашней Австрийской империи. Эта неосуществимость объясняется составом общественных элементов, принимавших участие в борьбе.

В национальных противоречиях в Австрийской монархии проявились конфликты как между социально-родственными классами разных народов (помещики, буржуазия), так и между антагонистическими классами (формирующийся пролетариат, крестьянство и мелкая буржуазия угнетенных народов терпели помещичье-капиталистический гнет). В 60-х годах правящие круги смогли вывести государство из кризиса путем соглашения с эксплуататорскими классами других наций. Но ряд народов империи вообще не имел аристократии и крупной буржуазии (или последняя лишь зарождалась).

рам», боялся самого принципа конституционной власти. «Мы, либералы... только в нем и видим надежду на коренное излечение и гарантию спасения» своей страны. «Pozor», 13.IX 1866.

¹¹⁷ «Pozor», 16.IV 1867.

По экономической мощи и политическому весу второе место в империи занимало венгерское дворянство. Естественно, что австрийские и венгерские господствующие классы имели наибольшую возможность использовать капиталистическую эволюцию в своих интересах, и в 60-х годах именно эти интересы и были прежде всего учтены при реформах.

В. И. Ленин отмечал, что лишь при последовательном демократизме возможно решение национального вопроса, поскольку это вообще осуществимо при капитализме¹¹⁸. Коренные демократические преобразования вообще могли сопровождаться либо созданием независимых государств, либо установлением национального равноправия. Но в полуфеодальной Австрийской империи демократическое решение было невозможно. Господство австро-немцев, а с 1867 г. и венгров как наций опиралось на экономическую базу их эксплуататорских классов, и частично подорвать его могли лишь глубокие социальные изменения. Сами славянские федералисты, как правило либералы, не смели и мыслить о них. Они хотели, избегая политических потрясений, добиться отказа реакционных кругов от вмешательства в государственные дела. Но в тогдашней Австрийской империи был возможен союз господствующих классов некоторых наций, но не союз народов во имя их свободы.

Правда, среди федералистов имелись сторонники революционного пути. Хорват Имбро И. Ткалац призывал к восстанию против Габсбургов¹¹⁹. Чех Йозеф В. Фрич считал возможным создание федерации на развалинах императорской Австрии. Но эти деятели, выступавшие в эмиграции, не встречали широкой поддержки.

Можно сказать, что большинство славянских народов Австрийской империи уже в силу своей социальной структуры в 60-х годах XIX в. реформистским путем не могло добиться национального равноправия¹²⁰. Как был невозможен тогда любовный компромисс между полу-

¹¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 137, 138.

¹¹⁹ I. I. T k a l a c. Pitanje Austrijsko. U Parizu, 1866.

¹²⁰ И. Перковац, касаясь причин слабости федералистов, указывал на ограничение избирательного права и призывал устроить саборы «по-иному». «Pozor», 18. I 1866 (пример того, как интересы национального движения требовали демократизации политического строя).

феодалным помещиком и банкиром, с одной стороны, крестьянином, ремесленником и мелким хозяйчиком — с другой, так был невозможен и межнациональный компромисс на основе равноправия.

Интересно, что немецко-богемский аристократ Клам-Мартиниц считал возможной реорганизацию империи на «историко-территориальной» основе, но заявлял, что торжество этнического принципа привело бы ее к распаду¹²¹. Дело опять-таки в том, что власть в «исторических землях» сохранили бы помещики, а в ряде национальных областей влияние этого консервативного инонационального слоя было бы подорвано, что могло иметь роковые последствия для империи.

Итак, демократическая федерация была недостижима без революции. Идея национального равенства в тогдашней Австрийской империи была утопичной. Реальной же являлась политика поисков соглашения с правящими кругами. Таким образом, австрославизм сдерживал борьбу народов за создание национальных государств, тормозил развитие демократических сил в национальных движениях, мирился с помещичье-капиталистической эксплуатацией народов империи.

Надежными союзниками Габсбургов могли стать венгерские помещики, заинтересованные в сохранении империи. Победа дуализма над федерализмом явилась следствием не большей «ловкости» венгерского дворянства¹²² по сравнению с чешской или хорватской буржуазией, а прежде всего близости социальных и политических целей австрийского и венгерского эксплуататорских классов. Сами федералисты неверно утверждали, что их проекты соответствуют интересам династии. Аналогичная точка зрения имеется и в историографии. Австрийский историк Х. Ханч, хотя и оговаривается, что даже превращение дуализма в триализм несло с собой много неясного и опасного в области внутри- и внешнеполитической, все же полагает, что смысл существования монархии заключался в федерализме, «в осуществлении идеи наднационального государственного устройства, способного явиться образцом для всей Европы». Э. Францель скор-

¹²¹ См.: F. Zwitter, J. Sidak, V. Bogdanov. Les problèmes nationaux dans la monarchie des Habsbourg. Beograd, 1960, p. 86.

¹²² См.: K. Milutinović. Prvi ideolozi federalističke misli kod Južnih Slavena. «Rad JAZU», knj. 330. Zagreb, 1962, str. 143.

бит по поводу неуступчивости австро-немецких националистов в отношении славян и недальновидности Франца-Иосифа в 60-х годах XIX в.¹²³

Конечно, для победы дуализма имело значение то обстоятельство, что венгерское дворянство, как и вообще класс помещиков неполноправных наций, обладало наилучшей в сравнении с другими классами организацией, нередко выдвигало энергичных руководителей. Дворянская национальная оппозиция представляла собой в 60-х годах XIX в. более серьезное препятствие на пути к консолидации империи, чем оппозиция буржуазная или даже недовольство крестьянства. Договориться с дворянством, прежде всего с венгерским, оказалось для правительства и необходимым, и самое главное — возможным¹²⁴.

Немаловажно и то, что внешнеполитические условия не благоприятствовали федералистам. Соседние державы — Пруссия и другие немецкие государства, Россия, наконец, Турция — не сочувствовали идеям федерализма и австрославизма¹²⁵.

Так в конечном счете возник австро-венгерский дуализм 1867 г., сущность которого, как известно, состояла в компромиссе между австрийской аристократией и крупной буржуазией и классом венгерских помещиков, в установлении господства в Австро-Венгрии двух наций¹²⁶. Не случайно, например, габсбургские власти вслед за этим пошли на определенные уступки только полякам и хорватам, предоставив автономию Галиции (1869—1871 гг.) и Хорватии-Славонии (1868 г.). Это были соглашения с польскими и хорватскими земельными магнатами, поддержанными банкирско-купеческой верхушкой.

¹²³ Н. Hantsch. Die Geschichte Österreichs. Bd. II. Graz — Wien — Köln, 1953, S. 412 (о связи идей Ханча с проблемами, которыми озабочена современная буржуазия, см.: В. М. Турок. Австро-Венгрия — «модель» интеграции Европы. «Вопросы истории», 1966, № 1); Е. Franzel. Указ. соч., стр. 97.

¹²⁴ В социальной структуре славянских народов имелись некоторые круги, которым династия могла доверять. Но они были относительно слабыми, а сильное чешское оппозиционное движение в большой мере парализовалось контрвыступлениями немецкой буржуазии в чешских землях.

¹²⁵ Об отношении русской дипломатии к австрославизму см. гл. VI.

¹²⁶ Мы не касаемся здесь тех фактических преимуществ, которые сохранили австрийские немцы.

Размеры же уступок определялись политической позицией помещиков и соотношением сил между родственными классами разных наций. Например, хорватские помещики по сравнению с венгерскими представляли меньшую силу и не стремились к широкой автономии. И все же «историческое право» Хорватии-Славонии как-то было учтено. Итак, последовавшие за дуализмом реформы учитывали позицию помещичьей олигархии разных наций¹²⁷. Иначе и не могло быть при общественном строе Австро-Венгрии.

Федералисты были не в состоянии отстаивать единую для разных наций программу, не раз проявляли склонность отказаться от перестройки всей монархии. Так, польские помещики, едва им была обещана автономия Галиции, отказались от федерализма. Осенью 1866 г. в Австрии получил распространение проект федерализации только австрийской (австрославянской) части империи (чешские земли, Галиция с Буковиной, австро-немецкие и словенские земли вместе¹²⁸). После 1867 г. федералисты пытались перестроить каждую часть Австро-Венгерской монархии на федеративных началах. Так в самом федералистском лагере проявлялись дуалистские тенденции.

Значительные силы в славянских землях вообще выступали против федерализма. Они либо видели в дуализме лучшее решение вопроса, либо меньшее зло в сравнении с федерализмом¹²⁹.

Слабость федералистов, в частности народняков, определяла их тактику. Мечтая договориться с династией, они лавировали в зависимости от взаимоотношений между главными силами (Австрией и Венгрией). «Трудно

¹²⁷ Правящие круги стремились создать в Галиции оплот против России и противопоставить хорватов сербам. Полагая, что только эти соображения не привели бы к упомянутым реформам.

¹²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 219, л. 270 (Вена), 1866 г.

¹²⁹ Партия Милетича (Воеводина) считала, что дуализм, ослабляя власть Вены, создает меньше помех объединению сербского народа в независимом государстве. Кроме того, по убеждению Милетича, дуализм был благоприятен для аграрных районов империи, в том числе для Воеводины, тогда как при федерации преимущественно получили бы промышленные области (т. е. собственно Австрия, Чехия). Милетич хотел федеративного устройства венгерской части монархии. См.: С. Милетић. Изабрани чланци, стр. 109—118.

славянам сформулировать стабильную программу», — сокрушался «Пóзор»¹³⁰.

Борясь против венского централизма, народняки признавали политическое единство земель св. Стефана и предлагали устроить их на основе венгеро-хорватской федерации¹³¹, а встречаясь с опасностью установления венгерского господства над Хорватией, выдвигали проекты вхождения Хорватии в состав австрийской федерации. Для Хорватии, экономически тесно связанной и с Австрией и с Венгрией, эти колебания характерны.

Вообще взаимоотношения с Венгрией занимали одно из важнейших мест в планах народняков. В начале 1861 г. Шулек подчеркивал, что земли св. Стефана — Венгрия с Хорватией — всегда являлись «как бы особым государством». Народняки стремились в борьбе с Веней использовать хорвато-венгерский союз. Но вместе с тем Шулек указывал на наличие особых прав Хорватии в рамках этой общности в составе земель св. Стефана¹³².

По вопросу о взаимоотношениях с Венгрией в лагере народняков имелись нюансы: крыло более провенгерское и крыло, предпочитавшее непосредственное соглашение с Веней. Провенгерское крыло по своему отношению к Вене в определенной степени сближалось с сербской партией С. Милетича в Воеводине (см. в гл. II).

Отношения с Венгрией осложнялись проблемой национального движения народов Венгрии. Народняки иногда говорили о необходимости федеративного союза хорватов с «угорскими народами», т. е. всеми народами Венгерского королевства, выступали за «национальное равноправие в Венгрии»¹³³. На этом народняки настаивали тогда, когда надеялись на соглашение с Веней. Когда же в их партии усиливалась провенгерская ориентация, о «народах угорских» не вспоминали.

¹³⁰ «Pozor», 17.X 1866.

¹³¹ См., например: «Dnevnik sabora... 1861», str. 384 (речь Я. Павлетича). В 1860 г. Рацкий выдвигал программу объединения Тринецкого королевства и Воеводины и равноправия этого комплекса с Венгрией в составе земель св. Стефана. См.: V. Novak. Franjo Rački u govorima..., str. 15.

¹³² B. Sulek. Hrvatsko-ugarski ustav..., str. 38, 41, 43, 75, 118.

¹³³ «Dnevnik sabora... 1861», str. 243, 374, 375.

* * *

В завершение вопроса об австрийской федерации можно сказать следующее. Социальная структура Австро-Венгрии постепенно изменялась. Ослабевали пережитки феодализма, в национальных районах развивалась буржуазия. В начале XX в. здесь окрепли финансовые, промышленные и аграрные слои, заинтересованные в сохранении империи (их представителями в южнославянских землях были, например, словенские клерикалы и хорватские праваши-франковцы). В. И. Ленин в 1914 г. допускал возможность превращения Австро-Венгрии в триалистское государство¹³⁴. Однако и на пути триализма стояли препятствия, которые не удалось преодолеть. Кроме того, от триализма до всеобщего национального равноправия было далеко. К тому же наряду с упрочением (среди части имущих классов) центростремительных сил в империи нарастали тенденции центробежные. Перспектив установления национального мира в Габсбургской монархии не было. Наоборот, национальная борьба обострялась.

Проблема федерализации Австрийской империи имеет историческое и теоретическое значение, так как по сути дела речь шла о том, возможно ли было устранить национальные противоречия в помещичье-буржуазном государстве.

Но если не была реальной «программа-максимум» австрославистов, то реальный смысл имела их программа-минимум: развить национальные права, добытые народами в борьбе. Соотношение сил в Австро-Венгрии заставляло правящие круги подчас идти на уступки требованиям народов. Кроме того, прогрессивное значение имели межславянские связи в Австрийской империи, сопутствовавшие пропаганде австрославизма. Они, как и связи между народами вообще, способствовали общественному и культурному подъему каждого народа. Политическая взаимоподдержка народов облегчала их борьбу против гнета.

Сама идея федерации равноправных народов ввиду своего демократизма занимает большое место в истории общественной мысли. Но ее осуществление стало возможным в условиях, от понимания которых национальная интеллигенция 60—70-х годов XIX в. была далека.

¹³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 271.

ХОРВАТСКИЙ БУРЖУАЗНЫЙ ЮГОСЛАВИЗМ.
ПРОГРАММА БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
И ФЕДЕРАЦИЮ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Социально-экономические условия и интересы хорватской буржуазии побуждали ее идеологов и представителей искать политического сотрудничества с буржуазией других южнославянских народов. Деловая активность, прежде всего торговля и финансовые операции, связывала поднимающийся класс хорватской буржуазии с буржуазией Словении, княжества Сербии, Воеводины, Боснии и других земель, но прежде всего — с сербской буржуазией Хорватии, Славонии и Далмации¹³⁵. Объединение южнославянских земель сулило хорватской буржуазии решительное улучшение как условий ее экономической деятельности, так и политических позиций.

В своем стремлении к объединению южных славян народняки продолжали линию иллиризма. Это стремление имело идеологическое обоснование: как и иллиры, народняки придерживались теории единства южных славян, они были «югославистами».

Идея южнославянского единства имеет длительную историю — достаточно вспомнить о Мавро Орбини (Орбин) и его сочинении «Il regno degli slavi», 1601 г., — однако эта идея оставалась достоянием немногочисленных интеллигентов до поры, пока не созрели общественные условия для ее распространения.

Развитие югославистской теории в период иллиризма, а затем в 60-х годах было связано с буржуазными интересами. Идеологи национальной буржуазии в 60-х годах пытались гармонично сочетать свой «хорватизм» с «югославизмом».

Южнославянская проблематика находилась в центре внимания народняцкой публицистики. Выдающимися пропагандистами «югославянской идеи» были Рачкий, Штросмайер, Мразович, Перковац. Но между южносла-

¹³⁵ Точка зрения буржуазных деятелей на хозяйственные проблемы Хорватии не зависела от национальной принадлежности. Долгое время (1852—1866 гг.) председателем торгово-промышленной палаты в Загребе является крупный купец Попович, православный, греческого происхождения. Палата рассматривала проект страхового общества для всего Балканского полуострова; ее интересовали рынки Боснии, Далмации, Болгарии. См.: N. Kr e š i ć. 50-godiš njica..., str. 90, 121 и др.

вянскими народами имелись реальные различия: языковые (кроме хорватов и сербов), социальные, политические, культурные, религиозные. Поэтому югослависты, подчеркивая единство происхождения южных славян как «племени» одного народа, призывали к их сближению, к солидарности, в конечном счете к слиянию их в единый народ.

Уже в конце 1860 г. югославистские взгляды были изложены Рачким в серии статей («Югославянство»). Автор писал о «чарующем имени — югославянство», о «прекрасной Югославянии», территориально превосходящей Италию и простирающейся от Адриатического до Черного моря. Под впечатлением от объединения Италии Рачкий с горечью отмечал разъединенность южных славян. Он призывал прежде всего к созданию единого литературного языка¹³⁶. Как мы отмечали, этническая близость южных славян друг другу и связи между ними создавали определенные условия для теории единого народа. Хотя эта теория не соответствовала исторической тенденции, еще многое давало для нее пищу.

Наиболее актуальными для идеологов югославизма и трудными для урегулирования были хорвато-сербские отношения.

Хорватская буржуазия прежде всего стремилась *сплотить* нацию из населения, разбросанного в разных землях, обеспечить политическое единство хорватских земель или территорий, которые она считала хорватскими. Но ввиду того, что хорваты и сербы (или православное население, из которого формировалось сербское национальное меньшинство в Триедином королевстве) во многих районах размещались совместно или же чересполосно, хорватские национальные деятели могли добиваться единства хорватов и хорватских земель, только выдвигая теорию единства южных славян, прежде всего хорватов и сербов. Именно поэтому в Хорватии начались поиски решения южнославянского вопроса. Но признание «единого народа» в хорватских землях было связано с аналогичным взглядом на население обширных территорий вне их. Только в южнославянском, а конкретно — хорвато-сербском объединении можно было объединить хорватов. И наоборот, стремление объединить всех

¹³⁶ См.: В. Новак. Фрањо Рачки. Београд, 1958, стр. 61—63.

южных славян побуждало провозглашать «национальное единство» населения Тринединного королевства. Теория единого народа у хорватов имела основы не только (и не столько) гносеологические, но и национально-исторические.

Непосредственные политические интересы также побуждали народняков отстаивать идею единого народа. Окончательного определения судьбы хорватов они ждали от решения Восточного вопроса, они не отрывали интересы хорватов от судьбы южных славян Турции. Поэтому они стремились убедить как самих южных славян, так и «Европу» (дипломатию и общественное мнение держав) в национальном единстве славян Балканского полуострова. Так они стремились облегчить создание независимого южнославянского государства на месте распадающейся Турецкой империи.

Обе проявившиеся в иллиризме, а затем в югославизме 60-х годов взаимосвязанные тенденции — развитие связей как внутрехорватских, так и общеевропейских — были проявлением реальных общностей (хорватской и южнославянской), которые, однако, принципиально отличались друг от друга по своему историческому содержанию. Общность хорватская — следствие процесса сплочения *нации* в эпоху развития буржуазии, общность южнославянская — проявление древнего этнического родства, близости или единства языка.

Идеологи иллиризма в интересах южнославянского единства призывали к принятию общего национального названия (этнонима), но тем не менее процесс развития наций придал вполне определенное значение их деятельности. Иллиризм, как и югославизм, — формы хорватского национализма, обусловленные обстоятельствами развития хорватской нации. «Секрет» деятельности иллиристов и югославистов заключался в том, что она могла быть и была национально-хорватской. Сами деятели иллиризма не всегда это сознавали¹³⁷. Однако постепенно они пришли к пониманию данного явления, о чем свидетельствовало уже выделение ими из ряда народных и локальных общностей трех «ветвей» — хорватской, сербской и словенской¹³⁸. О том же говорит проявлявшаяся

¹³⁷ Автор далек от мысли, будто отстаивание теории единого народа являлось всего лишь тактическим приемом.

¹³⁸ И. И. Лещилова. Иллиризм, стр. 112.

в иллирийской среде панхорватская тенденция (отождествление южных славян с хорватами), от которой ряд деятелей иллиризма, но не все, вскоре отказались, так как она мешала сближению южных славян между собой¹³⁹.

Языковая реформа иллиров, как отмечалось, имела историческое значение для национального сплочения хорватов. Вместе с тем она ввиду национальной недифференцированности значительных слоев населения, говорившего на сербско-хорватском языке, открывала возможность для политического и культурного влияния из Загреба на население, которое рассматривалось идеологами сербского национального движения как сербское... А к нему по меньшей мере относилось все православное население Хорватии, Славонии, Далмации и Военной Границы. Но некоторые идеологи сербского национального движения объявляли сербским также все население, говорившее на штокавском диалекте¹⁴⁰.

Представители хорватской и сербской интеллигенции, отстаивавшие сближение обоих народов, подчеркивали единство их языка и добивались устранения существовавших орфографических, лексических и других различий. Сербские и хорватские филологи, собравшись в Вене в 1850 г., единогласно приняли решение о едином литературном языке единого народа. В основу его было положено штокавское наречие¹⁴¹. Но лица, противившиеся сближению, выявляли незначительные различия между «сербским» и «хорватским» языками¹⁴².

Крупные лингвисты того времени принимали язык за определяющий признак народности (последняя отождествлялась с нацией), подчас игнорируя другие моменты. Так, словенец Ф. Миклошич считал, что хорваты и сербы говорят на разных наречиях и к хорватам можно отнести лишь чакавцев. П. И. Шафарик хорватами считал

¹³⁹ Там же, стр. 112, 113, 122.

¹⁴⁰ При этом они ссылались на ошибочную идентификацию сербским просветителем Вуком Караджичем штокавского диалекта с сербским языком. См. его: «Ковчежић». У Бечу, 1849, а также выступление в газете «Пóзор», 28.III 1863 г.

¹⁴¹ См.: V. N o v a k. Antologija..., str. 183—186.

¹⁴² Об этом см.: В. П. Г у д к о в. О различиях между двумя вариантами сербско-хорватского литературного языка. «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 52.

только кайкавцев¹⁴³. Сербский филолог Дж. Даничич опровергал этот взгляд, но считал, что поскольку многие штокавцы сами считают себя хорватами, то хорваты и сербы являются одним народом. На основе языкового материала он выдвигал тезис о «духовном» их единстве¹⁴⁴. С трудом пробивала себе дорогу мысль, что для определения национальной принадлежности следует учитывать национальное сознание самого населения¹⁴⁵.

Теория единого народа вызывала подозрения у сербской и словенской буржуазии в гегемонистских устремлениях хорватов. Правящие круги Сербии опасались, что в случае объединения южных славян в независимом государстве их положение будет подорвано. Оппозиция иллиризму и хорватскому югославизму 60-х годов среди сербов имела и чисто политическую основу: опасение, что сближение с хорватами может привести к усилению влияния Австрии и поколебать положение Сербии.

Наконец, в Ватикане в 60-х годах изучали возможность использования югославизма в интересах папского престола. Таковы многочисленные обстоятельства (кроме главного — несоответствия ее реальному положению), препятствовавшие широкому восприятию этой теории нехорватами¹⁴⁶.

Но ошибочным был бы вывод об отрицательной роли теории югославизма в 60-х годах XIX в. Югославизм давал теоретическую основу программе якобы национального (в действительности — южнославянского) объединения, идейную основу совместной деятельности представителей разных народов с целью их освобождения. Для народняков межславянские противоречия отступали на задний план перед лицом австрийского и турецкого гнета. Поэтому они считали необходимым отстаивать хорватские интересы посредством югославизма и не сосредоточивать внимание на национальных различиях между южными славянами.

¹⁴³ См., например: J. Carić. Hrvati i Srbi. Filološko-literarni razgovor. U Dubrovniku, 1913, str. 3—6.

¹⁴⁴ V. Novak. Antologija..., str. 383, 384; М. Попович. Б. Даничич. Београд, 1959, стр. 198.

¹⁴⁵ См., например: А. Ивич. Српском и хрватском имену. Београд, 1922, стр. 19, 20.

¹⁴⁶ Мы не повторяем характеристики социальных взглядов хорватских либералов, отдалявших их от народных масс.

При этом несомненно, что югослависты осознавали свою принадлежность к *хорватской* национальной общности. Отходить от теории единого народа в ее «чистом» виде побуждал идеологов югославизма завершавшийся процесс развития наций. Последовательно национальные идеи негласно высказывались югославистами, стремившимися сдержать хорватско-сербскую национальную и, следовательно, политическую дифференциацию. В публичные же заявления эти идеи проскальзывали лишь в моменты обострения полемики.

В 1866 г. Рачкий, горячий югославист, убеждал далматинцев в нецелесообразности замалчивания этнонима «хорваты». Тот, кто опасается выступить под хорватским знаменем, считал он, не станет бороться за национальные права под знаменем иллирским или славянским¹⁴⁷. Тезис о наличии особой хорватской общности, высказывавшийся уже иллирами, занял прочное место в системе взглядов народняков. В 1874 г. «Матица иллирийская» была переименована в «Матицу хорватскую». В связи с этим историк Т. Смичиклас, секретарь матицы, отдавая дань прежнему названию («соединившему разорванное тело народа»), признал, что «весь народ это название похоронил... Имя хорватское сильнее, оно зовет хорватов под национальное знамя»¹⁴⁸.

В 1863 г. «Позор» отмечал, что «за небольшим исключением люди, которые раньше поддерживали иллирство, примкнули к хорватству». Народняки доказывали, что с помощью иного (нехорватского) названия «нового дома» не построить, а фундамент старого был бы подорван¹⁴⁹.

Понятно, что соответствующая попытка патриарха иллиризма Людевита Гая, в это время уже потерявшего влияние, была встречена с осуждающим равнодушием. Расстроенный хорватско-сербской полемикой, Гай писал: «Хорваты, славонцы, далматинцы, дубровчане, истрани, меджумурцы, сремцы, бачване, сербы, босняки, герцеговинцы, черногорцы и болгары пусть станут под знамя ил-

¹⁴⁷ B. Zelić. Prilog diskusiji o Mihovilu Pavlinoviću. HZ, 1963, str. 232.

¹⁴⁸ T. Smičiklas, F. Marković. Matica Hrvatska od godine 1842 do godine 1892. Spomen-knjiga. U Zagrebu, 1892, str. 44.

¹⁴⁹ «Pozor», 18.II 1863.

лирийского единства»¹⁵⁰. Национальные наименования здесь были поставлены в ряд с локальными. Вопреки непреодолимому процессу формирования наций, Гай призывал вернуться к пройденному этапу...

Периодически возникавшие межнациональные споры и конфликты ускоряли эту эволюцию. «Пóзор», например, неверно объяснял развитие хорватского самосознания только реакцией на великосербскую угрозу¹⁵¹. В ходе полемики против великосербских взглядов народняцкие публицисты доходили до отрицания южнославянского национального единства: «До 1848 г. все мы развивали неясную идею национального единства, которая для того времени была достаточной, а сейчас ищем определенные формы национального развития», т. е. формы хорватские... Необходимо, считали народняки, сначала упрочить свою национальность и государственность. «Так они (хорваты.— В. Ф.) подготавливают себя к общности южнославянской, которая не может возникнуть путем насильственного сталкивания воедино неразвитых частей»¹⁵². Итак, когда народнякам приходилось занимать оборонительную позицию (в данном случае велась полемика со сторонниками великосербской идеи «Душанова царства»), они отрекались от теории единого народа, так как последняя не служила равноправию хорватов в будущем объединенном государстве. Южнославянская общность при этом фактически рассматривалась как нечто наднациональное.

И все же теория единого народа, претерпевшая изменения, сохранила живучесть вплоть до краха Габсбургской монархии, так как она была необходима хорватской буржуазии.

Итак, существенным в югославизме 60-х годов XIX в. было то, что он — когда это было нужно национальной буржуазии — фактически отходил от принципа единого народа.

К 60-м годам XIX в. нации окрепли, поэтому народняки не только указывали на наличие «племен» южнославянского народа (хорваты, сербы и др.), но призна-

¹⁵⁰ См.: М. Polić. *Parlamentarna povjest kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije*, I. Zagreb, 1899, str. 124; J. Хорват. Лубевит Гай. Београд, 1960, стр. 304.

¹⁵¹ «Pozor», 26.III 1863.

¹⁵² «Pozor», 2.III 1863.

вали их жизненность и звали к солидарности между ними и к их постепенному слиянию. Все это в некоторой мере было свойственно иллирам, во взглядах же народняков стало определяющим моментом. В 60-х годах «общенациональное» название в пропаганде народняков применялось вместе с признанием «племенных» названий. В силу этого в рядах народняцкого течения не было единодушия в нюансах понимания «югославянской идеи», не было и четкости в терминологии. Южные славяне — то отдельные народы, то племена, то единый народ¹⁵³.

Признание равноправия племен свидетельствует, что среди народняков распространялось представление о *национальных* особенностях каждого «племени».

Югослависты одновременно стремились и утвердить хорватско-сербское единение и не пойти вразрез с этим фактически развивающимся национальным сознанием. Рачкий, говоря в 1861 г. о роли Югославянской Академии для формирования единой (южнославянской) культуры, хотя утверждал, что «провинциальное сознание превращается в национальное» (подразумевалось — общеюжнославянское), тут же оговорился, что это «общее знамя... родственных племен не затрагивает племенных особенностей, не оскорбляет племенных чувств...»¹⁵⁴.

Народняки призывали уважать все «племена». Так, Штросмайер считал хорватов и сербов в равной степени патриотами Хорватии: нет ни хорвата, ни серба, кто поступился бы частью ее территории, «в сердце всякого хорвата и серба есть сознание независимости, этот народ хочет жить...» (1866 г.). Штросмайер говорил об освобождении Сербии от турецкого ига: «Та часть нашего народа, которая гордится сербским именем, сотворила

¹⁵³ Хорваты и сербы — «один народ — два названия... родственные племена..., один народ по крови и языку» (Рачкий). См.: V. Novak. Franjo Rački u govorima..., str. 73, 74, 109. «Желаю моему хорватскому народу того же, что и сербскому» (Вукотинович — в прошлом иллир, в 60-х годах — умеренный либерал). «Народ сербский», «народ хорватский», «народ хорватско-сербский» (Вончина, умеренный либерал). См.: V. Bogdanov. Historija..., str. 651, 652, 656. «Народ — единый, хорватско-сербско-словенский» (B. Sulc. Hrvatsko-ugarski ustav..., str. 45, 46). «Наша народность, как бы ее ни называть, хорватской или сербско-хорватской, или югославянской...» («Домобран» — орган умеренных, лояльных австрийскому правительству, югославистов, 14.V 1864 г.)

¹⁵⁴ V. Novak. Franjo Rački u govorima..., str. 109.

чудо...»¹⁵⁵. Такие речи были вкладом в южнославянское сотрудничество.

Актуальные политические соображения, прежде всего необходимость сотрудничества хорватов с сербами в каждодневной борьбе за автономию и объединение Хорватии—Славонии, Далмации и Военной Границы, побуждали народняцких деятелей избегать шагов, ведущих к идейно-политическому размежеванию между хорватами и сербами. В частности, народняки стремились найти нейтральную формулу даже для названия населения указанных земель и его языка. В 1861 г. большинство хорватского сабора приняло формулу «югославянский язык»¹⁵⁶. В Далмации язык называли «нашим» или просто славянским. На саборе 1865—1867 гг. Рачкий предлагал называть народ Триединого королевства «нашим», а серб Йован Суботич — «хорвафо-сербским». В 1867 г. В. Ягич издал «Историю литературы хорватского или сербского народа». В этом названии наряду с утверждением единства сербов и хорватов сохранили силу «племенные» названия.

В 1861 г. сабор в специальном решении признал наличие сербского народа в Триедином королевстве и призвал хорватов и сербов как «ближайших братьев» к сотрудничеству. По предложению Штросмайера в 1861 г. в делопроизводство Сремской жупании (где сербы составляли несколько больше половины населения) был введен кирилловский алфавит.

Во всех хорватских землях, где имелось сербское население, оно сотрудничало с народняцким движением. Некоторые сербские деятели одновременно участвовали и в акциях партии Штросмайера, и в сербском национальном движении, ведущей силой которого являлась партия С. Милетича в Воеводине. Серьезной опорой народняков стало в 1867—1867 гг. сербское население Срема, тесно связанное с партией Милетича.

Несостоятельность учения об едином народе в полной мере выявилась намного позднее, в коренным образом изменившихся обстоятельствах. В 60-х годах XIX в. при отмеченных отрицательных аспектах югославистской тео-

¹⁵⁵ М. Polić. Указ. соч., I, str. 230, 231; Т. Smičiklas. *Nacrč života i djela...*, str. 169.

¹⁵⁶ См.: «Pisni saborski... od god. 1861», sv. I, str. 57, 58.

рии она, провозглашая сотрудничество равноправных племен или даже народов, была лучшим, что могла в ту эпоху создать буржуазная мысль в целях смягчения национальных противоречий среди южных славян и обоснования их сотрудничества. По форме — теория национального единства, югославизм в сущности в 60-х годах XIX в. служил целям *наднационального* союза южных славян. Идея единства южных славян — большого «народа» — воодушевляла на патриотическую деятельность, укрепляла веру в неизбежность национального освобождения хорватов. Народняки неустанно утверждали, что только в единении южных славян — гарантия будущего хорватов и других «племен» (или «народов») ¹⁵⁷. Рачкий подчеркивал, что в политике следует исходить из интересов «всего народа».

Утверждения о национальном единстве южных славян не соответствовали действительности, но деятельность под флагом единства в третьей четверти XIX в. имела в основном прогрессивное значение. По преимуществу она была направлена на сближение между южными славянами и, как увидим, их объединение в независимом государстве.

Хорвато-сербские противоречия мешали освободительной (национальной и социальной) борьбе обоих народов в Австрии и Турции. В их обострении габсбургские правящие круги и реакционеры в Хорватии видели средство упрочения своей власти. Крупные помещики видели в либеральном иллиризме, а позднее — в югославизме разрыв с системой венгеро-хорватского дворянского государства, т. е. угрозу своим классовым интересам. Влиятельные церковные круги обоих вероисповеданий опасались, что хорвато-сербское сотрудничество ослабит клерикалов. Но это сотрудничество соответствовало нуждам не только либеральной буржуазии, но и народных масс.

¹⁵⁷ «Лишь совместная деятельность способна сделать южное славянство важным фактором в Европе». М. Мразович — И. Штросмайеру, 22.II 1968 г. Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština. «Все мы... каким бы именем ни назывались, — одно тело... В этом единстве — сила и мощь, слава и будущность всякого народа». Южные славяне — «одна кровь, один язык, единая народность». Штросмайер — «Матице Далматинской», 1862 г. «Pozor», 2.I 1863. См. также: T. Smičiklas. Nacrt života i djela..., str. 318, 319; V. Novak. Antologija..., str. 386. И здесь «единая народность» смешивалась с пропагандой сотрудничества народов.

Югославизм—не как теория единого народа, а как принцип хорвато-сербского сотрудничества — имел общедемократическое содержание. Это привлекало к нему симпатии зарождавшегося рабочего движения.

Но существовала и другая сторона проблемы. Буржуазная общественно-политическая, да и научная мысль была не способна провести четкое различие между идеей сотрудничества и сплочения южнославянских народов (их единства в этом смысле!) и теорией их национального единства. Буржуазный югославизм сохранял противоречивый смысл. Народняки использовали теорию единого народа не только в освободительных целях.

В 1867 г., когда хорвато-сербская солидарность была необходима, сабор провозгласил сербский народ Триединого королевства «равноправным и тождественным» хорватскому. В этой декларации переплелись две линии народняцкого течения по сербскому вопросу: отстаивание взаимопомощи между хорватами и сербами и утверждение о их якобы национальном единстве. В этом и заключалось противоречие.

Являясь представителями хорватского (а не южнославянского) национализма, народняки стремились с помощью теории национального единства обосновать отрицание правомочности особых требований сербской буржуазии в Хорватии—Славонии, а затем и в Далмации. Даже Рачкий, горячий сторонник хорвато-сербского сотрудничества, утверждал, что, поскольку «народность хорватская и сербская — одна и та же», «смешно, если бы сербы требовали гарантий» (национальных прав.— В. Ф.) от хорватов¹⁵⁸. В 1867 г., во время хорвато-сербского сближения, «Пóзор» выражал недоумение, почему загребские сербы создают свой особый клуб¹⁵⁹.

Не случайно поэтому, что сербские деятели предпочитали формуле «наш» (язык или народ) формулу «хорвато-сербский» и вообще, присоединяясь к принципу хорвато-сербского равноправия, стремились подчеркнуть наличие в Хорватии особого сербского «племени»¹⁶⁰.

Хотя народняки пытались сплотить хорватов и сербов, у них иногда прорывались аргументы великохорватско-

¹⁵⁸ См.: V. Novak. Franjo Rački u govorima..., str. 83 (1861 г.).

¹⁵⁹ «Pozor», 17.II 1867.

¹⁶⁰ См., например: V. Novak. Antologija..., str. 320.

го толка: единство необходимо, но оно возможно, если признать в Триедином королевстве лишь хорватскую нацию. Выпады следовали с обеих сторон¹⁶¹.

Высказанные в ходе полемики великохорватские тезисы не выражали в равной мере мнение всего народняцкого течения, более того, о них не вспоминали, когда менялась политическая ситуация. Но Национально-либеральной партии было свойственно стремление сохранить целостность Триединого королевства, в частности, против возможных поползновений сербской буржуазии. Народняки возражали против планов выделения сербских районов Срема из состава Славонии. Еще более явно проступала великохорватская тенденция теории единого народа, когда с ее помощью обосновывались претензии на всю Боснию и Герцеговину.

В Хорватии и Славонии буржуазные идеологи, как хорватские, так и сербские, даже те из них, которые стремились к сотрудничеству, были не в состоянии систематически поддерживать атмосферу взаимного доверия. А ведь, кроме либеральных югославистов, на политической арене выступали клерикальные и другие крайние националистические элементы, раздувавшие одни — страх перед «византизмом» и «русско-сербской опасностью», другие — перед «хорватами-папистами» и т. д.

Одним из поводов к хорватско-сербским трениям в 60-х годах явились споры из-за Срема (часть территории которого, после 1848 г. входившая в состав Воеводины, была в 1860 г. возвращена Хорватии и Славонии) и Боснии — Герцеговины. Многие национальные деятели придавали вопросу о центре объединения южных славян принципиальное значение. Хорватская буржуазия абстрактно имела столько же «прав» на роль объединителя южных славян, сколько сербская. Но при-

¹⁶¹ М. Мишкатович заявил, что «на Саве, Купе, Адриатике нет другого языка и народа, кроме хорватского». В «Позор» было прислано заявление, в котором говорилось, что «славонцы и сремцы» — сербы «римской и греческой веры». Некоторые народняки заявляли, что «население Триединого королевства, тождественное по крови и языку», необходимо спаять в один народ, который должен иметь одно имя — хорватское. «Pozor», 8.I; 17, 18.II 1863. Все это как будто противоречило югославизму, но находилось в одном шаге от него. Б. Шулек назвал хорватами всех «далматинцев, славонцев, босняков, истрани, граничар», но тут же писал о «хорватско-сербско-словенском» народе. В. Šulek. Hrvatsko-ugarski ustav..., str. 45.

соединение, например, Боснии к Триединому королевству означало экспансию Австрии. К тому же австрийские правящие круги, планируя отторжение Боснии и Герцеговины от Турции, не намеревались присоединять их к Хорватии. Они лишь стремились использовать пропаганду народняков в этих провинциях.

В годы напряженной политической борьбы во взглядах народняков на хорватско-сербские отношения превалировала либо идея равноправия, либо «гождества». Линия народняков отражала интересы хорватской буржуазии, ее реакцию на параллельный процесс становления ряда южнославянских наций.

В сербских кругах Триединого королевства, в меньшей мере — в Воеводине, а также в Сербии, югославизм получил определенное распространение. Однако здесь он приобретал великосербскую тенденцию, а теория единого народа почти не имела искренних сторонников.

Ввиду языковых различий между хорватами и словенцами, ввиду территориальной обособленности словенцев, объединение их в «один народ» с хорватами не имело столь решающего значения для народняков, как сербо-хорватское единение, да и все более становилась ясной нереальность этой цели (еще менее актуальными были отношения с болгарями ввиду географической отдаленности последних). Примечательно, что, хотя народняки проповедовали «единство литературного языка» южных славян (см. выше о статье Ф. Рачкого «Югославянство», 1860 г.) и в уставе Югославянской Академии упоминалась задача «содействовать литературному единству на славянском юге», здесь говорилось, что в сфере интересов Академии находится «филология хорватская или сербская, словенская и болгарская»¹⁶². Итак, единой филологией (ввиду единства языка) считалась лишь «хорватская или сербская» и признавались права словенского и болгарского языков, т. е. фактически словенской и болгарской наций. Правда, призывы к «единому языку» в народняцкой среде не исчезли¹⁶³.

Словенцев удовлетворяла теория югославизма, если

¹⁶² V. Novak. Antologija..., str. 252.

¹⁶³ См.: D. Kermauner. Političnozgodovinske opombe в кн.: I. Prizatelj. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, IV. Ljubljana 1961, str. 599; он же. O najnovjši apologiji hrvaške narodne stranke. HZ, 1965, str. 258—272.

при этом не покушались на их язык и право на политическую автономию. В этих рамках словенское национальное движение признавало единство южных славян, так как принадлежность к «южнославянскому народу» давала им опору в борьбе против германизации и планов включения словенских земель в состав «Великой Германии» или Италии.

В Далмации славянской либеральной интеллигенции было свойственно глубокое чувство югославизма. Хорватское и сербское национальное сознание развивалось, но этнонимы «хорват» и «серб» употреблялись еще не часто¹⁶⁴. Даже кардинальное требование движения — присоединение Далмации к Хорватии — еще не означало широкого распространения хорватского национального сознания. Деятели Возрождения добивались прежде всего создания большого комплекса южнославянских земель, что было важно для всестороннего подъема Далмации. Кроме того, совместная борьба южных славян против национальных привилегий итальянской буржуазии и чиновничества побуждала национальных деятелей сдерживать внешние проявления фактически шедшего процесса дифференциации на хорватов и сербов. В 60-х годах сербское (православное) население было прочной опорой единого славянского фронта в Далмации. Сербский лидер С. Любиша был одним из руководителей всего движения.

В Истрии сотрудничество хорватов и словенцев в национальном движении опиралось на общие политические задачи. Теория единого народа поддерживалась здесь в политических целях.

В третьей четверти XIX в. в Истрии еще не выдвигалось требование присоединения к Хорватии, однако деятели национального движения подчеркивали, что население Истрии едино в национальном отношении с остальными хорватами и южными славянами вообще. Постепенно распространялся этноним «хорваты»¹⁶⁵. Подъему национального сознания, являвшемуся следствием общественно-политических сдвигов в самой Истрии, содействовала пропаганда, исходившая из более развитых областей¹⁶⁶.

¹⁶⁴ M. Gross. O nekim aspektima..., str. 15.

¹⁶⁵ См.: F. Barbalić. Narodna borba u Istri. Zagreb, 1952, str. 14.

¹⁶⁶ Там же, стр. 19, 20, 22.

Среди населения Военной Границы в 60-х годах широко распространились чувства южнославянской солидарности. Тяготы военного режима в равной мере давили на католиков и православных. Это способствовало сохранению и развитию здесь югославизма.

Резюмируя сказанное о югославизме, отмечаем, что подход к южнославянскому, в особенности к хорватско-сербскому единству как общности в действительности наднациональной, лучше, чем последовательная теория национального единства (так называемый интегральный югославизм), соответствовал новой эпохе. В этом виде югославизм полнее отражал реальное положение. Придание термину «единство» нового смысла, а именно сближения, политического объединения близких друг другу равноправных народов (при этом слияние «племен» становилось делом отдаленного будущего), было шагом вперед в идейном развитии хорватского национального движения¹⁶⁷. Признавая «племена», сторонники югославизма не отказывались от цели их объединения. Наоборот, при таком понимании югославизма возможности для его осуществления стали шире.

Теория югославизма была призвана служить разнообразным интересам хорватской национальной буржуазии: обоснованию программы объединения южных славян, организации их сотрудничества (принцип равноправия «племен»), обеспечению позиций хорватской нации в будущем южнославянском государстве (принцип федерации), обеспечению господства хорватской буржуазии в Триедином королевстве (принцип «тождественности»). В зависимости от обстоятельств на первый план выдвигался тот или другой аспект теории единого народа. Эта многоликость и внутренняя противоречивость буржуазного югославизма соответствовали тогдашним целям буржуазии и вместе с тем свидетельство-

¹⁶⁷ Невозможно согласиться с точкой зрения В. Богданова, будто отказ от «чистого» югославизма свидетельствовал о «сепаратизме» и являлся следствием «ненормальных» условий жизни южных славян после 1848 г. См. V. B o g d a n o v. Historijska uloga društvenih klasa u rješavanju južnoslovenskog nacionalnog pitanja. Zagreb, 1954; Sarajevo, 1956; о н ж е. Osnovne linije u nacionalnom razvoju južnoslovenskih naroda. Likovi i pokreti. Zagreb, 1957. Рец.: Е. R e d ž i ć. Jedna teorija o nacionalnom razvitku u Jugoslaviji. «Pregled» (Sarajevo), 1957, N 4.

вали о неспособности ее идеологов, даже тех кругов, которые немало сделали для южнославянского сотрудничества, последовательно демократически подойти к национальным проблемам.

Развитие культуры в Хорватии в 60-х годах XIX в. непосредственно связано с национальным движением. Скванная политически, либеральная интеллигенция отводила большое место в национальной борьбе строительству национальной культуры, развитию языка, литературы, так как считала это базой политических успехов в дальнейшем. Среди народняков получил распространение девиз Штросмайера: «Просвещением к свободе» (что следует понимать не как отказ от политики, но, в частности, как призыв к распространению национально-го сознания). Сам лидер народняков жертвовал крупные суммы на развитие культуры (например, 50 тыс. форинтов в фонд Академии наук и искусств, далее — в фонд университета, на издание научных и литературных трудов и т. п.). Он передал Академии картинную галерею, открытую для обозрения в 1884 г.¹⁶⁸

Народняцкая интеллигенция играла выдающуюся роль в области хорватской культуры. Ф. Рачкий был крупнейшим историком и президентом Академии, Ватрослав Ягич стал всемирно известным филологом, Богослав Шулек был ботаником и филологом и т. д. На поприще журналистики выдвинулись Иван Перковац, Йосип Мишкатович и др.

В 60-х — начале 70-х годов в развитии хорватской культуры произошел заметный сдвиг. Крупнейшими событиями были учреждение в Загребе Югославянской Академии наук и искусств (1866—1867 гг.) и университета (1874 г.). О создании научного общества мечтали еще иллиры. Предтечей Академии являлось «Общество югославянской истории», основанное И. Кукулевичем в 1850 г. Решение об Академии было принято сабором в 1861 г. Подготовительная работа по собиранию научных сил была проделана Рачким. В 1864—1866 гг. Рачкий, Ягич и Й. Торбар издавали научный журнал «Книжевник».

Наука, в особенности историческая, служила интересам национального движения. Политическая борьба фиксировала внимание историков на истории древнего

¹⁶⁸ T. S mi č i k l a s. Nacrj života i djela..., str. 81, 182.

государства хорватов, от которого велась традиция к современности, на проблеме территориальной целостности страны¹⁶⁹.

Культура — одна из сфер проявления югославизма хорватского национального движения. Поскольку подчиненное положение затрудняло их широкую политическую активность среди других южных славян, народняки особое значение придавали созданию в Хорватии очага культуры и науки, превращению (по Штросмайеру) Хорватии в южнославянскую Тоскану; а Загреб — в южнославянскую Флоренцию...

В уставе Академии наук и искусств, утвержденном сабором в 1861 г., указывалось, что Академия «будет иметь в виду нужды и пользу южнославянских народов», что целью Академии является развитие науки и искусств «на славянском юге между хорватами, сербами, словенцами и болгарами в духе национальном и общего просвещения»¹⁷⁰.

Намечая перспективы деятельности Академии, Рачкий говорил о задаче исследовать природные богатства «нашей милой Югославии» и «иметь перед глазами научное единство славянского юга». По Рачкому, Академия должна была стать «очагом научной деятельности южных славян, в котором со временем собрались и объединились бы лучи, распространяемые духовной мощью племен хорватско-сербского, словенского и болгарского»¹⁷¹. На открытие Академии в 1867 г. в Загреб прибыли гости из Сербии, Словении и Воеводины. Сам Рачкий неутомимо содействовал упрочению не только внутрехорватских, но и южнославянских научных связей¹⁷².

¹⁶⁹ Например: F. Rački. Odlomci iz državnoga prava hrvatskoga za narodne dinastije. U. Beču, 1861; он же. Rieka prema Hrvatskoj; он же. Hrvatska pragmatička sankcija («Pozor», 1866) и др. И. Кукулевич издал сборники государственных актов Хорватии: «Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae». I—III, 1861—1862.

¹⁷⁰ V. Novak. Antologija..., str. 252.

¹⁷¹ T. Smičiklas. Život i djela dra Franje Račkoga. U Zagrebu. 1895, str. 57, 58. Как видим, здесь, как и вообще в практической политике, югославизм народняков все более проявлялся в теории лишь хорватско-сербского (якобы национального) единства.

¹⁷² См., например: В. Новак. Фрањо Рачки; М. Поповић. Указ. соч.; V. Novak. Valtazar Bogišić i Franjo Rački. Beograd, 1960; В. Новак. Српски научници и књижевници у преписки с Фр. Рачким. Београд, 1964.

Академия наук и искусств была названа «Югославянской», так же предполагалось назвать университет¹⁷³. Эти учреждения, первые в южнославянских землях, сыграли большую роль в истории науки и просвещения среди южных славян. Они подняли роль Загребца как центра хорватов, но также укрепили связи хорватской столицы с другими южнославянскими землями. Когда Штросмайер оказывал финансовую помощь политическим и культурным деятелям других народов¹⁷⁴, он, конечно, способствовал росту авторитета хорватского национального движения. Но все достижения в сфере культуры служили интересам как хорватов, так и других южных славян.

Сербские ученые сотрудничали в Югославянской Академии. Выдающийся филолог Дж. Даничич, переселившись в Загреб, много лет являлся секретарем Академии. Сербские публицисты выступали в хорватской печати¹⁷⁵. В 1861 г. знаменитый сербский ученый В. С. Караджич и сербский лидер в Далмации С. Любиша были избраны почетными гражданами Загреба.

Южнославянское сближение содействовало взаимообогащению национальных культур. Югославизм способствовал национальному подъему хорватов в разных сферах деятельности — как в политике, так и в области культуры. В целом национальная культура развивалась под воздействием идеологии южнославянского сближения, духа национального Возрождения и в свою очередь способствовала росту национального сознания, отпору угнетательской политике Австрийской империи.

Литература 50-х — начала 70-х годов, проникнутая романтизмом, развивала традиции иллирийского периода (Лука Ботич, Мирко Богович, Иван Трнский и др.). Героическое прошлое хорватов и других славянских народов, совершенствование литературного языка — вот что занимало писателей. В 60-х годах расширяется

¹⁷³ До 1874 г. в Загребе имелаcя Академия наук (с 1776 г.) — высшее учебное заведение в составе юридического и философского факультетов, а с 1850 г. — Юридическая академия.

¹⁷⁴ См., например: М. Поповић. Указ. соч., стр. 185; F. Šišić. Korrespondencija..., I, str. 200.

¹⁷⁵ В частности, о выступлениях Матии Бана см.: Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, ф. И. С. Аксакова. М. Бан — И. Аксакову, 28.I 1861 г.

патриотическая и просветительская роль литературы, как и науки, связанной с целями национального движения. Выходили литературные журналы, первое место среди которых занял «Виенац» (с 1869 г.).

В развитии журналистики нашла выражение усложнившаяся по сравнению с периодом до 1848 г. политическая жизнь Хорватии, общественно-политическая дифференциация, расширение социальной среды, втягивавшейся в политическую жизнь, количественный рост интеллигенции. Наряду с «Пóзором» выходят близкие правительству «Народне новине», «Аграмер цайтунг», «Домобран», а в конце 60-х — начале 70-х годов — издания национально-радикального направления («Хрват», «Хрватска») ¹⁷⁶.

* * *

Как отмечалось, ведущие деятели народняков обуславливали поддержку австрийской экспансии на Балканы предварительным преобразованием империи на началах национального равноправия. Здесь югославизм смыкался с австрославистскими идеями. Но политику реально существовавшей (не преобразованной) империи Габсбургов они, как правило, рассматривали, как навязывание немецкого господства народам Юго-Восточной Европы.

В пользу наиболее последовательных югославистов говорит многое. В статьях «Мысли хорвата, не являющегося государственным деятелем, о Восточном вопросе» (1862 г.) основное внимание Рачкого было направлено на доказательство способности южных славян Турции восстановить независимые, «хорошо устроенные и прочные государства». Автор перечислял основные национальности на Балканах, успехи, одержанные Грецией, Сербией, Румынией и, полемизируя со «скептиками» из Австрии и западных стран, делал вывод: «Нет сомнения, что упомянутые народы Европейской Турции в состоянии составить и организовать отдельные государства либо полностью самостоятельные, либо федеративные, которые можно сравнить с самыми счастливыми государствами современной Европы». Он писал, что

¹⁷⁶ См.: М. Ivšić. Kulturni uspon Hrvata sredinom XIX stoljeća. «Hrvatsko kolo», XVII. Zagreb, 1936; А. В а г а с. Hrvatska književnost, knj. II; С. Назетић. Романтизам код Хрвата. Београд, 1960; Ј. Н ó р в а т. Povijest novinstva...

только люди, считающие своей миссией «просвещение Востока», утверждают, что сами народы Балкан не в состоянии создать цивилизацию, и их освобождение от турецкого ярма привело бы к хаосу. «Кто знает, не погибнет ли Турецкая империя тем же путем, как возникла. Османы подчинили себе одно независимое государство за другим... Не отделится ли теперь от них одна провинция за другой?..» Рачкий требовал, чтобы западные державы не мешали освободительной борьбе, «предоставили, наконец, самим христианским народам создание новых государственных организмов». В сущности, полемизируя (не в последнюю очередь) с некоторыми народняками, Рачкий заявлял по поводу планов передачи Боснии Австрийской империи: «Мы не говорим, что такое решение было бы органичным, справедливым, полезным и т. д. для народов Турции»¹⁷⁷. Итак, Рачкий выступал против экспансии Австрийской империи на Балканы, за становление самостоятельной государственности народов полуострова.

Народняки с уважением отзывались о сербском народе, полностью признавали его интересы на территориях вне Триединого королевства, считали, что эти интересы совпадают с хорватскими и поэтому упрочение положения Сербии и Черногории, освобождение земель, находящихся под турецким игом, является общей задачей южных славян. В энергичных действиях Сербии они видели залог освобождения всех южных славян. Рачкий призывал хорватов и сербов «оставить времени» решение споров и не забывать об общих задачах. «Как хорват, пользу хорватского народа я не отделяю от пользы сербского, так как уверен, что полезное одному не может быть во вред другому»¹⁷⁸.

Главной заботой народняков являлось не спасение Австрии, а обеспечение национальных интересов хорватов, что связывалось с объединением южных славян. Это объединение, по мнению народняков, могло хотя бы на время осуществиться в Австрийской империи, но в конечном счете или в случае неудачи первого пути объединение обязательно должно было привести к созданию независимого южнославянского государства.

¹⁷⁷ «Pozor», 9, 10, 16, 17.IX 1862.

¹⁷⁸ «Pozor», 18.IX 1862.

Они считали, что хорваты могут стать ядром объединения южных славян Австрийской империи, а сербы — сыграть ту же роль в Турции. Что же касается всех южных славян, то, как мы указывали, югослависты в своем большинстве полагали, что лишь в составе австрийской федерации Хорватия могла бы объединить их; у Сербии же для этого больше возможностей.

Вместе с разочарованиями в политике Габсбургов народники проникались мыслью о том, что хорватам следует заботиться об Австрии не больше, чем последняя заботится о них... В этом сказался кризис австрославистских взглядов накануне австро-венгерского дуализма 1867 г. Иван Перковац, указывая на слабость австрославистских сил в империи, осенью 1866 г. выражал сомнение в длительности и прочности «общих интересов» всех славян Австрийской империи (т. е. в завуалированной форме говорил о возможности распада империи) и противопоставлял им общие интересы «южнославянских племен». Борьбу за сплочение южных славян Австрии он называл единственно реалистической политикой¹⁷⁹.

Любые проекты государственного устройства Австрийской империи народники рассматривали с учетом перспективы южнославянского объединения. Значение широкой автономии Хорватии («развязанные руки») они в частности, видели в том, что в благоприятный момент автономия даст возможность осуществить объединение с другими южными славянами. Поэтому для них было не столь важно, с кем договариваться (с Австрией или Венгрией), сколь добиться широких прав¹⁸⁰.

Именно потому, что в тылу хорватов находились другие южнославянские народы, между хорватскими и чешскими австрославистами имелось важное различие. В 1870 г. Штросмайер прямо заявил русскому посланнику в Вене Е. Новикову, что, поскольку южным славянам не удалось преобразовать и тем самым спасти империю, они должны «руководствоваться лишь своими интересами» — «спасать самих себя без нее, а при необходимости — против нее». Новиков в связи с этим докладывал Горчакову: «У чехов и югославян в области их отношений к Австрии и Герма-

¹⁷⁹ «Pozog», 18.X 1866.

¹⁸⁰ «Нам во всяком случае следует... по возможности оторваться и от венгров, и от швабов». F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 2. Письмо Штросмайера от 31.VIII 1861 г.

нии имеется единодушие вплоть до наиболее тонких нюансов, но при том различии, что географическое положение первых вынуждает их быть консерваторами, тогда как соседство с Сербией способствует заметному ослаблению связей, побуждающих вторых держаться за единство Австро-Венгерской монархии»¹⁸¹.

Настроения национальной интеллигенции после упрочения австро-венгерского дуализма выражены в письме В. Ягича — тогда (1878 г.) профессора Берлинского университета — Н. А. Попову — славянофильскому деятелю: «Это пишет Вам, как Вы знаете, австриец¹⁸² и католик, но человек, которому будущность сербов и хорватов выше Австрии и католицизма. Я надеюсь, что таких патриотов у нас — громадное большинство»¹⁸³.

Каждый внешнеполитический успех Сербии народники приветствовали и призывали сербское правительство к более активным действиям. Когда в 1862 г. турецкий гарнизон обстрелял Белград, Рачкий писал: «Мы прониклись надеждой, что этот гнусный акт послужит началом великих событий, центром коих станет Сербия». «...Если Вы можете чего-нибудь добиться, добейтесь, мы все вступим в ваш круг», — обращался он к сербам¹⁸⁴. «Священной целью Сербии и любого югославянского племени, — писал «Пбзор» в связи с уходом турецких войск из Сербии, — должно быть освобождение от турецкого ярма Боснии, Герцеговины, Болгарии...»¹⁸⁵. В 1868 г. эмиссар сербского правительства А. Орешкович докладывал: «Штросмайер хочет объединенного и самостоятельного югославянства, но ввиду того, что, по его мнению, этого невозможно достичь сразу и одним ударом, то он хочет прежде всего независимого и возможно более сильного Сербского государства, но с тем, чтобы оно играло роль ядра, вокруг которого мало-помалу должны собраться все южнославянские земли»¹⁸⁶. Сторонники южнославянского объединения вместе с крахом австро-федералистских планов (1867 г.) отказались от претензий даже на

¹⁸¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 146, л. 136 и далее (Вена), 1870 г.

¹⁸² В обычном тогда смысле: подданный Австро-Венгрии.

¹⁸³ Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. Н. А. Попова. Письмо Ягича от 16.I 1878 г.

¹⁸⁴ V. Novak. Franjo Rački u govorima..., str. 52.

¹⁸⁵ «Pozor», 14.III 1867; см. также: H. W e n d e l. Bismarck und Serbien im Jahre 1866. Berlin, 1927, S. 66.

¹⁸⁶ В. Вучковић. Политичка акција Србије..., стр. 381.

небольшую часть Боснии (так называемую Турецкую Хорватию) лишь бы не мешать Сербии выполнить объединительную миссию¹⁸⁷.

В 1868 г., когда определилась неудача сербской политики, М. Мразович считал, что присоединение Боснии и Герцеговины к Сербии и создание таким путем прочного ядра южнославянского государства позволило бы южным славянам избежать длительного «переходного периода под иноземной властью» (Австрии.—В. Ф.) и быстро достичь независимости. Захват же этих земель Австро-Венгрией он рассматривал как величайшую опасность для Сербии¹⁸⁸. Мразович полагал, что развитие южных славян в составе Австрийской монархии в конце концов все равно приведет к их укреплению, сплочению и независимости, но этот путь — более трудный¹⁸⁹. Как видим, у Мразовича не было веры в австрославизм как в средство окончательного разрешения национального вопроса, но нет и крайнего национального радикализма.

Таким образом, в отличие от периода до 1848 г., идея югославянского объединения стала теперь основой широкой практически-политической деятельности.

Хотя и не без горечи и колебаний (им было свойственно обольщаться даже незначительными признаками «готовности» Габсбургов осуществить австрославистскую программу), народняки соглашались отказаться от претензий на первенство в объединении южных славян¹⁹⁰. Важно отметить, что с призывами укреплять Сербию, с утверждениями, что от немецкой Австрии нечего ждать, народняки выступали даже в моменты обострения хорвато-сербской полемики (в 1863 г.)¹⁹¹. В особенности же

¹⁸⁷ В. Вучковић. Политичка акција Србије..., стр. 377, 378, 433.

¹⁸⁸ Там же, стр. 330, 339, 340; V. Ciliга. Narodna stranka i južnoslavensko pitanje. HZ, 1964, str. 86.

¹⁸⁹ Вероятнее всего, писал Мразович в начале 1868 г., югославянский элемент Австрии «укрепится настолько, что он, уже теперь являющийся более передовым по сравнению со своими братьями в Турции, привлечет к себе родственные элементы. Пусть сначала все они окажутся в подчиненном положении, но эта ситуация — при упрочившемся национальном единстве — должна в конечном счете разрешиться национальной и государственной самостоятельностью». Об этом документе и его текст см.: Sidak. Dva priloga hrvatskoj povijesti od 1868—1871. HZ, 1966—1967.

¹⁹⁰ См.: В. И. Фрейдзон. Корреспонденция Рачкий — Штросмайер как источник..., стр. 161.

¹⁹¹ См., например: «Pozor», 20. II 1863.

четко их ориентация на Сербию сказалась в период, когда освободительное движение на Балканах поднялось на новую высоту (1866—1868 гг.) В дальнейшем, если народники и перенесли снова центр тяжести своей деятельности внутрь империи, то потому, что надежды на решающие успехи этого движения не оправдались. Но и тогда (1868—1871 гг.) они содействовали его оживлению, а по крайней мере часть из них была готова стать на путь прямой борьбы против Габсбургской монархии. Радикальные цели югославистов побуждали их в некоторые периоды прибегать к радикальным методам деятельности (см. гл. VI, VII, IX).

Конечная цель югославизма дает основание считать, что заверения народников в лояльности императору имели формальный характер. Почти систематическая оппозиция с их стороны внешней политике Австрии на Балканах подтверждает это. Особенно резко их антигабсбургские (в сущности) взгляды проявились в 1867 г. в связи с австро-венгерским компромиссом. Критикуя политику, направленную на подавление южных славян в империи и вне ее, народники с оптимизмом заявляли, что хорватам остается лишь радоваться вероятному «успеху наших братьев (сербов.— В. Ф.)... В этом наша надежда и утешение»¹⁹². «Пóзору», например, будущее не казалось мрачным уже потому, что военным кругам России, по его мнению, было свойственно «всеобщее понимание ошибки царя Николая в 1848 г.»¹⁹³, т. е. ошибочности политики поддержки Габсбургов. В 1868 г., как сообщал русский консул, «по их (народников.— В. Ф.) мнению, Россия, вступившая в союз с Австрией, могла бы утратить тем самым свое влияние между югославянами»¹⁹⁴.

После упрочения австро-венгерского дуализма надежды на федерализацию империи как на реальную перспективу в обозримый исторический период растаяли, и югослависты были убеждены, что лучшим решением Восточного вопроса является «независимость стран Балканского полуострова», объединение которых (поскольку этому препятствуют Австро-Венгрия и западные державы) должно быть предоставлено будущему¹⁹⁵.

¹⁹² «Pozor», 9.III 1867.

¹⁹³ «Pozor», 26.VI 1867.

¹⁹⁴ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1027, л. 42 (Фиуме), 1868 г.

¹⁹⁵ F. Ši š i ć. Korespondencija..., II, str. 102, 143 (1877, 1878 гг.).

Штросмайер использовал свои международные связи в интересах национального освобождения южных славян. В переписке с Гладстоном в 70—80-х годах он защищал интересы Сербии и Черногории и пытался настроить английского деятеля в пользу освобождения южных славян от турецкого господства. Во Франции близкие ему журналисты выступали в том же духе. В 1876 г. он обратился к русским властям с меморандумом, имевшим антиавстрийское содержание¹⁹⁶.

Во время русско-турецкой войны Штросмайер утверждал, что «если бы нынешняя Австрия оккупировала [Боснию], то подвергла бы наш народ еще более тяжким страданиям, чем теперешние»; она стала бы «натравливать фратров (католических монахов.— В. Ф.) и бегов против самых священных интересов нашего народа»¹⁹⁷ (вероятно, имеется в виду югославянская солидарность.— В. Ф.). Тогда же Ягич негодовал по поводу планов передачи Австрийской монархии («труп», по его выражению) Боснии и Герцеговины, «молодой еще, свежей, дикой, но богатой дарами природы и человеческого духа страны», «лучшей страны сербско-хорватского народа»¹⁹⁸.

Вопреки интересам Габсбургов, народняки считали, что создание и упрочение существующих славянских государств на южных границах Габсбургской монархии — залог успеха их собственной борьбы: «По опыту нами дознано, — говорили они, — что жизнь наша на народных началах может развиваться единственно при приобретении самостоятельности остальными славянскими племенами»¹⁹⁹. Итак, народнякам наряду с австрославизмом была свойственна антиавстрийская ориентация.

В целом это течение колебалось между либеральным (австрославизм) и радикальным методами решения национального вопроса. Но в практической деятельности народняков в 60-х — начале 70-х годов превалировала австрославистская тенденция. Причина этого не только

¹⁹⁶ См.: R. W. Seton-Watson. The southern slav question and the Habsburg monarchy. London, 1911, p. 416—444; F. Šišić. Korespondencija..., II, str. 49—64.

¹⁹⁷ F. Šišić. Korespondencija..., II, str. 163.

¹⁹⁸ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. Н. А. Попова. И. В. Ягич — Н. А. Попову, 16.I 1878 г.

¹⁹⁹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1027, л. 42 (Фиуме), 1868 г.

в оппортунизме буржуазии, но также в крайней недостаточности сил, на которые опиралась радикальная политика народняков. Что касается конечных целей движения, то идеологи хорватской буржуазии в 60-х годах более четко, чем раньше, указывали на необходимость объединения и независимости южных славян.

Однако югославистское течение не ограничивалось идейно-политическими рамками, которые ставились в тот или иной момент его ведущей группировкой. Об этом свидетельствуют настроения, преобладавшие на саборе в 1861 г. (см. гл. V). Среди народняков, т. е. людей, сохранявших верность основным принципам течения (широкая автономия, югославизм), встречались лица, проповедовавшие национал-радикализм.

Сведений об этом немного. Характерны, например, взгляды мелкого чиновника Ячима Павлетича. Резко выступая против тезиса о заинтересованности народов в сохранении Австрийской империи, он писал в 1862 г. Д. Кушлану: «Я считаю, что тот, кто Австрию поддерживает, роет себе могилу. Для нас, следовательно, годилось бы *mors tua — vita mea*²⁰⁰, а не *aula est pro vobis*»²⁰¹. Австрийские реформы, утверждал он, имеют целью обмануть народ²⁰².

В начале 60-х годов, когда выяснилось, что правительство решило продолжать централистский курс, радикальные настроения получили распространение среди буржуазии. Даже богатый купец Анте Якич считал, что «нормальным», т. е. законным, путем Хорватии «нет спасения»²⁰³. Радикальные чувства питала часть хорватской и сербской югославистской демократической интеллигенции и мелкой буржуазии Хорватии, Славонии и Военной Границы, а также некоторые граничарские офицеры. Эти круги участвовали в создании подпольных организаций, нити от которых сходились в Белград. Достоинно внимания, что выходцы из южнославянских земель Австрийской империи участвовали в организации венгерского легиона в Италии, готовившегося к вторжению в империю.

²⁰⁰ «Твоя смерть — моя жизнь» (лат.).

²⁰¹ «Двор за нас» (лат.), — говорили деятели иллиризма.

²⁰² См. «Grada», knj. 19, str. 203—207.

²⁰³ Ch. Šegvić. Drugo progonoštvo Eugena Kvaternika. Zagreb, 1907, str. 24.

В 1863 г. они обратились к югослависту Л. Гаю с просьбой о высылке издаваемой им газеты ²⁰⁴.

Простые люди, далекие от непосредственных интересов буржуазии, придерживались югославистских взглядов и проникались антиавстрийскими устремлениями. Эта среда влияла на некоторых представителей народняцкой интеллигенции.

Опасность, которую видели правящие круги Австрийской империи в югославизме, побуждала их ограничивать деятельность даже научного учреждения — Югославянской Академии ²⁰⁵. За югославистами была организована полицейская слежка.

Итак, по сравнению с периодом до 1848 г., в 60-х годах XIX в. недовольство австрийским господством в южнославянских землях углубилось, освободительное движение к югу от границ империи поднялось на более высокую ступень, возросло значение Сербии, упадок Турецкой империи обозначился более явно, заметно изменилась политика России на Балканах, наконец, Австрийская империя переживала кризис. Все это сказалось на взглядах хорватских национальных лидеров. Несмотря на сохранение австро-федералистских иллюзий, радикально-югославистская ориентация окрепла и, как увидим, на некоторое время стала решающей.

Не только объединение, но даже сотрудничество южных славян шло вразрез с устоями австрийского господства, но особенно опасной для него была радикальная тенденция. Дуализм резко усилил эту направленность, но она не была чем-то принципиально новым для народняков. До 1867 г., будучи федералистами, они хотели объединения и независимости южных славян, после — они не отказались от федералистских мечтаний. Наличие двух тенденций в их политике — национально-либеральной и национально-радикальной — вызывало критику народняков с двух сторон: хорватские и сербские национал-радикалы и венгерская оппозиция (до 1867 г.) обвиняли их в служении двору, элементы, верные правительству, и венгерские правящие круги (после 1867 г.) — в государственной измене, панславизме и т. п.

²⁰⁴ См.: «Grada», knj. 26, str. 329.

²⁰⁵ В 1885 г. было запрещено проведение южнославянского научного конгресса в Загребе, подготовлявшегося Академией. В 1887 г. Франц-Иосиф не утвердил Рачкого президентом Академии.

Политический вес народняцкого течения в условиях дуализма так охарактеризован в одном из русских документов: партия эта влиятельна в Хорватии, «недовольство ее в случае катастрофы (государства Габсбургов.— В. Ф.) может иметь огромное влияние на дела славянства, но в политическом организме Австрии она вряд ли имеет значение... Австрия права, боясь этой партии более по отношению политики внешней, чем внутренней»²⁰⁶. Здесь в сущности подтверждается, что федерализм мало беспокоил правительство, а в югославизме оно видело опасность.

* * *

Тот, кто добивался совместных действий южнославянских народов, должен был уважать их требования в текущей политической борьбе, признавать их права в будущем общем государстве. Народняки поддерживали национальные требования словенцев в Австрии, с симпатией относились к освободительному движению в Болгарии. Задача сочетать интересы южных славян в общем государстве привела лидеров югославизма к «идее славянской федерации на Балканском полуострове», которая, по мнению Штросмайера, «приходит всякому на ум сама собой»²⁰⁷. Идею федерации южных славян они выдвигали уже в 60-х годах XIX в.

Как отмечалось, в начале 60-х годов народняки на основе «исторического права» требовали присоединения к Хорватии части словенских территорий; так как это не могло встретить сочувствия в Словении, народняки отказались от подобных претензий. По существу была оставлена и идея навязывания словенцам сербско-хорватского литературного языка, что знаменовало окончательное признание народняками особого словенского «племени»²⁰⁸. Тем самым путь к политическому сотрудничеству был открыт. В среде словенского национального движения все более распространялось убеждение, что надежную опору против германизации словенских земель мо-

²⁰⁶ АВПР, Г. А. VA₂, д. 734, л. 59 (Рагуза), 1869 г. Донесение консула А. С. Ионина.

²⁰⁷ F. Sišić. Korespondencija..., III, str. 199 (1885 г.).

²⁰⁸ В убедительных словах этот взгляд выразила народняцкая газета в 1870 г. См.: «Zatočnik», 24.X 1870.

жет дать лишь создание Объединенной Словении и ее объединение на федеративных основах с Триединым королевством²⁰⁹. Народняки, хотя они до 1870 г., а особенно до 1866 г., редко обращались к этой теме, пропагандировали ту же идею. При этом рассматривались разные варианты хорвато-словенской или сербско-хорвато-словенской федерации в составе империи. Перковац, считавший, «что югославянские племена побуждает к единению все, что составляет национальную жизнь» (теория единого народа!), вместе с тем вполне в федералистическом духе подчеркивал, что «форма этого объединения может быть различной»²¹⁰.

То же можно сказать о выдвигавшихся народняками принципах объединения всех южных славян. В 1862 г. Рачкий допускал возможность общеполубанской федерации (южные славяне, греки, румыны)²¹¹. В 1867 г. в плане сербского премьер-министра Гараганина, предложенном руководству народняков и принятом им, предусматривалось «соединение всех южнославянских племен в единое федеративное государство»²¹².

К 1874 г. относится югославистская политическая программа, сводившаяся к тому, что «конечной целью общих национальных устремлений и деятельности хорватов, сербов, болгар и словенцев должно быть их объединение в независимую и свободную национальную и государственную южнославянскую общность». Хотя автор документа считал, что о форме будущего государства говорить рано, и придерживался принципа национального южнославянского единства, он отстаивал равноправие «во всяком смысле и во всем отдельных племен, составляющих южное славянство... Государственная самостоятельность и автономные права отдельных южнославянских земель в их взаимных отношениях должны остаться абсолютно неприкосновенными и зависеть от свободной воли той

²⁰⁹ I. Prijatelj. Slovensko, slovansko in južnoslovansko vprašanje pri sdojencih na prelomu 60-h in 70-h let, «Razprave», IV. V. Ljubljani, 1928, str. 125 и др.; D. Кермавнер. Še nekaj gradiva o ljubljanskem kongresu leta 1870. «Zgodovinski časopis» XVII. Ljubljana 1968, str. 158.

²¹⁰ «Pozor», 18.X 1866.

²¹¹ «Pozor», 13.IX 1862; V. Novak. Franjo Rački u govorima..., str. 60.

²¹² В. Вучкович. Политичка акција Србије..., стр. 273. См. тл. VII.

части народа, которая пользуется этой самостоятельностью и этими правами»²¹³.

Принцип федерации мог привлекать людей, убежденных, что у южнославянских народов имеются особенности, которые необходимо уважать. Именно в связи с тем, что народняки *фактически* отошли от принципа национального единства южных славян, они отстаивали федерализм. «Душаново царство,—писал «Побор» в 1863 г.,—такая же нереальность, как и любое единое и централизованное южнославянское государство... Если в Сербии вместо стремления к сербской империи возобладает идея федеративного югославизма, Сербия сможет занять почетное положение». Отсюда, как отмечалось, делался вывод о необходимости укрепления автономии Хорватии как предпосылки южнославянского объединения («если будет подорвано хорватское государственное право, то на чем сможет основываться задруга южных славян?») ²¹⁴.

Отдавая должное федералистской программе, следует сказать, что планы буржуазных федералистов решить южнославянский вопрос путем федерации не могли привести к устранению борьбы буржуазии разных наций за преобладание. Коренные изменения в федералистскую программу внесло лишь революционное рабочее движение.

Хотя буржуазия не смогла разрешить национальные противоречия, возникновение объединенного югославян-

²¹³ Текст см.: К. Milutinović. Prvi ideolozi..., str. 122, 123; Љ. Дурковић-Јакшић. «Бранислав». Београд, 1968, стр. 108, 109. Л. Дуркович указал, что автором программы был Славолюб Врбанчич (в прошлом деятель левого крыла иллиризма).

²¹⁴ «Pozor», 24.II и 2.III 1863. Южнославянский федерализм проповедовался и в Сербии. Например, Матия Бан, публицист и писатель, выходец из Далмации, изложил свою программу И. С. Аксакову (полагаем, что поэтому югославизм усиленно переплетался в ней с панславизмом). По Бану, «всеславянскую конфедерацию» должны составить группы славянских земель и в их числе «южнославянская конфедерация» четырех ветвей (т. е. сербы, хорваты, болгары, словенцы) — «каждая полностью автономная». Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, ф. 14 И. С. Аксакова. М. Бан — Аксакову, 28.III 1860 г.; 16.I; 9.VI 1861 г. В том же духе Бан писал в МИД России. См.: В. И. Фрейдзон. О белградском «комитете» М. Бана. Сербские правящие круги стремились обеспечить ведущее положение Сербии в федерации. См., например: В. Чубрилович. Историја политичке мисли у Србији XIX в. Београд, 1958, стр. 191, 301 и др.

ского государства явилось шагом вперед в историческом развитии народов. Были созданы новые условия для их борьбы за равноправный союз. В. И. Ленин отмечал, что везде в мире следствием буржуазно-демократических преобразований наряду с возникновением национальных государств явилось создание «государств с наиболее близким и взаимно-родственным национальным составом»²¹⁵.

Ф. Чулинович справедливо связал идею федерации с принципом национального плюрализма, утверждая, однако, что федерализм был свойствен также поборникам национального унитаризма — Штросмайеру и Рачкому. Мы стремились показать, что безоговорочно принимать тезис о национальном унитаризме народняков было бы упрощением. Чулинович сделал верное наблюдение, что народняки считали федеративное устройство временной мерой—до слияния южных славян в один народ²¹⁶. Это относится к особенностям идеологии югославистов 60-х годов XIX в., но, думается, не препятствует признанию защиты ими (на практике) национальных интересов.

Богатая материалом статья К. Милутиновича²¹⁷ не внесла нового в теоретическое изучение проблемы. Автор в значительной ее части переходит от изучения федерализма к рассмотрению идеи сплочения южных славян на основе теории единого народа.

ОТНОШЕНИЕ ЮГОСЛАВИСТОВ К РОССИИ
И «ПАНСЛАВИЗМУ».
ЦЕРКОВНАЯ ПРОБЛЕМА В СВЕТЕ
ЮГОСЛАВИЗМА

Сознание того, что хорваты и все южные славяне принадлежат к славянской этнической общности, являлось морально-политическим подспорьем для деятелей хорватского национального движения. «Оно (славянство.— В. Ф.),— писал Рачкий,— с каждым днем все сильнее бу-

²¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314.

²¹⁶ См.: F. Čulinović. Razvitak jugoslavenskog federalizma. Zagreb, 1952, str. 12, 13. Позднее автор вернулся к той же проблеме в кн.: «Nacionalno pitanje u jugoslavenskim zemljama». Zagreb, 1955 и в статье: «Nacija i nacionalno pitanje u jugoslavenskim zemljama» в сб.: «Zbornik radova iz pravne istorije posvećen Albertu Vajsu». Beograd, 1966.

²¹⁷ К. Milutinović. Prvi ideolozi...

дет стучать в ворота истории»²¹⁸. Установление тесных культурных связей между славянскими народами (наряду с развитием связей с другими народами Европы), их политическую взаимопомощь народники считали условием успеха национального развития хорватов. Задачей Югославянской Академии Рачкий считал «следить за развитием и прогрессом научной литературы в остальных славянских странах, а именно русской, польской, чешской»²¹⁹. Академия вела обширную переписку с русскими, чешскими, польскими и словацкими научными учреждениями. Выдающиеся ученые славянских народов были избраны в ее состав.

Все больший интерес проявлялся в Австрии к общественной жизни России после отмены крепостного права. Подавляющее большинство либеральных австрославистов содействовало сближению славянских народов Австрии с Россией и провозглашало необходимость политической солидарности между будущей «славянской» Австрией и Россией. В 60-х годах австрославизм в большинстве случаев сочетался с русофильством (на языке тогдашней публицистики Западной Европы — «панславизмом») ²²⁰. Сочетание это свидетельствовало о политической умеренности либералов. Но особенно ярко русофильские настроения стали проявляться в связи с крахом австрославистских планов в 1866—1867 гг.

Отношениям с Россией югославистами придавалось особое значение. Несмотря на трудности (австрийская полиция чинила препятствия пересылке газет и даже книг), хорватские деятели поддерживали связи с Россией.

Рачкий как президент Югославянской Академии наук и искусств вел обширную переписку с русскими учеными — историками, филологами, искусствоведами. Он был избран почетным профессором Петербургского, Московского, Киевского и Одесского университетов, членом-корреспондентом Российской Академии наук и Археоло-

²¹⁸ В. Новак. Фрањо Рачки, стр. 350 (1888 г.).

²¹⁹ T. Smičiklas. Život i djela dra Franje Račkoga, str. 58.

²²⁰ Провозглашение непричастности к русофильству иногда вызывалось тактическими соображениями — стремлением убедить Габсбургов в лояльности. Антирусские чувства в 60-х годах XIX в. питали главным образом консервативно-клерикальные круги.

гического общества²²¹. Членами Российской Академии наук являлись также И. Кукулевич-Сакцинский и В. Ягич. Последний, покинув Хорватию (1870 г.), ряд лет был профессором Одесского и Петербургского университетов.

В состав заграничных членов Югославянской Академии были избраны Д. И. Менделеев, С. М. Соловьев, П. А. Ровинский и др.²²² Русские ученые часто посещали Югославянскую Академию, в русской научной печати регулярно печатались статьи, освещавшие ее деятельность. И. Срезневский, М. Владимирский-Буданов, А. Будилович, Т. Флоринский, Я. Грот, П. Кулаковский, В. Ламанский, Н. Попов, Ф. Успенский, В. Стасов — таков далеко не полный перечень корреспондентов Рацкого в России в 60—90-х годах XIX в.²²³

Народняцкая печать знакомила хорватскую общественность с произведениями русской литературы. Публицист Й. Мишкатович был неутомимым переводчиком И. С. Тургенева. Ряд произведений Гоголя и Тургенева был опубликован в «Пóзоре». Редакции некоторых газет и культурные институты, хорватские и сербские, получали русскую прессу. В отдельные годы народняки Хорватии-Славонии и Далмации высылали свои газеты в Петербург и Москву. Живой интерес среди хорватской интеллигенции вызвала этнографическая выставка 1867 г. в России.

Отношение народняков к России определялось их югославистской программой, целями русской политики на Балканах в 60-х годах и пониманием того обстоятельства, что интересы России требуют недопущения германской экспансии на юго-востоке Европы. Симпатии к парламентскому строю стран Западной Европы не мешали народнякам ориентироваться на помощь официальной и дворянско-буржуазной России национальному движению южных славян.

Само существование великого славянского государства имело для деятелей хорватского национального движения первостепенное значение. Чувства хорвата, впер-

²²¹ T. S mič i k l a s. Život i djela dra Franje Račkoga, str. 89; В. Н о в а к. Фрањо Рачки, стр. 308.

²²² См.: В. Г. К а р а с е в. Исторические оязы народов Советского Союза и Югославии. М., 1956, стр. 14.

²²³ T. S mič i k l a s. Život i djela dra Franje Račkoga, str. 88, 89.

вые в 1872 г. приехавшего в Ростию, высказал В. Ягич: «Здесь... начинается, наконец, господство славянского мира, здесь нет нужды скрывать свой славянский язык перед более сильными господами...»²²⁴. Сильное впечатление оставила поездка в Россию (1884 г.) и на Ф. Рачкого. Он писал о русских просторах, городах, исторических памятниках, научных центрах, тяге молодежи к знаниям²²⁵.

Народняков прежде всего интересовала внешнеполитическая роль России. Понимая, что Петербург преследует собственные цели, лидеры народняков указывали на обстоятельства, определяющие благоприятное для народов балканских стран направление русской политики. Россия «не смеет» оставить южных славян, считали народняки, так как это ослабило бы ее. Ввиду германской экспансии необходимо, чтобы Россия была начеку и поддерживала южных славян, так как эта экспансия угрожает и ей самой²²⁶.

История показала прочность взаимных русско-южнославянских интересов, писал Рачкий в 1862 г. «Мы охотно признаем заслуги России перед христианами на Востоке. Она, единственная, подчас прислушивалась к их воплям и стремилась использовать свое влияние, чтобы помочь им... Она оказала большую поддержку как румынам в Молдавии и Валахии, так и сербам в княжестве и грекам в Греческом королевстве в их борьбе за самостоятельность»²²⁷. Этой политике Рачкий противопоставил позицию западных государств, которые под видом «сохранения европейского равновесия» поддерживали турецкий гнет над народами. Осенью 1866 г. в связи с восстанием на Крите Мишкатович подчеркивал, что события показали действительную роль держав в решении Восточного вопроса. «Какие б обстоятельства не придумать, без России Восточный вопрос решить невозможно».

²²⁴ V. Jagić. Moj prvi dolazak u Rusiju godine 1872. «Izabrani kraći spisi». Zagreb, 1948, str. 375.

²²⁵ F. Rački. Putne uspomene o Rusiji. «Hrvatski putopisci XIX i XX stoljeća». Zagreb, 1955, str. 138—153; В. Новак. Фрањо Рачки, стр. 318—345.

²²⁶ В. Вучковић. Политичка акција Србије..., стр. 375 (мнение Штросмайера, 1868 г.); АВПР. ф. Канцелария, д. 146, л. 136 и далее (Вена), 1870 г.

²²⁷ «Pozor», 9.IX 1862; V. Nova k. Franjo Rački u govorima..., str. 68, 69.

Ряд обстоятельств «делают Россию первым фактором всех событий, предстоящих на Востоке»: дело в том, что никто другой не хочет помочь народам сбросить турецкое иго²²⁸.

В связи с нотой Горчакова в защиту интересов черногорцев и герцеговинцев (1862 г.) «Пóзор» писал: «Всякому известно, что русскую и английскую политику в Восточном вопросе разделяет пропасть. Россия, если даже допустить, что в своих действиях на Востоке она исходит из собственной пользы, все же выступает за интересы христиан... Англия же, как и Россия, действуя ради своей корысти и корысти самой простой, торговой, использует любую возможность, чтобы подбодрить турецкое правительство...»²²⁹.

Народники опровергали утверждение западноевропейской публицистики о стремлении России завладеть Балканским полуостровом и о готовности самих его народов принять власть русского правительства. Таким путем они пытались ослабить недружелюбные чувства к балканским народам, культивировавшиеся буржуазной печатью в странах Западной Европы. «Едва среди славян в Турции или Австрии появляется движение за свободное национальное развитие, сразу поднимают крик те, кто заинтересован в иноземном ярме... Чехи-де слепое орудие феодализма, словенцы — поповства, хорваты и сербы — камарильи, восточные племена — жаждущей захватов России...». Стоит народу в Турции подняться за свободу, в Вене говорят: «русское масло», «европейская культура в опасности» и т. п. «Европейские газеты повторяют это ежедневно, и никому не приходит в голову остановиться и поразмыслить, не свойственно ли этим народам, как и всякому живому существу, естественное чувство свободы, стремление двигаться, бороться, сопротивляться гнету, подавляющему их дух и жизнь... Западная политика пытается увековечить турецкое господство и именно этим открывает путь русскому влиянию...»²³⁰.

Разумные люди давно поняли, писал «Пóзор», что русское правительство не заинтересовано в захватах на Балканах, так как ему пришлось бы иметь дело с массой непокорных подданных, которые последовали бы приме-

²²⁸ «Pozor», 5.X 1866.

²²⁹ «Pozor», 5.XI 1862.

²³⁰ «Pozor», 3.IV 1867.

ру Польши. «Но наибольшая ошибка, когда говорят, что народы Балканского полуострова сами хотят заменить» турецкое господство иным. Они лишь отчаянно ищут помощи в освобождении от гнета... Хотя в движении народов против национального гнета много общего, заключала газета, но цели у каждого свои. «Грек стремится к Афинам, серб — к Белграду, болгарин — к свободному государству». Балканские народы — не скопление рабов, стремящихся заменить одно ярмо другим»²³¹.

Народняки, симпатизировавшие славянофилам ввиду их оппозиции прогерманской политике правящих кругов России, ввиду наличия у них определенной либеральной тенденции и идей развития национальной культуры, выступали против славянофильских идеологов из-за проповеди теми «политического панславизма или вернее панрусизма». Панрусизм — бессмыслица, утверждал «Пóзор», «но самый насущный интерес России состоит в том, чтобы Чехия не стала германской, земли Венгерского королевства — мадьяризованы, а Балканский полуостров — турецким»²³². «Пóзор» проводил четкую грань между «политическим панславизмом» и славянской взаимностью: «Мы убежденные друзья славянской взаимности, так как видим в ней великое начало, за которое боремся...»²³³.

В 1867 г., когда потерпели неудачу их федералистские планы, народняки приветствовали активность русской дипломатии, покровительствовавшей складыванию Балканского союза. Россия — естественный противник Австрии на Балканах, и время благоприятствует русской политике, писал «Пóзор»: в отличие от эпохи Николая I эта политика направлена на поддержку национальных движений на Балканах. «Россию обвиняют в том, что она подстрекает... народы, но это не вина, а долг и слава России. ...Много говорят о продвижении сильной русской армии к турецкой и галицийской границам. Сейчас, вероятно, это не соответствует истине, это было бы слишком рано, но близится время, когда на холодном Дунае снова разовьются русские знамена, на которых будет написано: Свобода Балканам!»²³⁴.

²³¹ «Pozor», 3.IV; III.VII 1867.

²³² «Pozor», 25—27.VI 1867.

²³³ «Pozor», 5.VIII 1862.

²³⁴ «Pozor», 14.III 1867.

В 1870 г. Рачкий сетовал на то, что проавстрийская ориентация Сербии мешает активной политике России в Восточном вопросе. Тогда же народняки приветствовали отказ России от статей Парижского договора, ограничивавшего ее права на Черном море, и выражали надежду, что «Россия не ограничится этим, но уже вскоре возьмется за Восточный вопрос, который не может быть решен во вред южному славянству»²³⁵.

Незадолго до русско-турецкой войны Рачкий выражал уверенность в том, что Восточный вопрос будет решен, так как «его взял в свои руки русский народ... Русское правительство приноравливается к европейским обстоятельствам, но не может выступать против течения в своем народе...». В 1877 г., когда в Хорватии с ликованием была встречена весть о падении Плевны, Рачкий надеялся, что Россия «радикально решит Восточный вопрос». После заключения перемирия он полагал, что освобожденная Болгария в дальнейшем окажет серьезную поддержку России, а Штросмайера беспокоило, что русское правительство признает интересы Австро-Венгрии на Балканах²³⁶.

Итак, в политическом отношении «славизм» народняков проявлялся в надеждах на взаимную помощь делу борьбы за национальную свободу каждого народа. Как видно, народняки ждали помощи от России в первую очередь не столько хорватам, сколько сербам и болгарам, освобождение которых создало бы, по мнению хорватских деятелей, базу для воссоединения южных славян.

* * *

Так как национальная дифференциация между сербами и хорватами происходила в основном по религиозному признаку, народняки уделяли особое внимание церковно-религиозной проблеме. В среде низшего католического духовенства Хорватии получили заметное распространение либерально-католические и национально-автономистские взгляды: в частности, здесь проповедовался переход к богослужению на старославянском языке, древние традиции которого сохранялись в некоторых районах

²³⁵ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 111, 123.

²³⁶ Там же, II, стр. 67, 134, 144, 148.

Хорватии (Приморье). Эта мера, как и расторжение конкордата Австрии с Ватиканом и учреждение автономной хорватской церкви, считалась, по сообщению русского консула в Риеке, необходимой для сближения между католической и православной церквями в южнославянских землях, даже для возможного объединения их в дальнейшем в единую южнославянскую церковь.

По дошедшим уже в 1860 г. до того же консула сведениям, Штросмайер был «далек от неодобрения либеральных тенденций хорватской церкви»²³⁷. Штросмайер выступал за распространение католического богослужения на славянском языке²³⁸. Он прославлял деятельность Кирилла и Мефодия, поддерживал издание глаголических текстов, указывая, что это необходимо для сплочения южных славян²³⁹ («чтобы народ югославянский объединить в отношении веры»). Так как религия являлась существенным элементом мировоззрения масс, речь шла об идейно-политическом сплочении. Штросмайер заявлял, что славянские народы не должны страдать от давнего раскола между греками и латинянами. Современники отмечали, что большинству хорватской интеллигенции в 60-х годах был присущ религиозный «индифферентизм в национальном деле»²⁴⁰ (в смысле стремления сгладить трения между католиками и православными).

Народняки были враждебны воинствующему клерикализму. Так, Рачкий страстно возражал тем католикам, которые видели главного врага в православии, воплощенном в Сербии и России. Он прямо указывал на вред, приносимый такими взглядами национальному движению, а причину их видел в «лицемерии и тупоумии квази-католиков» или их политическом пресмыкательстве (подразумевалось — перед австрийскими правящими кругами)²⁴¹.

Идеологию русского славянофильства югослависты отрицали, в частности, за «отождествление русской политики с православием»²⁴². «Главное различие между вами

²³⁷ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1011, лл. 2, 3 (Фиуме), 1860 г.

²³⁸ См.: V. Novak. Velika optužba, II. Sarajevo, 1960, str. 7—9.

²³⁹ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 56 (1868 г.).

²⁴⁰ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1017, л. 78 (Фиуме), 1863 г.

²⁴¹ «Pozor», 6.IX 1862.

²⁴² F. Šišić. Korespondencija..., III, str. 61 (1883 г.).

и мною в понимании славянства и задачи русского народа в том, — писал Рачкий историку Ламанскому, — что если Вы славянство и не отождествляете, то ставите в слишком тесные отношения с православием». Хорватский ученый добавил, что он считает себя «намного больше славянином», чем некоторые православные ²⁴³.

Штросмайер мечтал о примирении православия и католицизма вообще. Это сближение церквей, а возможно и их объединение, зависело от отношений между русским правительством и римской курией. Штросмайер добивался поворота политики папства в пользу России. Это должно было иметь практические последствия: облегчить действия России на Балканах и вообще упрочить ее внешнеполитические позиции ²⁴⁴.

Вся деятельность Штросмайера в указанном направлении диктовалась прежде всего его целями как югослависта, т. е. была подчинена интересам хорватского национального движения. Он питал тщетные надежды на то, что Ватикан, сблизившись с Россией, поддержит национальное движение южных славян.

Широкую известность принесли Штросмайеру его выступления на Ватиканском соборе 1869—1870 гг. против принципа непогрешимости папы ²⁴⁵. «Древние римские императоры, — писал он в это время Рачкому, — разрешали сервильному сенату провозглашать себя богами, теперь же кое-кто сам себя объявляет богом...» ²⁴⁶. Либеральное крыло собора, прежде всего Штросмайер, хотя и осторожно, высказывало взгляды, сочувственные сближению с православной и протестантскими церквями. «Либерально-католическое» течение стремилось облегчить приспособление католицизма к нуждам буржуазного общества. Причина выступлений Штросмайера корени-

²⁴³ Архив Академии наук СССР, Ленинградское отделение, ф. В. И. Ламанского (ф. 35). Ф. Рачкий — В. И. Ламанскому, 26.VI 1885 г. Резкая критика клерикализма славянофилов раздавалась также из рядов сербских либеральных деятелей, не говоря о демократах.

²⁴⁴ Аргументация этого взгляда была представлена Штросмайером в меморандуме, пересланном русскому правительству в 1876 г. Документ опубликован: F. Šišić. Korespondencija..., II, str. 49—64.

²⁴⁵ См.: T. Smičikl a s. Nacrt života i djela..., str. 102—1116; V. Novak. Dva antipoda. Beograd, 1940.

²⁴⁶ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 101. Письмо от 8.III 1870 г.

лась не в сфере церковной догматики и не только в проблемах общественной жизни Европы вообще. Установление принципа непогрешимости наносило удар надеждам на сближение церквей, на развитие автономных (национальных) церковных учреждений, т. е. целям югославистов.

Разочарование политикой папства побудило Штросмайера написать в 1870 г.: «Был бы наш народ зрелым, он избавился бы от чужой опеки в политике и от романизма в религии». «Я думаю,— писал он в 1872 г.,— что в церковном отношении нам следует оградить себя прочной и действенной автономией от заразы романизма, способного повергнуть нас в состояние духовной прострации и навсегда отколоть от наших братьев»²⁴⁷. Национальные идеи югославистов — вот что определяло их позицию в церковном вопросе.

Церковная проблема затрагивала интересы господствующих классов России, Австрии, Сербии, католической и православной иерархии. Клерикалы боялись всяких сдвигов в церковных взаимоотношениях. Не только идея сближения церквей, но даже проект заключения конкордата России с Ватиканом встречал большие затруднения, так как между русским правительством и папством имелись политические противоречия²⁴⁸.

Характерно, что в южнославянских землях либеральная югославистская среда — светская и духовная, сербская и хорватская — приветствовала выступления Штросмайера на Ватиканском соборе, прямо связывая их с национальными интересами. Наоборот, клерикалы, крайние националисты и сторонники хорватского правительства, враждебного югославистам, выступили с нападками на него. Во всем мире принцип непогрешимости папы защищали наиболее реакционные круги католической церкви, иезуиты и др.²⁴⁹

В идеях сближения церквей православные клерикалы в России и Сербии видели лишь происки Ватикана и Австрии. Правящие же круги Австрии считали их прояв-

²⁴⁷ V. Novak. Dva antipoda, str. 73, 77.

²⁴⁸ См.: Э. Винтер. Папство и царизм. М., 1964. Немецкое изд.: Russland und das Papsttum. Bd. I, II. Berlin, 1960, 1961.

²⁴⁹ Об их нажиме на Штросмайера см.: V. Novak. Dva antipoda, str. 25—42; М. М. Шейнман. От Пия IX до Иоанна XXIII. Ватикан за сто лет. М., 1966, стр. 16.

лением панславизма, а католические клерикалы — «схизмы».

Как отмечалось, в 50-х годах Штросмайер пользовался доверием двора. Он был назначен «апостольским викарием» (представителем Ватикана) в Сербии, основал в Дьякове семинарию для выходцев из Боснии²⁵⁰, сочувствовал униатскому движению в Болгарии²⁵¹. Его деятельность соответствовала интересам католической церкви, а какое-то время — и австрийских властей. Мягко говоря, она не могла вызвать симпатий со стороны русской дипломатии²⁵². Однако в 60-х годах Штросмайер — прежде всего хорватский националист и югославист. Он представлял католическую церковь в Славонии, Сербии, Боснии, но интересы католицизма, как он их понимал, вовсе не совпадали с выгодами Австрии. В частности, власти монархии не сочувствовали идее далеко идущего сближения России с Ватиканом²⁵³. Франц-Иосиф и слышать не хотел о глаголических богослужебных книгах, так как считал, что их употребление «уничтожит различия» между хорватами и сербами²⁵⁴.

Поэтому австрийская дипломатия срывала попытки Штросмайера добиться поддержки старославянского богослужения папским престолом. Не случайно правительственная печать в Хорватии, заинтересованная в поддержке хорвато-сербских разногласий, прониклась заботой о православии и подняла шум по поводу стремления Штросмайера «окатоличить сербов». Дьяковский епископ, которого, как оказалось, больше вслушет судьба

²⁵⁰ T. Smičić. Načrt života i djela..., str. 26.

²⁵¹ Кирил, патриарх български. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век (1859—1865 гг.). София, 1962, стр. 56, 137, 187. Автор полагает, что вообще вся политическая деятельность Штросмайера была подчинена интересам католицизма, с чем согласиться невозможно.

²⁵² Штросмайер, по мнению консула в Риеке, «содействует к потрясению в самих началах православия как в Хорватии, так и в других славянских землях». АВПР, Г. А., VA₂, д. 1017, л. 78 (Фиуме), 1863 г.

²⁵³ Э. Винтер. Указ. соч., стр. 343.

²⁵⁴ См.: V. Novak. Velika optužba, II, str. 9. Идея расширения католического богослужения на славянском языке встретила враждебный прием и в Ватикане. См.: F. Šišić. Korespondencija..., III, str. 25—27 (1882 г.); E. Winter. Russland und das Papsttum, II, S. 383.

хорватов, чем империи Габсбургов, сделался при дворе «фигурой одиозной»²⁵⁵.

Позиция лидера народняков в отношении Ватикана, несмотря на формальное примирение Штросмайера с курией в 1872 г.²⁵⁶, тоже не отличалась искренней лояльностью. В 1877 г. Штросмайер и Рачкий (правда, только в письмах) резко отозвались об антирусском выступлении папы Пия IX в связи с началом русско-турецкой войны²⁵⁷. В 1888 г., вопреки позиции Вены и Ватикана, Штросмайер в связи с празднованием тысячелетия крещения Руси послал в Киев приветствие, в котором говорилось о «всемирной миссии России»²⁵⁸.

Характерно изменение роли Штросмайера в отношении проблемы католицизма в Сербии. В годы абслютизма он действовал в согласии с австрийской политикой и возражал против попыток властей Сербии подчинить католиков княжества епископу — подданному Турции²⁵⁹ и тем самым уменьшить австрийское влияние. В 1881 г. Штросмайер предложил сербскому правительству учредить католическое епископство в Белграде и тем самым ослабить австрийское влияние в стране. В 1884 г. он считал, что это дело «по праву исключительно касается» только властей Сербии и папства, т. е. предлагал не считаться с мнением австрийцев. Конечно, ценой этой операции, укреплявшей независимость Сербии, явилось бы упрочение позиций католичества в Сербии. Смысл предложения Штросмайера становится ясным, если учесть, что оно вызвало возражения австро-венгерского министерства²⁶⁰.

Для понимания характера деятельности югославистов небезынтересно свидетельство о результатах их пропаган-

²⁵⁵ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 39 (1867 г.); 104 (1870 г.).

²⁵⁶ В 1872 г. Штросмайер, наконец, опубликовал в печатном органе епископства решения Ватиканского собора.

²⁵⁷ F. Šišić. Korespondencija..., II, str. 105, 106 (май 1877 г.).

²⁵⁸ Франц-Иосиф сделал выговор упрямому епископу за это приветствие «заговорщикам против папства и католицизма». F. Šišić. Korespondencija..., IV, str. 21, 22.

²⁵⁹ Lj. Đurković-Jakšić. Austrija i pitanje jurisdikcije nad rimokatolicima u knježevini Srbiji 1851—1860. «Историски гласник», 1956, № 2.

²⁶⁰ Ст. Новаковић. Католичка црква у Србији. Београд, 1907, стр. 13—17, 26.

ды в Боснии. Вопреки намерениям австрийских властей, эти результаты были неблагоприятны для Вены²⁶¹.

Не удивительно, что священники питали иллюзию получить поддержку Ватикана национально-освободительному движению. Никакой помощи папство, связанное с правящими кругами европейских держав, им, конечно, не оказало. При всем том папа Лев XIII и его окружение не оставляли надежд использовать деятельность Штросмайера в своих целях.

Вообще идеи слияния церквей и сближения царского правительства с папским престолом преследовали противоречивые цели. Предназначенные служить делу национального освобождения, они вместе с тем были направлены на консолидацию наиболее консервативных сил в Европе. Штросмайер пытался расчистить препятствия южнославянскому движению с помощью специфических средств сановника церкви. На этом пути его ждала неудача. Действия Штросмайера тогда соответствовали целям национального движения, когда он выступал без оглядки на Ватикан. Если сближение церквей оказалось неосуществимым, то пропаганда сотрудничества католиков и православных, призывы к устранению конфликтов на религиозной почве были вкладом в освободительное движение южных славян.

Половинчатость, ограниченность демократизма буржуазии сказались не только в сфере политики, но и культуры, и идеологии. Так, веротерпимость народняков распространялась лишь на другие ветви христианства. Будучи противниками политического клерикализма, народняки считали необходимым укрепление влияния церкви на просвещение и культуру, считая это средством против «нигилизма» и социалистического учения. Хотя в народняцком лагере не было единства в этом вопросе, господствующей среди буржуазной интеллигенции была идея совпадения интересов науки и религии, совместимости их основ²⁶². Отдельные естествоиспытатели, примыкавшие к народняцкому лагерю, осмеливались, правда непосредственно, защищать естественнонаучный материализм и учение Дарвина (Богослав Шулек).

²⁶¹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 825, л. 153 (Сараево), июль 1876 г.

²⁶² См.: В. И. Фрейдзон. Корреспонденция Рачкий — Штросмайер как источник..., стр. 168—171.

В целом взгляды идеологов югославизма при всех минусах, свойственных лидерам либерального течения, дают основание для характеристики их как искренних сторонников национальной свободы хорватов, южнославянского и межславянского сотрудничества²⁶³.

О ТАКТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ НАРОДНЯКОВ

Что касается методов политической деятельности в рамках Австрийской монархии, то народняки отстаивали мирный путь (парламент, печать, общества, переговоры и т. п.).

Представляя растущую национальную буржуазию, народняки оставались оптимистами даже в моменты политических неудач²⁶⁴. Но их оптимизм подчас служил обоснованием политики выжидания и уступок правящим кругам. После победы австро-венгерского дуализма Штросмайер полагал, что «деятельность наиболее благородных людей будет опраничиваться культурными целями», т. е. исходил из возможности более или менее длительного периода сохранения нового порядка²⁶⁵.

Но следует иметь в виду и нелегальные связи народняков с заграницей. В своих внешних связях, преследуя радикальные цели, они рассчитывали в основном на правящие круги, на имущие классы других государств (например, Сербии). Либерализм народняков, отсутствие помыслов о вовлечении масс в решительную освободительную борьбу в Австрии — все это ограничивало их тактические возможности. Народняки считали возможным создание объединенного государства путем компромисса между буржуазными кругами южнославянских на-

²⁶³ Уместно упомянуть, что предшественником Штросмайера по защите внешнеполитических позиций России и убеждению, что для достижения своих целей России следует сблизиться с папством, являлся хорватский писатель XVII в. Юрий Крижанич. Кажется справедливым мнение акад. Э. Винтера (ГДР) о славянском патриотизме и искренности дружественных России настроений, выраженных Крижаничем. E. Winter, *Russland und das Papsttum*, Bd. I, S. 339 и след. Замечания В. А. Голобуцкого («Вопросы истории», 1962, № 7) относятся не столько к убеждению Крижанича, сколько к возможным последствиям сближения России с папством. Мы согласны с освещением вопроса в статье М. А. Алпатова («Советское славяноведение», 1966, № 3).

²⁶⁴ F. Šišić. *Korespondencija...*, I, str. 43.

²⁶⁵ Там же, стр. 54.

родов в момент военного поражения и распада Австрийской империи. Иногда они выражали готовность содействовать этому распаду (см. гл. VII и IX). Лидеры хорватского национального движения рассчитывали воспользоваться вооруженными силами Военной Границы для перестройки Австрийской империи или для образования Югославии.

Особое место во взглядах народняков занимало отношение к освободительному движению в Турции. Они считали возможными и необходимыми революционные методы борьбы вплоть до народных восстаний в сочетании с войной Сербии против Турции. Они осуждали сербское правительство за нерешительность и оглядку на великие державы. В 1862 г. Рачкий приводит слова сербской народной песни: «Не цари и короли разрушат Турецкое царство, но бойся, султан, райи — бедноты... Народный поэт прорицает, — пояснял он, — что Турецкую империю уничтожат не перья европейских дипломатов, но оружие убогой райи... Дипломатия всегда терпела фиаско, когда надо было сотворить нечто новое, но чего не способна осуществить в Восточном вопросе дипломатия, должны сделать сами народы и поставить дипломатию перед свершившимися фактами...»²⁶⁶.

Общественно-политическая борьба в России привлекала внимание народняков уже ввиду их взглядов на национальную проблему. Они желали ускорения экономического развития и роста военной мощи России, установления в ней конституционного порядка.

Народняки не могли симпатизировать самодержавному строю. «Свобода русских братьев подавлена», — писал «Пóзор». Но, кроме сторонников правительства, продолжала газета, в России имеются славянофилы²⁶⁷, либералы и революционеры. Либералы «стремятся освободить страну от деспотизма, но не хотят ввергнуть ее в бездну насильственного переворота». Партия же сторонников переворота «не принимает во внимание обстоятельства...». «Партия эта в России весьма сильна, а ее заправы Александр Герцен и Бакунин — даровитые, патрио-

²⁶⁶ «Pozor», 13. IX 1862.

²⁶⁷ Об отношении народняков к славянофильству говорилось выше. Достойна внимания крайне отрицательная характеристика славянофилов В. Ягичем (в 1880 г.). См.: V. Jagić. Izabrani kraći spisi, str. 470

тичные и отважные люди, для которых свобода — все. Их влияние в России велико. Одна фракция этой партии мечтает о республике на базе коммунистических начал. Если принять во внимание социальную обстановку в России, легко увидеть, что все мечты этой фракции — пустая фантазия. Переворот... в наше время не может принести России свободу, но все же именно она (партия Герцена.— В. Ф.) своими лондонскими сочинениями полезна русскому народу». Беспощадная критика подлостей бюрократии и подталкивание правительства к реформам — необходимы, считали народники, но идеи Герцена были для них непримлемы²⁶⁸.

Таким было отношение хорватских либералов к революционерам вообще. В Италии народняки более симпатизировали умеренным деятелям, правительству Рикасоли, чем Мадзини и Гарибальди (хотя и называли последнего «славным», и это не случайно: здесь сказалось отношение народняков к деятелю *национального движения*)²⁶⁹. Симпатии народняков не только к Кавуру, но и к Гарибальди — этим противникам папского государства — были основанием для нападок на них со стороны реакционных элементов²⁷⁰.

Все сказанное объясняет и отношение народняков к национально-освободительному движению польского народа. Хорватские либералы «симпатизируют полякам ввиду заявления теми голоса народности», — отмечал русский дипломат²⁷¹. Главного врага польского народа народняки видели в Пруссии. Они выражали глубокое сожаление по поводу того, что порабощение польского народа ослабляет и Россию, и Польшу, и славянство вообще. «Всякому подлинному патриоту равно мил польский и русский народ», — писала газета народняков незадолго до польского восстания. Касаясь репрессий правительства Александра II, «Позор» считал заслугой и «прекрасным свидетельством искренности» Герцена и Бакунина их выступления против «варварства, чинимого в Варшаве». Газета перепечатала из «Колокола» письмо группы русских офицеров, содержавшее протест против подавления оппозиции в Варшаве²⁷².

²⁶⁸ «Pozor», 5.VIII 1862; 21.II 1863.

²⁶⁹ «Pozor», 16.III 1867.

²⁷⁰ V. V o g d a n o v. Historija..., str. 613.

²⁷¹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1017, л. 82 (Фиуме), 1863.

²⁷² «Pozor», 5.VIII 1862; 5.XI 1862.

Сохранение раздела Польши — «величайшая несправедливость»²⁷³. Но перед восстанием 1863 г. народняки, считая Россию «представительницей славянского элемента»²⁷⁴, ослабление которого недопустимо, возлагали надежды на реформы, задуманные царским правительством, и на давление, оказываемое на него либеральными и демократическими кругами. Характерно, что, приветствуя девиз Герцена и наиболее последовательных польских демократов — «За вашу и нашу свободу» (т. е. девиз русско-польского революционного союза), народняцкий орган утверждал, что этого принципа придерживаются и русские либералы²⁷⁵.

«Пбзор» считал, что с повышением политической зрелости русского народа в России будет установлен конституционный строй и тем самым разрешится и польский вопрос. «Свободная Россия может существовать лишь рядом со свободной Польшей...». Народняки надеялись, что таким образом в России восторжествует национальный принцип и со временем какой-нибудь член императорской фамилии станет польским королем²⁷⁶. Во время восстания народняки сетовали, что Россия, «занятая достойным сожаления делом», не в состоянии помочь славянам Турции²⁷⁷.

«Пбзор» регулярно сообщал о ходе восстания в Польше, о героизме и самопожертвовании повстанцев, осуждал царское правительство («все, что ныне делается, повторяет и усугубляет ужасную несправедливость»²⁷⁸). Одновременно народняки упрекали польских революционеров в отсутствии здравого смысла и заявляли, что восстание принесет лишь вред. Хорватские либералы, согласные с поляками в принципе, «далеко расходятся с ними в самых средствах», — отмечал русский консул в Риеке²⁷⁹.

Газета народняков разоблачала политику западных держав: их заявления в защиту Польши были сделаны

²⁷³ «Pozog», 21.II 1863. В то же время газета отмечала неправомерность претензий польского дворянства на восстановление своей власти над Украиной и Белоруссией.

²⁷⁴ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1017, л. 82 (Фиуме), 1863 г.

²⁷⁵ «Pozog», 5.VIII 1862.

²⁷⁶ «Pozog», 6.VIII 1862.

²⁷⁷ «Pozog», 7, 14, 20.II 1863.

²⁷⁸ «Pozog», 7.II 1863.

²⁷⁹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1017, л. 82 (Фиуме), 1863 г.

лишь для успокоения своих народов, «которые — все без исключения — желают свободы польскому народу»²⁸⁰.

В дальнейшем, после восстания, народняки продолжали защищать право польского народа на национальное развитие, но осуждали «крайности» патриотов²⁸¹.

* * *

Буржуазная историография, продолжавшая югославистскую традицию, в условиях капиталистической Югославии переживала кризис. После 1918 г. еще более, чем в довоенный период, на историографии стали сказываться условия политической борьбы. Даже такой крупный историк, как Шишич, давший систематизированное изложение взглядов народняков, в интересах политического лагеря, к которому он принадлежал, умолчал о федералистских принципах югослависта Штросмайера. В годы, когда так называемый интегральный югославизм терпел крах, историк утверждал, что он является «неоспоримой научной истиной»²⁸².

Отстаивание либеральной югославистской концепции несло на себе печать противоречия. Подчас искренно направленное на сотрудничество между народами Югославии, оно вместе с тем в сложившихся условиях служило интересам режима (как до, так и после 1929 г.). Успешно противостоять националистической реакции, сказавшейся и в историографии, можно было лишь с позиций признания суверенитета и равноправия народов Югославии²⁸³. Но для этого был необходим коренной пересмотр социально-политической и теоретической концепции югославизма на основе интернационализма.

²⁸⁰ «Pozor», 23.III 1963.

²⁸¹ В связи с позицией народняцкого руководства писатель Аугуст Шеноа, горячо сочувствовавший борьбе Польши за свободу, порвал с редакцией «Позора». См.: D. Živanović. Echa powstania styczniowego wśród jugosłowian. «Kwartalnik historyczny», 1964, N 3, str. 708, 709.

²⁸² Ф. Шишич. Југословенска мисао. Београд, 1937, стр. 120, 123, 129, 130; он же. Идеје бискупа Штросмајера. Београд, 1928, стр. 14, 15.

²⁸³ Поэтому определенное значение имели выступления, напоминавшие о федералистской традиции народняков. См.: И. Рибар. Хрватско-српски односи у прошлости. Београд, 1939.

Хорватский национал-радикализм

ПАРТИЯ ПРАВА
И ТРЕБОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ

Партия права («праваши») как сплоченная группировка выступала после 1867 г., но ее принципы были сформулированы уже в конце 50 — начале 60-х годов идеологами движения — Э. Кватерником и А. Стáрчевичем¹.

Главным для них было требование национального суверенитета и независимости: «Мы развили принцип свободной и независимой Хорватии»²; «пока народ хочет сохранить себя, он будет выступать за свою самостоятельность и независимость... Это — условие его существования, это — цель и дух нашей программы»³. Так как хорватский народ «свои государственные дела не в состоянии вершить самостоятельно... наш долг, исходя из принципа равноправия людей и народов, на основе священных прав хорватского народа, действовать во имя его возрождения»⁴. Наконец: «Все земли, принадлежащие Хорватии по историческому государственному и современному национальному праву, объединить в единое целое, добиться признания всем миром суверенитета Хорватского государства, гарантированного ему его правом,—

¹ Антун Старчевич (1823—1896 гг.) воспитывался в доме священника, получил образование в Загребе и Пеште, служил в канцелярии загребского адвоката. О нем см.: J. Horvat. Ante Starčević. Zagreb, 1940. О Кватернике см. в гл. II.

² Э. Кватерник — М. Павлиновичу, 22.VI 1869 г.; A. Palavrišić, B. Zelić. Korespondencija Mihovila Pavlinovića. Split, 1962, str. 113.

³ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 129 (1868 г.).

⁴ Arhiv S. R. Hrvatske. Rakovička buna, kutija VII, br. 408.

вот первый и основной пункт хорватской политики»⁵. Аргументирование историческим правом (ибо некогда Хорватия была независимой) отразилось в самом названии партии.

Согласно правашам, «лишь когда [независимое] существование обеспечено, можно основательно заняться устройством разных областей национальной жизни... лишь при наличии самостоятельности и независимости в народе могут быть партии и разные мнения по внутренним и внешнеполитическим вопросам, но когда дело идет о суверенитете народа, не может быть никого, кроме защитников и предателей народа...»⁶.

Лидеры Партии права в прошлом принимали участие в иллирийском движении. Позиция правашей в конце 50-х — начале 70-х годов в основном обуславливалась социально-экономической ситуацией мелкобуржуазных кругов, небогатых обуржуазивающихся слоев населения. Как отмечалось (см. гл. II), для мелких собственников, к числу которых принадлежало множество торговцев, лиц, занятых извозом, владельцев мастерских ремесленного или мануфактурного типа, австрийский промышленный капитализм был сущим бедствием. К указанным общественным группам примыкали по своему имущественному положению и некоторые землевладельцы — дворяне и буржуа. На них давили быстро растущие налоги, вся система австрийского государства⁷. На Военной Границе к этому добавлялся гнет военно-феодалного режима. Положение и настроения граничар — один из источников национального радикализма правашей (в частности, Старчевич еще в детстве был свидетелем жестокого обращения военных властей Границы с населением). По своему положению и происхождению близкой к мелкобуржуазным слоям была разночинная интеллигенция: низшее чиновничество, учителя, учащая молодежь, выходцы из семей низшего офицерства.

Немногочисленные представители именно этой среды — «люди без власти и денег»⁸ — по преимуществу и

⁵ «Hrvatska» (опран Партии права), 9.VII 1871.

⁶ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 129, 130.

⁷ Старчевич указывал на трудное положение ремесленников (или мелких промышленников), помещиков и крестьян. A. Starčević. Bi-li k slavstvu ili ka hrvatstvu? Zagreb, 1867, str. 41.

⁸ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 27.

сплотились в Партию права в 60-х годах XIX в. Но партия была пестрой по составу. Здесь имелось и небольшое число имущих людей⁹. Все же газета австрийского военного министерства отозвалась о правашах, как о «банде... пропащих, отчаявшихся субъектов без достоинства, положения, уважения, состояния»¹⁰. В 1869 г. Кватерник, отмечая рост партии, писал, что сочинения Старчевича «наизусть учит молодежь, в особенности сельские жители»¹¹. Народняки называли правашей «кучкой мужланов... преднамеренно отдаляющихся от лучшего общества... от воспитанных людей»¹². Таким образом Партия права в основном состояла из мелкобуржуазных, демократических элементов общества.

Правашаши по своей идеологии ближе всего стояли к мелким собственникам. В третьей четверти XIX в. основную массу мелких производителей составляло крестьянство. Его положение неизбежно должно было как-то сказаться на взглядах правашей, влияние которых в конце 60-х годов стало распространяться на деревню. Но, как выяснится из дальнейшего, Партия права в целом не являлась крестьянской партией.

Наряду с либерально мыслящими и более умеренными в политике масонами среди правашей имелись и горячие приверженцы католичества, и атеисты, и сторонники социалистических учений. В 1871 г. друзья Парижской Коммуны входили в эту партию вместе с яркими защитниками частной собственности. Их объединяла борьба за национальную свободу и буржуазно-демократический строй.

В конце 60 — начале 70-х годов Партия права была небольшой группировкой. Как указывалось в гл. III, в мелкобуржуазных слоях населения еще абсолютно преобладало влияние народняков. Кроме того, далеко не все круги, проникавшиеся национально-радикальными настроениями, воспринимали идеологию правашей в целом.

⁹ О составе Партии права см.: М. Нећајев. Djela, sv. 7, str. 92, 209, 213—216; F. Šišić. Kvaternik (rakovička buna). Zagreb, 1926, str. 14.

¹⁰ Цит. по: Е. Кватерник. Rieč u zgodno vrijeme. Zagreb, 1870, str. 4.

¹¹ А. Палавршић, В. Зелић. Указ. соч., стр. 104.

¹² «Нèрватска», 15. I 1871.

Именно ввиду неустойчивого положения мелких собственников идеологи Партии права уделяли большое внимание экономическим проблемам. Старчевич в 1880 г. заявлял, что хорватам и венграм «неизмеримый ущерб» наносят австрийские фабрики, перерабатывающие их сырье и им же продающие изделия втридорога, «тогда как мы сами могли бы эти товары вывозить с пользой для себя»¹³. «Нас подавила иноземная торговля,— утверждали праваша.— Швабы (немцы.— В. Ф.) даровали нам гевербефрайхайд (свободу предпринимательской деятельности.— В. Ф.). Этот фрайхайд — наша погибель на пользу швабской конкуренции. Всевозможные товары из центра, изделия швабских фабрик затопили наши рынки. Ремесленники были побеждены низкими ценами иноземных товаров, и ни к чему им их сноровка, которая не может их прокормить... Разорение с каждым днем возрастает... Изделия швабского ума и рук не находят сбыта в просвещенном мире. Отсюда их *Zug nach Osten*, а наши неусыпные швабоманы¹⁴ мужественно борются за то, чтобы этот цуг погубил наши головы. Но торговля — сердцевина политики. Где нет торговли — нет благосостояния. И в умственном отношении может развиваться лишь народ, пользующийся благами»¹⁵.

Как видим, праваша понимали экономические причины германской экспансии на Восток.

Пока, утверждал Старчевич, невозможно на приличных условиях сбыть свои изделия и урожай, «пока приходится тягаться с товаровладельцами, более богатыми как материальным, так и духовным капиталом, хорватские ремесленники, крестьяне, помещики и др. не смогут встать на ноги»¹⁶. Хотя, писал он, «подъем всех отраслей народного хозяйства — жизненный вопрос» для Хорватии, Австрия в нем не заинтересована, так как «чем хорватский народ беднее, тем более надежного и безответного покупателя своих изделий имеют остальные народы Авс-

¹³ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 288 (1880 г.).

¹⁴ Имеются в виду как сторонники австрийского централизма, так и федералисты.— В. Ф.

¹⁵ «Hrvatska», 9.VII 1871.

¹⁶ A. Starčević. Bi-li slavstvu..., str. 41.

трии»¹⁷. Этому вторил Кватерник: «Ваше (Австрии.— В. Ф.) богатство исключает наше благосостояние»¹⁸.

Если австрослависты добивались облегчения продвижения товаров по территории империи и за границу, то праваша мечтали о защите Хорватии от иноземцев: «Для развития своей торговли и промышленности,— логично развивал свои идеи Старчевич,— королевство Хорватия нуждается в защите против инациональных крупных капиталистов, а эта защита, сколь она необходима и спасительна для нашего королевства, столь явно вредна всем остальным народам Австрии»¹⁹.

Кватерник призывал хорватов «идти в ногу со временем», проникнуться деловым духом, «с неодолимой силой потрясающим миром», ибо в противном случае иноземцы станут хозяевами Хорватии²⁰. Глубокие побудительные причины выдвижения национально-радикальной программы сказались в характеристике, данной Старчевичем положению Хорватии и Славонии в составе Австро-Венгерской монархии: Хорватия — «клетка, в которой невозможно ни двигаться, ни действовать»²¹. Нетрудно заметить, что лидер Партии права воспользовался известным изречением: *laissez faire, laissez passer*. Праваша мечтали о независимости хорватской экономики от инационального капитала²², об интенсивном развитии всех отраслей экономики, которая в империи Габсбургов была связана по рукам и ногам полуколониальным положением хорватских земель. Поэтому в австрийском господстве над Хорватией они видели лишь режим рабства и грабежа²³.

Свой национально-радикальный лозунг праваша прямо связывали с экономическими проблемами: «Наш материальный расцвет в будущем возможен лишь в условиях самостоятельности», — писал Кватерник²⁴. Именно

¹⁷ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 121, 122. Под термином «остальные народы» имелись в виду прежде всего наследственные земли Габсбургов.

¹⁸ E. K v a t e r n i k. Rieč u zgodno vrieme, str. 30.

¹⁹ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 121, 122 (1868 г.).

²⁰ E. K v a t e r n i k. Hrvatski glavničar, str. I—V.

²¹ Цит. по: V. B o g d a n o v. Historija..., str. 486.

²² Они приветствовали основание хорватских предприятий. См., например: «Hèrvatska», 14.V 1871.

²³ См., например: A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 28, 27.

²⁴ См.: Ch. Segvič. Prvo progonstvo..., str. 206 (выдержки из дневника Кватерника).

отстаивание интересов национального производства (промышленности, сельского хозяйства) и торговли побуждало правашей, как в свое время венгерских национал-радикалов, революционеров 1848—1849 гг. во главе с Л. Кошутом, поддерживать требование национального суверенитета и независимости²⁵.

Полагаем, что не только на основании политического опыта 1849—1859 гг., но прежде всего по причинам общественно-экономического характера Старчевич убеждал своих читателей в том, что «пока Австрия хоть сколько-нибудь сильна, ее народам не на что надеяться, но, наоборот, им следует всего бояться»²⁶. Или же: поскольку «польза Австрии и польза Хорватии исключают друг друга», «хороший австриец (австрийский патриот.— В. Ф.) не может быть хорошим хорватом²⁷». Эта точка зрения противостояла признанию национал-либералами «великодержавных интересов» Австрийской империи.

Итак, политические взгляды правашей были органически связаны с их оценкой общественно-экономического положения хорватов в Австрийской империи. Народняки, как известно, хотя и жаловались на экономические тяготы, давившие Хорватию, считали возможным ждать и — в случае неуспеха политической борьбы — добиваться лучшего, в частности, деятельностью на ниве экономики, просвещения и науки, наиболее же последовательным правашам были свойственны настроения, высказанные Кватерником в письме к Гарибальди в 1864 г.: перед Хорватией — альтернатива: победить своих вековых врагов в отчаянной борьбе или погибнуть навсегда²⁸.

Приведенные материалы дают основание полагать, что в отличие от австрославистов, выступавших от имени буржуазии, в основном занятой вывозом сырья на имперский и зарубежный рынки или посредничавшей между австро-немецкими фабриками и южнославянским потребителем, праваша отражали по преимуществу интересы тех мелкобуржуазных слоев — торговцев, владель-

²⁵ Ср.: М. Антал. Экономические взгляды Лайоша Кошута. «Очерки истории экономической мысли Венгрии». М., 1962.

²⁶ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 11.

²⁷ «Hrvatska», 12.III; 14.V 1871.

²⁸ См.: A. P. Campanella. Lettere inedite della cospirazione Kva-ternik — Garibaldi per la liberazione della Croazia nel 1864. «Il Risorgimento». Milano, ottobre 1961, p. 123—125.

цев предприятий и земли, — жизненные интересы которых сосредотачивались в основном на местном рынке (те или иные районы Хорватии и соседних земель) и которых катастрофически быстро в 50—60-х годах XIX в. вытеснял австрийский торгово-промышленный капитал, а в какой-то мере и венгерский аграрный экспорт²⁹.

Требую независимости Хорватии, праваша отстаивали наиболее общие интересы буржуазного развития страны и процесса консолидации хорватской нации. Им не было свойственно последовательное выражение интересов какого-либо резко очерченного слоя хорватского общества. Но побудительной причиной их выступления были тяготы, выпавшие на долю менее обеспеченных собственников.

Это обстоятельство определило существеннейшие черты идеологии правашей. Взятая в целом, она была глубоко противоречивой, и, как увидим, далеко не все ее элементы соответствовали интересам общественного прогресса вообще и хорватского освободительного движения в частности. Но сейчас мы фиксируем внимание на главном, на значении открыто выдвинутого правашами требования независимости.

«Национальное государство,—констатировал В. И. Ленин,—являлось необходимой фазой в развитии капитализма... необходимой, на известной ступени капитализма, почвой для развития производительных сил»³⁰. В. И. Ленин пришел к выводу, что «марксисты не могут упускать из виду могучих *экономических* факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств». Именно ввиду глубоких экономических оснований борьбы за национальное государство он считал «образование *национальных государств*... тенденцией (стремлением) всякого национального движения»³¹. Буржуазно-национальные рамки государств в эпоху подъема буржуазии, по Ленину, являлись «опорой *развитию* производительных сил человечества, освобождающегося от

²⁹ Все сказанное не противоречит факту преобладающего влияния народняков на среднюю и мелкую буржуазию в 60-х годах. Враждебность указанных слоев австрийскому государству проявилась в попытках народняков порвать с австрославизмом (см. гл. III, VII, VIII, IX).

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 28.

³¹ Там же, т. 25, стр. 259, 263.

феодализма»³². На первостепенное значение национальной независимости для подъема промышленного капитализма в эксплуатируемой стране указывал К. Маркс. Относительно Ирландии, промышленное развитие которой подавлялось, он писал в 1867 г.: «Ирландцам необходимо следующее: 1. Самоуправление и независимость от Англии. 2. Аграрная революция... 3. *Покровительственные пошлины против Англии*»³³.

Последняя мера являлась необходимой для торгово-промышленной буржуазии. Она являлась действительной реализацией национального суверенитета. Интересно, что по поводу австро-сербского договора 1881 г., утвердившего положение Сербии как экономического привеска Габсбургской монархии, Старчевич заметил, что теперь Сербии нечего терять³⁴. Это вновь свидетельствует о том, что было существенно для правашей в требовании независимости.

В определенную эпоху угнетенная нация, находясь в составе многонационального государства, могла переживать быстрый экономический подъем (например, чешский народ в Австрийской империи). Наличие многонационального австрийского государства по-разному сказывалось на экономике отдельных национальных территорий, и все же общая тенденция к созданию национальных государств несомненна. В Хорватии она четко проявилась в период кризиса 60-х годов³⁵.

Хотя выступления правашей за независимость Хорватии и борьба народняков за южнославянское объединение и независимость казались крайним оппортунистам в условиях 60-х годов XIX в. фантазерством, именно программа независимости, соответствовавшая глубоким эконо-

³² Там же, т. 26, стр. 145.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 31, стр. 338. См. также пометы В. И. Ленина в его «Конспекте «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. 1844—1883 гг.»». М., 1959, стр. 399.

³⁴ См.: М. Гросс. Osnovni problemi pravaške politike 1878—1887. HZ, 1962, str. 93.

³⁵ Обращаем внимание на дискуссию об общественно-экономических последствиях национальной независимости, имевшую место среди венгерских историков. См.: E. Molnár. Das Problem des Zusammenhanges zwischen nationalen Unabhängigkeit und gesellschaftlichen Fortschritt, а также выступления по этому докладу Л. Катуша, П. Ханака, Ж. Паха, Л. Жигмонта, А. Моца в «Studien zur Geschichte der Osterreichisch-Ungarischen Monarchie». Budapest, 1961.

номическим потребностям нации, была прогрессивной, а потому и реалистичной.

В 1906 г. В. И. Ленин, рассматривая проблему независимости Польши, писал, что «неосуществимость» известных требований программы в смысле невероятности их выполнения при данном положении или в ближайшем будущем не может считаться аргументом против этих требований. Он согласился с мнением К. Каутского, что «дело не в „осуществимости“ в указанном смысле, а в соответствии известного требования общему направлению развития общества или общей экономической и политической ситуации во всем цивилизованном мире»³⁶.

* * *

Борясь против австрославизма, правши объявили панславистские (в том числе австрославистские) идеи изобретением «эгоистичных венских провокаторов» с целью «отвлечь чехов, хорватов, поляков от их национальной истории, обмануть их метафизическими выдумками...пугать Европу панславизмом и таким путем заполучить ее помощь и содействие всем своим пакостям, страшать русский престол панславистскими республиками и таким образом получить его одобрение беспощадного гнета над хорватами, поляками и чехами, преследовать восточную (православную. — В. Ф.) церковь как средство панславизма, сорвать прогресс венгров как врагов хорватов и заодно препятствовать прогрессу хорватов как якобы панславистов»³⁷. Всему этому правши противопоставили принцип суверенитета народов.

Понятно, почему правши со всей непримиримостью боролись против австрославизма и федерализма. Никакая федерация не избавила бы Хорватию от эксплуатации ее австро-немецким капиталом. В ответ на утверждение народняков, что в свободной австрийской федерации Хорватии будет гарантировано право на самоопределение, газета «Хрватска» писала: «Какие самоопределение и гарантия возможны при идущих вразрез друг с другом интересах этой кучи народов, интересах, исключających друг друга в политическом, географическом и национальном отношениях, какие остаются гарантии, если жертвуешь этой куче («федерации»), если отдаешь в ее

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 257, 258.

³⁷ A. Starčević. Djela, knj. II, str. 27 (1861 г.).

распоряжение свою кровь, денежные средства и торговлю»³⁸. О немногочисленных австро-немецких сторонниках федерализма газета заявляла, что они стремятся спасти от централизма «главное»: армию, финансы, дипломатию и внешнюю торговлю. «Но именно с потерей этого исчезает индивидуальность и самостоятельность народов, каждый из которых должен иметь свою национальную армию, национальный флаг и вести все государственные дела». Подобно американцам «и нам следовало бы выдвинуть принцип: Хорватия — хорватам»³⁹. Так же как Бельгия и Голландия не могут объединиться в одно государство, но могут вступать друг с другом в добрые отношения, так и Хорватия, утверждал Старчевич, не может иметь какой-либо более тесной связи с другими землями, чем личная уния⁴⁰ (т. е. общий государь).

Правашаи указывали, что и при федерации сохранится чудовищный гнет налогов — это бедствие Австрии. Вообще всякое признание «общих интересов» народов Австрии, по правашам, означает, «что хорваты должны оплачивать австрийские долги и расходы, воевать во имя австрийского кармана, что хорватам ничего не принадлежит... все это — незаконие и бесспорная гибель народу и имени хорватскому», «бешеные (так звали правашей их политические противники. — В. Ф.), — иронизировала «Хрватска», — не понимают, что все это — синоним федерации и что эта федерация — единственное спасение народов Австрии». «Свободной волей народов» с помощью федерации австрослависты хотят создать «новую, возрожденную, свободную Австрию, все народы которой будут добровольно выплачивать четыре тысячи миллионов австрийского долга...». Ну, а если свободной волей народы захотят присоединиться к своим единоплеменникам? — спрашивала газета. — Если никто не захочет платить по австрийским долгам? Тогда... снова, как в 1848 г., призовут «верных хорватов» подавлять их, «чтобы все народы Австрии вступили в федерацию, под материн-

³⁸ «Hèrvatska», I.I 1871. См. также: «Hèrvatska», 19.III 1871: Всякий народ Австрии «имеет свою особую пользу, более или менее отличную от пользы других». Как известно, в федералистских проектах предусматривалось оставление военного дела, финансов, торговли в ведении центральной власти.

³⁹ «Hèrvatska», 7.V 1871.

⁴⁰ A. Starčević. Izabrani spisi. Zagreb, 1944, str. 7—9.

ское крыло деспотического равноправия. Права — никому, кнут — для всех, — это и есть равноправие». В противоположность народнякам праваша утверждали, что федерация — «мост» не к свободе, а к австрийскому деспотизму⁴¹.

Кватерник так обосновывал отказ от федерации: если у венгров, например, больше средств и сил, чем у хорватов, то никакое равенство прав не устранил факта, что десять миллионов сильнее пяти или двух, «мощь денег важнее, сильный всегда будет давить слабого»⁴².

Поэтому всякое объединение с более сильной нацией праваша считали опасным. Идеологи Партии права много рассуждали о борьбе наций между собой, в особенности соседних, ибо каждая, считали они, стремится к выгоде за счет других. Кватерник ссылаясь при этом на авторитет Макиавелли и Талейрана⁴³. Этот крайний национализм в сущности отражал исторический опыт и был реакцией буржуазного деятеля на метод «сближения» наций путем порабощения слабых.

Праваша считали, что «Австрия не нужна» ее народам. Австрийская империя, по их мнению, могла базироваться лишь на насилии над народами. Если же народы получат свободу, они выскажутся за независимость⁴⁴.

Привлечение и правашами, и народняками, и унионистами социально-экономических аргументов для обоснования своих — резко отличных друг от друга — национальных требований свидетельствует, что корни хорватского национального движения, как и всякого иного развитого движения, уходили в область жизненных интересов тех или иных общественных слоев.

⁴¹ «Hèrvatska», II.I; II.II 1871.

⁴² «Dnevnik sabora... 1861», str. 194.

⁴³ E. Kvatèrnik. *Politička razmatranja...*, sv. I. О том же: A. Starčević. *Izabrani spisi*, str. 133—137.

⁴⁴ Ср. с аналогичной критикой австрославизма сербским революционным демократом С. Марковичем. «Мы не верим в новую, равноправную, славянскую, федеративную Австрию, как не верим в немецко-венгерскую... Австрию. Более того, мы считаем, что «федеративная» Австрия невозможна, так как не нужна народам, в ней живущим... У сербов, хорватов, словенцев, румын есть способ... освободиться от экономического гнета инационального капитала, душащего их так же (если не больше), как чужая политическая власть: ...соединиться со своими братьями, живущими вне Австро-Венгрии. Как только они станут свободными от централизованной Австрии, им не потребуется никакой Австрии». С. Марковић. *Словенска Аустроја*. «Раденик», 5.VI 1871.

В противовес народнякам праваша утверждали, что никакое улучшение судьбы народов в Австрийской империи невозможно, так как нет способа «улучшить рабство»⁴⁵. В связи с этим они в 60-х годах возражали против австрийских планов оккупации Боснии. Естественно, что, отрицая единое австрийское государство в любой форме, они не хотели видеть особой разницы между сторонниками режима Шмерлинга (И. Мажуранич и др., о которых пойдет речь ниже) и народняками Штросмайера.

В ответ на утверждение оппортунистов, будто Хорватия не в состоянии существовать как независимое государство, праваша ссылались на пример других небольших стран — Бельгии, Швеции, Дании, Греции, Голландии и др. Старчевич писал, что люди, не верящие в независимость, считают, что у хорватов много сил лишь для того, чтобы защищать иноземцев (Австрию.—*Н. Ф.*)⁴⁶. Он и Кватерник утверждали, что «реализм» и «практицизм» австрославистов, т. е. расчеты на соглашение с правящими кругами империи, являются непрактичной политикой⁴⁷. Даже понимая невозможность осуществления их требований в ближайшее время (в условиях дуализма и после поражения Франции в 1870 г.), праваша призывали сохранять неурезанные национальные требования.

Представляет интерес разоблачение ими политики австрийской контрреволюции и критика политической линии иллиризма в 1848 г., развернутая в конце 60-х — начале 70-х годов, когда после австро-венгерского компромисса 1867 г. часть влиятельных придворных, военных и буржуазных кругов Австрии стремилась восстановить централизованную монархию и с этой целью вновь пыталась воспользоваться федералистскими лозунгами.

Праваша считали дуализм меньшим злом, федерацию — неосуществимой, а венские разговоры о федерализме — маскировкой планов реакции, стремления этого «воронья» натравить хорватов на венгров... «Старая история,— писала газета Партии права,— когда Австрия готовит торжество деспотизма, то ссылается на несправедливости, которые терпят славяне, и обещает их ликви-

⁴⁵ «Hèrvatska», 12.II; 2.IV; 13.VIII 1871.

⁴⁶ A. Starčević. Bi-li k slavstvu..., str. 40.

⁴⁷ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 57; «Dnevnik sabora... 1861», str. 187.

дировать, чтобы использовать славян в качестве своего орудия... В 1848 г. говорили, что Австрия уже в руках славян, что она все дала бы славянам, если б не «проклятые венгры», связавшие руки королю, и что для торжества свободы народов ничего не остается, кроме как раздавить поляков, итальянцев и венгров». Политики, попавшие на это, были награждены абсолютизмом и германизацией... «Хорватский народ защищал Австрию больше, чем какой-либо другой, и за это Австрия сделала его несчастным больше, чем все остальные его враги» и т. д.⁴⁸

Праваша ниспровергли культ Елачича, так как и в начале 70-х годов по крайней мере часть австрославистов возлагала надежды на австрийских генералов южнославянского происхождения. «Слава бану Елачичу,— писала «Хрватска»,— гнавшему хорватов под австрийскими знаменами на побоище, спасшему Австрию от верной смерти, чтобы она продолжала нас душить и мучить...»⁴⁹. Вторгаясь в Венгрию в сентябре 1848 г., Елачич совершил «акт национального рабства»⁵⁰. Поэтому «хорватский народ проклял иллирство и Елачичабана»,— утверждал Старчевич⁵¹. Уж если приносить жертвы, то во имя свободы: «Лучше погибнуть всем, чем влачить жалкое существование в немецком рабстве»⁵². Вместе с тем праваша указывали на политику венгерских правящих кругов как на одну из причин трагической хорватско-венгерской войны.

Праваша подчеркивали, что крах австрославизма в 1848—1849 гг. был закономерен. И ныне, утверждали они, деятельность федералистов может способствовать лишь интересам деспотизма и германизма⁵³. Дело не в трагическом «недоразумении» 1848—1849 гг., как полагают австрослависты, а в сущности австрийской власти... «Из Вены не может прийти ничего хорошего для славян»⁵⁴

⁴⁸ «Hèrvatska», 29.I; 26.II; 19.III 1871.

⁴⁹ «Hèrvatska», 26.III; 28.V 1871.

⁵⁰ E. Kvatèrnik. Još jednom rieč u zgodno vrieme. «Hèrvatska», 28.V 1871.

⁵¹ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 4.

⁵² E. Kvatèrnik. Rieč u zgodno vrieme, str. 6.

⁵³ См., например, заявления Э. Кватерника и В. Баха от 25.XI 1870 г. о направлении газеты «Хрватска». Muzej grada Zagreba. Kvatèrnikova ostavština.

⁵⁴ «Hèrvatska», 7.V 1871.

Правашаи поняли бесцельность поисков компромисса с господствующими классами монархии: «Эту идею (федерации.—В. Ф.) имел бан Елачич, но ввиду недоразумения получилась жестокая деспотия. Эту идею имел епископ Штросмайер, но ввиду недоразумения получился абсолютный дуализм. Эту идею хранят ныне все «патриоты», и если хорваты, скажем, получают еще более суровое рабство, то это вновь будет недоразумением»⁵⁵.

Ввиду активности федералистов весной 1871 г. «Хрватска» отмечала, что хотя немецкие газеты напуганы этим движением, «мы убеждены, что новый славянский конгресс точно так же сможет перехитрить Австрию, как и пражский в 1848 г.»⁵⁶

В связи с уроками 1848 г. Кватерник уже в 1861 г. так формулировал свое отношение к Австрийскому государству: только в том случае, говорил он, другие народы будут нас уважать, если «никогда больше под властью этого правительства наша рука не поднимется — якобы ради нашей пользы — против кого бы то ни было»⁵⁷. Направленность публицистических выступлений правашей против австрославизма усиливала демократическую и радикальную тенденции в хорватском национальном движении и являлась шагом вперед в развитии его идеологии.

Ход общественно-политической борьбы в Австрийской империи в 1848—1849 гг. продолжает привлекать внимание историков. В связи с этим уместно указать, что деятели хорватского национального движения уже столетие назад во многом угадали объективную логику событий революционных лет.

Национального радикализма правашей было достаточно, чтобы в устах национал-либералов прослыть «фантазерами» и «бунтовщиками»⁵⁸. Газета народняков «За-

⁵⁵ «Hèrvatska», 12.II 1871. «Мечтает о славянской Австрии, бедняга...», — записал Кватерник в 1863 г. об одном собеседнике. Ch. Š e g v i ć. Drugo progonoštvo..., str. 26.

⁵⁶ «Hèrvatska», 2.IV 1871.

⁵⁷ «Dnevnik sabora... 1861», str. 203.

⁵⁸ Л. Гай на письме к нему А. Старчевича (1856 г.) написал: «Бунтовщик». См.: «Grada», knj. 26, str. 431. Для Б. Шулека Кватерник и его сторонники — «фантазеры», Старчевич — «задира и фантазер». Там же, кн. 19, стр. 45, 46.

точник» в 1871 г. в истинно либеральном стиле бросила правашам упрек в «нетерпимости», которая дает основание короне «применить любое средство» для сохранения своей власти⁵⁹.

Публицисты Партии права подвергали нападкам соглашательство, своекорыстные враждебных им политических кругов (буржуазно-помещичьих, церковных, чиновничьих), разоблачали карьеризм деятелей, готовых служить австрийским или венгерским властям⁶⁰. Выступления Старчевича были полны сарказма. Политиков, следовавших намерениям Габсбургов, сначала антивенгерским, потом провенгерским, он называл «мадьярольцами» («мадьяроны» и одновременно «тирольцы»; последнее — как символ верности Габсбургам), «янычарами» и т. п. В полемических выступлениях правашей напрасно было бы искать строгого анализа обстановки или политики группировок в 1848—1849 гг. или в 60-х годах⁶¹, но часто их филиппики били в цель⁶².

Загребская прокуратура не без основания утверждала о правашах, что «эта фракция пользуется любым случаем для выражения неукротимой ненависти к Австрии, фанатично отвергая идею единства империи...»⁶³.

* * *

Как и для других партий, одним из кардинальных вопросов для правашей было отношение к Венгрии. Они являлись сторонниками хорвато-венгерского сотрудничества против австрийского господства. Последователей Кошу-

⁵⁹ «Итак требовать своего имущества, свободы, достоинства,— ответила на это «Хрватска»,— нетерпимость и наглость!.. Итак, народ не смеет быть сам себе хозяином, должен перед кем-то отчитываться, у кого-то просить и соблюдать осторожность, как бы не попросить все и не досадить реакции...». «Hrvatska», 12.III 1871.

⁶⁰ А. Старчевич жил скромно, отказываясь от казенной службы. «Нет службы, которую не принял бы из рук народа и отечества... в данных условиях не могу принять никакой службы». A. Starčević. Izabrani spisi, str. 283.

⁶¹ Например, борясь против австрийских планов в отношении Боснии, Старчевич утверждал, что положение в Турции лучше, чем в Австрии. См.: A. Starčević. Djela, knj. III (1869 г.).

⁶² Старчевич, «кажется, иногда говорит правду, хотя говорит грубо». А. Н. Пылин, В. Д. Спасович. История славянских литератур, I. СПб., 1879, стр. 257.

⁶³ Arhiv S. R. Hrvatske. Obitelj Kvaternik. Rakovička buna, str. 30.

га, не примирившихся с дуализмом, «Хорватска» в 1871 г. считала «наиболее справедливыми, наиболее честными венграми, наиболее горячими патриотами», хотя осуждала их политику в 1848 г.⁶⁴ Кватерник с уважением отзывался о Кошуте⁶⁵ и сотрудничал с венгерскими эмигрантами (см. гл. V).

Праваша отстаивали идею союза суверенных Хорватии и Венгрии для защиты их свободы⁶⁶. В 1871 г. они приветствовали идею Кошута о дунайско-балканской конфедерации равноправных народов⁶⁷. Вероятно, это высказывание диктовалось тактическими соображениями: указанная конфедерация могла быть осуществлена после развала Австрийской империи, а это было главным для правашей. В 1864 г. Кватерник формально соглашался (правда, неохотно) на конфедерацию Хорватии и Венгрии, но желал всего лишь их военного союза⁶⁸.

Итак, союза с Венгрией против австро-немецкого централизма желали и унионисты, и народняки, и праваша, но в зависимости от соответствующих социальных интересов этот союз понимался по-разному. И все же резко оппозиционные австрийскому господству настроения сближали правашей с некоторыми унионистами и народняками.

После восстановления венгерского господства над Хорватией (1868 г.) точка зрения правашей на отношения с Венгрией по существу осталась прежней. Праваша считали, что авторы дуализма предали свободу Венгрии, а создавшееся положение губительно для Венгрии, так как обрекает ее на политику, выгодную *Drang nach Osten*. Но Венгрия не могла бы угнетать Хорватию, если бы «швабы», исходя из своих интересов, не передали ей хорватов⁶⁹. Придворная камарилья, военщина, бюрокра-

⁶⁴ «Hèrvatska», 8.I 1871.

⁶⁵ E. Kvatèrnik. Još jednom rieč u zgodno vrieme. «Hèrvatska», 23.V 1871.

⁶⁶ Как и в ряде других вопросов, между взглядами идеологов национал-радикализма в этом отношении имелись некоторые второстепенные различия.

⁶⁷ См.: «Hèrvatska», 8.I 1871.

⁶⁸ См. гл. V, а также: В. И. Фрейдзон. Страницы истории..., стр. 66, 67. Принципиальное возражение Кватерника против конфедерации (в 1864 г.) см.: Lj. Kuntić. Slovenija u političkom programu stranke prava do 1871. «Jadranski zbornik», III. Rijeka-Pula, 1958, str. 122.

⁶⁹ См., например: A. Starčević. Izabrani spisi, str. 65, 71.

тия, венский капитал и т. п.— все, что праваша понимали под «Австрией»,— вот кто по-прежнему оставался для них главным противником.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ПРАВАШЕЙ.
НАЦИОНАЛЬНО-РАДИКАЛЬНЫЕ КРУГИ
И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

В Хорватии, где буржуазия по преимуществу занималась торговлей и ростовщичеством, Кватерник пропагандировал взгляды Адама Смита, этого, по характеристике В. И. Ленина, «великого идеолога передовой буржуазии»⁷⁰, его учение о роли труда и производительного капитала в накоплении общественного богатства⁷¹.

Призывая к наиболее эффективной организации хозяйства, Кватерник ссылался на опыт и экономическую науку Англии и Франции. Старчевич так же указывал на Англию и Францию как «на самые просвещенные народы», имея в виду как их буржуазный правопорядок, так и высокий экономический уровень⁷². «Хрватска» сожалела о том, что ее народ отстал от «остального мира, который овладел силами природы, поставил себе на службу секреты их действия... и в короткое время, затрачивая небольшие усилия, производит все необходимое для жизни»⁷³. Препятствие развитию Хорватии в прошлом праваша видели в феодальном строе. Кватерник, ссылаясь на А. Смита, показывал неэффективность системы издольной аренды⁷⁴.

В сочинениях идеологов правашей ясно видны антипатии к полуфеодальным латифундиям в Хорватии и Славонии. Французская деревня казалась Кватернику образцовой, так как для нее была характерна масса мелких крестьянских хозяйств⁷⁵. Дело в том, что в мелком

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 521.

⁷¹ E. K v a t e r n i k. Hrvatski glavničar.

⁷² «Земля у них, по природным данным, худшая, чем у других, дает десятикратные ценности» и т. д. A. S t a r č e v i ć. Bi-li k slavstvu..., str. 22.

⁷³ «Hèrvatska», 12.III 1871. См. также: A. C e s a r e c. Eugen Kvaternik kao politički ekonom. «Izraz», 1940, br. 4, str. 202, 203.

⁷⁴ E. K v a t e r n i k. Hrvatski glavničar, str. 33, 34.

⁷⁵ Там же, стр. 16, 17.

хозяйстве, являвшемся в Хорватии действительно национальным, праваша видели опору сохранения хорватской национальности, так как более крупные предприятия в городах и крупное землевладение в значительной степени были нехорватскими. Мелкое хозяйство в Хорватии в ту пору было зародышем хозяйства буржуазного, капиталистического.

Но, видя образец в западных государствах, Кватерник, как мелкобуржуазный публицист, вместе с тем мечтал о гармоничном развитии капитализма. Он призывал взять на Западе хорошее и преградить путь злу⁷⁶. Сочувствуя страданиям «маленьких людей», он питал мечты о социальной гармонии между помещиками, фабрикантами и трудящимися, о капиталистическом строе без классовой борьбы, без биржевого ажиотажа и т. д. В критике капитализма он следовал Прудону и американскому экономисту Кэри, проповеднику гармонии интересов (как назвал его К. Маркс)⁷⁷. Выводы классической политэкономии, подводившие к пониманию классового антагонизма при капитализме, Кватерник осуждал как жестокие. Идеи же Кэри он считал «христианскими» и благоприятными для трудящихся⁷⁸. Старчевич провозглашал, что его партия стремится к тому, чтобы «в отечестве не было ни одного раба, а в общине — ни одного нищего». Позднее он с почтением отозвался о социально-христианских идеях Сен-Симона. В 1880 г. Старчевич выражал надежду, что путем снижения налога с ремесленников и «защиты бедных рукодельцев от крупных капиталистов» в Хорватии удастся предотвратить обнищание ремесленников и «чрезмерное» развитие рабочего класса⁷⁹. Критика капитализма правашами оставалась в рамках благих пожеланий. Отказ от анализа действительности и поиски выхода в теоретической сфере (в дан-

⁷⁶ «Dnevnik sabora... 1861», str. 914; A. Cesarac. Ideološka pozicija E. Kvaternika. «Izraz», 1940, str. 385.

⁷⁷ См.: В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. 1844—1883 гг.», стр. 113, 114.

⁷⁸ См.: A. Cesarac. Eugen Kvaternik kao politički ekonom, str. 202, 203.

⁷⁹ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 91 (1868 г.); A. Starčević. Jubilei. Zagreb, 1888, str. 14, 17; A. Starčević. Djela, knj. III, str. 297 (1880 г.).

ном случае — у Сен-Симона, Кэри и т. д.) — черта, свойственная идеологам мелкой буржуазии вообще⁸⁰.

Старчевич называл крестьянство основой национальности, указывал на его нравственные качества, трудолюбие и т. д., говорил о необходимости экономического и культурного развития крестьянства. В связи с этим он прославлял нравы древних римлян периода республики: верность долгу, демократизм, простоту, твердость характера, патриотизм. Римской республике он противопоставлял разлагающуюся империю. Так он выражал свой протест против господства полуфеодальной аристократии в Австрийской империи и бесправия масс. Кватерник также говорил об интересах «плебеев»: в частности, он выдвигал проект организации кредита не только для помещиков и буржуазии, но и «для всего народа»⁸¹. Однако идеал Старчевича находился не столь далеко: он положительно отзывался о французском обществе, в котором, как он считал, любая должность доступна любому гражданину⁸².

Критикуя систему привилегий помещиков, кабалы крестьян и т. п., требуя лучших условий для ведения хозяйства «для всего народа», праваша не шли дальше либеральных проектов выкупа крестьянами остававшихся повинностей. Возмещение помещикам за утерянные права на барщину и другие повинности лидеры Партии праваша считали естественным⁸³.

Хотя подавляющее большинство крестьянства стремилось развязаться с задругой, сковывавшей его инициативу, праваша как мелкобуржуазные деятели хотели затормозить процесс распада задруг. Они опасались размывания крестьянства (как отмечалось, по их мнению, главной опоры нации), роста пролетариата и люмпен-

⁸⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 226, 227.

⁸¹ A. Cesarac. E. Kvaternik i ekonomski problemi njegova vremena. «Izraz», 1940, br. 5, str. 230, 231.

⁸² J. Horvat. Ante Starčević, str. 194, 195.

⁸³ См.: Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima hrvatske politike u šezdesetim godinama XIX st. «Radovi Filozofskog fakulteta. Historijska grupa», I. Zagreb, 1959, str. 82—84; Ч. Шегвић. Друго прогонство..., str. 115. Рассматривая аграрные отношения в Боснии, Старчевич в 50-х годах предлагал предоставить крестьянам землю за выкуп — денежный или путем отработок (см.: J. Horvat. Ante Starčević, str. 165). Он мечтал о соглашении с боснийскими мусульманскими феодалами.

пролетариата. Кватерник считал, что задруга пока что необходима, так как в Хорватии мало промышленности, способной занять рабочую силу. Старчевич идеализировал задругу («самое священное и полезное объединение»), но праваша понимали необратимость процесса ее распада и призывали лишь временно сохранить неделимый минимум крестьянского участка⁸⁴. Эта позиция характерна: у лидеров правашей не было коллективистских иллюзий, для ликвидации остатков задруг они лишь ждали более благоприятной экономической обстановки (прежде всего упрочения товарного крестьянского хозяйства). В печати правашей и сочинениях Старчевича имеются настоящие панегирики частнособственническому крестьянскому хозяйству⁸⁵.

Идеалом правашей в аграрных отношениях, как отмечалось, было господство массы мелких «продуктивных» хозяйств. Но, поскольку в Хорватии имелось помещичье землевладение, они стремились совместить свои идеалы с этой реальностью. В следующем рассуждении сконцентрирована сущность взглядов правашей по затронутым выше социальным проблемам: «Великие теоретики политической экономии доказали, что наиболее счастлива та страна, в которой, наряду с крупными владениями, имеется соответствующее число средних и малых владельцев, а образцом государства считали то, в котором каждый работник имеет домик и вокруг него немного земли... Если такой работник старателен и экономен, то со временем он сможет приобрести небольшое имение; мелкий владелец будет стремиться стать средним, а средний возвыситься до крупного... В таком государстве... бездомный пролетариат не будет вызывать страх у мирного собственника. Здесь не будет ни социалистических, ни коммунистических эксцессов, не будет рабочего вопроса, не дающего спать ни собственникам, ни государственным деятелям многих стран. Надо осуществить учение этих великих мыслителей, чтобы избежать зла, породившего по соседству с нами волнения рабочих»⁸⁶. Вера в сотрудничество классов, в реформизм, идеализация патриар-

⁸⁴ «Dnevnik sabora...», 1861», str. 913, 914; A. Starčević. Djela, knj. III, str. 78. (1871 г.); «Hèrvatska», 15.I 1871.

⁸⁵ См.: «Hèrvatska», 15.I 1871, а также: A. Starčević. Woran wir sind. Agram, 1878, S. 17.

⁸⁶ «Hèrvatska», 15.I 1871.

хальной привязанности населения к земле — таковы существенные черты мировоззрения правашей⁸⁷.

Социальные взгляды правашей были более умеренными в сравнении с позицией некоторых буржуазных демократов в 1848 г.⁸⁸ Правашаи не были идеологами массы крестьянства. Эта буржуазно-демократическая (мелкобуржуазная) интеллигенция выступала не только против наиболее нетерпимых пережитков феодализма, против аристократии, презирающей «простонародье», но страшилась и крупного (инонационального) капитала, и обострения классовой борьбы. Поэтому прогрессивные и реакционные тенденции здесь были неразрывно связаны. Если, например, народняки жаловались на недостаточно быстрое строительство железных дорог в Хорватии, то Старчевич выступил против их проведения. Это вполне соответствовало настроениям множества мелких торговцев, владельцев небольших предприятий, а также буржуа и тысяч крестьян, занятых извозным промыслом.

Однако и в этом вопросе, как и в случае с задругами, Старчевич не возражал против прогресса вообще. Он призывал не строить дорог, пока они приносят выгоду иностранным банкам, а хорватам — разорение и долги («В Бельгии хозяева железных дорог и пароходов — сами бельгийцы...»)⁸⁹. Стремление отгородиться от крупного инонационального капитала проявлялось во всей публицистике правашей. В ту же эпоху против железнодорожного строительства возражала также радикальная партия (Н. Пашича) в Сербии⁹⁰, определенное социальное родство которой с правашами имело место, а в Болгарии — Христо Ботев⁹¹. Но именно указанное «стремление

⁸⁷ А. Старчевич, указывая на наличие в Хорватии двух враждебных лагерей — крестьянства и «низшего слоя горожан», с одной стороны, и остальных слоев общества — с другой, заявлял, что их примирение и взаимопомощь необходимы. А. Starčević. Izabrani spisi, str. 504, 505 (1871 г.).

⁸⁸ О 1848 г. см.: А. Јелачић. Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji 1848—1849 i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb, 1925, str. 67, 68; И. И. Лещиловская. Отмена крепостного права в Хорватии и Славонии в 1848 г. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1959». М., 1961, стр. 327, 328.

⁸⁹ А. Starčević. Djela, knj. III, str. 295.

⁹⁰ См., например: С. Гребенац. Срби и Хрвати под једним кровом. Београд, 1939, стр. 74—76.

⁹¹ Христо Ботев. Публицистика. М., 1952, стр. 199, 200.

отгородиться» толкало национально-радикальные элементы к борьбе за независимость своей страны.

Для социального чутья Старчевича характерно понимание им причин оторванности большинства деятелей национального движения в Хорватии от простого народа: по своему положению, указывал лидер Партии права, они заинтересованы в том, «чтобы народ разорялся», и потому не в состоянии действовать ему на пользу⁹². Буржуазно-демократические воззрения Старчевича проявились в сочувствии к народническому движению в России. «В русском деспотическом порядке,— писал он,— имеются благородные черты, которые напрасно было бы искать в некоторых «конституционных» государствах. Просвещенные русские... видят в крестьянине свое будущее, свою силу, свое величие, это — явление, которое можно было наблюдать лишь у древних римлян... главные злоумышленники — «заговорщики», «нигилисты», сплошь являясь людьми выдающимися...» Старчевич считал, что с введением в России политической свободы эти люди явятся «самыми чистыми и лояльнейшими» патриотами⁹³. Старчевич, не будучи народником, но выступая за буржуазно-демократический строй, здесь концентрирует внимание на борьбе русских народников за политическую свободу, он видит связь этой борьбы с интересами крестьянства, но оставляет в стороне социалистическую доктрину народничества.

Его симпатии недвусмысленно на стороне радикального лагеря и в России, и в других странах: «Не только поляки (вероятно, повстанцы 1863—1864 гг.— В. Ф.) правы, но и Бакунин, и Герцен, и Э. Кватерник, и Фрич, и вообще все деятели, которые добиваются свободы и счастья для своего народа и подвергаются преследованиям». Старчевич противопоставлял перечисленных деятелей славянофилам в России и славянским либералам в Австрии⁹⁴.

⁹² См.: V. Bogdanov. Historija..., str. 501 (1868 г.). Старчевич попытался дать характеристику социальных основ хорватских партий.

⁹³ A. Starčević. Woran wir sind, S. 29, 30. В небольшом числе мест мы прибегаем к материалу, несколько выходящему за рамки интересующего нас периода, чтобы полнее показать идеологию хорватского национал-радикализма.

⁹⁴ A. Starčević. Bi-li k slavstvu..., str. 16, 17 (1867 г.).

Отмеченное социальное сугье сказалось в подходе Старчевича к проблеме самодержавного строя в России. Царское самодержавие держится интересами аристократии, дворянства, но после отмены крепостного права дворянство оскудевает, писал он, и «при этом общественном положении нет силы, способной защитить деспотизм. Или дать свободу народу, или ждать, пока он сам возьмет себе свободу и даже больше». России, утверждал он в 1871 г., «если она хочет обеспечить себе со временем гигантский прогресс», не остается иного, кроме радикальных реформ («хорошей конституции») либо «нового 1789 года»⁹⁵. То же он повторил в 80-х годах в пору жесточайшей реакции Александра III: «Когда русским надоедят существующие отношения... они будут стремиться заменить их другими, если не удастся сделать это добром, они употребят силу точно так, как сделали западные народы»⁹⁶.

И все же социальная умеренность Старчевича, его колебания между демократизмом и либерализмом вновь сказались в том, что он предпочитал путь реформ, а, сочувствуя крестьянству и народникам, вместе с тем с похвалой отозвался о реформах Александра II⁹⁷.

Уходя своими корнями в мелкобуржуазные и вообще менее обеспеченные буржуазные или обуржуазивающиеся слои общества, в их положении прежде всего находя питательную среду для своей идеологии, лидеры Партии права сами считали себя представителями нации в целом. Они, в частности, указывали на патриотическую роль, которую могли бы сыграть земельные магнаты в развитии экономики и культуры Хорватии...⁹⁸. Они сожалели о том, что хорватское дворянство в качестве возмещения за феодальные повинности получило от Вены малоценные казенные бумаги⁹⁹. Сотрудничество классов они считали необходимым для успеха национального движения. Таким образом, если социальная позиция правых в основном определяла характер их национально-политической деятельности, то их политическая

⁹⁵ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 426.

⁹⁶ A. Starčević. Jubilei, str. 50.

⁹⁷ Там же, стр. 45, 49. Данные относятся к 80-м годам.

⁹⁸ Например: E. Kvaternik. Hrvatski glavničar, str. 23, 24.

⁹⁹ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 240 (1869 г.).

цель в свою очередь влияла на отношение правашей к общественным проблемам.

Условием подъема мощного национально-освободительного движения было участие в нем крестьянства. Это участие было возможно лишь при соединении национальных задач с жизненными требованиями крестьян¹⁰⁰. Праваша были далеки от этого.

Хорватская действительность 60-х — начала 70-х годов с ее острыми классовыми противоречиями не давала оснований для общенационального сотрудничества. К тому же хорвато-славонское дворянство в подавляющем большинстве было унионистским и не помышляло о борьбе за национальный суверенитет.

Конечно, в отличие от либералов Кватерник, мечтавший о массовом народном движении за независимость, задавался мыслью о том, чтобы как-то заинтересовать крестьян. Так, в 1864 г. он, учитывая опыт польского восстания, говорил польскому эмигранту В. Пшибыльскому о «положении крестьян относительно помещичьего землевладения, о разных повинностях и тяготах... [и] указал на необходимость, чтобы национальное правительство (речь шла о возможном восстании в Хорватии.— В. Ф.) отменило горницу с возмещением за некоторые ее виды, *jug a regalia* ...затем урегулировало пользование лесом и жировину, чтобы таким путем предупредить Австрию и добиться любви со стороны населения»¹⁰¹. В саборе 1861 г. Кватерник, как и некоторые народняки, выступил против конфискации имущества крестьян за долги и недоимки.

Кватерник, ставивший перед собой революционную цель, понимал важность поддержки масс: «Эту деятельность,— говорил он польскому эмигранту Ю. Орденге в 1864 г.,— надо основывать на простом народе». Он выражал уверенность, что вокруг правашей «соберется весь цвет народа, особенно же массы»¹⁰². Читая о восстании ирландских крестьян, Кватерник записал, что также

¹⁰⁰ Относительно итальянского национально-освободительного движения об этом см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 573; Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. т. VI, 1949, стр. 375 (1859 г.).

¹⁰¹ Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima..., str. 84. Жировина — плата за откорм свиней в помещичьем лесу.

¹⁰² Ch. Segvić. Drugo progonoštvo..., str. 72, 157.

поднимутся и хорваты, неся национальное знамя, католические символы и меч от села к селу¹⁰³.

Наибольшие надежды на подъем освободительного движения Кватерник связывал с брожением на Военной Границе. Правашаи требовали полного устранения австрийской военщины из Границы, передачи управления областью и права распоряжения ее природными богатствами самим граничарам и хорватскому сабору. Эксплуататором граничар являлось прежде всего австрийское государство, военщина, поэтому для Границы правашаи выдвинули радикальную социальную программу. Кватерник рассчитывал, что за ее осуществление выступят широкие слои населения. Он «говорил о задругах, о Границе, о массах простого народа, которые бы поднялись на защиту своих жилищ, своего существования»¹⁰⁴.

Все это свидетельствует о поисках им пути и средств достижения революционной цели, об отсутствии боязни привлечь массы к борьбе, т. е. о демократизме, но либеральная аграрная программа Кватерника не соответствовала этому. Намерение Кватерника привлечь крестьянство к национальному движению не было осуществлено.

Имеет значение еще один аспект вопроса о связи национального и социального у правашей. Достичь независимости от полуфеодальной Австрийской монархии означало ослабить позиции помещицней аристократии в Хорватии¹⁰⁵, охраняемые всей мощью имперской власти. Тем большее несоответствие имелось между программой независимости и идеей привлечения дворянства к борьбе за нее.

Все противоречия для правашей сводились к национальным. Именно эта партия считала национальный гнет главной причиной тяжелого положения народной массы и положила начало идеализации экономических отношений в будущем независимом государстве («когда хорватский народ сам станет размышлять о своих делах и регулировать их») ¹⁰⁶. Старчевичу свойственно представ-

¹⁰³ A. Cesarec. Kriza stranke prava i naši «komunari» 1871. Zagreb, 1951, str. 50.

¹⁰⁴ Ch. Segvić. Drugo progonoštvo..., str. 169.

¹⁰⁵ Об этом см. также: A. Cesarec. Ideološka pozicija..., str. 378, 379.

¹⁰⁶ A. Starčević. Bi-li k slavstvu..., str. 41.

ление о том, что в бедах, принесенных народу эпохой развития капитализма, повинна «Австрия»: тут и «падение морали», «рост безделья» и «самого грязного эгоизма», распад семейного очага и т. п. Помещичье-капиталистический строй он отождествлял с «Австрией», тогда как все исконно хорватское — демократическое, высоко-нравственное и т. д.¹⁰⁷ Эта идеализация, еще искренняя в устах мелкобуржуазных деятелей 60-х годов XIX в., по мере усиления социального протеста масс, в особенности в связи с ростом рабочего социалистического движения, превратилась в орудие буржуазно-националистической демагогии.

В целом праваша стояли на буржуазной почве, во многом сближаясь с либералами; за некоторыми исключениями они не отстаивали идей о преимуществах старины, большинство их предложений соответствовало интересам капиталистического развития. Но им были свойственны представления о возможности в чем-то «самобытного» пути Хорватии, вера в возможность избежать социальных потрясений. Для правашей характерен комплекс мелкобуржуазных взглядов: признание положительного влияния строя, установленного французской революцией, на деревню, но замалчивание антагонистического характера этого прогресса и реформаторская половинчатость в борьбе с пережитками феодализма.

Наконец, беспочвенными были опасения правашей перед последствиями, которые несет их нации общественно-экономический прогресс в составе многонационального государства. Вопреки их взглядам, развитие рабочего класса, рост его общественного влияния, распространение его интернационалистской идеологии — вот что создавало историческую основу решения сложных национальных проблем, стоявших перед хорватским народом.

В условиях крестьянской страны, где еще не было организованного рабочего движения и куда еще не проникли идеи научного социализма, восприятие правашами некоторых утопических воззрений, в частности идей Прудона, свидетельствовало не только об их социальной доктрине, но прежде всего о протесте против существующих общественных отношений, об их демократизме,

¹⁰⁷ A. S t a r č e v i ć. Djela, knj. III, str. 241.

хотя и непоследовательном. Этот протест подкреплялся программой демократических требований в политической области.

ПРОГРАММА ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ И КУЛЬТУРЫ

Правашаи, сторонники парламентского строя, политических свобод¹⁰⁸, более последовательно, чем народняки, защищали буржуазно-демократические принципы¹⁰⁹. Не в мощи абсолютистских режимов, а в расцвете прав граждан — величие государств, провозглашали публицисты Партии права. А. Старчевич пропагандировал широкое местное самоуправление, а всеобщее голосование считал средством выражения суверенной воли народа¹¹⁰. Правом избирать законодательный орган — «самым священным и великим правом» — должен обладать «каждый сын отечества»¹¹¹.

Современный ему сабор Старчевич называл сабором без народа; по его словам, «магнаты, жупаны, епископы» хозяйничают в саборе, поэтому сабор не может действовать на пользу всему народу¹¹².

Если народняки в основном принимали реакционный принцип устройства сабора, то правашаи выступали с его резкой критикой. Эта критика особенно усилилась, когда в конце 60-х — начале 70-х годов в Партии права активизировались наиболее левые демократические элементы. «Хрватска» выступила с протестом против того, что в саборе рядом с избранными депутатами заседают магнаты и высшие чиновники: «Какая же это заслуга владеть имением, собственник которого в эпоху рабства обладал юрисдикцией?»¹¹³. В 1871 г. хорватский публи-

¹⁰⁸ Кватерник считал, что «свобода слова и печати — вот что нужно Хорватии для окончательной победы». См.: Ch. Šegvić. Drugo progonoštvo..., str. 221.

¹⁰⁹ О различиях в общественно-политических взглядах среди правашей речь пойдет в конце данной главы.

¹¹⁰ A. Starčević. Djela, knj. III, str. 251 (1869 г.).

¹¹¹ Там же, кн. I, стр. 78 (1871 г.).

¹¹² Там же, стр. 77.

¹¹³ «Hrvatska», 5.II 1871. Лично присутствовать в саборе могли крупные помещики, до 1848 г. пользовавшиеся правом суда над крепостными (так называемые вирилисты).

цист заявлял: «Чем больше граждан участвует в выборах народных депутатов, тем более сабор выражает волю народа... Поскольку законы касаются всех, то и в издании их в равной степени заинтересованы все граждане... Никакой имущественный ценз не имеет оправдания... Наша позиция — всеобщее голосование»¹¹⁴. Праваша понимали возможность извращения воли народа и при всеобщем голосовании (демагогия, подкуп и т. п.), но показывали преимущества демократических порядков.

Из этого видно, что праваша выступали как с решительной критикой феодальных пережитков в политическом строе, так и против политических привилегий буржуазии (ценз).

Когда праваша утверждали, что лишь народ и его король путем договора имеют право решать судьбу Хорватии, то народ, по их мнению, должен был быть представлен сабором, избранным демократическим путем. В демократизме — сила национального движения (так как «весь простой народ против современного положения Хорватии») ¹¹⁵. Итак, взгляды правашей на политические порядки в Хорватии были органично связаны с их национальной программой.

Требование суверенитета нации было несовместимо с признанием прав австрийского государя. Прямая постановка требования республики в легальной печати была невозможна. Но что касается короны, то — в особенности по мере усиления левого течения в Партии права в конце 60-х — начале 70-х годов — праваша стали сводить ее прерогативы на нет.

Праваша обрушились на политический строй Австро-Венгрии. Они выдвинули возражения против права короля созывать и распускать сабор, а также утверждать его решения. «Если государь не обязан утверждать решения сабора, тогда сабор — дорогая и ненужная игрушка в руках государя...». Праваша выступили против монархического принципа «двух факторов» государства (парламента и государя). Стране нужна лишь одна реальная власть сабора и «никого более не требуется и быть не может... Говорят: пусть в государстве будет два

¹¹⁴ «Hèrvatska», 12.II 1871. См. также: A. St a r ĉ e v i ć. Djela, knj. I, str. 78, 181 и др.

¹¹⁵ «Hèrvatska», 21.V 1871.

фактора стабильности — представитель народа — сабор, с одной, и государь — с другой стороны. Мы считаем это невозможным... Стабильность выражается лишь в одном: или приказывает государь в абсолютной монархии, или народ в абсолютной демократии... Разве в состоянии государь, одна особа, один гражданин судить о том, не ошиблась ли общая воля всех граждан?». «Хрватска» заявляла, что у государя и народа бывают разные представления о счастье, и делала вывод: «Народ должен быть сам себе хозяин»¹¹⁶. В саборе 1866 г. Старчевич напомнил, что англичане свергли короля, не уважавшего их законов, но почитают его теперь, когда король «не смеет и своему кучеру приказывать». Хорватия, продолжал он, «в отношении Габсбургов имеет столько же прав, что и Англия в отношении своей династии»¹¹⁷.

Чтобы читателю было легче сделать вывод о том, какие взаимоотношения между государем и народом являются справедливыми, «Хрватска» так комментировала положение... в папском государстве: «Римляне имеют несомненное и святое право требовать от пап вернуть им свободу и права. Если бы папы не выполнили свою обязанность перед ними, римляне были бы вправе поступить с папой хотя бы так, как поступили французы с Людовиком XVI»¹¹⁸.

Великую французскую революцию праваша почитали как законный путь к торжеству суверенной воли нации. А. Старчевич с уважением писал о ней, а французских просветителей XVIII в., подготовивших это торжество нации, считал примером для правашей¹¹⁹. «В 1791 г., — писала «Хрватска», — французский народ законным путем поставил Людовика XVI перед выбором, сказав своему королю: хочешь есть наш хлеб — следуй нашей воле, соблюдай наши законы. А хочешь править, не обращая на нас внимания, по милости божьей, то ищи себе королевство в другом месте и ешь хлеб божий или что-нибудь еще...». Вот тогда-то французы устранили рабство и сословные привилегии. Настанет время и мы посмеемся над «недостойными милости божьей»¹²⁰.

¹¹⁶ «Hèrvatska», 5.II 1871.

¹¹⁷ A. S t a r č e v i ć. Izabrani spisi, str. 84.

¹¹⁸ «Hèrvatska», 29.I 1871.

¹¹⁹ A. S t a r č e v i ć. Nekolike uspomene, str. 55.

¹²⁰ «Hèrvatska», 12, 19.II 1871.

Эта была уже неприкрытая республиканская пропаганда. При республике (древнеримской!) все служили «общему делу» (автор перевел латинское *res publica*. — В. Ф.) и «его величеству — народу», — писала «Хрватска» (вероятно, А. Старчевич) уже в первом номере; при самовластье же общественная мораль пришла в упадок. В газете прямо говорилось, что так обстоит дело и теперь. В марте 1871 г. праваша высказались в пользу республики во Франции, ибо «всякая монархия вредна для народа». Впрочем, наиболее характерным для них является заявление, что «все равно», республика или монархия в той или иной стране, важно лишь, чтобы полный контроль над всеми органами власти находился в руках народа¹²¹. Вероятно, таким было воззрение большинства партии и вряд ли в ее рядах имелось полное единство в этом (второстепенном для нее) вопросе.

Идею неограниченного суверенитета нации выражал лозунг Партии права «Бог и хорваты». Напрашивается параллель между ним и известным лозунгом Дж. Мадзини «Бог и народ» (*Dio e popolo*). Итальянское национально-освободительное движение при всех различиях в положении Италии и Хорватии оказало большое идейное и политическое воздействие на правашей, как и вообще на национальное движение у южных славян¹²². В 1869 г., объясняя далматинскому деятелю М. Павлиновичу причины непримиримости правашей к политике соглашения с австрийской властью, Кватерник выражал надежду, что далматинские хорваты «легко поймут» правашей, так как «вы... самые близкие соседи итальянских движений за свободу и независимость»¹²³. Сам Кватерник был свидетелем событий, происходивших в Италии.

Особое значение для лидеров и идеологов Партии права имели взгляды Дж. Мадзини. Как и мадзинисты, праваша мечтали об общенациональной революционной партии, о буржуазно-демократических преобразованиях, но в аграрном вопросе, как и те, не выходили за пределы либерального реформизма.

¹²¹ «Hèrvatska», I, 8.I; 12.III 1871.

¹²² См., например: J. Скерлић. Омладина и њена књижевност. Београд, 1925; I. Јуванчић. Taljanski risorgimento i odnosi s jugoslavjenima. «Jadranski zbornik», III, 1958.

¹²³ А. Palavršić, В. Zelić. Korespondencija Mihovila Pavlinovića, str. 102.

В классическом (для радикальных деятелей национального движения) девизе Мадзини «Бог и народ» получили выражение прогрессивность и ограниченность буржуазной идеологии. Интересы нации едины и выше всех иных — такова идея этого девиза, не выражающего никаких верноподданнических чувств к государям «милостью божьей». Это было важно для хорватского национального движения в большей мере, чем для итальянского, так как Хорватия сотни лет входила в состав государства Габсбургов, а с 30-х годов XIX в. национальное Возрождение здесь развивалось в условиях маневров двора, подчас пользовавшегося маской «покровителя» иллиризма.

Девиз правашей, как и приведенные статьи в их печати, открывали дорогу идеологии республиканизма. Но в этом девизе нет упоминания о социальных целях масс народа. Это оставляло возможность его толкования в глубоко националистском и даже реакционном смысле¹²⁴.

Несмотря на все сказанное, идеологи Партии права формально не выходили за рамки монархизма¹²⁵. Они считали возможным обеспечить государственный суверенитет Хорватии, не порывая с династией Габсбургов. Требуя персональной унии, они формально сохраняли легальность. При этом, ссылаясь на «государственное право» хорватов, они отрицали полномочия австрийского правительства в Хорватии; по их мнению, статус Хорватии должен быть установлен путем переговоров между хорватами и «их королем» (Габсбургом). Партия права — лояльна Габсбургской династии, так как в полной свободе народов империи — гарантия вечной прочности трона Габсбургов, — такова фразеология правашей! В отличие от народняков, пользовавшихся аналогичной фразеологией, правашаи ценой за свою лояльность считали *фактический* распад единой Австрийской империи.

Правашаи выдвигали следующие условия «защиты

¹²⁴ Девиз соответствовал великохорватским взглядам правашей. Кроме того, если в 60-х годах XIX в. основной смысл девиза «Бог и хорваты» состоял в приоритете национальных интересов, то позднее клерикалы использовали его для упрочения влияния церкви. См., например: V. Novak. Velika optužba, II, Sarajevo, 1960, str. 156, 157.

¹²⁵ Исключение составляла группа, выражавшая симпатии бакунизму и Парижской Коммуне (см. данную главу).

хорватами своего короля против врагов»: исправление несправедливости, нанесенной хорватам «за века господства Габсбургов», восстановление Хорватии как субъекта международного права, пользующегося «неурезанными правами» (как указывалось, здесь имелись в виду национальная дипломатия и армия, своя финансовая система и т. п.)¹²⁶. Лояльность Габсбургам понималась правашами как верность не австрийским императорам, но лишь как хорватским королям, и самое требование государственной независимости Хорватии они изображали как... проявление этой лояльности¹²⁷.

Праваша всегда заявляли, что народ лишь постольку обязан сохранять верность государю, поскольку государь чтит и защищает интересы народа (более осторожно, но эту же идею в 60-х годах иногда высказывали и народняцкие публицисты). Хорватия же, не уставали они повторять, доведена до полного бесправия и нищеты. На этом основании Кватерник уже в 1859 г. (в «La Croatie...») утверждал, что Габсбурги потеряли права на Хорватию. Об этом говорил и в своих по форме «лояльных» речах А. Старчевич. В какой мере праваша действительно уважали права Габсбургов, видно из того, что Старчевич, конечно же, «из любви к нашему королю» требовал гарантии конституций суверенных Венгрии и Хорватии со стороны европейских держав¹²⁸.

И все же проекты персональной унии не являлись для правашей только способом легально выразить требование независимости. Праваша были озабочены, как бы результатом разгрома Австрии не воспользовались в ущерб хорватам их соседи (немцы, венгры, Италия, Сербия). Старчевич писал, что распад Австрии имеет смысл, если будут соблюдены интересы Хорватии, иначе же пусть лучше счастливая Хорватия существует «рядом» со счастливой Австрией. Мы — не враги ни Австрии, ни Венгрии, проводил ту же мысль Кватерник, но хотим видеть Хорватию не под их господством, а ря-

¹²⁶ Например: «Hrvatska», 19.III 1871.

¹²⁷ См., например: E. Kvaternik. Rieč u zgodno vrieme, str. 39. О формальном характере лояльности правашей см. также: M. Gross. Die nationale Idee der kroatischen Rechtspartei und ihr Zusammenbruch (1861 bis 1895). «Österreichische Osthefte», H. 5. Wien, 1964, S. 375.

¹²⁸ A. Starčević. Izabrani spisi, str. 73, 84.

дом с ними ¹²⁹. Этот триализм правашей 60-х годов предусматривал превращение Австрийской империи в конгломерат трех *самостоятельных государств* — Австрии, Венгрии и Хорватии с общим государем. Правашаи предпочли бы достичь суверенитета без политических потрясений ¹³⁰.

В связи с изложенными выше идеями, преобладавшими в Партии права, мы приводим следующее мнение органа правашей о программе патриотов на выборах (1871 г.): «В этой программе на первом месте должно быть написано хорватское государственное право; на втором — хорошие взаимоотношения между помещиками и крестьянством или справедливое урегулирование урбариальных и социальных отношений; на третьем — суверенитет муниципий (широкое самоуправление. — *В. Ф.*); на четвертом — свобода печати, собраний, объединений, суд присяжных и т. п.» ¹³¹. В этом документе сведены вместе принципы Партии права. Здесь демократизм в чисто политической сфере сочетается с либеральной умеренностью в сфере социальной.

* * *

Правашаи являлись противниками политического клерикализма. Злоупотребление верой в политических целях нетерпимо, заявляла «Хрватска». Но отношение лидеров партии к духовенству диктовалось тем, что многие из его среды поддерживали Штросмайера ¹³² и народняков, а высший клир следовал правительственной линии. И хотя Старчевич со свойственной ему язвительностью утверждал, что попы низвели народ «до уровня животных», правашаи призывали духовенство в свои ряды, подчеркивали уважение к религии.

Подавляющее большинство руководства Партии права выступало против смешения вопросов религии и на-

¹²⁹ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 28; E. Kvaternik. Rieč u zgodno vreme, str. 40.

¹³⁰ Поэтому в 1878 г. Старчевич заявил о своем давнишнем убеждении, что «хорватам лучше всего остаться в условиях законной самостоятельности» под властью Габсбургов. См.: A. Starčević. Woran wir sind, str. 21.

¹³¹ «Hrvatska», 14.V 1871.

¹³² См., например: «Hrvatska», 4.VI 1871. См. также: A. Starčević. Bi-li k slavstvu..., str. 103.

ционально-освободительной борьбы. Например, в 1881 г. Старчевич резко осудил ирландских клерикалов, подвергавших нападкам национального лидера Парнелла за контакты с Виктором Гюго и Анри Рошфором: «Какое дело ирландцам до религиозных взглядов кого бы то ни было? Разве помощь не помощь, если нам оказывает ее человек или народ, мыслящий иначе, чем мы?.. Не дай бог, чтобы народ пошел за людьми, которые во имя бога действуют лишь на пользу себе и черту...»¹³³.

Но Кватерник, как, вероятно, и часть правашей, был горячим католиком и даже подвергал нападкам епископа Штросмайера за либерализм в религиозных вопросах. В идеологии Кватерника сильны элементы клерикализма: он доказывал совпадение интересов католицизма и хорватов в борьбе против православия и «византизма» на Балканах¹³⁴.

В сугубой религиозности и мистицизме Кватерника сказались настроения мелкобуржуазных слоев, с трудом отстаивавших свое положение. Здесь уже проявился и страх перед революционным демократизмом и социализмом. Правда, в отличие от клерикалов, активизировавшихся в 90-х годах и служивших Габсбургам и Ватикану, у Кватерника, как и многих деятелей польского, итальянского, ирландского и других освободительных движений, религия служила национальным идеалам: он был убежден, что бог благословил его на борьбу¹³⁵.

Взгляды Кватерника противоречили преобладавшему в партии течению, а также целям партии в отношении православного (сербского) населения (см. ниже) и не встретили сочувствия у подавляющего большинства руководителей партии.

Праваша выступали против опеки церкви над школой, за расширение прав учителя, за демократизацию системы просвещения. Не случайно некоторые прогрессивные деятели просвещения (например, Скендер Фабкович — словесник, поклонник Руссо и Кабэ, переводчик

¹³³ A. Starčević. Izabrani spisi, str. 190, 191.

¹³⁴ Напоминаем, что в пору надежд на помощь России для Кватерника не имело значения ее православие. Пересориентация на Францию произошла по политическим причинам.

¹³⁵ См.: Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima..., str. 66, 67; В. И. Фрейдзон. Общественно-политическая позиция Е. Кватерника, стр. 110—112.

Яна Коменского) были близки Старчевичу. Когда в 1871 г. в Хорватии состоялась первая учительская конференция, сторонники Партии права по ряду вопросов представляли на ней левое крыло, выступая за светский характер преподавания, отмену телесных наказаний, равную оплату учительниц и т. д. В связи с конференцией «Хрватска» заявила, что в школах «слишком много учат закон божий»; при всем том «никогда в Хорватии церкви не были столь пустыми, а тюрьмы столь полными, как теперь». Газета предложила, чтобы школами управляли не священники, а избираемые школьные советы. Праваша выступали за расширение обучения естественным наукам и «вещам, нужным для жизни, особенно для ведения хозяйства»¹³⁶.

Высказывания правашей о задачах преподавания были проникнуты демократизмом и патриотизмом. Они негодовали по поводу того, что в учебниках истории, даже написанных хорватами (главным образом представителями умеренного крыла австрославистов), каждое слово полно австрийского духа, говорится о заслугах императоров перед хорватским народом, но ничего нет о борьбе хорватов за свободу. «Естественно, что о безобразиях, разбое и насилиях, чинившихся швабами в Хорватии, нет и речи в таких книгах, издаваемых на императорско-королевский счет в Вене с целью заглушить хорватское чувство». Праваша возмущались пропагандой в школах идеи единства империи: «Каждая из земель и королевств, составляющих Австрию,— говорилось там (в учебниках.— В. Ф.),— сама по себе обречена на слабость. Но лишь в нераздельном союзе, под управлением все милостивейшего императора каждая может процветать...». Так автор учебника «доказывает нам пользу немецко-венгерского ярма! ...Елачич (говорится в учебнике.— В. Ф.) правильно (!) понял сепаратистские устремления венгерского правительства и то, что спасение Хорватии зависит (?!) от тесного союза с Австрийской монархией (??!)»¹³⁷.

¹³⁶ «Hrvatska», I.X 1871; A. Starčević. Djela, knj. I, str. 188 (1881 г.); M. B. Janković. Skender Fabković. «Savremena škola» (Beograd), 1951, br. 1-2; «Povijest školstva i pedagogije u Hrvatskoj», str. 131—134.

¹³⁷ «Hrvatska», 30.VII; 21.IX 1871. Знаки расставлены и выделено автором статьи в газете.

Большой интерес представляет демократическая критика изложения в учебнике истории французской революции XVIII в. Учебник, писала «Хрватска» вскоре после падения Парижской Коммуны, «извращает наиболее выдающееся событие истории борьбы за свободу и равноправие... и поносит величайший по своему свободомыслию и культуре французский народ». Учебник «считает принципы философов, так называемых энциклопедистов, пагубными (для кого? может быть для чьих-нибудь утроб и карманов?...). Замечательные решения французской конституанты о равенстве сословий, отмене привилегий, реформе правосудия и церкви он окрестил «новшествами»... Члены национального собрания якобы были в состоянии «лишь уничтожить и свергнуть». Да, свергать, но что? Режим грабежа, насилия дворянства и духовенства! Якобинцы якобы «созвали со всех сторон самых подлых людей... в том числе преступников с галер» (быть может тех, кого двор сослал на галеры за вольнодумство?), революцию будто бы осуществляли «наемные разбойничьи отряды» (?!), а «парижские низы господствовали» (автор придерживается известной формулы спесивых аристократов: *misera plebs*). Выходит лучше, если б крепостники продолжали роскошествовать за чужой счет!». Расправы с аристократами во время революции, заявляла «Хрватска», — результат «справедливой ненависти к большинству духовенства и дворянства», поддержанных иностранными интервентами... Газета высмеивала утверждение, будто Священный союз — «воплощение принципов христианской религии, справедливости, любви и мира» и т. п.¹³⁸

Настроенные непримиримо к существующему режиму, праваша критиковали народняков за культурную деятельность, приспособленную к требованиям имперских властей. Так, Кватерник восклицал: «Провозгласить (в статуте Академии наук и искусств.— В. Ф.), что членом якобы хорватской Академии не может быть никто, кто не является «непорочным» австрийским гражданином!». А знаете ли вы... что можно стать *порочным* австрийским гражданином, защищая *права* нашего несчастного народа?»¹³⁹. Высказывая такую непримиримость

¹³⁸ «Hèrvatska», 21.IX 1871. *Misera plebs* (лат.) — подлая чернь.

¹³⁹ А. Palavrić, В. Zelić. Указ. соч., стр. 112 (1869 г.).

к австро-венгерскому государству, ко всякой «положительной деятельности» в его рамках, правашаи подчас впадали в нигилизм в отношении развития культуры в Хорватии. Старчевич, например, заявлял, что деятельность Академии и университета сводится к подготовке верных властям чиновников, что там «портят молодежь», «изводят бумагу» и т. п.

ТЕОРИЯ ПАНХОРВАТИЗМА И ВЕЛИКОХОРВАТСКАЯ ПОЛИТИКА

Наряду с отстаиванием национального суверенитета одной из особенностей идеологии правашей являлся панхорватизм.

Как и народняки, правашаи исходили из тезиса о национальном единстве хорватов, сербов и словенцев. Но при этом они объявляли всех сербов и словенцев хорватами, а их этнонимы считали локальными или племенными названиями¹⁴⁰. В отличие от народняков, фактически понимавших под «племенем» нечто близкое нации, правашаи считали «племена» пережитком или даже коварной выдумкой враждебных хорватской нации сил (например, австрийских чиновников), добывающихся ее ослабления.

Как и народняки, правашаи не считали религиозные различия основой для различий национальных. Поэтому, по правашам, южнославянское население всех трех вероисповеданий является хорватским. «Все население между Македонией и Германией, между Дунаем и Адриатическим морем,— писал А. Старчевич,— принадлежит лишь к одной народности, имеет лишь одну родину, одну жизнь, жизнь хорватскую»¹⁴¹.

Панхорватизм проповедовал хорватский ученый конца XVII—начала XVIII в. Павел Витезович (Риттер). Идеи Витезовича могли послужить в качестве материала для некоторых иллиров и правашей, но по своей общественной основе были весьма далеки от идеологии

¹⁴⁰ Особым южнославянским народом наряду с хорватами правашаи признавали болгар. Поэтому в излагаемых ниже планах объединения южнославянских земель включение в единое государство болгарской территории правашами не предусматривалось.

¹⁴¹ A. Starčević. Bi-li k slavstvu..., str. 39; он же. Izabrani spisi, str. 537; «Hrvatska», 9.VII 1871.

политических группировок XIX в. В чем корни панхорватизма 60-х годов? Правашаи, отчаянно борющиеся за утверждение национальной самостоятельности Хорватии, вместе с тем нетерпимо относились к другим южнославянским нациям, в особенности к сербской¹⁴², так как опасались ее претензий на гегемонию. Дело в том, что мелкая буржуазия являлась самым патриотическим и самым националистическим общественным слоем. Ввиду неустойчивости своего социально-экономического положения и особых трудностей, переживавшихся ею в переходный период после 1848 г., она более чувствительно, чем либеральная буржуазия, относилась к возможности ущемления своих национальных интересов в едином (южнославянском) государстве. Та же причина, что побуждала правашей бескомпромиссно относиться к австрийскому господству в Хорватии (т. е. нетерпимость мелкой буржуазии — этой первой жертвы национального гнета — к привилегиям другой нации) толкала их к панхорватизму. Поэтому идеологи Партии права считали господство «хорватской национальной идеи», т. е. господство хорватской буржуазии в будущем самостоятельном государстве, условием самого объединения.

Правашаи не просто отбросили иллиризм, но развили те его элементы, которые соответствовали последовательному хорватскому национализму: идею национальной независимости и идею лидерства хорватов в южнославянском мире. Обе эти идеи присутствовали в иллиризме в зачаточном состоянии. Более того, они осознавались или поддерживались не всеми сторонниками иллиризма. Правашаи, с позиций мелкой буржуазии борясь за утверждение национальных интересов, отбросили как австрославизм, так и понимание южнославянского единства, свойственное югославизму. Являясь крайними национал-радикалами, они отвергли компромисс как с нациями Австрийской империи, так и с южнославянскими нациями.

В прошлом иллир, Старчевич уже в начале 50-х годов открыто характеризовал иллиризм как проявление культурно-политического превосходства хорватов над другими южными славянами. «То, что хорваты являются в Иллирии тем, чем были афиняне в Элладе, не яв-

¹⁴² Например: E. Kvaternik. Promemorija... str. 41 и др.

ляется результатом деятельности ни Гая, ни моей, ни чьей-нибудь еще, но древних хорватов, отцов наших»¹⁴³. Но в середине XIX в. интенсивно развивались сербское национальное сознание и национализм сербской буржуазии. Некоторые идеологи последней выступали с проповедью великосербских идей. Иллиризм с его расплывчатой идеологией южнославянского единения не мог более удовлетворять хорватскую буржуазию.

Иллиризм потерпел неудачу как в отношении перестройки Австрийской империи, так и в утверждении лидерства хорватов среди южных славян. Второе было связано с первым: победа австрийской реакции резко ослабила позиции хорватов, тогда как федерализация Австрийской империи открывала бы перед ними отличную перспективу. Уже в 1852 г. Старчевич сделал вывод: «Под иллирским именем хорваты действовали в большей мере на пользу другим, чем себе, умалчивали о многом, о чем не должны были умалчивать»¹⁴⁴ (очевидно, о своей национальности.— В. Ф.). Старчевич стал проповедовать, что существует особая хорватская нация.

В этой части выступление Старчевича отражало объективный процесс развития нации и не было изолированным. Стремление утвердить национальное сознание (фактически как хорватское, а не иллирийское или южнославянское) было свойственно и либеральным кругам и все более широко проявлялось в 50—60-х годах XIX в. Но аргументация зависела от интересов разных общественных слоев. Народняки, стремившиеся сохранить возможность южнославянского сотрудничества, были в состоянии более объективно отразить реальное положение. Старчевич же, в начале 50-х годов вступив в полемику о хорвато-сербских отношениях¹⁴⁵, отстаивал последовательно панхорватские взгляды. Широкое «обоснование» панхорватизм получил в 60-х годах.

Правашам не только казалась недостаточной скрытая, а временами проявлявшаяся открыто панхорватская тенденция иллиризма, их не удовлетворяла и свойственная народняцким кругам в 60-х годах половинчатость в «освобождении от иллирского прошлого». Правашаи зая-

¹⁴³ См.: М. Starčević. Ante Starčević i Srbi. Zagreb, 1936, str. 52.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ См.: В. Drechsler. Dr Ante Starčević. «Hrvatsko kolo», knj. VII. Zagreb, 1912, str. 399—401.

вляли, что югославизм 60-х годов, как ранее иллиризм, продолжает подрывать национальные позиции хорватов даже в хорватских землях, так как признает здесь наличие сербского «племени» или народа и «растворяет» хорватов среди других народов¹⁴⁶.

Партия права публично объявила своей конечной целью объединение территории «от Германии до Македонии» — земель, фактически населенных хорватами, сербами и словенцами — в Хорватском государстве. Требование независимости органично сочеталось у нее с претензиями на «великую Хорватию», так как только такая Хорватия, по мнению правашей, могла занять прочное международное положение. При этом правашаи ссылались на «историческое право» — существование большого Хорватского королевства в древности, а поскольку это не давало достаточного основания для претензий на ряд земель, привлекали «национальный принцип» как доказательство принадлежности к Хорватии даже тех территорий, население которых в XIX в. не признавало себя хорватским (!).

По форме выступления правашей, пронизанные духом протеста против национального гнета и раздробленности южных славян, были направлены на максимальное их сплочение, подобно тому как сплотились в едином государстве итальянцы и румыны¹⁴⁷. Но для объединения южных славян в духе Партии права необходимо было устранить особое национальное сознание сербов и словенцев, растворить их в единой хорватской нации¹⁴⁸. Целесообразность этих идей обосновывалась тем, что, оставаясь вне хорватской нации, сербы и словенцы якобы обречены на денационализацию¹⁴⁹. Нет сомнения в озабоченности правашей опасностью германизации или итальянизации словенских земель¹⁵⁰. Но ценой за «спасение» словенцев правашаи фактически считали отказ их от собственной национальности, от борьбы за свою государственность.

¹⁴⁶ «Hèrvatska», 9.VII 1871.

¹⁴⁷ Например: A. S t a r ĉ e v i ć. Djela, knj. III, str. 133.

¹⁴⁸ См., например: «Hèrvatska», янв.—окт. 1871.

¹⁴⁹ A. S t a r ĉ e v i ć. Djela, knj. III, str. 117.

¹⁵⁰ Lj. Kuntić. Slovenija u političkom programu stranke prava do 1871, str. 122 и др. Кватерник призывал словенцев совместно с хорватами готовиться к вооруженной борьбе против захватчиков. См.: «Hèrvatska», 30.IV 1871.

Поскольку правашам было ясно, что «растворить» другие народы не удастся, в их среде получили распространение великохорватские идеи, т. е. планы объединения южнославянских земель без наиболее развитой в национальном отношении части сербского народа (Сербии).

Весьма явственно выступали эти настроения у Кватерника. В 1864 г. он выдвигал идею Хорватского королевства в составе хорватских и словенских земель и, конечно, Боснии и Герцеговины, т. е. государства, в котором католики составляли бы подавляющее большинство¹⁵¹. Так союзником великохорватской идеологии становился клерикализм с его отождествлением хорватских национальных чувств с католической религиозностью¹⁵². В 1868 г. Кватерник вновь отстаивал право Хорватии на Боснию¹⁵³. Вероятно, осуществление великохорватских планов рассматривалось в качестве этапа к торжеству панхорватизма.

Эти планы подкреплялись типичными буржуазно-национальными доводами. «Предположим, сербы смогут присоединить Боснию и Герцеговину, кто бы тогда спас для хорватов Далмацию и Приморье?.. (первые провинции — материковый тыл вторых.— В. Ф.) Но, предположим хотя бы, что в этом случае Далмация и Приморье останутся нетронутыми. Если плодородная и богатая Босния окажется в сербских руках, как тогда развиваться торговле и обороту, откуда возьмется источник силы, предметы питания, необходимые, чтобы не погибли от голода те хорваты, которые обитают на скалистых и каменистых далматинских и приморских берегах?»¹⁵⁴. Тут в пользу присоединения важных областей

¹⁵¹ См.: Е. Кватерник. Promemorija..., str. 36; он же. Gorke uspomene. «Hèrvatska», 12.II 1871; J. Šidak. Hrvatsko pitanje u Habsburškoj monarhiji, II. «Historijski pregled», 1963, br. 3, str. 177.

¹⁵² В 1869 г. Кватерник возмущался тем, что под влиянием католического епископа (Штросмайера) «обманутые священники» уверяют, будто «католик или православный — все одно, мы — славяне, а потому должны отречься от латинской веры». А. Palavgić, В. Zelić. Указ. соч., стр. 117. Об отношении Партии права к этим взглядам Кватерника см. ниже.

¹⁵³ Е. Кватерник. Istočno pitanje i Hrvati. U Zagrebu, 1868. В 1867—1868 гг. в связи с активизацией политики Сербии правашы выступили со статьями и брошюрами, в которых отстаивали свои взгляды.

¹⁵⁴ «Hèrvatska», 9.VII 1871.

большинство населения которых не признавало себя хорватами, приведены экономические и стратегические доводы. Характерно, что против признания трех южнославянских народов (хорваты, сербы, словенцы) праваша выдвигали тот же (экономический) аргумент, что и против австрийской федерации: «Если существуют три народа, то какой мудрец научил вас (народняков.— В. Ф.), будто при этом возможно *экономическое* единство без ущерба для материальных интересов остальных двух участников?». И далее: «Если три народа, то как вы установите *политическое* единство без того, чтобы один народ не поработил два других?»¹⁵⁵. Итак, праваша как крайние националисты считали невозможным согласование экономических и политических интересов южнославянских народов. Праваша поэтому заявляли, что предпочитают скорее расстаться со словенцами, «сохраняя честь, дружбу, уважение», чем объединиться с ними, признав их отдельным народом¹⁵⁶. В сочинениях Старчевича встречается мысль о необходимости добровольного объединения всех частей «хорватского народа», но о какой доброй воле могла идти речь, когда не признавался многонациональный (или «многоплеменной», как это звучало у народняков) характер будущего государства? Отдельные отступления от последовательного панхорватизма¹⁵⁷ не меняют существа программы правашей.

Неосновательно поэтому утверждение, будто А. Старчевич выступал за «объединение югославянских народов в условиях свободы»¹⁵⁸. К. Милутинович в подкрепление тезиса, якобы праваша были федералистами (в особенности, если речь идет о федерации южных славян), не смог привести доказательства¹⁵⁹. Ф. Чулинович правильно

¹⁵⁵ Там же, I.I 1871.

¹⁵⁶ «Hèrvatska», I.I 1871.

¹⁵⁷ Так, в 1881 г. Старчевич призывал всех без различия веры и имени «строить Хорватское государство». См.: A. Starčević. Izabrani spisi, str. 522. В 1871 г. праваша утверждали, что присоединение Словении к Хорватии надо осуществить «на основе права на свободный союз народов». «Хрватска» даже писала о совместной борьбе «хорватов и словенцев» против германской экспансии, но тут же предлагала словенцам называть себя «словенскими хорватами». «Hèrvatska», 7.V 1871.

¹⁵⁸ V. Bogdanov. Historija..., str. 767.

¹⁵⁹ K. Milutinović. Prvi ideolozi..., str. 139—141.

но считает, что праваша могли быть сторонниками лишь государственного унитаризма ¹⁶⁰.

Не национал-радикалы, а марксисты нашли государственную форму, открывающую путь межнациональному сотрудничеству — *социалистическую* федерацию.

Хотя праваша в своей публицистике пытались обосновать права Хорватии на обширные спорные области, прежде всего на Боснию и Герцеговину ¹⁶¹, их ближайшей целью была ассимиляция православного населения Триединого королевства. Стремясь воспрепятствовать национальной консолидации православного населения отдельно от хорватов, Кватерник и Старчевич отказывались признать сам этноним «сербы» ¹⁶².

Хотя праваша объясняли свои взгляды стремлением сделать монолитным национальное единство хорватов (южных славян), ибо лишь в этом, утверждали они, залог национального будущего перед лицом сильных врагов, их пропаганду, в действительности обострявшую разногласия между близкими народами, уже вскоре попытались использовать австрийские правящие круги.

Борьба правашей против югославизма, препятствовавшая сербо-хорватскому сотрудничеству, резко сужала возможности хорватского национального движения ¹⁶³. Более того, она делала проблематичным (вероятно, невозможным) осуществление программы независимости в том виде, как это понимали праваша. Ясно также, что ни о каких демократических порядках, в том числе разрешении национального вопроса, в таком независимом — в действительности многонациональном — государстве не могло быть и речи.

¹⁶⁰ F. Culinović. Razvitak jugoslavenskog federalizma, str. 4. Об отношении правашей к хорватско-венгерской конфедерации см. выше. Старчевич, говоря о возможности федерации «восьми народов» балкано-дунайского района, как обычно, в число хорватов включал словенцев и сербов. A. Starčević. Djela, knj. III, str. 112; см. также: A. Flaker. Pravaštvo i Rusija. HZ, 1958—1959, str. 110.

¹⁶¹ Например: E. Kvaternik. Istočno pitanje i Hrvati, str. 192.

¹⁶² A. Starčević. Ime Serb. Zagreb, 1868; он же. Pasmína slavo-serbska po Hèrvatskoj. Zagreb, 1876 и др.

¹⁶³ Речь идет о несогласии с идеологией югославизма, а не о критике национально-либеральной тенденции народняков. Народняки со своей стороны указывали на вредоносность панхорватизма для самих хорватов.

Все сказанное ставит под сомнение искренность провозглашения правашами национального единства и программы объединения южных славян. Дело в том, что если либеральная буржуазия *экономически* была заинтересована в объединении всех южных славян (ибо именно она держала в своих руках межславянские экономические связи и стремилась к их расширению), а какой-то долей суверенитета могла поступиться (отсюда ее австрославизм и югославизм, т. е. в обоих случаях — идеи межнационального компромисса), то для общественно-экономических интересов мелкой буржуазии наиболее существенным было завоевание суверенитета, независимости. Проблема же объединения была подчинена задаче обеспечения господства своей нации в независимом государстве.

Признать существование других южнославянских народов даже где-либо за пределами собственно хорватских земель праваша не хотели, так как это могло привести к признанию (в той или иной форме) наличия сербского населения в Хорватии, Славонии, Далмации и т. д. Именно так получалось у народняков. Не отсюда ли провозглашение национального единства и программы территориального объединения южных славян и отступление к планам создания великохорватского (т. е. хорватского с включением в него ряда нехорватских районов) государства? Теория панхорватизма служила великохорватской политике, которую иначе было трудно обосновать.

Под сенью теории единого народа, провозглашавшейся ими (на словах) более последовательно, чем народняками, праваша в действительности, как это ни кажется парадоксальным, исходили из наличия нескольких наций. Теория единого народа имела для них служебное значение, и при характеристике идеологических принципов правашей вряд ли ее можно принимать всерьез.

За великохорватские идеи в начале 1900-х годов ухватились клерикалы и прочие реакционные группы. Между националистическими течениями начала XX в., выдававшими себя за наследников правашей 60-х годов XIX в., но связанными с австрийским капиталом и ориентировавшимися на австрийские правящие круги (Чистая партия права), и врагами Австрии — национал-радикалами 60-х годов XIX в. — огромная дистанция.

Однако идеология правашей 60-х годов XIX в. не была свободна от реакционных черт, ставших той нитью, которая связала тех и других. Взгляды великохорватов-правашей 1900-х годов явились результатом развития частью буржуазии наиболее отрицательных черт противоречивого мировоззрения правашей¹⁶⁴. Именно эти черты использовали реакционные профашистские круги в 20—40-х годах XX в. Все сказанное не значит, что эти круги являлись наследниками правашей. Они лишь использовали произвольно отобранный подходящий для их целей идейный материал.

С другой стороны, в начале XX в. правашами называла себя также буржуазная группировка, ориентированная на компромисс с Венгрией и союз с сербским национальным движением против Вены (речь идет о Хорватской партии права, вошедшей в состав хорвато-сербской коалиции). Так, в совершенно изменившихся условиях новые социальные силы приспособливали для себя обрывки идеологии правашей.

Все национальные идеи правашей 60-х годов XIX в. находились во внутреннем единстве. Это единство являлось выражением соответствия их потребностям хорватской мелкой буржуазии. Но мелкий буржуа соткан из противоречий, и единство его взглядов — единство идей прогрессивных и реакционных.

Радикализм деятелей 60-х годов, боровшихся за национальную свободу, отбросив карьеристские и т. п. расчеты, вызывает уважение. Но это был радикализм националистов. Его свойством было гипертрофирование самого национализма, всех присущих ему сторон, освободительных и реакционных. Национальная программа буржуазии, в которой освободительный момент тесно связан с национальным эгоизмом, была доведена до логического завершения.

Старчевич проповедовал равноправие суверенных народов, их сотрудничество, превозносил права человека

¹⁶⁴ Буржуазная публицистика и историография, объясняя причины эволюции Партии права, ограничивались указанием на смену руководящих лиц, тогда как дело заключалось в общественно-экономических изменениях в Хорватии в последней трети XIX в. Лишь не столь давно анализ социальной основы Партии права в конце XIX в. произведен в статье: M. Gross. Geneza frankove stranke. HZ, 1964.

и гражданина. Убежденность в праве всех народов на свободу, ненависть к реакции, гнету пронизывали сочинения правашей. «Хрватска» считала, что «жизнь между народами надо строить не на основе стремления к эгоистическому господству»¹⁶⁵. Не хватало лишь способности приложить эти принципы к национальным проблемам южных славян.

Идеи правашей родились в столкновении с аналогичными теориями сербской буржуазии. Национализм буржуазии разных наций был повинен в конфликтах между соседними народами. Буржуазный демократ не в состоянии дифференцировать прогрессивные и реакционные элементы собственного национализма, так как и первые, и вторые выражают глубокие интересы его класса. Реакционные черты национализма несовместимы с демократией; они свидетельствовали о неспособности буржуазии на демократической основе урегулировать межнациональные отношения южных славян.

Но основное содержание хорватского национального движения 60-х — начала 70-х годов XIX в. определяли прогрессивные стороны его идеологии и борьба за национальную свободу.

Именно освободительная идеология правашей привлекала к ним симпатии людей, не имевших никакого отношения к великохорватской теории, даже представителей сербского населения, из которого по преимуществу состояли участники организованного в 1871 г. Кватерником восстания на Военной Границе. Но великохорватская теория только мешала успеху подобного предприятия (см. гл. IX). Точно так же лидеры правашей, клеймившие в саборе 1861 г. режимы в гражданской Хорватии и на Военной Границе, встретили симпатии со стороны граничар, среди которых было много сербов¹⁶⁶. Достоинно внимания и то, что в критике австрославистов

¹⁶⁵ «Нèrvatska» 19.II 1871. Старчевич писал о своей вере в добровольное объединение народов. «Насилие и всякий иной метод лишь затруднили бы достижение цели». A. St a r ĉ e v i ć. Bi-li k slavstvu... str. 20. «Всякая национальность для нас — величайшая святыня». A. St a r ĉ e v i ć. Izabrani spisi, str. 137. «Мы считаем, — заявляли Кватерник и Бах, — что все люди равны, братья... что рабство и несчастье одного народа порождает рабство и беду других народов». Arhiv S. R. Hrvatske. Rakovička buna, kutija VII, br. 408.

¹⁶⁶ Вероятно, лишь частично причина этого коренилась в несформировавшемся национальном сознании граничар.

правашами и сербским национально-радикальным течением в Воеводине было много общего. Поэтому «Хрватска» не раз ссылалась на «Заставу» Милетича.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ЗАРУБЕЖНУЮ ПОМОЩЬ

Ввиду недостаточности сил хорватского национального движения и слабой опоры в массе народа правашаи возлагали главную надежду на международные конфликты. Связь между внутривосточными изменениями в Австрии и внешнеполитическими событиями в 50—60-х годах XIX в. была столь ясна, что оппозиционные группы разных национальностей так или иначе связывали достижение своих целей с новыми столкновениями между державами. Это было свойственно и народникам, и правашам. Последние ожидали военного краха Австрии. Кватерник писал в 1861 г., что «исключительно в этих (внешних.— В. Ф.) конфликтах мы должны искать гарантию нашего национального счастья... умея сочетать интересы нашей национальной политики с разными обще-европейскими интересами...»¹⁶⁷.

Правашаи рассчитывали, что судьба Хорватии определится в связи с решением итальянского, польского, германского или Восточного вопросов, волновавших и потрясавших тогда Европу. Ориентация на великую державу, враждебную Австрии, являлась их основным принципом. Правашаи стремились доказать не только справедливость, но и осуществимость своей программы. Хотя Австрия — великая держава, заявляли они, внутренние противоречия в ней остры, а внешние противники весьма сильны. «Хорватский вопрос» могут урегулировать другие державы... Династия, попав в отчаянное положение, или будет вынуждена пойти на решающие уступки хорватам, или погибнет. Мир переживает такую эпоху, когда то, что сегодня кажется несбыточным, завтра осуществляется. Австрия выступала против свободы Италии, Румынии, Греции, однако они добились независимости¹⁶⁸.

¹⁶⁷ E. K v a t e r n i k. *Politička razmatranja...*, str. 6, 7. «Интерес других, многих и великих народов также состоит в том, чтобы Хорватия была свободной и независимой, сильной и счастливой». «*Herzvataska*», 9.VII 1871.

¹⁶⁸ A. S t a r č e v i ć. *Izabrani spisi*, str. 78 и др.

В связи с этой позицией находилась тактика правашей: как правило, они стремились противодействовать усилиям правительства, направленным на консолидацию внутреннего положения империи, и доказывали, что клубок национальных противоречий в Австрии может быть развязан лишь на основе полного суверенитета народов.

Как известно, Кватерник в 1858—1859 гг. пытался заручиться поддержкой со стороны официальной и славянофильской России, но подготовка Францией войны против Австрии побудила его изменить ориентацию (см. главу II). Кроме того, для Кватерника и Старчевича была неприемлема проводившаяся Россией в 60-х годах XIX в. политика поддержки Сербии. Великохорватская идеология не только исключала опору правашей на такую (тоже внешнюю) силу, как сербское национальное движение в княжестве и турецких владениях, но и противопоставляла ему хорватов.

В конце 50-х и 60-х годах правашаи усиленно подчеркивали свою непричастность к «славизму». Они стремились таким путем рассеять недоверие к хорватскому национальному движению со стороны правящих кругов, либеральной и демократической общественности западных государств и доказать, что освобождение Хорватии соответствует их интересам¹⁶⁹. Из политических соображений Старчевич доходил до отрицания самого понятия «славянство»: дело в том, что признание славянской этнической общности являлось основой для утверждений панславистских кругов о принципиальном различии между общественно-политическими целями «славян» и «Запада». Как только отмеченные политические соображения теряли значение (см. ниже о последствиях франко-прусской войны), правашаи пересматривали свою политическую позицию, хотя оставались противниками панславизма.

Правашей, конечно, привлекал парламентский строй в ряде государств, однако не это было решающим в их внешнеполитической ориентации. Они искали опору

¹⁶⁹ Иначе, писал Кватерник, Запад охотно жертвует нас «любой бесчестной австрийской комбинации». A. Palavrgšić, B. Zelić. Указ. соч., стр. 123. «Запад сильнее»,—считали правашаи после Крымской войны. См.: A. Starčević. Djela, knj. III, str. 100; A. Flaker. Указ. соч., стр. 109; В. И. Фрейдзон. Страницы истории..., стр. 49, 50.

там, где, как им казалось, можно было найти надежную защиту национальным интересам хорватов.

Как отмечалось, подобно народнякам, праваша считали германскую экспансию смертельной угрозой хорватам и другим народам¹⁷⁰. Но в силу своей общей национально-политической позиции они, в противовес народнякам, отрицали возможность превращения Австрийской империи в бастион против германской экспансии. Поэтому их оппозиция германизму была еще более последовательной, чем у народняков, и доходила до отрицания всего немецкого. Так, в отличие от большинства народняков, праваша отрицали немецкую культуру, требовали отказа от преподавания немецкого языка в школах и т. п.¹⁷¹ Все это объяснялось их стремлением изолировать Хорватию от всякого немецкого проникновения. Разумеется, в идеологии деятелей буржуазного *национального* движения как правашей, так и народняков, не могла не сказаться ограниченность, в связи с чем многие из них считали немцев «вечными врагами».

Длительное время праваша ждали помощи от бонапартистской Франции, по Кватернику, — «самой мощной европейской державы»¹⁷². Поэтому в своей пропаганде они превозносили Наполеона III с его «принципом национальностей». Праваша надеялись, что франко-австрийский, а возможно, и франко-германский конфликт приведут к созданию независимой Хорватии.

Большое значение правашами придавалось тому обстоятельству, что Франция находилась далеко от хорватских земель и поэтому, по их мнению, не представляла для хорватов опасности¹⁷³. Кватерник видел во французском католицизме противовес русско-сербскому православию¹⁷⁴. Наконец, праваша считали возможным выгодное для Хорватии развитие экономических отношений с Францией.

Таким образом, опора на Францию, казалось, могла удовлетворить правашей со всех точек зрения. Но в

¹⁷⁰ См., например: «Hèrvatska», 5.II 1871.

¹⁷¹ «Hèrvatska», 19.III 1871.

¹⁷² А. Palavršić, В. Zelić. Указ. соч., стр. 119 (1869 г.).

¹⁷³ «Французы далеко — угрожать нам не могут». «Hèrvatska», 8.I 1871. «Только отдаленность гарантирует политику франко-хорватскую» (Кватерник, 1865 г.). Ch. Segvić. Drugo progonoštvo... str. 203.

¹⁷⁴ А. Palavršić, В. Zelić. Указ. соч., стр. 120 (1869 г.).

1867 г. Наполеон III повел политику сближения с Австро-Венгрией. А в 1870 г. пруссаки разгромили бонапартистскую Вторую империю. Ослабление Франции и резкое возрастание германской угрозы заставили правашей пересмотреть свое отношение к России. Еще до Седана Партия права заявила, что «в случае полного поражения Франции нам следовало бы выступать вместе с Россией без всяких условий»¹⁷⁵. При этом в противовес народникам какие-либо аргументы «славистского» характера в публицистике Партии права (за редкими исключениями) отсутствовали. Но правашаи подчеркивали, что они не являются принципиально «антиславянской» группировкой, что в политике они исходят лишь из целесообразности той или иной ориентации.

После Седана в статьях правашей со всей силой зазвучал мотив, свойственный Кватернику в 1858—1859 гг.: подлинные интересы России и Хорватии совпадают. В статье «Россия» Старчевич вновь обратил внимание на торговые интересы России: «Хорваты¹⁷⁶ и болгары владеют морем и Дунаем, которые могли бы стать главными путями русской торговли... Без посредства Хорватии Россия никогда не распространит свою торговлю ни на Дунай, ни на Адриатику, ни на Средиземное море... Пока сохраняется современное положение (т. е. существует монархия Габсбургов! — В. Ф.) или если Германия получит западные районы Хорватии¹⁷⁷ и побережье, или если Запад по-своему решит Восточный вопрос, или кто-нибудь закрепится на хорватском море, в любом таком случае на что может надеяться Россия?.. Если где и имеются общие интересы, то именно здесь: польза для хорватов от русской торговли и дружбы, польза для России от хорватских портов и дружбы хорватов. Это интересы финансовые — самые практические. О политических выгодах нечего и говорить...».

Но автор статьи не верил в то, что указанную политику в состоянии осуществить царское правительство. Иное дело — «настоящие русские люди», ныне находя-

¹⁷⁵ Цит. по: «Hèrvatska» 9.IV 1871. В мае 1870 г. Кватерник выражал надежду на австро-русский конфликт. Lj. Kuntić. Vanjsko-politički pogledi..., str. 770.

¹⁷⁶ Как обычно, имеются в виду хорваты, сербы и словенцы. — В. Ф.

¹⁷⁷ Речь идет прежде всего о словенских землях. — В. Ф.

щиеся в оппозиции... Только освободившись от деспотизма, Россия сможет в полную силу помочь другим народам¹⁷⁸.

Старчевич клеймил Священный союз 1815 г. Столпом этого союза он считал Николая I, который, как отмечал Старчевич, в 1849 г. помог австрийской реакции во имя интересов царского самодержавия¹⁷⁹. Как и многие представители хорватского и сербского национальных движений, Старчевич выступал против русско-прусско-австрийского сближения в 60-х годах.

Итак, для правашей характерно демократическое (критическое) русофильство. Однако, как это было свойственно многим южнославянским буржуазным демократам, в отношении правашей к официальной России проявлялась двойственность. Ненависть к самодержавному строю, к поработителям Польши и самого русского народа нередко совмещалась в этой среде с признанием особого значения России (даже царской) для судьбы южных славян. Поэтому уже перед Седаном, а в особенности после него правашаи развернули пропаганду франко-русского союза. Поэтому правашаи следили за настроениями в кругах русского дворянства, с надеждой отмечая каждое проявление антигерманских чувств, будь то выступление панслависта Р. Фадеева или разговоры в кругу гвардейских офицеров¹⁸⁰. После поражения Франции правашаи стали строить свою пропаганду на неизбежности в будущем широкой коалиции в Европе против Германии и Австро-Венгрии, что, в конечном счете, как они утверждали, должно привести к созданию независимой Хорватии. В 1878 г. после освобождения Болгарии Партия права вновь временно приняла прорусскую ориентацию.

Вообще расчеты на внешние силы в ту пору были свойственны национальным политическим течениям и в других странах. Широкими связями не только с общественностью, но и с правящими кругами Франции пользовалась польская (аристократическая) эмиграция. На Наполеона III возлагал надежды Кошут. Мадзини

¹⁷⁸ A. Starčević. *Rusia*. «Hrvatska», 13.VIII 1871.

¹⁷⁹ A. Starčević. *Izabrani spisi*, str. 154—158; он же. *Djela*, knj. III, str. 119.

¹⁸⁰ См.: В. И. Фрейдзон. *Пропаганда в Хорватии франко-русского союза*, стр. 55, 56. См. также в гл. IX.

в принципе не отказывался от контактов даже с Николаем I. Эта тактика повсюду свидетельствовала о недостаточности сил движения, о слабой связи деятелей национальных движений с широкими слоями народа¹⁸¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс, считая необходимым для национальных деятелей использование противоречий между силами реакции, выступали за сохранение независимости национально-освободительных движений от правительств держав, за углубление их демократического характера, расширение их массовой базы, за союз их с революционным движением рабочего класса¹⁸².

Во внешнеполитической ориентации правашей наиболее интересным периодом были 1863—1864 гг., когда борьба за национальную свободу толкнула их к союзу с польским и венгерским освободительным движением, с гарибальдийцами, т. е. с европейским демократическим революционным лагерем (см. главу V), а также 1871 г., когда левое крыло Партии права приветствовало Парижскую Коммуну. Отношение правашей к освободительному движению польского народа в России, Австрии и Пруссии было проникнуто глубоким и безоговорочным сочувствием.

Считая невозможным удовлетворение национальных интересов хорватов в рамках империи, правашаи своей агитацией стремились углубить существующее в Хорватии недовольство, с торжеством отмечали распространение национально-радикальных настроений¹⁸³, негодовали, когда те или иные группы буржуазии проявляли склонность к успокоению¹⁸⁴. Правашаи не только требовали независимости, но и стремились подготовить восстание (на Военной Границе), чтобы поднять его в момент очередного военного поражения Австрии.

¹⁸¹ Об этом см. также: M. Šesták. Revoluční spolupráce E. Kvaterníka s J. V. Fričem v letech 1863—1864. «Rozpravy CSAV», 1965, № 1, s. 14.

¹⁸² См., в частности: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 459. О взглядах классиков марксизма см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 131—154.

¹⁸³ Ch. Šegvić. Drugo progonoštvo..., str. 24.

¹⁸⁴ Например, когда в связи с демилитаризацией Военной Границы и провозглашенной там свободной торговли (1871 г.) местная буржуазия торжествовала, правашаи подчеркивали, что эта свобода будет использована австрийским капиталом для подавления хорватской торговли.

При общих исходных посылках во взглядах лидеров Партии права на методы борьбы имелись различия. Кватерник нетерпеливо искал скорейшего решения: действовал в эмиграции, не дождавшись иностранной помощи, попытался поднять плохо подготовленное восстание. Старчевич более пессимистически смотрел на собственные возможности хорватов¹⁸⁵.

В своем «Напутствии» сторонникам Партии права (1871 г.) Старчевич подчеркивал необходимость систематической пропаганды принципов партии, завоевания прочного влияния среди всех слоев народа¹⁸⁶. Поддерживать во всем народе непримиримость к национальному гнету, противодействовать консолидации существующего в империи режима и ждать военно-политического краха Австрии — вот к чему сводилась его политическая концепция.

Старчевич в принципе не отрицал право народов на восстание¹⁸⁷, он приводил исторические примеры, когда только силой могли быть решены назревшие вопросы, но был против восстаний в неблагоприятной обстановке. О его тактических взглядах свидетельствует статья «Борьба ирландцев» (1881 г.). Хотя она появилась в ситуации, серьезно изменившейся по сравнению с 60-ми годами, вероятно, высказанными здесь идеями Старчевич руководствовался и ранее. «Английскому правительству очень бы пришлось кстати вооруженное восстание ирландцев. Оно бы их раздавило и поступило с ними по своему усмотрению... Это имеет значение для любого слабого народа...». Возмущение ирландцев естественно, и теперь, когда Англия увязла в Африке и Афганистане, они поступают правильно, стремясь воспользоваться ее затруднениями... «Возможно, самым умным с их стороны было бы отправить какую-нибудь тысячу добровольцев на помощь бурам и в любое другое место, где можно досадить англичанам. Но в *настоящее время* мы не видим никакой возможности для успешного вооруженного восстания в Ирландии»¹⁸⁸.

Причина нежелания, неспособности Кватерника и его сторонников «реалистически» ждать подходящей об-

¹⁸⁵ См.: M. Gross. Die nationale Idee der kroatischen Rechtspartei...

¹⁸⁶ A. Starčević. Izabrani spisi, str. 504—506.

¹⁸⁷ См.: A. Flaker. Указ. соч., стр. 107.

¹⁸⁸ A. Starčević. Izabrani spisi, str. 189, 190 (выделено нами.— В. Ф.).

становки для выступления коренилась в отчаянном положении представляемых ими общественных слоев. С другой стороны, в «трезвом» выступлении Старчевича (1881 г.) сказались не только его личные качества как деятеля, но и постепенный переход к выражению взглядов укреплявшей свои позиции буржуазии¹⁸⁹.

НАЦИОНАЛ-РАДИКАЛЫ И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ПАРТИИ ПРАВА

Социальные процессы, особенно ускорившиеся в полуфеодальной Хорватии после австро-венгерского компромисса 1867 г. — разорение крестьянства и ремесленников, увеличение массы полупролетарских элементов, развитие пролетариата, а также крестьянские волнения и недовольство городского трудового люда, — не могли не отразиться в сознании демократической интеллигенции. И полуфеодальная, и капиталистическая эксплуатация осуществлялась в значительной степени инонациональными господствующими классами. Конец 60-х годов ознаменовался наступлением помещичьей реакции (см. гл. IX). Австро-венгерское господство в хорватских землях обеспечивало социальные позиции земельной аристократии, державшей в бесправии массы народа.

Праваша указывали на недоверие народа к «господам», к дворянско-буржуазному сабору: «Что касается мнения нашего простого народа о саборах, то правда состоит в том, что народу до них нет никакого дела. Можно услышать такие жалобы нашего крестьянина: давно уж мы следим за тем, как господа собираются на всякие совещания, называемые саборами... Всегда они обещают нам снижение налогов, лучшие законы и суды, всякие облегчения. Но до сих пор обещания не выполнены... Господа добиваются для себя важных постов, большого жалования, а мы — работники, пахари, добывающие хлеб свой тяжким трудом и потом, только и слышим: дай на это, дай на то, да каждый год все больше и больше!..»¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Не случайно Старчевич вместе с другими деятелями Партии права, ставшей заурядной буржуазной группировкой, в 1894 г. признал целью хорватов национальное освобождение «в рамках Габсбургской монархии».

¹⁹⁰ «Нерватска», 23.VII 1871.

Недоверие народа к дворянско-буржуазной политике, связанное с нарастанием социальных противоречий в Хорватии в конце 60-х — начале 70-х годов, привело к расширению влияния Партии права, считавшей существующий порядок незаконным, к усилению демократического течения в партии и хорватской политической жизни вообще. В этом отношении характерно уже упоминавшееся выступление Старчевича (1867 г.) о Герцене, Бакунине и других «борцах за свободу своего народа»¹⁹¹. Даже высказывания правашей о крестьянстве как о единственном высокоморальном сословии и надежде нации, хотя они не подкреплялись радикальными требованиями в пользу крестьян, в этих условиях звучали резким диссонансом, ибо помещики в панике взывали к властям о защите от «необузданности» бунтовавших крестьян.

Таким образом, во взглядах мелкобуржуазно-радикальных деятелей в конце 60-х годов произошел сдвиг влево. Даже Кватерник, никогда не отступавший от буржуазных и религиозных принципов, был вынужден искать союзников по освободительной борьбе среди демократических и революционных элементов общества.

Требование национальной независимости встречало поддержку среди разночинной интеллигенции, часть которой была близка массам народа. Эти немногочисленные круги в хорватских условиях не могли сплотиться в особое политическое течение. Национальный гнет, задача национального освобождения, исторически являвшаяся общенациональной задачей хорватов, объединяли их с буржуазными национал-радикалами. Они составили левое крыло Партии права и способствовали усилению демократических тенденций всей партии.

Именно в это время заметно углублялся социальный и политический радикализм в Партии права, пропагандировалось «скорейшее и основательное изменение» существующих условий¹⁹², выдвигались требования всеобщего избирательного права и ликвидации сословных привилегий. Газета правашей брала под защиту крестьян, подвергавшихся преследованиям, и т. д.

Размежевание в национально-радикальной среде было закономерным следствием социальных условий в

¹⁹¹ A. Starčević. Bi-li k slavstvu..., str. 16.

¹⁹² «Hèrvatska», 8.X 1871.

Хорватии. В Италии, например, оно проявилось еще раньше¹⁹³. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали «республиканский формализм» Мадзини, т. е. игнорирование социальных требований крестьянства¹⁹⁴. Материальные интересы масс крестьянства — с одной стороны, буржуазии и дворянства — с другой, определили позицию демократической и либеральной группировок в Италии¹⁹⁵. Левое крыло итальянского национально-освободительного движения выдвигало на первый план социальные проблемы, стремилось к коренному изменению общественного строя, приветствовало Парижскую Коммуну и в дальнейшем положило начало социалистическому движению¹⁹⁶.

В Хорватии активизация левого крыла Партии права была следствием как местных условий, так и политической обстановки в Европе вообще. Идеалы великой революции XVIII в., республиканизм не утратили привлекательности, но они уже не могли удовлетворить наиболее демократические элементы хорватского общества. Национальный радикализм буржуазии уже проявил свою социальную ограниченность, недостаточность для широких масс народа. Рабочее движение, в особенности Парижская Коммуна и деятельность I Интернационала стимулировали выступление левого течения в Хорватии.

Активными деятелями этого революционно-демократического по своей тенденции течения являлись: студент-юрист Франьо Матасич, финансовый служащий Владимир Барач и юрист Адольф Якшич. Матасич олицетворял собой представителя революционной молодежи того времени (в 1871 г. ему было 27 лет). Неимущий, не имевший постоянного места жительства, он жил в редакции газеты правашей, работая здесь бесплатно¹⁹⁷. Один из лидеров Партии права (Ф. Фолнегович) вспоминал о Матасиче: этот «фанатичный борец за полную свободу...

¹⁹³ См.: Дж. Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965; он же. Демократы и социалисты в итальянском Рисорджименто. «Новая и новейшая история», 1965, № 4.

¹⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 573; т. 12, стр. 434.

¹⁹⁵ См.: В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. 1844—1883 гг.», стр. 240, 241.

¹⁹⁶ Дж. Берти. Демократы и социалисты в итальянском Рисорджименто, стр. 61, 62.

¹⁹⁷ Arhiv S. R. Hrvatske. Obitelj Kvaternik, str. 28, 29, 31. (из материалов следствия по делу о восстании 1871 г.). Э. Кватерник — Э. Халперу, 6, 7.VIII 1871 г. Arhiv JAZU. Ostavštine.

с максимальным вниманием следил за развитием событий во Франции после Седана и решительнее всех нас проявлял свои симпатии Парижской Коммуне»¹⁹⁸. Якшич во время франко-прусской войны пытался вступить в польский легион, боровшийся на стороне французов. Барач и Якшич, вероятно, желая установить контакт с европейским рабочим движением, отправились в Швейцарию, но позднее уехали в Россию¹⁹⁹.

Матасич — помощник редактора газеты «Хрватска» — мог влиять на характер помещавшихся в ней материалов.

«Хрватска» освещала ход борьбы в Париже во время Коммуны, а после ее падения выступала в защиту коммунаров от преследований²⁰⁰. Расправу над Коммуной она охарактеризовала как «восьмидневную резню, ужасную, неслыханную мясорубку» и перепечатала известный протест Виктора Гюго против контрреволюционного террора во Франции. В сообщениях о суде над коммунарами газета отмечала бесчеловечность тюремщиков, характеризовала крупных деятелей Коммуны как людей, выдающихся по своим способностям, бескорыстной преданности делу. В связи с «грязными нападками» министра Ж. Фавра на Коммуну газета опубликовала воззвание коммунаров, в котором говорилось о порядке в столице во время Коммуны и разъяснялась ее цель: освобождение трудящихся от эксплуатации, учреждение «социальной республики»²⁰¹.

Газета Партии права сообщала о деятельности I Интернационала, в частности, опубликовала обращение одной из его секций к пролетариату с призывом поддержать дело Международного товарищества рабочих. Этот документ сопровождался комментарием: «Однотипными по духу и направлению являются почти все рабочие общества во всех крупных городах Европы». Вскоре газета сообщила о выходе в Лондоне брошюры — «очень большого документа, рассматривающего политические события во Франции от 4 сентября 1870 г., *«когда на-*

¹⁹⁸ Цит. по: А. Сесарец. *Kriza stranke prava...*, str. 30.

¹⁹⁹ По мнению А. Сесареца, они стремились побывать в стране, где «горел факел социалистического учения Чернышевского и проявились первые контуры революционной борьбы». Там же, стр. 29.

²⁰⁰ См.: В. И. Фрейдзон. Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской Коммуны в Хорватии в 1871 г. «Советское славяноведение», 1965, № 5.

²⁰¹ «Hèrvatska», 4, 25.VI 1871,

рижские рабочие провозгласили республику», и до падения Коммуны»²⁰². Так хорватские читатели узнали о выходе в свет выдающегося произведения научного коммунизма — «Гражданской войны во Франции» К. Маркса²⁰³. «Хрватска» стала помещать информацию о серьезных выступлениях пролетариата Европы. С симпатией газета сообщала о митинге и демонстрации рабочих Будапешта в знак солидарности с Коммуной.

В связи с нападками Мадзини на I Интернационал «Хрватска» заметила, что слово этого крупнейшего деятеля уже не имеет прежней силы, так как «молодежь вдохновляют иные идеи, и вряд ли Мадзини сможет остановить новое течение», т. е. интернациональное социалистическое движение рабочего класса. Рабочее движение газета назвала «великим», «имеющим великие причины». Газета указывала на влияние Интернационала в разных странах, а его принципы считала «весьма существенными для всего человечества»²⁰⁴.

И вся эта деятельность проходила в рамках партии, лидеры которой мечтали о мерах пресечения «чрезмерного роста» пролетариата, не дающего спокойно спать «мирным собственникам». Эти выступления газеты должны быть отмечены в истории хорватской общественной мысли.

Идеи I Интернационала и сведения о нем начали проникать в Хорватию главным образом через австро-немецких и венгерских рабочих-социалистов, а также через буржуазную и рабочую печать Вены и Будапешта. Венгерские социалисты выступали с призывами к рабочим присоединяться к Интернационалу. Их легальные и нелегальные издания выходили на венгерском и славянских языках. Документы Интернационала, поступавшие в Будапешт, здесь размножались. Проникновение их таким путем в Хорватию несомненно. По утверждению венгерской полиции, в 1871 г. в Загребе, Осиеке и Вараждине якобы имелись группы сторонников Интернационала²⁰⁵. Но никаких сведений о

²⁰² «Hrvatska», 2. VII 1871.

²⁰³ Сочинение Маркса начинается словами, отмеченными курсивом и взятыми в кавычки газетой.

²⁰⁴ «Hrvatska», 30.VII; 3.IX 1871.

²⁰⁵ См.: F. Bikař. Utjecaj Prve internacionale na hrvatski radnički pokret putem njegove povezanosti s Ugarskom. «Putove revolucije», br. 5 (Zagreb), 1965, str. 193—198.

связях правашей с рабочими Хорватии в конце 60-х — начале 70-х годов в нашем распоряжении нет. Очевидно, они оставались небольшой группой интеллигентов. Не обнаружены и данные, непосредственно свидетельствующие о связях правашей с Интернационалом.

Хорватские демократы вряд ли были хорошо информированы о разногласиях в Интернационале. На их взглядах сказались местные условия, которые способствовали восприятию мелкобуржуазных революционных народнических и анархистских идей. В частности, есть свидетельство, будто Якшич пропагандировал отмену права наследования, что являлось одним из требований анархистов.

Большим уважением в среде левых правашей пользовался Бакунин. В статье о «русских коммунистах — сторонниках Интернационала» он был назван «выдающимся и ревностным членом Международного рабочего общества»²⁰⁶. «Хрватска» писала о Бакунине: «Если бы русский народ ничего славного в своей истории не имел, то, породив одного лишь Бакунина — человека, который может достойно стать рядом с любым борцом за свободу, повторяем, если бы русский народ... ничего величественного в истории не имел, то благодаря Бакунину он побратался со свободой и всеми прогрессивными народами. У Бакунина тысячи товарищей среди русских, добивающихся возрождения своего народа и тем самым возрождения и счастья всех народов»²⁰⁷.

Популярности Бакунина в демократической среде способствовали обличение им всякого угнетения, деспотизма, эксплуатации, вера в социализм как справедливый строй, призыв к союзу угнетенных масс России с пролетариатом Запада, пропаганда принципов национальной свободы, атеизм²⁰⁸.

В странах Западной Европы бакунинский анархизм представлял мелкобуржуазное течение в рабочем движении. Но в Хорватии, как и в России, крестьянских странах с полуфеодальным строем, бакунизм отражал антифеодальные чаяния крестьянства²⁰⁹, т. е. имел черты

²⁰⁶ «Hèrvatska», 3.IX 1871.

²⁰⁷ «Hèrvatska», 29.I 1871.

²⁰⁸ А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Идеологи русского народничества. Л., 1966, стр. 50—56 и др.

²⁰⁹ См., например: «История русской экономической мысли», т. II, ч. I, М., 1959, стр. 350.

крестьянского революционного демократизма. Призывы Бакунина к разрушению государства, ликвидации армии и бюрократии, радикальному решению аграрного вопроса (передача земли крестьянам²¹⁰) имели вполне определенный смысл для хорватских демократов: следовало разрушить габсбургское помещичье-капиталистическое государство, уничтожить власть магнатов-землевладельцев. В бакунизме правашей мог привлекать прежде всего страстный призыв к борьбе против всякого гнета за национальное и социальное освобождение славянских народов.

Следует иметь в виду, что анархизм Бакунина созрел лишь к концу 60-х годов, его «Революционный катехизис» (1866 г.), идеи которого, вероятно, были известны в Хорватии,— еще не вполне анархистское сочинение: здесь призыв к международному братству сопровождается признанием необходимости демократического государства (республика, выборность сверху донизу, устранение бюрократии, народная милиция) как пути к социализму²¹¹.

Аналогичные идеи были развиты Бакуниным в 1868 г. в Швейцарии, в газете «Народное дело». Бакунин выступил здесь за передачу всей земли крестьянам (общинам), а капиталов и орудий труда — рабочим ассоциациям²¹².

Бакунинская анархо-социалистическая теория в Хорватии преломлялась сквозь призму национального вопроса. Капиталистическое развитие Австро-Венгрии не оставляло места для целостных иллюзий об «особом пути» социальной эволюции страны. Возможно, что у левого крыла правашей идеи национальной независимости переплетались с перспективой решительных социальных преобразований. Бакунин поэтому привлекал их своей национально-освободительной доктриной, проникнутой социальным содержанием (Известна, в частности, резкая критика Бакуниным буржуазных взглядов Мадзини. Не случайно левые праваша выступили против нападок Мадзини на I Интернационал.) Наконец (не по

²¹⁰ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 31, стр. 13; Ю. Стекло в. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. II. М.—Л., 1927, стр. 99.

²¹¹ Ю. Стекло в. Указ. соч., стр. 337—343; «История русской экономической мысли», т. II, ч. I, стр. 369.

²¹² Н. Пирумова. Михаил Бакунин. М., 1966, стр. 99, 102.

значению), деятельность Бакунина в 1848 г., направленная на разрушение Австрийской монархии, послужила его популярности в хорватской революционной среде.

В 1871 г. «Хрватска» писала о неслыханных тяготах, которые вынес русский народ в условиях реакционного строя: «Он испил горькую чашу и существует, а на его месте многие народы погибли бы». Царский деспотизм препятствует развитию России и росту симпатий народов к ней... Когда в России возобладает дух свободы, «гений русского народа сможет прославить себя и славянство». «Итак, ненавидим, презираем, поносим русское правительство и тех русских, которые служат ему орудием и опорой, но чтим, любим, *помогаем, чем можем*, несчастному и невинному русскому народу и его подлинным сынам»²¹³. Эти выступления правашей говорят о безоговорочной поддержке левой частью партии революционного лагеря в России, о принятии ею идеи русско-хорватского революционного союза.

Слова о помощи «подлинным сынам русского народа», по нашему мнению, являются свидетельством наличия связей правашей с русским революционным движением, вероятно, прежде всего с бакунистами. М. И. Бакунин после побега из Сибири (1861 г.) стал восстанавливать свои прежние связи с демократическими кругами славянских народов. Он верил в близкую революцию в России, твердо придерживался мысли о необходимости разрушения Австрийской монархии и стремился координировать действия своих сторонников с национально-освободительным движением в разных странах. В 1862 г. Бакунин выдвинул идею организации в Италии южно-славянских отрядов для участия в войне против Габсбургов.

В мае 1862 г. в Пескьере (Северная Италия) австрийская полиция обнаружила у Андрея Ничипоренко, направлявшегося из Лондона в Италию, экземпляры «Колокола», обращения его редакции, брошюры о социалистическом движении в России и Западной Европе, критические комментарии по поводу крестьянской реформы 1861 г., ряд русских запрещенных изданий, книгу Герцена «Кто виноват?», стихи Огарева, записку: «Гос-

²¹³ «Hèrvatska», 29. I; 2.IV 1871. Выделено мной.— В. Ф.

подин Венцель Фрич, 736, II. Прага»²¹⁴, письма Бакунина к Гарибальди, Вацлаву Фричу и другим лицам²¹⁵.

В письме к Фричу от 12.V 1862 г. Бакунин подвергал беспощадной критике либеральный австрославизм, призывал к организации революционных сил, советовал подготовить почву в Чехии, Венгрии и турецких славянских землях, искать людей энергичных и пользующихся влиянием на народ. Он сообщал, что Ничипоренко имеет задание проинформировать Фрича о «наших взглядах на славянские дела»²¹⁶. Приглашая Фрича в Лондон, Бакунин писал: «Было бы хорошо, если бы вы как-либо могли уговорить поехать нескольких хорватов и сербов...».

В письме к Гарибальди от 10.V 1862 г. Бакунин говорил о «войне на смерть и уничтожение против Австрийской империи» и Турции, о важности сотрудничества славян с венграми и румынами с целью создания федерации свободных народов... «В случае войны мы намерены создать легион чехов... словаков, хорватов, сербов и других». Из письма А. Саффи секретарю Гарибальди явствовало, что Ничипоренко имел задание после Италии «посетить славянские земли по Дунаю» и в Турции, а затем — Грецию; в письме же Бакунина был указан такой маршрут его агента: Вена — Прага — Венгрия — Белград — Малороссия.

Среди писем Бакунина имелись и адресованные хорватам. Письмо от 20.V 1862 г., как установил М. Лемке, предназначалось Д. Кушлану (по Лемке, Куслиану)²¹⁷, т. е. крупному иллирийскому деятелю 1848 г., известному своими оппозиционными австрийскому господству на-

²¹⁴ Вацлав (нем. — Венцель) Фрич — участник национального движения, брат Й. В. Фрича.

²¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 150, лл. 240—250 и далее. Материалы были частично опубликованы: М. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 86—92. Об этом см. также: P. C. Masini, G. Bosio. Bakunin. Garibaldi e gli affari slavi 1862—1863. «Movimento operaio», I. Milano, 1952.

²¹⁶ Итальянский революционер А. Саффи в письме из Лондона к Гарибальди от имени Герцена и Бакунина рекомендовал Ничипоренко как человека, способного благодаря своему знанию славянства послужить делу национальной свободы.

²¹⁷ М. Лемке. Указ. соч., стр. 90.

строениями²¹⁸. Обращаясь к Кушлану на «ты», Бакунин говорил о «необходимости заново связать старую сеть», созданную на славянском съезде в 1848 г., и просил прислать в Лондон «представителя» хорватов — журналиста и политика. Он упоминал о своем знакомстве с Ф. Куреллацем, также известным иллиром. В письме от 12.V 1862 г., адресат которого Лемке не установил, Бакунин вспоминал о «совместном житье» в Праге в 1848 г., спрашивал, «где Прица? Остался ли он добрым славянином?»²¹⁹. Письмо, можно предположить, также адресовано хорвату — участнику съезда в Праге. Если исключить Кушлана, Прицу, С. Вразу, умершего в 1851 г., то из хорватских представителей на съезде остается Й. Праус²²⁰.

Среди эмигрантов, группировавшихся в Лондоне вокруг Бакунина, А. И. Герцен упоминает чехов (в том числе Й.—В. Фрича), поляков, румын, сербов, болгарина. По Герцену, Бакунин писал множество писем «в Семипалатинск и Арад, в Белград и Царьград, в Бессарабию, Молдавию и Белокриницу. Середь письма он бросал перо и приводил в порядок какого-нибудь отсталого далмата...»²²¹. Бакунин неутомимо пропагандировал свои взгляды в переписке и беседах, в частности, с выходцами из южнославянских земель.

В январе 1863 г. Бакунин вновь писал Гарибальди об «особом внимании», уделяемом им южным славянам Турции и Австрии²²². Этот интерес Бакунин сохранил, несомненно, ввиду подъема южнославянского освободительного движения в 60-х годах.

Прежние хорватские знакомые Бакунина вряд ли могли сотрудничать с ним в 60-х годах, но вполне ве-

²¹⁸ Драгойло Кушлан в 1848 г. в составе хорватской делегации был послан сабором на славянский съезд в Прагу (см.: «Aktenstücke...», S.36). Здесь он познакомился с Бакуниным. В 1849 г. Кушлан установил контакт с представителем венгерских повстанцев Д. Андраши, в 60-х годах — пародияк.

²¹⁹ М. Прица — делегат славянского съезда 1848 г. О его деятельности в 60-х — начале 70-х годов см. гл. V и IX.

²²⁰ Йосип Праус — по происхождению чех, иллирийский деятель, журналист. За оппозицию абсолютизму в 1852 г. был отдан в солдаты. В 60-х годах — близок пародиякам.

²²¹ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XI, стр. 360; Ю. Стекло в. Указ. соч., т. II, стр. 26.

²²² P. C. Masini, G. Bosio. Указ. соч., стр. 91.

роятно, что у бакунистов появились в Хорватии новые связи, в первую очередь среди правашей²²³.

В этом свете понятно стремление Кватерника установить контакт с Бакуниным в 1863 г.

Но продолжим характеристику хорватских демократов. В своей революционной борьбе левые правашин намеревались опираться на крестьянство. Недоверие крестьянства к помещичье-буржуазным политикам, по мнению правашей, являлось прогрессом: народ начинает думать, писала «Хрватска», не дает себя вести вслепую и «со временем возьмет управление всеми своими делами в собственные руки». Партия права, писала та же газета, рада пробуждению сознания крестьянской среды, так как знает, что наши господа силошь враждебны интересам хорватской родины. Поэтому все свои надежды партия возлагает на простой народ, «на его сильные мускулы», на то, что он вернет Хорватии ее свободу и границы. Газета призывала патриотов идти в народ, политически просвещать и организовывать его: «Мы, чувствующие себя подлинными детьми хорватского народа, призванные вносить в народ сознание и наставлять его, обязаны всеми силами бороться во имя его пользы, не должны упускать возможности показать народу, откуда происходят его беды и на что он может надеяться, чтобы не остаться обманутым... [итак] в народ, в массу, сообщать ему истину, показать ему его друзей и врагов...»²²⁴.

Знаменательно также сообщение Фолнговича, что Якшич, вернувшись после франко-прусской войны в Хорватию, «часто ходил в народ... и всюду стремился знакомиться с крестьянами»²²⁵.

Можно сделать небезосновательное предположение, что впервые в Хорватии политическое течение поставило себе целью вовлечение массы народа в освободительную борьбу и вместе с тем противопоставляло «народ» «господам». Это резко отличалось от обращения Кватерника и Старчевича с патриотической проповедью ко всем сос-

²²³ О влиянии Бакунина на сербское революционное движение в начале 70-х годов см.: В. Г. Карасев. Сербский революционный демократ Светозар Маркович. «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. VII, 1953, стр. 367—369.

²²⁴ «Hrvatska», 23.VII 1871.

²²⁵ A. C e s a r e c. Kriza stranke prava..., str. 27.

ловиям. Воззрения левых правашей в действительности выражали стремления к решительной демократизации хорватского общества. Нет сомнения в приверженности левых к республиканизму.

Деятельность левого крыла правашей, как и всей партии, была пресечена властями в октябре 1871 г. Оно не смогло, не успело всесторонне развить свои взгляды, толчок созреванию которых дала Парижская Коммуна. Сведений об этих взглядах немного, и нет возможности говорить о них со всей определенностью²²⁶.

О социальной программе левых можно судить по их симпатиям к рабочему движению на Западе, к бакунизму и Коммуне, по критике левых Кватерником. Изложить радикальную аграрную программу в легальной печати, к тому же в газете, руководимой Кватерником, было невозможно. Принятие левыми правашами бакунистских идей, критика права наследования собственности и т. п. могут в некоторой мере служить свидетельством их отношения к помещичьему землевладению. Эзоповы высказывания левых по аграрному вопросу в Италии также проливают свет на их позицию (но трудно сказать, в какой мере она была свойственна левому крылу партии): «Хрватска» считала нужным часть церковных земель «продать или прямо подарить» мелкими участками малоземельному крестьянству, что, по ее убеждению, способствовало бы ликвидации сельского пролетариата и установлению «политической и экономической справедливости»²²⁷.

Левые не смогли, а возможно, не успели порвать с буржуазными национал-радикалами. Но в их разногласиях с социально-умеренными кругами Партии права сказался протест против взглядов непоследовательной, колебавшейся между демократизмом и либерализмом буржуазии.

Хорватские демократы увидели союзника в революционной России. В демократической критике царизма они пошли дальше буржуазно-радикального большинства Партии права. Они подошли к пониманию того, что союз-

²²⁶ Характеристика левых правашей как представителей революционно-демократического течения ввиду скудости данных может быть лишь предположительной, однако их тенденция такого рода несомненна.

²²⁷ «Hèrvatska», 8.I 1871.

ником угнетенных народов становится движение пролетариата, что национального освобождения следует добиваться совместной борьбой народов Европы. Публикуя сочувственные сообщения об экономических и политических выступлениях венгерского пролетариата, они становились на интернационалистическую позицию. Чем более последовательным был их демократизм, тем более отрешались они от национальной ограниченности.

Деятельность левого крыла вызвала тревогу в среде буржуазных национал-радикалов во главе с Кватерником. Последние выступили с заимствованными из реакционной печати нападениями на Парижскую Коммуну. Представляет интерес тот факт, что взаимоисключающие заявления о Коммуне и рабочем движении публиковались в одних и тех же номерах газеты «Хрватска», но лишь на разных полосах²²⁸. Друзьям Коммуны удалось «закрепиться» на четвертой (последней) полосе.

Социально-умеренное крыло партии было вынуждено выступить с развернутым изложением своих взглядов²²⁹. Без национального суверенитета невозможен расцвет общества, его благосостояния, говорилось здесь. Но целью статьи, в отличие от множества других выступлений правашей, являлась не защита принципа независимости, а установление «границ здравого прогресса народов». Народ, достигший национальной свободы, в погоне за «замыслами, недоступными человеческому разуму и духу», не должен переходить определенный рубеж. От чего предостерегал автор? «Новейшие события во Франции — замечательный урок всем народам мира». Французы «необдуманно устремились к неизвестному... и вот — перейдены границы разумного, вот — Коммуна со своими ужасами... Но справившись с Коммуной, вернувшись в рамки здравого развития, французское общество возвратилось к источнику своей жизни»... и т. д.

Характерно, что ссылаясь на пример Италии, статья выдвигала в качестве образцов национальных идеологов графа Бальбо, Росмини, Джоберти, Мамиани, т. е. деятелей консервативного или умеренно-либерального в

²²⁸ Продолжалась и публикация материалов крайне националистического содержания. Вполне вероятно, что левое крыло правашей не имело к ним отложения, однако пока что оно сотрудничало с националистами.

²²⁹ «Hrvatska», 30.VII; 6.VIII 1871. Автором статьи был Кватерник.

социальном отношении буржуазно-католического направления²³⁰.

Кватерник обвинил левых в «безбожии и бездушии». «Нашим друзьям атеизма», — утверждал он, — по душе принципы Коммуны, а именно «отрицание, игнорирование бога... и — логическое следствие этого — игнорирование национальности и государства, а потому и собственности». «Логичку Коммуны» он видел и во взглядах Якшича, якобы отрицавшего право наследования. Признание бога и христианскую религию Кватерник считал основами «всякого национального и государственного существования»²³¹. Неразрывная связь религии и церкви с определенными социальными интересами рельефно выступила в этом заявлении защитника святости частной собственности. Существенно, что в нападках на своих противников внутри партии Кватерник просто повторил высказывания Мадзини о I Интернационале, также опубликованные в газете «Хрватска».

Кватерник считал, что ввиду противоречий с левыми Партия права находится накануне раскола. Но его борьба против левых окончилась неудачей. Большинство активистов партии, в том числе Старчевич, если и не поддерживали его противников, то считали любые взгляды личным делом членов партии, поскольку имеется единство в основном — в борьбе за национальный суверенитет²³².

Знаменательно объяснение А. Старчевичем своего поведения в этом споре. «Было нас на созещании около 20 человек, — сообщал он помещику Э. Халперу, субсидировавшему газету правашей. — Было немало острых слов со стороны возбужденной молодежи, но я опасался еще худшего... Я давно уже пытался убедить [Кватерника], что ни мне, ни ему, ни кому-либо другому не остается иного, как или работать в согласии, или работать одним, или вообще не работать... [Но] без молодежи ничего [не сделать,] одни мы [рабстать] не можем, следова-

²³⁰ См.: Дж. Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто, стр. 87, 88, 97, 454, 480, 493, 537 и др. и его же упомянутую статью («Новая и новейшая история», 1965, № 4, стр. 56).

²³¹ Э. Кватерник — Э. Халперу, 6. VII 1871 г. Arhiv JAZU. Ostavštine, XV, 22B, 18; A. Česaгec. Kriza stranke prava..., str. 34—36. Конфликту в Партии права посвящена публикация: J. Šidak. Dva priloga hrvatskoj povijesti od 1868—1871. HZ, 1966—1967 (издано цитируемое письмо).

²³² См.: М. Негајев. Djela, sv. 7, str. 90, 91.

тельно,— [нужно] согласие»²³³. Итак, Старчевич признавал, что вести национально-радикальную пропаганду без поддержки со стороны левых демократических элементов (речь шла прежде всего об издании газеты) праваша не могли. Представляет интерес его сообщение о том, что разногласия в партии возникли давно. Упомянутое совещание (19. VIII 1871 г.) решило, что согласие членов редакции необходимо, а газета не должна касаться вопросов религии.

Позиция, занятая большинством руководства Партии права, представляет интерес. Социальные противоречия между буржуазией, в особенности мелкой, и трудящейся эксплуатируемой массой в Хорватии еще были столь неразвиты, что Партия права оставалась общедемократической группировкой, главным противником которой являлась австро-венгерская помещичье-капиталистическая олигархия. В связи с этим следует вновь привести замечание Фолнеговича, который, характеризуя Матасича, писал, что тот симпатизировал Парижской Коммуне «решительнее всех нас»²³⁴. Из этого следует, что симпатии к Коммуне испытывали широкие круги правашей, которые, вероятно в отличие от крайне левого крыла партии, не принимали целей Коммуны. Как объяснить это явление? Представляется верным объяснение причин аналогичной позиции, занятой Светозаром Милетичем, которое дано Н. Петровичем. Оппозиционные настроения в среде сербской буржуазной демократии в отношении реакционных дворянско-буржуазных кругов Австро-Венгрии были столь сильными, что буржуазный публицист Милетич отнесся враждебно к соответствующим политическим силам (версальцам) и во Франции²³⁵. Вероятно, так же обстояло дело и с хорватскими сторонниками республики и политической демократии. В то же время правое крыло партии связывало свои надежды с возвращением во Францию Бонапарта.

Так как активность левого течения вызвала тревогу в буржуазной среде, Кватерник и Бах выступили со статьей «О направлении Партии права»²³⁶. Они косвенно

²³³ А. Старчевич — Э. Халперу, 20.VIII 1871 г. Arhiv JAZU. Ostavštine, XV, 22/A, 7.

²³⁴ A. Cesaric. Kriza stranke prava..., str. 30.

²³⁵ Н. Петрович. Око Милетича и после него, стр. 59, 63, 64.

²³⁶ «Hrvatska», 10.IX 1871.

осуждали левых, заявив, что всякий, стремящийся к «каким-либо другим целям», кроме «завоевания хорватского государственного права в полном объеме», лишь затрудняет решение главной задачи... Статья призывала «все классы, сословия, звания, религии хорватского общества» в лагерь «великой национальной партии... ибо святая *обязанность* всех перед богом и народом до последней капли крови... защищать священные хорватские права и свободы». Признавая, что в партии имеются противники «разумных» общественно-политических принципов, Кватерник и Бах звали «консервативные элементы» вступать в партию и всем вместе бороться «во имя общей возвышенной цели». Лишь после освобождения, считали они, можно будет разделиться на «аристократов, демократов, буржуазию, клерикалов, вольнодумцев, консерваторов, либералов».

Заявляя об идейном расхождении с левыми, Кватерник и Бах не порвали с ними, так как, вопреки утверждениям Кватерника об игнорировании отечества друзьями Коммуны, именно эти круги выдвигали последовательных борцов за национальное освобождение.

Итак, в национально-радикальном течении в основном отразилась общественно-экономическая ситуация мелкой буржуазии (собственников), а также близких к ней по жизненным условиям слоев народных масс: крестьянства, полупролетарских элементов²³⁷. Национальный гнет, неразвитость общественных отношений, свойственных новому, буржуазному обществу, обусловили сотрудничество в одной партии разнородных сил. Эта социальная пестрота сказалась в идейно-политической борьбе в Партии права.

Конфликт в Партии права был следствием противоречий между буржуазией и эксплуатируемыми массами, в основном, крестьянством. В рамках Партии права, ставившей перед собой прежде всего национальные цели, объединились носители мелкобуржуазной идеологии разных оттенков — люди, сочувствовавшие крестьянству, но сближавшиеся по своим воззрениям с либеральной буржуазией, сторонники различных демократических

²³⁷ Хорватское крестьянство третьей четверти XIX в., отягощенное пережитками феодализма, порождало мелкую буржуазию, но еще не являлось мелкой буржуазией в точном значении термина (еще больше это относится к граничарам).

учений и, наконец, носители революционно-демократических и анархо-социалистических взглядов. Как между массой крестьянства и буржуазией, в особенности мелкой, так и между группами Партии права не было резкой грани. Но противоречия между ними углублялись. Одни были озабочены перспективами средних и мелких буржуазных собственников (в том числе зажиточного крестьянства) и сознательно защищали буржуазный строй, других волновала судьба массы крестьянства. Связь социальной и национальной проблем у левых стала более глубокой. Во взглядах левых отразились социальные противоречия самого хорватского общества.

Только левое крыло партии представляло эксплуатируемую массу. В позиции левых правашей наиболее последовательно сказалось усиление демократических тенденций в Партии права вообще. Этот процесс расширил разрыв между ней и либеральным течением, допускавшим возможность соглашения с австрийской или венгерской властью.

В 1871 г., как и в дальнейшем, когда в Партии права вновь проявлялось демократическо-социалистическое течение²³⁸, оно оказывалось недостаточно сильным для идейной и организационной консолидации. По мере общественного развития Хорватии, наиболее передовые элементы смогли сплотиться лишь на основе защиты интересов рабочего класса.

* * *

Мелкобуржуазное национально-радикальное течение правашей выступало в годы, завершившие период буржуазной революционности почти во всей Европе. На фоне ведущих процессов и событий того времени — завершения создания национальных государств на Западе, выступлений на международной арене пролетариата, Парижской Коммуны — видна как прогрессивность борьбы правашей, так и их классовая ограниченность.

²³⁸ А. Flaker. Časopis «Svijetlo». «Zbornik radova Filozofskog fakulteta», knj. II. Zagreb, 1954; он же. О правашском радикализму 80-ih godina XIX stoljeća. HZ, 1954; он же. Hrvatski Bazarovi i Neždanovi. «Zbornik radova. Filozofski fakultet», knj. III. Zagreb, 1955.

Задача показать подлинное место правашей 60-х годов XIX в. в национально-освободительном движении и противоречия их взглядов остается актуальной.

Идеология правашей таила в себе глубокие конфликты. Но это не опровергает факта, что в 60-х — начале 70-х годов XIX в. решающее значение имела страстная защита ими дела национальной свободы и все более выявлявшиеся в их апитации демократический и социальный моменты. Именно это привлекло симпатии революционно-демократических кругов Сербии в 1871 г. Так Светозар Маркович после восстания, организованного Кватерником, назвал правашей «самой святой, прогрессивной и смелой партией Хорватии... свободу своего народа ставящей превыше всего», хотя при этом считал, что их панхорватизм недостоин даже критики²³⁹.

Ясна несостоятельность распространенной либеральной публицистикой (еще с начала XX в.) характеристики Партии права 60-х годов XIX в. как застывшей в догматизме и оторванной от жизни группы. Клерикально-националистский лагерь стал изображать Старчевича «отцом народа» уже до первой мировой войны²⁴⁰. Особую остроту полемика приобрела во второй половине 30-х годов в связи с углублением кризиса буржуазной Югославии и активизацией фашизма. Шовинистские круги превозносили враждебность правашей югославизму. Наконец, усташские элементы объявили лидеров Партии права 60-х годов XIX в. предшественниками нацистов.

Критика отрицательных сторон идеологии правашей буржуазными югославистами (Ф. Шишич отмечал вред, нанесенный панхорватизмом самим хорватам²⁴¹) не была эффективной ввиду несостоятельности позиции самих критиков — сторонников теории единого народа.

²³⁹ С. Маркович. Борба у Граници. «Раденик», 16.X 1871. Интересно, что А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович также писали, что панхорватизм «не выдерживает и даже не заслуживает критики». А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович. Указ. соч., стр. 257, 258.

²⁴⁰ K. S a g v i ć. Dr. Ante Starčević, njegov život i njegova djela. Zagreb, 1911. Издание Шегвичем дневника Кватерника в эмиграции было осуществлено с искажениями. См. замечания Л. Кунтич в «Radovi Filozofskog fakulteta. Historijska grupa», br. 1, str. 65; HZ, 1965, str. 324—332. Нам приходится ссылаться на это издание (за исключением случаев, когда имеется текст, опубликованный Л. Кунтич).

²⁴¹ Ф. Ш и ш и ћ. Југословенска мисао, стр. 126.

Мужественная борьба правашей против австрийского гнета привлекла внимание демократической и коммунистической хорватской общественности 20—30-х годов (М. Крлежа, О. Кершовани, А. Цесарец). Было необходимо разоблачить спекуляцию реакции на популярных именах правашей.

Положительное значение имели выступления В. Богданова против фашистской литературы. Но, опровергая реакционеров, он пытался доказать, что Старчевич был последовательным демократом в социальной и национальной сферах, идеологом крестьянства, которое якобы его устами «впервые высказалось политически». Автор считал, что Старчевич выступил в эпоху, когда в Хорватии еще не было класса буржуазии, и его идеология была небуржуазной²⁴². Но материалы, приведенные Богдановым, свидетельствовали лишь о буржуазно-демократических чертах взглядов Старчевича. Кроме того, Богданов высказал мнение, якобы Старчевич был другом сербов, так как считал их частью хорватского народа²⁴³.

Вклад в марксистскую концепцию истории хорватского национального движения внес А. Цесарец²⁴⁴. Он подчеркнул, что после 1848 г. в Хорватии быстрее, чем ранее, развивалась национальная буржуазия, а буржуазная идеология господствовала в национальном движении. И народняки, и правашаи в 60-х годах XIX в., по мнению Цесареца,— буржуазные партии, но последняя в большей мере опиралась на мелкую буржуазию и менее имущее крестьянство и была революционной, по крайней мере в области национальной. Он отметил защиту левыми правашами Парижской Коммуны, их интерес к I Интернационалу. В драме «Сын отечества» Цесарец показал борьбу Кватерника за национальную свободу²⁴⁵.

²⁴² V. Bogdanov. Ante Starčević i hrvatska politika. Zagreb, 1937; о н же. Ante Starčević i socijalna pravda. Zagreb, 1937.

²⁴³ Многих авторов и ранее привлекали патриотизм Старчевича и провозглашенная им цель объединения южных славян. И. Скерлич, считавший Старчевича шовинистом, с удовлетворением отмечал его объединительные унитаристские стремления: J. Skerlič. Eseji o srpsko-hrvatskom pitanju. Zagreb, 1918. См. также многие высказывания в сборнике: V. Novak. Antologija...

²⁴⁴ См. его упомянутые статьи.

²⁴⁵ A. Cesarec. Sin domovine. Zivotna drama Eugena Kvaternika. Zagreb, 1940.

В социалистической Югославии Богданов продолжил исследование идеологии правашей. Оставив идею о небуржуазности хорватского общества, он утверждал, что после 1848 г. буржуазия и буржуазная интеллигенция из революционной стала реакционной, а носителями освободительных устремлений народа являлись правашаи²⁴⁶. Это схема в сущности поставила правашей вне рамок буржуазного движения. Естественно, что Богданов продолжал идеализировать Старчевича. Тот якобы «был уверен, что мы — один народ и необходимо в единстве бороться за освобождение... и именно поэтому [сербам] необходимо соединиться под хорватским именем»²⁴⁷. Автор игнорировал то обстоятельство, что для сотрудничества в борьбе за освобождение было необходимо уважение сербского народа. По адресу концепции Богданова югославскими учеными (М. Гросс, Э. Реджич, Я. Шидак) были сделаны серьезные критические замечания.

Л. Кунтич обоснованно определяет правашей как «самое левое буржуазное течение... мелкобуржуазное течение»²⁴⁸.

Историография хорватского национал-радикализма (как и югославизма) заслуживает специального рассмотрения.

²⁴⁶ V. Bogdanov. Historijska uloga društvenih klasa u rješavanju južnoslovenskog nacionalnog pitanja, он же. Historija...

²⁴⁷ V. Bogdanov. Starčević i stranka prava prema Srbima i prema jedinstvu južnoslovenskih naroda. Zagreb, 1951, str. 26.

²⁴⁸ Lj. Kuntić. Vanjskopoliticki pogledi..., str. 2.

*Попытка упрочения
централистского режима в империи.
1861—1865 гг.*

САБОР 1861 г.

15 апреля 1861 г. открылся сабор Хорватии и Славонии. Сословный характер сабора был ликвидирован в 1848 г. не полностью. В городах право голоса получили владельцы недвижимости, чиновники, лица с высшим образованием. В сельской местности действовала двухстепенная система выборов, а избирательным правом пользовались лишь главы семей (задруг). Своих представителей посылала церковь. Крупные помещики, савонники церкви и представители высшей бюрократии по-прежнему пользовались привилегией личного участия в заседаниях сабора (так называемые вирилисты). Было обеспечено широкое представительство дворянства, буржуазии, духовенства, чиновничества¹. 120 мест в саборе было предоставлено избираемым депутатам. В стране насчитывалось около 90 вирилистов, в том числе 79 помещиков², но часть из них не участвовала в работе сабора. Среди депутатов имелось много либеральных деятелей, в том числе участников событий 1848—1849 гг. Преобладали представители уже определившегося народнического течения. Как уже было сказано, в 60-х годах наиболее активную роль играла буржуазная интеллигенция.

Рескрипт Франца-Иосифа выдвигал на обсуждение сабора вопросы взаимоотношений Тринединного королевства с Венгрией и всей империей. Император требовал

¹ «Staatsgrundgesetze...», S. 495—497. Подробно см.: Н. Sirotković. Izborni red za sabor od 1861. godine i provođenje sabora. «Rad JAZU», knj. 347, 1967, str. 216 и далее.

² АВПР, Г. А., VA₂, д. 1020, лл. 47, 48 (Финуме), 1861 г.

послать представителей Хорватии на коронацию в Буду, избрать девять депутатов в рейхсрат и «определить порядок» представительства Хорватии в рейхсрате в будущем.

Задачей австрийских властей было привлечь хорватов в рейхсрат. Но местное дворянство и буржуазия прежде всего нуждались в конституционном автономном управлении, обеспечении минимума политических свобод, реформе финансовой и судебной системы, развитии путей сообщения, кредита, просвещения на родном языке. Все-му этому сабор уделил много внимания.

На деятельности сабора сказался медленный темп социальных перемен: сохранение полуфеодальными помещиками доминирующих позиций в экономике, связи буржуазии, по преимуществу торговой, с помещиками, слабость промышленных кругов. Хотя в громких проявлениях недовольства абсолютизмом 50-х годов на саборе не было недостатка, сабор признал абсолютистское законодательство по крестьянскому вопросу. Уже в этом сказались общие интересы местных помещиков, буржуазных верхов и правящих кругов империи.

На саборе буржуазные либералы призывали ускорить ликвидацию наиболее нетерпимых пережитков старого (например, горницу, некоторые регальные права, урегулировать права на лес и т. п.) — этой, как говорилось тогда, «еще открытой раны на государственном теле Триединого королевства»³. Гарантия помещичьих интересов при этом считалась необходимой; споры возникали лишь по поводу деталей. Комитет сабора, рассматривавший вопрос о сохранившихся повинностях крестьян и привилегиях помещиков (например, праве винной торговли), признал возможным лишь факультативный выкуп, т. е. оставил их нетронутыми. Сабор остался глух к жалобам крестьян на несправедливости, чинившиеся во время сегрегации и комасации и т. п.⁴

В связи с этим понятна умеренность сабора во внутривополитических вопросах. Даже сторонники всеобщего голосования умудрились совместить это требование с сохранением личного представительства аристократии. Было провалено предложение лишить графов Эрдеди

³ «Spisi saborski... od god. 1861», sv. I, str. 1.

⁴ Там же, sv. III, стр. 225, 244; см. также: Lj. Kuntić. O nekim osnovama..., str. 68.

наследственного права на великожупанский пост в Вараждине⁵ и т. п.

По важному вопросу о судьбе крестьянских задруг⁶ большинство сабора считало, что их распад неизбежен, но пока что необходимо сохранить неделимый минимум крестьянских участков.

Активность сабора во внутривполитической и социальной сферах не имела существенных последствий, так как ряд законопроектов не был утвержден Францем-Иосифом. Но в числе важных актов сабора были решения об основании Югославянской Академии наук и искусств, университета в Загребе, агрономического училища и др.

Сабор, стремясь подтвердить юридическую принадлежность Военной Границы к Хорватии и добиться ее фактического присоединения, просил императора разрешить граничарам хорватско-славонских полков прислать депутатов на его заседания. Австрийские власти, желая успокоить хорватов, были вынуждены пойти на очередную уступку. Поэтому Франц-Иосиф разрешил посланцам граничар участвовать в обсуждении государственно-правовых проблем.

Главной в деятельности сабора была проблема национальная. Вена прилагала усилия для возрождения австро-славистских иллюзий в Хорватии, но февральский патент нанес удар радужным надеждам федералистов. Оппозиционные настроения, проявившиеся в Венгрии, способствовали более решительному выступлению оппозиции и в Хорватии.

Долгое время в центре внимания сабора были хорватско-венгерские взаимоотношения. Позиции группировок выявились до конца четко. Проект, представленный «центральный» (политическим) комитетом сабора, предусматривал объединение с Венгрией при условии предварительного признания венгерской стороной самостоятельности и территориальной целостности Триединого королевства, а также того обстоятельства, что вековая государственная связь Хорватии с Венгрией «юридически полностью прекратилась» в 1848 г. (сохранился лишь общий государь). В этом случае, согласно проекту, Хорватия была готова вступить в *равноправные* перегово-

⁵ М. Р о l i ć. Указ. соч., I, стр. 35, 36, 61.

⁶ Об этом см. гл. III и IV.

ры о «более узкой государственной-правовой связи» с Венгрией, т. е. о создании общих органов власти. Было оговорено, что законодательство и управление в сфере политической (административной.— В. Ф.), правосудия, просвещения и религии должны остаться в хорватской компетенции и не могут являться предметом переговоров. Так были определены минимальные пределы автономии Хорватии, необходимость которых отстаивали наиболее умеренные круги австрославистов. Автором проекта был начальник хорватского дикастерия И. Мажуранич⁷, безусловно действовавший с согласия или же по инструкциям австрийских властей.

Было ясно, что венгерский сейм отвергнет проект уже ввиду пункта о территориальной целостности Хорватии. Именно в это время обострился конфликт из-за Риеки и Меджимурья. Сейм не признавал также тезис о «юридическом» (т. е. законном) разрыве между обеими сторонами в 1848 г. Большинство же сабора считало этот тезис основой равноправных переговоров.

Хотя народняцкое большинство сабора не возражало против хорвато-венгерского объединения, оно видело в нем вынужденное средство для сопротивления венскому самовластью. Федералистское течение, если и шло на объединение, то стремилось обставить его гарантиями прав хорватов, а вообще же предпочитало выжидать в надежде на благоприятные для южных славян перемены. Наиболее умеренное крыло австрославистов, возглавляемое Мажураничем, проявляло враждебность к Венгрии и стремление к компромиссу с правительством.

Народняки, в особенности близкие Мажураничу, подчеркивали опасность австро-венгерского компромисса, при котором хорваты, оказавшись в зависимости от Венгрии, будут вынуждены отстаивать сохранение имеющихся национальных учреждений, данных им Веной⁸.

Выступая в пользу проекта комитета, Штросмайер призывал сабор в союзе со славянами империи устранить опасность сговора Австрии и Венгрии. Рачкий, защищая тот же проект, с уважением отозвался о Кошуте, который, находясь в эмиграции, согласился на учреждение венгеро-хорватской федерации, где общими

⁷ М. Живанчевич. Иван Мажуранич, стр. 87.

⁸ М. Роліс. Указ. соч., I, стр. 52, 53, 56 и др.

были бы лишь иностранные дела, оборона, торговля и торговые пути. Унионистское же крыло хорватского сабора, говорил Рачкий, не желает такой автономии⁹. Кукулевич-Сакцинский отстаивал конституционную и свободную федерацию как основу «счастья и будущего империи». Как и Штросмайер, Кукулевич выступил за федеративный союз с Венгрией. Признавая, что Венгрия и Хорватия имеют общего противника («идею германизма»), он возражал против утверждения унионистов, будто возможно совпадение целей обеих сторон¹⁰.

Купец Винко Враницани указывал на общую хорвато-венгерскую заинтересованность в обеспечении земледельческого экспорта. Развивая свой экспорт, венгры обеспечили бы вывоз товаров «всех подданных венгерской короны»; проведя железную дорогу к побережью, они осчастливили бы Хорватию и Военную Границу. Оратор защищал объединение с Венгрией на основе проекта комитета¹¹.

Если о народняках вообще можно сказать, что они исходили из стремления расширить права хорватов, то группа Мажураича, по-видимому, не хотела соглашения с оппозиционным правительству венгерским сеймом. А это отвечало сокровенным намерениям австрийских властей. Что касается граничар, то подавляющее большинство их, с отвращением говоря о военном режиме, неожиданно для Вены поддержало идею соглашения с Венгрией.

Унионисты во главе с графом Юлием Янковичем поддержали проект депутатов от Загреба (М. Богович и др.): вступить в переговоры с сеймом, не выдвигая предварительных условий. И в их предложении говорилось о равноправных переговорах в целях «гарантии конституционной свободы и национальной самостоятельности»¹². Но как отмечалось, унионисты заявляли, что выбора у Хорватии нет, так как сама она не в состоянии сохранить свою свободу. Острый конфликт между народняками и унионистами привел к тому, что 13 июля большая группа унионистов временно покинула сабор.

⁹ «Dnevnik sabora... 1861», str. 243, 244, 367—376.

¹⁰ Там же, стр. 220—223.

¹¹ Там же, стр. 303, 304.

¹² См.: «Dnevnik sabora... 1861», str. 286.

На саборе 1861 г. развернули свою аргументацию правашаи. Старчевич подчеркивал, что проблема хорватовенгерских отношений была выдвинута «австрийскими указами» с целью рассорить народы. Хорваты и венгры должны прежде всего добиваться полной национальной свободы и не помогать «нашему заклятому врагу»¹³. Старчевич резко выступил против австрославизма.

Государственно-правовой проект выдвинул Кватерник. Хорватия (включая словенские земли) в его проекте объединена с Австрией и Венгрией личной унией. Все государственные дела подведомственны национальному правительству в Загребе, ответственному перед сабором. Глава правительства координирует политику с австрийским правительством. Хорватская виза необходима для важных актов международного характера. Хорватия обладает своей армией и финансовым ведомством. Она не признает австрийских долгов, за исключением обязательств, связанных с освобождением крестьян. Кватерник имел в виду сохранение общеимперских финансов, дипломатии, единства имперской территории в таможенном отношении. Он предлагал заключить «оборонительный союз с венгерским государством» для защиты свободы обеих сторон (подразумевалось: от Вены)¹⁴.

Острые аргументов Кватерника было направлено против целостности империи. Формальное признание этой целостности было попыткой как-то совместить требование суверенитета с соблюдением минимума легальности. Речь Кватерника пронизывала мысль о неизбежности гибели Австрийской империи, если не будет признан суверенитет населяющих ее народов. Признание «общих дел» правашаи надо оценивать как маневр в их антиавстрийской деятельности¹⁵.

Большинство сабора поддержало проект комитета. Франц-Иосиф утвердил этот проект, ставший известным

¹³ «Dnevnik sabora... 1861», стр. 276—283; A. Starčević. Izabrani spisi, str. 61—80; A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 13.

¹⁴ «Dnevnik sabora... 1861», str. 184—210; Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima..., str. 73, 74.

¹⁵ В 1865 г. Кватерник записал в дневнике, что условием поддержки Габсбургов он считал уничтожение единства империи. Ch. Šegvić. Drugo progonstvo..., str. 198; см. также: Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima..., str. 72—79; она же. Kvaternik i ustanak u Rakovici. «Historijski pregled», 1954, N 3, str. 21, 22.

как «статья 42»¹⁶. Для правительства было важно, что ст. 42 делала невозможным венгеро-хорватское соглашение. Акт Шмерлинга, якобы признавшего «самостоятельность» Триединого королевства, свидетельствовал о драматизме ситуации. Позиция венгерского сейма, согласного уважать какую-то автономию Хорватии, но не признавшего ее равноправия, и закономерное стремление хорватов к расширению национальных прав, казалось, вновь, как в 1848 г., могут быть использованы австрийскими правящими кругами в своих целях¹⁷. Однако до конца сыграть на хорвато-венгерских противоречиях Габсбургам на этот раз не удалось. Уже формула условий коронации, выдвинутая сабором, не могла удовлетворить Франца-Иосифа: сабор аналогично венгерскому сейму потребовал предварительного восстановления «древней конституции» и территориальной целостности Триединого королевства.

Неудача австрийской политики в Хорватии выявилась в результате дебатов, посвященных участию Хорватии в органах центральной власти империи. Среди населения Хорватии и в саборе господствовали такие настроения, что о выборе посланцев в рейхсрат не могло быть и речи. Это требование Вены рассматривалось депутатами, как попытка ликвидировать автономию Хорватии. Для противников централизма рейхсрат Шмерлинга символизировал сохранение фискального гнета. А. Старчевич так изобразил сущность призыва к хорватам признать рейхсрат и определить способ представительства в нем Хорватии в будущем: «Дай-ка мне 100 форинтов и определи способ, как будешь давать мне деньги в дальнейшем....»

Когда 3 августа 1861 г. был поставлен на голосование вопрос: «Считает ли сабор, что Хорватия и Славония не должны участвовать в рейхсрате», как отмечено

¹⁶ «Spisi saborski... od god. 1861», sv. I, str. 39—41.

¹⁷ «Характер этой борьбы, представляя счастливые результаты для правительства, ослабляет в то же время силы Венгрии и Кроации... Разногласия нанесли вред как Венгрии, так и Кроации, ставшей во главе южных славян и стремящейся, вопреки интересам империи, к расширению своих пределов (приобретение Далмации и Военной Границы)». АВПР, Г. А., VA₂, д. 1012, л. 26 (Фнуме), 1861 г. Симптоматично, что бан Шокчевич, исполнявший волю правительства, выступал за «дружеский союз» с Венгрией на условиях равноправия. «Dnevnik sabora... 1861», str. 10.

в протоколе, «поднялся весь сабор» и раздались аплодисменты. Хорваты вслед за венграми отказались признать централистское устройство государства¹⁸.

Но часть сабора стремилась оставить дверь открытой для соглашения с правительством. В этом заключался смысл заявления чиновника М. Прицы. Он призывал учитывать «общие интересы» народов империи. Прица осуждал централистские и германизаторские тенденции в Австрии, а участие в рейхсрате считал опасным потому, что Австрия входит в Германский союз. Он заявил, что способ управления делами империи следует установить «путем свободной конвенции». Но большинство сабора восприняло «прицино заявление» как попытку проложить обходной путь в рейхсрат.

5 августа 1861 г. за предложение обсудить, какие же «общие дела» имеет Хорватия с австрийскими землями, голосовало 46 депутатов, в том числе Мажуранич, Кукулевич, Штросмайер, Рачкий, Мразович, Перковац, т. е. ведущие народняцкие деятели. Против выступили унионисты, часть народняков (Д. Кушлан и др.); праваша, большинство (26 из 33) граничар — всего 69 человек¹⁹. По воспоминаниям Старчевича, «интеллигенция и горожане» приветствовали решение сабора²⁰. Симптоматично, что «Пóзор», отразивший точку зрения меньшинства сабора, упрекал Кватерника и Старчевича в погоне за популярностью²¹ (праваша увидели, что даже тактическое признание ими «общих дел» отбрасывает их в оппортунистический лагерь). Отказ сабора даже обсуждать вопрос об «общих делах» был демонстрацией оппозиционных режиму настроений и тех сдвигов, которые имели место в Хорватии с 1848 г. Тогда сабор добивался организации общеимперского парламента²².

На саборе проявились резко оппозиционные Вене тенденции, которые были следствием условий развития Хорватии после 1848 г. В своих антинемецких чувствах

¹⁸ «Dnevnik sabora... 1861», str. 601; «Spisi saborski... od god. 1861», sv. I, str. 54.

¹⁹ «Dnevnik sabora... 1861», str. 608; M. Valentić. Pitanje Vojne Krajine na hrvatskom saboru godine 1861. «Historijski pregled», 1962, № 1, str. 57.

²⁰ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 26.

²¹ См.: Lj. Kuntić. Kvaternik prema nekim problemima..., str. 79.

²² См.: «Aktenstücke...», S. 39, 49.

депутаты даже призывали отменить изучение в гимназиях немецкого языка как орудия централизма и т. д.²³

Фактически в ряде актов сабора проявилось стремление добиться признания за ним прав национального парламента.

Формально сабор пошел дальше венгерского сейма, который в принципе не отрицал «общие дела» с Австрией. Старчевич заявлял, что решение сабора 5. VIII 1861 г. имело большее значение, чем... битва при Сольферино, так как хорваты, считавшиеся опорой Австрии, перестали быть ее орудием²⁴.

После сабора барон М. Ожегович, занимавший крупный пост в Вене, с отчаянием констатировал в Хорватии «крайнюю нехватку деятелей, опытных и практичных, стремящихся порвать с фантазиями и крайностями непрактичных стремлений, которыми пользуются враги режима, зная, что за ними потянется толпа и таким путем им удастся воспрепятствовать упрочению порядка...»²⁵.

Но не следует преувеличивать радикализма сабора. Целью помещичье-буржуазных кругов было соглашение с Габсбургами либо непосредственно, либо в союзе с венгерским дворянством. В действительности у помещиков и буржуазии было немало «общих интересов» с властями. Унионисты стремились всего лишь к тому, чтобы всю проблему внутримперских отношений взяла в свои руки Венгрия. Народняки, стремясь к соглашению либо с Австрией, либо с Венгрией, не выдвинули требования объединения южнославянских земель империи. Однако, хотя сабор не преступил границы законности и исторического права, дворянство и большая часть буржуазии пытались заручиться такими гарантиями от централизма, которые не устраивали правительство.

Большое место в дебатах занимала Военная Граница²⁶. В одной из петиций от населения Границы содержалась просьба как минимум прекратить поголовный набор мужчин в солдаты и предоставить граничарам право пользования лесом в достаточных размерах²⁷. Но де-

²³ М. Роліć. Указ, соч., I, стр. 85.

²⁴ А. Старчевіć. Nekolike uspomene, стр. 27.

²⁵ М. Ожегович — Й. Штрпсмайеру, 6. III 1862 г. Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

²⁶ См.: М. Валентиć. Pitanje Vojne Krajine..., стр. 51—60.

²⁷ Spisi saborski... od god 1861», sv... II, стр. 96.

путаты-граничары в петиции Францу-Иосифу потребовали «равных прав и обязанностей с остальными австрийскими народами», демилитаризации Военной Границы и ее присоединения к Хорватии — Славонии. Депутаты рассказали о царящем на Границе произволе, о разорительных последствиях военного режима для граничар²⁸.

Оппортунистические элементы сабора не хотели обострять отношения с двором; кроме того, народняки пытались надежду использовать граничар в национальных целях (для поддержки федерализма или на случай распада империи). Для буржуазии демилитаризация Границы являлась объектом политических маневров. Часть либералов склонялась к половинчатому решению вопроса — проведению реформ (отделение администрации от военного командования и т. п.) при сохранении особого устройства Военной Границы, другие считали возможным сохранение военного устройства Границы и после присоединения ее к Хорватии — в этих случаях «оборонная мощь» империи не пострадала бы. Несмотря на попытки Шокчевича и наиболее умеренных членов сабора воспрепятствовать этому, сабор принял законопроект о демилитаризации и конституционном устройстве Военной Границы²⁹. Семьи граничар должны были стать полными собственниками своего имущества. Но законопроект не был утвержден Францем-Иосифом.

После кульминационного момента — голосования 5 августа — наиболее оппортунистические элементы стали покидать сабор³⁰. По приказу Шокчевича граничары были отправлены домой. Некоторые из них подверглись преследованиям. В своем обращении к сабору перед отъездом из Загреба граничарские депутаты заявили: «Уносим с собой уверенность, что мы воспрепятствовали продолжению несчастной политики 1848 г. в отношении Вены»³¹. Заявление это свидетельствует об ослаблении автрославистских иллюзий в 60-х годах. Оно важно для

²⁸ См.: V. Bogdanov. Pitanje Vojne Krajine i njenih zastupnika u hrvatskom saboru 1861. Zagreb, 1960; В. И. Фрейдзон. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе..., стр. 93—95.

²⁹ См.: «Spisi saborski... od god. 1861», sv. I, str. 67.

³⁰ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 24, 25.

³¹ «Spisi saborski... od god. 1861», sv. III, str. 59, 60.

понимания общественных основ идеологии Партии права и эволюции народняков.

Полуопустевший сабор заседал еще три месяца и принял адрес Францу-Иосифу. Вновь, вопреки стремлению умеренного крыла народняков сохранить открытой дверь для сближения с двором, был выработан адрес, в котором «общие интересы» не упоминались. Вслед за критикой «злосчастной системы абсолютизма» он содержал требование присоединения Далмации и Военной Границы. Неудовлетворительность Октябрьского диплома здесь объяснялась тем, что право вотировать налоги и определять число новобранцев признавалось только за рейхсратом. Сабор просил «полностью восстановить прежнее конституционное право» Хорватии и Славонии, в том числе упомянутые две прерогативы, а также право сабора выдвигать кандидатуры банов. «В октроированный и уже поэтому опасный для всей нашей конституционной жизни рейхсрат,— заявил сабор,— мы представителей послать не можем». Рейхсрат — «метаморфоза самодержавной государственной централизации», и его решения не могут иметь силы для Триединого королевства³².

В адресе выражены два существенных требования народняков: право распоряжаться местными финансами и право народов империи выработать конституцию путем договора.

12 ноября 1861 г. императорским указом сабор был распущен. «Тяжко было отеческому сердцу убедиться» в том, говорилось в указе, что сабор ступил на «бесплодное поле», занял позицию, «ко всему государству совершенно негативную». Император отказался восстановить старую конституцию, сославшись на ее «исключительно феодальный характер... Лишение же милого нам простого народа» политических прав не отвечает интересам королевства (!). Франц-Иосиф отказался присоединить Военную Границу к Хорватии, утверждая, что сохранение Границы важно для мощи государства и национального будущего Хорватии. Он обещал вновь, после урегулирования положения Хорватии и Славонии в соответствии с интересами монархии, «призвать» сабор Далмации к переговорам о воссоединении. Указ санкционировал употребление национального языка в административных

³² М. Р о і і ć. Указ. соч., I, стр. 87—90.

учреждениях, церковных делах и школе Хорватии и Славонии (но не во всей общественно-политической жизни, как хотел сабор).

Указ этот иллюстрировал лицемерные приемы властей. Так, говоря о сохранении Военной Границы, они не преминули намекнуть на возможную ее роль в борьбе за интересы хорватов. Обещания касательно Далмации ставились в связь с подчинением хорватов воле правительства. Тезис о феодальных тенденциях сабора привлекался для того, чтобы расширить разрыв между национальным движением и народными массами (под «древней конституцией» народняки имели в виду широкую автономию, но не реставрацию феодализма).

Австрийское правительство стремилось использовать справедливые требования сабора о равноправии Хорватии и Венгрии в собственных целях — для ослабления Венгрии. Но, хотя в Хорватии имелись силы, готовые послужить правящим кругам Австрии, большинство сабора добивалось осуществления хорватских национальных прав до урегулирования отношений между Триединым королевством и империей. Каждая из группировок имела свое особое представление о национальных правах, но их оппозиция предопределила неудачу попытки Вены получить поддержку со стороны хорватов.

Хотя тенденции политических течений в Хорватии выявились уже до сабора, здесь они кристаллизовались. Подтвердился раскол бывшей иллирийской группировки и выявились разногласия в среде народняков.

На саборе неоднократно получали выражение идеи югославизма (хорвато-сербского сотрудничества) и национального суверенитета — ведущие принципы национального движения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ХОРВАТИИ В 1862—1865 гг. «САМОСТАЛЦЫ»

Роспуск венгерского и хорватского сеймов, а также созыв рейхсрата свидетельствовали о решимости правительства продолжать прежний курс. Росту оптимизма в правительственных сферах способствовал кратковременный спад внешней опасности. В октябре 1860 г. Франц-Иосиф совещался с Александром II и прусским принцем-регентом. Эта встреча улучшила положение Австрии. В начале 1862 г. русский посланник в Вене

В. П. Балабин отмечал, что если «в прошедшем году Австрия находилась накануне революции» и войны, то теперь эта опасность миновала³³.

Поэтому в связи с отказом венгров и хорватов послать представителей в рейхсрат правящие круги заявляли, что «можно и подождать». Правительство продолжало издавать «неконституционные» распоряжения, повышало налоги; жандармы и солдаты расправлялись с недоимщиками и т. д. Все это углубляло возмущение режимом, прокламировавшим конституционную эру.

После сабора развернулась борьба на жупанийских скупщинах, являвшихся оплотом дворянства. Тон сопротивлению задавало дворянство Венгрии. Выступления здесь были направлены прежде всего против финансовой эксплуатации. Указывалось, что из 6 млн. с лишним гульденов налога, собранного в Хорватии в 1861 г., 4,5 млн. ушло в общеимперскую казну³⁴. Как и в Венгрии, жупании пытались сорвать сбор налога.

Сопротивление скупщин встретил указ Франца-Иосифа о наборе рекрутов. По давнему обычаю король должен был обратиться с этим вопросом к сейму. Теперь хорваты требовали полномочий в этой области для сабора. Распоряжение загребского великого жупана И. Кукулевича выполнять указ о рекрутах вызвало острый конфликт. Финансовая автономия Хорватии, избрание бана и жупанов выдвигались на скупщине в качестве средства ликвидации незаконных властей. Споры разгорелись и в других жупаниях. В ответ власти сместили ряд чиновников. Еще в конце 1861 г. с поста вировитицкого великого жупана ушел Штросмайер. Решительными мерами власти подавили сопротивление скупщин.

Действуя такими методами, правительство вместе с тем поставило себе цель привлечь хорватов к поддержке режима путем новых обещаний и уступок. В конце 1861—начале 1862 г. дикастерий был заменен «придвор-

³³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 149, лл. 3—5 (Вена), 1862 г. «Кроаты и венгерцы надеялись», что ввиду угрозы войны и финансовых затруднений «Австрия увидит неизбежную необходимость искать спасения... в свободных началах жизни народов»... АВПР, Г. А., VA₂, д. 1015, л. 13 (Фиуме), 1862 г.

³⁴ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1015, л. 45 (Фиуме), 1862 г.; см. также: М. Ролиć. Указ. соч., I, стр. 119. По подсчетам венгерской печати, в 1866 г. на внутренние нужды Венгрии выделялась 1/5 часть собираемых здесь налогов. «Pozor», 15.V 1866.

ной канцелярией для королевства Далмации, Хорватии и Славонии», по положению равноправной венгерской канцелярии. Во главе ее был поставлен Иван Мажуранич. Затем был учрежден «Стол семерых» — верховная судебная инстанция для Хорватии и Славонии. Этим подтверждалась независимость Хорватии от Венгрии. Мажуранич принял кое-кого из народняков на государственную службу³⁵.

Бан и великие жупаны получили указание «располагать общественное мнение в пользу рейхсрата» и убеждать население в том, что новый созыв сабора возможен лишь при поддержке хорватами правительства³⁶. Власти сделали вид, что принимают близко к сердцу экономические нужды Хорватии. Были собраны данные о потребности страны в железных дорогах и, как мы отмечали (в гл. II), этот вопрос обсуждался на созванной Шокчевичем в 1862 г. конференции. Доклад, в котором отстаивался известный проект соединения Южной Венгрии через Славонию и Хорватию с Приморьем — эта мечта хорватских экспортеров, — был передан императору³⁷. Однако дальше предварительных работ дело не пошло.

Выяснилось, что правительство стремится использовать потребность Хорватии в дороге для давления на оппозицию: «Вопрос о построении железной дороги из Фиуме в Землин (Земун. — В. Ф.) — это наиважнейший вопрос в настоящее время в Хорватии. Все население с нетерпением ожидает построения дороги, которая может поднять и туземную промышленность, и торговлю, пришедшие в полный застой»³⁸, но правительство указывало, что все хозяйственные проблемы могут быть решены лишь рейхсратом³⁹. На буржуазию, по замечанию русского наблюдателя, «материальные интересы оказывали определяющее влияние»⁴⁰. Поэтому часть ее надеялась на обещания властей. Но большинство считало, что

³⁵ Применялся и прямой подкуп. См.: V. Krestić. Sezdesete godine u knjizi Josipa Horvata «Povijest novinstva Hrvatske». ЈИС, 1963, N 2, str. 124, 125.

³⁶ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1015, л. 12 (Фиуме), 1862 г.

³⁷ См.: «Denkschrift...».

³⁸ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1019, л. 27 (Фиуме), 1864 г.

³⁹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1017, л. 45 (Фиуме), 1863 г.

⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 156, л. 224 (Вена), 1863 г.; см. также: «Razgovori (politički) na južnoj promenadi u Zagrebu». Zagreb, 1864, str. 7.

и в случае признания рейхсрата власти тормозили бы строительство, так как новая дорога нанесла бы ущерб влиятельной монополии — «Обществу Южной дороги» и Триесту, главному имперскому порту, где господствовал австро-немецкий и итальянский капитал⁴¹.

Наконец, в 1864 г. власти организовали в Загребе народнохозяйственную выставку Триединого королевства. Она показала определенные сдвиги, которые имелись в Хорватии после 1848 г., в особенности в экспортной торговле сырьем. Правящие круги стремились изобразить перспективы Хорватии в радужных красках⁴².

К решительным действиям против оппозиции в Хорватии Шмерлинг и Мажуранич перешли с конца 1863 г. Власти форсировали создание собственной политической группировки: «Действующая в Хорватии реакция... направлена, как видно, к тому, чтобы найти в самой среде хорватов таких, которые держали бы сторону правительства на саборе в случае, если бы он был созван»⁴³. Группа сторонников Мажуранича в 1863 г. приняла название «Самостоятельной национальной партии» («самосталцы»). Ее ведущим деятелем был Иван Кукулевич-Сакцинский — загребский великий жупан.

Вокруг хорватского канцлера сплотились элементы, выступавшие за сотрудничество с режимом. На переднем плане здесь находились чиновники (Л. Вукотинович, А. Вебер, Я. Юркович, М. Прица и др.)⁴⁴. Самосталцы получили поддержку части буржуазии, в особенности связанной с австрийским капиталом. Подчас это были те же чиновники. (Участие тех или иных лиц в предприятиях австрийского капитала, отмеченное в хорватской исторической литературе, правда для несколько более позднего времени⁴⁵, безусловно влияло на их политическую ориентацию.)

⁴¹ АВГР, Г. А., VA₂, д. 1019, л. 17 (Флуме), 1864 г.

⁴² См.: М. Despot, Nekoliko dokumenata o postanku i razvoju prve gospodarske-privredne izložbe u Zagrebu godine 1864. «Historijski pregled», 1958, № 1, str. 53.

⁴³ АВГР, Г. А., VA₂, д. 1017, л. 28 (Флуме), 1863 г.

⁴⁴ См.: Т. Smičiklas, F. Marković. Matica hrvatska..., «Povijest školstva...». Dio peti. «Znameniti i zaslužni Hrvati»; L. Hellenbach. Die Fusion, S. 27.

⁴⁵ См.: V. Čilića. O nekim pitanjima u vezi s političkom dejlatnošću I. Vončine. HZ, 1963, str. 243, 244; M. Valentić. Osnovni problemi u ekonomici Hrv.-Slav. Vojne Krajine, str. 97, 98.

Сторонником самосталцев был Амброз Враницани — богатый приморский торговец.

К самосталцам примкнули отдельные магнаты, а также верхи духовенства во главе с кардиналом Хауликом, по его собственным словам, — врагом «противного началам здравого смысла духа времени», охватившего Европу с конца XVIII в.⁴⁶ Это — так называемые старые патриоты — консерваторы.

Либеральное крыло самосталцев проводило соответствующие взгляды в области политики, культуры, социально-экономических отношений. Так, И. Кукулевич выступал за свободу раздела задруг, что, как он доказывал, привело бы к ускорению промышленного развития Хорватии. При этом он приводил в пример страны Западной Европы⁴⁷. Орган самосталцев «Домобран» проповедовал отмену остатков цехового устройства, свободу предпринимательской деятельности⁴⁸.

Характерны разногласия в среде самосталцев по проблеме сближения церквей. Когда многие представители духовенства во главе со Штросмайером выступали за введение народного языка в богослужение (см. главу III), Хаулик осудил всякие новшества в католической церкви, а Кукулевич защищал эту реформу, означавшую, по его мнению, шаг к единству католического и православного населения⁴⁹.

Таким образом, в лагере самосталцев вновь, как в иллирийском движении, соединились национально-умеренные либеральные и консервативные круги. Но самосталцам не удалось распространить свое влияние на широкие слои населения.

Общие основы идеологии самосталцев (либерального крыла) и народняков совпадали. «Принцип национальности» и для них являлся непреложным⁵⁰. Самосталцы были австрославистами и мечтали о федеративной Австрии. Они считали необходимым развивать национальную культуру, упрочить национальное самосознание. Большинство либеральных деятелей новой партии в 50-х годах питало недовольство абсолютизмом. За стремление сох-

⁴⁶ См.: V. Bogdanov. Historija..., str. 608.

⁴⁷ См.: «Dnevnik sabora... 1861», str. 911.

⁴⁸ См.: «Domobran», 14.V 1864.

⁴⁹ М. Polić. Указ. соч., I, стр. 129.

⁵⁰ См., например: «Domobran», 15.II 1865.

ранить преподавание хорватского языка, за деятельность в области национальной культуры абсолютистское правительство третировало их как лиц нелояльных⁵¹. Но с удалением «баховых пиратов» хорватский язык получил признание, доступ местных уроженцев в аппарат управления был открыт, в империи начались конституционные реформы — это уже в основном удовлетворяло часть буржуазии и чиновничества.

В отличие от народняков самосталцы заявляли, что верность правительству является залогом решения национальных задач хорватов, прежде всего воссоединения их земель.

Конкретная программа самосталцев была изложена в одной из брошюр⁵². Они заявляли о необходимости признания государем права хорватов на территориальное объединение, отделения автономного бюджета от имперского, невмешательства центральных властей в автономные дела (упомянутые в ст. 42)⁵³, признания общего представительства в рейхсрате от гражданских земель и Военной Границы, предоставления Тринединному королевству в любом случае тех же прав, что и Венгрии⁵⁴.

Самосталцы заявляли, что славяне смогут даже в рамках февральской конституции изменить политику государства и добиться реформ в духе федерализма. На практике подобные рассуждения, хотя бы вполне искренние, были направлены на удержание хорватов в послушании режиму. Самосталцы призывали народняков не впадать в крайность при требовании автономных прав. В сущности эта позиция могла удовлетворить лишь часть буржуазии, которая более успешно приспособлялась к хозяйственным условиям Австрийской империи. Поэтому народняк

⁵¹ См., например: Т. Smičiklas, F. Mačković. Указ. соч., стр. 311. Об А. Вебере и Ив. Кукулевиче: А. Вагас. Указ. соч., стр. 42 и 52. Примечательен факт, что И. Кукулевич в конце 50-х годов был настроен резко оппозиционно в отношении Австрии; см.: В. И. Фрейдзон. О жизни и деятельности Евгения Кватерника, стр. 143, 144.

⁵² О брошюре «Uvjetno ili bezuvjetno» — J. Sidak. Ivan Mažuranić kao političar. «Kolo», 1965, N 9-10, str. 372.

⁵³ Самосталцы протестовали против урезывания Венгой бюджетных средств на внутрехорватские дела. См.: «Домобран», 4. IV 1865.

⁵⁴ «Домобран», 4, 6, 7 VII 1864. Позднее самосталцы стали отрекаться от одностороннего «февральского» рейхсрата, заявляя, что народам еще предстоит договориться с короной об устройстве центрального законодательного органа. «Домобран», 23, 24. III 1865.

И. Перковац говорил, что для Мажуранича национальность — лишь «красная шапка»⁵⁵, т. е. внешний атрибут.

Самосталцы настойчивее других подчеркивали свой австрославизм. Тесное сотрудничество между народами Австрии они выдвигали как принцип политики хорватов. Кукулевич заявил: «И народность, и автономию, и славную будущность народа мы легче сможем обеспечить в объединении всех австрийских народов, чем в старинном объединении с Венгрией... я до самой смерти буду рассчитывать на австрийское славянство»⁵⁶. Поэтому «прочное сохранение Австрии» он объявлял «единственным залогом нашего национального и политического автономного существования»⁵⁷. Поэтому же самосталцы призывали хорватов твердо придерживаться австрославистской и автономистской позиций, занятых в 1848 г.⁵⁸

Самосталцы — отсюда и их название — выступали за сохранение самостоятельных (независимых от Венгрии) хорватских государственных органов в Вене (канцелярия) и Загребе. Наличие этих органов они считали главным достижением хорватов. Самосталцы противились всякому особому хорвато-венгерскому объединению в рамках империи⁵⁹. Компромисс с Венной, а в сущности участие хорватов в рейхсрате они считали необходимым, чтобы предупредить австро-венгерское соглашение за счет славянских народов. Самосталцы признавали возможным сотрудничество с Венгрией в борьбе за утверждение конституционных принципов и автономию Хорватии, но не объединение с ней⁶⁰.

Мажуранич, Кукулевич и другие опасались Венгрии, а Шмерлинг использовал их деятельность в целях уп-

⁵⁵ «Pozor», 18.XI 1865.

⁵⁶ I. K. S. Narodna moralna snaga južnih slavenah i hrvatske političke stranke. Zagreb, 1865, str. 11. «Govor Ivana Kukuljevića Sakcinskoga velikog župana zagrebačkog». U Zagrebu, 1866, str. 11; «Županija Varaždinska i magyaronanija u Hrvatskoj i Slavoniji». U Zagrebu, 1865.

⁵⁷ I. K. S. Narodna moralna snaga..., str. 12. Аналогичную аргументацию см.: М. Ожегович — Й. Штросмайеру, 6.III 1862 г. Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

⁵⁸ См., например: «Domobran», 14.V; 20.V 1864.

⁵⁹ См., например: «Govor Ivana Kukuljevića Sakcinskoga...», str. 9, а также: «Pozor», 29. VI; 19. IX 1866.

⁶⁰ «Kakov bi imao biti savez među kraljevinom Hrvatskom i Slavonijom i kraljevinom Ugarskom», U Beču, 1865; «Dnevnik sabora... 1861.» str. 223; М. Р о л и ć. Указ. соч., I, стр. 205.

рочнения административно-политического единства государства⁶¹.

В отличие от народняков, для самосталцев идеи «славизма» и южнославянского единства, которых они также придерживались⁶², либо являлись мечтой, менее чем у народняков связанной с практикой, либо были подчинены австрославизму⁶³. Кукулевич, например, верил, что в будущем южные славяне объединятся в независимом государстве, но считал, что они еще «не созрели» для независимости. Лояльная правительству газета «Аграмер Цайтунг», в которой выступали самосталцы, доказывала во время белградского кризиса в 1862 г., что «дело южных славян... будет наилучшим образом обеспечено, если они искренно привяжутся к Австрии»⁶⁴. «Хорватизм» иногда проявлялся у самосталцев даже более последовательно, чем у народняков⁶⁵, но среди самосталцев имелись и сербы. Однако югославизм — в смысле признания необходимости создания южнославянского государства на случай катастрофы Австрии — во взглядах либеральных самосталцев имел место. Некоторые самосталцы тайно были связаны с Сербией⁶⁶.

⁶¹ J. Sidak. Die kroatische politik in der sechziger Jahren des XIX. Jahrhunderts bis zum kroatisch-ungarischen Ausgleich (1868). «Österreichische Osthefte», Wien, 1967, Н. 3, S. 204.

⁶² Среди подписавших в 1850 г. декларацию о едином литературном языке находились крупные деятели хорватской культуры И. Мажуранич, И. Кукулевич, Д. Деметер, т. е. будущие самосталцы. См.: V. Novak. Antologija..., стр. 186. Кукулевич неоднократно выражал свою приверженность славянской взаимности в области культуры. Он переписывался с русскими учеными, участвовал в сборе материалов для этнографической выставки 1867 г.

⁶³ Сожалее о слабом влиянии идей славянской взаимности, либерально-австрославистский «Домобран» не без основания указывал, что одной из причин этого была ориентация славян на *самодержавную* Россию («Домобран», 5.1 1865). Но в сущности ссылака на реакционность царизма требовалась для провозглашения лояльности Австрии.

⁶⁴ Цит. по: АВПР, ф. Канцелярия, д. 150, л. 11 (Вена), 1862 г.

⁶⁵ См.: А. Вагас. Указ. соч., стр. 42. Прорывались у самосталцев и панхорватские взгляды: так, в каталоге хозяйственной выставки 1864 г. сербское население Хорватии не упоминалось.

⁶⁶ См.: В. Вучковић. Национално-револуционарна акција Србије Војној Граници. «Зборник Матице Српске», књ. 9. Нови Сад, 1954, стр. 10 (о Вончине); он же. Политичка акција Србије..., стр. 101 (о Крестиче) и 137 (о Вончине).

Многие либералы-самосталцы, вероятно, верили в целесообразность избранного ими пути достижения национальных целей. Это, однако, не меняет их объективной роли. Самосталцы представляли наиболее оппортунистическое буржуазно-чиновничье крыло австрославизма и югославизма. Хотя в борьбе против венгерской оппозиции Шмерлинг склонялся к некоторым уступкам умеренному крылу хорватского, сербского (в Воеводине) и румынского (в Трансильвании) национальных движений, можно усомниться в том, что тактика самосталцев, получи они перевес в Хорватии, привела бы к положительным результатам.

Сущность позиции самосталцев уловили их, казалось бы, крайние противники. В 1866 г. лидер унионистов Л. Хелленбах утверждал, что самосталцы соединятся с унионистами против народняков⁶⁷. В начале 70-х годов, когда стабилизировалось дуалистическое устройство государства, подавляющее большинство самосталцев — этих «ярких» противников дуализма — стало поборниками капитуляции перед венгерскими правящими кругами. В конечном счете, в этом проявилось сходство позиции большинства помещиков (унионистов), буржуазной, чиновничьей и клерикальной верхушки (самосталцев). И те и другие были связаны с господствующими классами империи Габсбургов.

Конечно, министрам Шмерлинга не могли прийти по душе австрославистские идеи Мажуранича и Кукулевича, их стремление объединить хорватские земли, участие чиновников Мажуранича в антинемецких манифестациях. Но в 60-х годах управлять Хорватией посредством «пиратов» было уже невозможно.

Представляет интерес рассмотрение взглядов самосталцев Й. Хорватом⁶⁸. Автор считал, что «политическая реальность» для самосталцев была «важнее государственно-правовых теорий»; он противопоставлял их стремление обеспечить хорватам «действительно возможное» шатаниям народняков. Хорват, этот вдумчивый автор, все же не задался вопросом, какие общественно-экономические интересы не позволяли народнякам мириться с режимом Шмерлинга, побуждали их ссылаться

⁶⁷ «Pozor», 5.I 1867; L. Hellenbach, Die Fusion, str. 52.

⁶⁸ J. Horvat, Politicka povijest Hrvatske, I, str. 250, 251.

на «теории», т. е. требовать «нереальную» (широкую) автономию и для достижения этого метаться в поисках союзников, менять тактику и т. д.

С возникновением партии самосталцев завершилось создание основных политических течений 60-х годов: народняков, унионистов, правашей и самосталцев. Некоторые участники иллиризма окончательно включаются в сербское национальное движение. Политическая пестрота, свойственная Хорватии в 60-х годах XIX в., была следствием ее общественного развития после революции.

Для 60-х годов характерно быстрое возрастание интереса населения к политике. Галереи во время заседаний сабора были переполнены. Скачок в своем развитии сделала публицистика. Появилось немало брошюр, излагавших взгляды политических группировок.

В 1862—1865 гг. развернулась полемика между самосталцами, с одной стороны, народняками и унионистами — с другой. Праваша, оставшиеся небольшой группой, мягче относились только к наиболее антиавстрийски настроенным унионистам и народнякам.

Защищаясь от нападок самосталцев, «Пóзор» отменял упреки в неудовлетворительности его линии с точки зрения интересов империи. Единственное, что отрицает программа федерации, писала газета, это господство одних народов над другими, абсолютизм; федералисты готовы на основе исторического права осуществить компромисс между принципами федерализма, централизма и дуализма; идея централизма получит признание, так как Австрия сохранит единую армию, дипломатию и финансы; элементы дуализма будут состоять в том, что земли св. Стефана сохранят древнюю конституцию; все остальные дела надо передать в ведение «отдельным историческим провинциям», что и будет федерализмом⁶⁹.

Лидеры народняков подчеркивали, что они представляют меньшинство сабора 1861 г., признавшее «общие дела» с Австрией. Условием сотрудничества с властями вожди народняков по-прежнему считали отказ правительства от навязывания реформ сверху, а также гарантию свободы печати⁷⁰.

⁶⁹ «Pozor», 14.IV 1863.

⁷⁰ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 26; «Građa», knj. 19, str. 46, 47 (1864 г.).

Но многие народняки голосовали в саборе 1861 г. против «общих дел». Антиавстрийски настроенным слоям общества были известны выступления Кватерника, призывавшие к борьбе за независимость⁷¹. Кватерника радушно принимали в дворянских домах, в буржуазной среде Карловаца⁷². Все это свидетельствовало о слабости сторонников Шмерлинга в Хорватии.

Международная обстановка оставалась нелегкой для Австрии. Маркс, излагая мнение одного польского эмигранта, иронически отметил в 1863 г., что Францу-Иосифу грозила «русско-сербско-румынско-итальянско-французско-венгерско-прусская бомба»⁷³. Поэтому оппозиционные группировки питали надежды на перемены.

В Герцеговине с 1861 г. продолжалось очередное восстание против турецкого господства. Повстанцев поддержала Черногория, и в 1862 г. вспыхнула черногорско-турецкая война, окончившаяся неблагоприятно для княжества. Но в южнославянских провинциях Турции продолжалась деятельность тайных организаций, руководимых из Сербии и Черногории.

В Сербии нарастал конфликт между населением и остатками турецких оккупационных войск. Наличие в Сербии турецкого (мусульманского) населения, не подчинявшегося распоряжениям властей, тормозило укрепление сербского государства. В июне 1862 г. турецкий гарнизон Белградской крепости подверг город обстрелу из орудий. В Белграде вспыхнули вооруженные столкновения с турецкими войсками. Южнославянское население Австрии ожидало сербо-турецкой войны. Но Англия и Австрия выступили на стороне Турции. Сербия, поддержанная Россией и Францией, получила лишь небольшую уступку. Две крепости были уничтожены, а турецкое население, проживавшее вне крепостей, было выселено из княжества. Турция сохранила за собой Белградскую крепость и три другие⁷⁴.

⁷¹ См.: «Građa», knj. 19, str. 206.

⁷² См.: В. И. Фрейдзон. Страницы истории..., стр. 60.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 306.

⁷⁴ См.: Ј. Ристић. Спољашни одношаји Србије новијег времена, књ. II. Београд, 1887; С. А. Никитин. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX в. «История, фольклор, искусство славянских народов». М. 1963; Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд, 1963, стр. 152.

Протурецкая политика Австрии вызывала возмущение южнославянского населения империи. События 1862 г. активизировали югославистскую пропаганду в Хорватии. «Кроаты рассчитывали, что восстание черногорцев и герцеговинцев перейдет в пределы Далмации—тогда и Крoация не могла бы играть пассивную роль». Когда же конфликт на Балканах был временно отодвинут, появилась надежда на новые международные осложнения. В конце 1862 г. в Хорватии распространялись слухи о готовящемся будто бы к весне 1863 г. выступлении Сербии и Черногории, о приготовлениях итальянцев к походу на Венецию⁷⁵.

Население оставалось враждебным режиму Шмерлингa. В учебных заведениях и клубах имели место антиправительственные манифестации⁷⁶.

На народнохозяйственной выставке 1864 г., согласно докладу бана, не удалось избежать «демонстраций против местных высших чинов... злобных и пакостных выходов»⁷⁷. Но эти эпизоды, конечно, не представляли какой-либо угрозы существующему порядку.

В Хорватии возобновились преследования оппозиции. На краткое время был заключен в тюрьму А. Старчевич. За второй выпуск «Политических исследований», явно антиавстрийского содержания, был отдан под суд Э. Кватерник. На процессе он утверждал, что врагами Габсбургов являются австрийские правители, вызывающие ненависть народов к Вене. Фактически же он оправдывал поддержку внешних врагов Австрии. Физический инстинкт самосохранения,—говорил он,—побуждает хорватов воспользоваться военным конфликтом для завоевания свободы, так как «вся масса хорватского простого народа от Дуная до Будвы крестит нынешнюю австрийскую действительность несносным ярмом...»⁷⁸. Кватерник был приговорен к тюремному заключению и высылке из Австрии (власти вспомнили, что он... русский подданный). Летом 1863 г. он уехал в Париж. Эта эмиграция являлась важным этапом политической биографии хорватского национально-радикального деятеля.

⁷⁵ См.: АВПР, Г. А., VA₂, д. 1015, лл. 35, 38; д. 1017, л. 24 (Фиуме), 1862 и 1863 гг.

⁷⁶ АВПР, д. 1017, л. 40 (Фиуме), 1863 г.

⁷⁷ M. Despot. Nekoliko dokumenata..., str. 50—52.

⁷⁸ Цит. по: М. Нећајеv. Указ. соч., стр. 172, 173.

Кватерник считал, что роспуск сабора приведет к исчезновению проавстрийских иллюзий в Хорватии⁷⁹. Когда в 1863 г. в Польше развернулось восстание, Кватерник надеялся на то, что в связи с этим восстанием Австрия будет втянута в войну. Ее поражение благоприятствовало бы организации восстания на Военной Границе.

Как и в 1859 г., Кватерник стремился убедить французские правящие круги в целесообразности поддержки движения в Хорватии. Как минимум он намеревался, заручившись французской помощью и возвратившись в Хорватию, вести пропаганду посредством печати⁸⁰. Многочисленная венгерская эмиграция располагала значительными связями в Париже. Когда Кватерник вновь получил аудиенцию у Жерома Бонапарта и, как и ранее, стремился подчеркнуть самостоятельную роль «хорватского вопроса», тот интересовался, имеется ли реальная перспектива хорвато-венгерского союза против Габсбургов. В это же время Кватерник составил записку, в которой доказывал возможность французского десанта в Далмации с целью продвижения на помощь Польше.

Но надежды Кватерника на втягивание Австрии в войну не оправдались. В начале польского восстания австрийское правительство маневрировало, выражало «сочувствие» повстанцам. Попытки венгерской эмиграции, в частности Кошута, организовать сотрудничество польского и венгерского национальных движений долгое время не имели успеха. Но по мере неудач восстания стала выясняться позиция Австрии, враждебная восстанию. Тогда представители повстанцев стали спланировать все антиавстрийские силы венгров, южных славян, румын.

Пока продолжалось восстание в Польше, итальянское правительство считалось с возможностью войны против Австрии. В этой обстановке венгерские эмигранты пытались сформировать венгерский легион для вторжения в Австрию одновременно с отрядами Гарибальди. В состав легиона вступали и южнославянские эмигранты.

Все эти обстоятельства побудили Кватерника завязать связи с крупными деятелями польской (В. Пшибыльский, З. Милковский и др.) и венгерской (Д. Клапка и др.) эмиграции. Дипломатическая деятельность

⁷⁹ См. Ch. Segvić. Drugo progonoštvo..., str. 7.

⁸⁰ Lj. Kunčić. Vanjskopolitički pogledi..., str. 419.

польской эмиграции в основном направлялась партией «белых». Кроме того, в годы второй эмиграции Кватерника связывала дружба с чешским радикальным деятелем, участником революции 1848 г. Йозефом-Вацлавом Фричем и другими чешскими эмигрантами⁸¹.

Весной 1864 г. Кватерник вступил в соглашение с польской эмиграцией. Целью совместной борьбы против Австрии должна была быть «независимость [хорватского] королевства и свобода народа». 7 марта он подписал обязательство «всеми силами служить объединению всех народов против австрийского господства, объединению, основанному на политической и гражданской свободе каждого народа... сделать все для объединения моего отечества Хорватии с Польшей, Италией, Венгрией, Чехией и всеми национальностями, угнетенными общим врагом, и целеустремленно добиваться их общего освобождения»⁸². Кватерник выехал в Турин и действовал здесь под руководством польских эмигрантов, оказавших ему материальную поддержку. В записке, составленной в мае 1864 г.⁸³ и предназначенной польским повстанческим кругам и французскому правительству, Кватерник развивал мысль о польско-хорватском сотрудничестве под покровительством Франции.

Польская эмиграция и Фрич содействовали сближению Кватерника с венгерскими эмигрантами. Относительно взаимоотношений Венгрии с соседними народами среди венгерских эмигрантов имелись разногласия. Идея Кошута о Дунайской федерации (Венгрия, Сербия, Хорватия, Румыния) встретила решительные возражения как со стороны либералов в стране, так и большинства эмигрантов. Но что касается Хорватии, то эмигранты склонялись к признанию возможности равноправного союза с ней⁸⁴. Хотя между взглядами Кватерника и

⁸¹ M. Šesták. *Revoluční spolupráce...*; о Фриче см.: «J. V. Frič a demokratické proudy v české politice a kultuře». Praha, 1956.

⁸² H. B a t o w s k i. *Dyplomatyczna misja Miłkowskiego w r. 1864*. «Zeszyty naukowe Univ. Jagellonskiego», N 7 (historija, z. 2). Kraków, 1956, str. 183, 184.

⁸³ E. K v a t e r n i k. *Промеморија...*

⁸⁴ Комитет венгерских эмигрантов в Турине (Тюрп и др.) в 1863 г. признал за Хорватией свободу самоопределения, а за сербами Воєводини — право на автономию. См.: В. Ј. В у ч к о в и ћ. *Војвођанско питање у односима између Србије и Мађара од 1859 до 1868*. «Зборник Матице Српске. Серија друштвених наука», 1953, № 5.

Клапки на венгеро-хорватские отношения сохранялись различия (Кватерник хотел лишь военного союза, а Клапка считал необходимым сотрудничество в торговых и таможенных делах), — было решено совместно бороться против Австрии⁸⁵. В польско-венгерском соглашении (Клапка — Орденга) от 8 марта 1864 г. говорилось о возможности хорвато-венгерской федерации⁸⁶.

Сотрудничество Кватерника с польской и венгерской эмиграцией стало примечательной страницей истории хорватского национального движения. Как представитель Хорватии он вошел в европейский революционный лагерь, с успехами которого стал связывать дело освобождения своей страны.

Весной 1864 г. эмиссары польской эмиграции направились в Белград (З. Милковский) и Загреб (К. Бенни). Бенни, вступив в контакт с А. Старчевичем, а также с представителем более радикального крыла народняков Д. Кушланом и унионистом М. Боговичем, попытался создать нелегальную организацию. Ему это якобы удалось⁸⁷. Однако нет сведений о какой-либо активности этого «комитета». Бенни убедился в крайней слабости радикальных элементов в Загребе. Восстание в Хорватии, писал он в своем отчете, «может быть следствием только мощного восстания в Венгрии или высадки Гарибальди». Особые надежды Бенни возлагал на Военную Границу⁸⁸. В Хорватии побывали и другие польские эмиссары.

Летом 1864 г. в эмигрантских кругах сохранялась надежда на организацию борьбы против Австрии. Гарибальдийцы намечали высадку десанта в Далмации. Поэтому Кватерник продолжал свою деятельность в Турине. Еще весной он написал прокламацию к граничарам, изданную Фричем в Женеве⁸⁹. Теперь же он подготовил обращение к хорватам, где объявлялось о снижении налогов, устранении остатков феодальных повинностей, правах крестьян на пользование лесом. Восстание грани-

⁸⁵ Подробнее см.: В. И. Фрейдзон. Страницы истории..., стр. 65—67.

⁸⁶ E. Kovacs. L'insurrection polonaise de 1863 et l'emigration hongrois. «Etudes historiques publiées par la Commission Nationale des Historiens Hongrois», II. Budapest, 1960, p. 160.

⁸⁷ Ch. Segvić. Drugo progonoštvo..., str. 99.

⁸⁸ H. Batoński. Указ. соч., стр. 185, 186.

⁸⁹ M. Šesták. Указ. соч., стр. 37, 38.

чар он считал возможным только после вторжения в Хорватию революционных отрядов. Вместе с Фричем и Пшибыльским Кватерник создал проект конституции независимой Хорватии (со словенскими землями). Фрич нарисовал печать этого государства. Кватерник добивался создания в Италии хорватского отряда (легиона).

Немалые трудности стояли на пути сотрудничества Кватерника с итальянскими правительственными кругами и деятелями национального движения. Ему вновь пришлось выступать против притязаний экспансионистов на южнославянские территории. Он добивался формального подчинения гарибальдийцев в случае их высадки в Хорватии хорватскому национальному правительству.

Гарибальди оказал ему моральную поддержку. «Я вступил в отношения с первым итальянцем, генералом Гарибальди, который тогда был душой и сердцем итальянских стремлений», — вспоминал Кватерник⁹⁰. В своем письме к знаменитому итальянцу Кватерник призывал его больше уделять внимания хорватам — «славянской народности, полной решимости жить собственной национальной жизнью, независимо и суверенно, в дружбе и добром соседстве с Италией». Общая задача обоих народов, по Кватернику, — бороться с австрийским гнетом, с германским натиском к Адриатике⁹¹. Ответное письмо Гарибальди от 8 июня 1864 г., отмечал Кватерник, «дышало самыми благородными идеями по отношению к нашему народу»⁹². Гарибальди писал о своей верности знамени свободы всех народов⁹³ и отмежевался от экспансионистов.

Мечтам Кватерника об организации вооруженного отряда не суждено было осуществиться ввиду нежелания итальянских властей, опасавшихся вызвать раздражение Австрии, поддержать его планы. Кроме того, хорватская революционная эмиграция была немногочисленна. Кватернику удалось собрать лишь группу дезертиров из австрийских гарнизонов в Италии. Один из них, Анте Ракиш, сын отставного граничарского офицера, стал его го-

⁹⁰ E. Kvaternik. Gorke uspomene. «Hèrvatska», 26.III 1871.

⁹¹ A. P. Campanella. Lettere inedite della cospirazione Kvaternik-Garibaldi per la liberazione della Croazia nel 1864, p. 123—125.

⁹² E. Kvaternik. Gorke uspomene; «Hèrvatska», 26.III 1871.

⁹³ A. P. Campanella. Указ. соч., стр. 126.

рячим приверженцем. В начале 1865 г. Ракияш пытался вести антиавстрийскую пропаганду и подготовить восстание в Далмации, но был арестован⁹⁴.

Уже летом 1864 г. в эмигрантской среде исчезли надежды на военное выступление Италии. Потерпели неудачу и планы эмиграции. Осенью связи Кватерника с польской и венгерской эмиграцией прекратились.

Тем временем австрийские власти усилили попытки обеспечить большинство мест в будущем саборе самосталцам. Кардинал Хаулик запретил священникам читать «Пóзор», обвинив народняков в симпатиях к «заклятым врагам святого престола» Кавуру и Гарибальди. Мажуранич запретил читать «Пóзор» чиновникам и учителям⁹⁵. В январе 1864 г. за «возбуждение недоверия к правящей династии» «Пóзор» был закрыт. Его редактор Перковац попал в тюрьму, а издатель Якич был оштрафован. Правительство Шмерлинга отказалось утвердить статут Югославянской Академии наук и искусств, предвидя, что она станет гнездом оппозиции.

Все эти действия властей привели лишь к росту популярности идеи сближения Хорватии с Венгрией⁹⁶ и к сотрудничеству народняков с унионистами.

Унионисты выступали на страницах «Пóзора» и в 1862—1863 гг. В 1865 г. обе партии вступили в блок («фузия»), пропагандистами которого были со стороны народняков Перковац, со стороны унионистов — барон Хелленбах. Сторонники фузии исходили из того, что автономия Хорватии может быть обеспечена лишь в составе земель св. Стефана. Хорватия будет вести переговоры с правительством только вместе с Венгрией: таким путем можно вырвать у Вены максимум уступок. Эта аргументация была выдержана в унионистском духе. Наряду с этим признавалось, что взаимоотношения между Хорватией и Венгрией должны основываться на самостоятельности и равноправии — здесь чувствовался голос народняков⁹⁷. Фузия означала, что народняки отказались от

⁹⁴ F. Šišić. Kvaternik (rakovička buna), str. 15.

⁹⁵ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1017, л. 48 (Фиуме), 1863 г.; М. Polić. Указ. соч., I, стр. 126.

⁹⁶ A. Starčević. Nekolike uspomene, str. 18; F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 7 (уже в 1861 г. имели место сдвиги в этом направлении).

⁹⁷ См.: L. Hellenbach. Die Fusion, S. 23.

идеи прямых переговоров с правительством отдельно от Венгрии — идеи, остававшейся краеугольным камнем самосталцев. Но в отличие от унионистов для большинства народняков единение с Венгрией было чем-то вроде «меньшего зла», по сравнению с режимом Шмерлинга, или тактическим шагом.

Самосталцы утверждают, говорили сторонники оппозиции, что подчиниться правительству необходимо, так как на его стороне сила, но если уж победа беззакония неизбежна, то пусть это произойдет без нашего согласия... Правительство нуждается в урегулировании: его политика зашла в тупик, ему угрожают внешние и внутривполитические осложнения⁹⁸. Со своей стороны самосталцы, готовясь к выборам, убеждали народняков в том, что венгерская опасность для Хорватии нарастает, и сближение хорватов с Венной необходимо⁹⁹.

Последней акцией в подготовке сабора властями явилось изменение порядка его комплектования: число вирилистов-помещиков было резко сокращено, что нанесло удар унионистам; представительство от гражданских областей уменьшено.

Но выборы 1865 г. дали подавляющее большинство сторонникам фузии. Не изменило соотношения сил в саборе даже прибытие из Военной Границы тщательно отобранных правительством офицеров.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДАЛМАЦИИ И ИСТРИИ

После неудачи в 1860—1861 гг. воссоединение осталось главной целью национального движения в Далмации, к которой надо было подойти путем длительных усилий, прежде всего развитием национального сознания. В 60-х годах народняки упорно боролись за распространение своего влияния. В 1862 г. в Задаре они начали издавать на итальянском языке, чтобы она была понятной интеллигенции, газету «Национале» и приложение к ней на сербско-хорватском языке («Народни лист»). Редактировали газету Натко Нодило — яркий либеральный пуб-

⁹⁸ «Razgovori (politički)...».

⁹⁹ М. Ожегович — И. Штросмайеру, 23. V 1865 г. Arhiv JAZU. Strosmajerova ostavština.

лицист, по профессии — преподаватель истории¹⁰⁰, и католический священник Иван Данило — либеральный югославист и русофил. В газете сотрудничали католики и православные — хорваты и сербы.

Далматинские народняки выступали за гарантию политических свобод, федерализацию империи. Подобно иллирам деятели национального возрождения в Далмации уделяли большое внимание изучению родного языка и фольклора. С 1862 г. в Которе, Сплите, Задаре и других местах начали возникать «славянские читальни» — очаги культурной и общественно-политической жизни, опора Национальной партии. В 1862 г. начала издательскую деятельность «Матица далматинская», во главе которой стоял Б. Петранович. Католический священник М. Павлинович уже в 1861 г. произнес речь в саборе на родном языке. Сабор разрешил дебаты на «иллирском языке», но постановил вести протокол по-итальянски¹⁰¹.

Успехи в борьбе за родной язык в школах и учреждениях приходили по мере завоевания народняками большинства мест в общинах и округах. То обстоятельство, что население Далмации было почти сплошь югославянским, делало сопротивление противников народного языка безнадежным. Однако размахивавшие жупелом «панславизма» противники национального возрождения устраивали антинародняцкие бесчинства на улицах и получали поддержку со стороны властей Шмерлинга. Репрессии в Далмации осуществлялись одновременно с подавлением оппозиции в Хорватии и Славонии.

Но полицейский режим в Далмации вызвал оппозицию и со стороны либеральной части автономистов (Баямонти и др.). В 1864—1866 гг. существовал непрочный оппозиционный «либеральный блок» части автономистов и народняков. Народняки не поднимали проблемы воссоединения с Хорватией, автономисты же признавали необходимость предоставить права «славянскому» языку. Блок выступал за утверждение конституционных принципов управления¹⁰².

¹⁰⁰ См.: V. Novak. Natko Nodilo — političar i ideolog. «Zadarska revija», br. 4-5, 1961; S. Traljić. Natko Nodilo kao urednik «Narodnog lista». «Radovi Instituta JAZU u Zadru», sv. VIII. Zadar, 1961.

¹⁰¹ R. Horvat. Hrvatski preporod u Dalmaciji, str. 21, 22.

¹⁰² См.: J. Veroš. Liberalni savez. «Zadarska revija», 1961, N 4-5, str. 351—367.

В 60-х годах хорватское и словенское национальное движение в Истрии не смогло ослабить привилегированного национального положения итальянцев, которое являлось следствием социального состава итальянского населения (см. гл. I и II). Сабор Истрии, заседавший в г. Пореч, как и далматинский (и вообще ландтаги австрийских земель), избирался по куриальной системе: 5 депутатов посылали помещики, 8 — города, 2 — торгово-промышленная палата, 12 — сельские округа. В 1861 г. из 30 членов сабора 26 были итальянцами; хотя южные славяне составляли $\frac{2}{3}$ населения, в сабор был избран лишь один славянский депутат (позднее — двое, а с 1870 г. — трое, в том числе двое — от крестьянских округов¹⁰³). Кроме того, в 1861 г. в саборе «по праву» занимали места три епископа (славяне).

Начало национального возрождения в Истрии было трудным. Епископ Юрай Добрила, по своим взглядам близкий Штросмайеру, говорил, что, хотя славяне Истрии спят, «они не мертвы...». Выступления хорватов и словенцев были направлены прежде всего в защиту равноправия языков в школьном деле, суде и управлении.

Что касается общеполитической позиции южнославянских лидеров в Истрии, то в 1861 г. они, как и национальная буржуазия словенских земель, выступили за участие в рейхсрате. Австрийское правительство в своей политике в Истрии стремилось сохранить хорошие отношения с местной итальянской буржуазией и в то же время иметь в лице славян противовес ее влиянию.

¹⁰³ F. Barbalić. Prvi istarski sabori. «Rad JAZU», br. 300. Zagreb, 1954, str. 282, 367.

*Россия,
национально-освободительное движение
на Балканах и австрославизм*

В конце 50-х—60-х годах целью правительства Александра II — А. М. Горчакова было устранение тяжелых условий Парижского мира 1856 г. и выход из внешнеполитической изоляции. Оно придерживалось осторожной тактики¹, предпочитало выступать, заручившись поддержкой других держав. Сначала Россия ориентировалась на сотрудничество с Францией, затем — в конце 50-х годов — стала сближаться с Пруссией и Австрией. При этом русская дипломатия отдавала себе отчет в серьезности австро-русских противоречий...

Парижский мир установил коллективное покровительство над христианами Турции шести держав, обязавшихся не предпринимать сепаратных действий на Балканах. Дипломатическая стратегия России здесь заключалась в восстановлении преобладающего влияния на балканские дела и использовании этого влияния в случае очередного международного конфликта. В период подъема освободительных движений на Балканах русская дипломатия понимала, что ее цели могут быть достигнуты лишь при определенной поддержке национальных требований южных славян.

С точки зрения своих интересов (в частности, упрочения самодержавного режима) правящие круги России понимали нецелесообразность политики захватов в южнославянских землях, понимали и невозможность

¹ С. А. Никитин. Русская дипломатия и национальное движение южных славян, стр. 161.

такой политики во внешнеполитических условиях 60-х годов. Они считали, что политическая активизация христианского населения обещает России «естественных союзников»². Консул в Дубровнике писал в 1869 г.: «Как по убеждению императорского министерства, так и по моему собственному, успех нашей политики зависит во многом от благоденствия и полной нравственной зрелости маленьких независимых стран: Греции, Сербии, Черногории, которые должны быть хранителями будущих судеб Балканского полуострова»³. Русская дипломатия в 50—60-х годах выдвигала проекты создания в турецких владениях автономных политических образований (прежде всего речь шла о Боснии и Герцеговине), имея в виду развитие их в конечном счете в независимые государства.

Среди южнославянских либеральных и радикальных слоев в это время распространилось влияние Франции («принцип национальностей»), итальянского (Мадзини, Гарибальди)⁴ и польского национальных движений, усилилось воздействие революционно-демократической идеологии. В южнославянские земли, в частности в Сербию, проникали «Колокол», «Современник», который читался «нарасхват»⁵, сюда доходила агитация М. И. Бакунина. Кроме того, усиленное экономическое проникновение капиталистических государств на Балканы сказывалось на ориентации части местной буржуазии на Запад.

Русское правительство опасалось, что в эти насыщенные острой политической борьбой годы события могут выйти из-под его влияния. В частности, и поэтому поддержка южнославянских национально-радикальных кругов в случаях, если их организации не несли в себе «ника-

² См.: С. А. Никитин. Русская дипломатия и национальное движение южных славян, стр. 173.

³ АВПР, Г. А., VA₂, д. 734, л. 129 (Рагуза), 1869 г. Выделено нами.— В. Ф.

⁴ Вопреки многочисленным скептикам, консул в Белграде — Н. П. Шишкин — считал, что появление Гарибальди с отрядом добровольцев на берегу Адриатики, а затем в Турции «будет искрой, от которой возгорится пожар, могущий разлиться до самых берегов Босфора». АВПР, Г. А., VA₂, д. 252, л. 169 (Белград), 1866 г. О французском влиянии на Балканах, которое «творит чудеса», см.: В. И. Фрейдзон. О белградском «комитете» М. Бана, стр. 100.

⁵ АВПР, Г. А., VA₂, д. 248, л. 91 (Белград), 1863 г.

кого революционного зародыша (в западном смысле)»⁶, казалась правящим кругам России необходимой. Русская дипломатия стремилась держать руку на пульсе национально-революционной деятельности южных славян Турции, чтобы предупредить преждевременные, с ее точки зрения, и изолированные вспышки и иметь возможность поддержать всеобщее выступление в благоприятный момент.

Тенденцию внешней политики России, направленную на создание славянских государств на Балканах, отмечал в 1866 г. Ф. Энгельс⁷. Как видно, интересы внешней политики России и национально-освободительного движения в Европейской Турции определенным образом сближались. Поэтому-то Россия в 60—70-х годах XIX в. могла содействовать становлению национальной государственности на Балканах.

Славянофильские круги также выступали за помощь антитурецкому движению на Балканах. Они не останавливались перед поддержкой вооруженной национально-освободительной борьбы южных славян. А. И. Герцен отмечал ведущуюся ими «православно-революционную пропаганду, имеющую целью поднять славян с хоругвью Кирилла и Мефодия»⁸.

Что касается внутривосточного аспекта «славянской» (и даже балканской) политики царского правительства, то определенно вырисовывается ее направленность к упрочению существующего строя, т. е. против русского революционного и демократического движения. Именно поэтому представители революционно-демократического народнического течения, видевшие главную задачу в борьбе против самодержавия и помещичьего класса, относились сдержанно или резко отрицательно к политике правительства на Балканах.

Все это лишь подтверждает тривиальную истину, состоящую в том, что царское правительство, как и правящие круги других держав, в своей политике исходило из собственных интересов. Но для национального движения южных славян существенным было то, в чём

⁶ АВПР, Г. А. VA₂, д. 248, л. 244.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 31, стр. 227.

⁸ А. И. Герцен. Собрание сочинений под ред. М. Лемке, т. XIX, стр. 384. Ряд фактов, свидетельствующих об этом, см.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России...

заклучалась цель политики каждой из держав, каковы были последствия этой политики для национальной судьбы южных славян.

Историческое значение русско-турецкой войны 1877—1878 гг. для болгарского народа ясно. В. И. Ленин называл эту войну в своем перечне вех на пути ликвидации феодализма⁹. Но между отношением России к турецкой власти над народами Балканского полуострова в 1875—1878 гг. и в интересующее нас пятнадцатилетие (1859—1873 гг.) принципиального различия не было. Русская политика в Восточном вопросе после Крымской войны при всех колебаниях тактического характера проводилась в общем последовательно, ставя перед собой одну задачу за другой.

Уже в 1857—1858 гг. Россия отстояла принцип фактической независимости Черногории¹⁰. В 1866—1867 гг. Россия оказала дипломатическую поддержку греческому восстанию на Крите. В 60-х годах русская дипломатия решительно выступала против австрийской экспансии на Балканы.

С начала 60-х годов центром движения против турецкой власти вновь стало Сербское княжество. Поэтому правительство Александра II — Горчакова рассматривало Сербию в качестве главного опорного пункта своего влияния на Балканах. Оно добивалось тесного контакта с сербскими властями и с недоверием относилось к независимым от них национально-радикальным организациям, в особенности к находившимся под влиянием радикально-демократических и социалистических элементов.

Правящие круги Сербии (князь Михаил Обренович, глава правительства И. Гарашанин), как и деятели сербского буржуазно-национального движения, нуждались в русской поддержке, в особенности в противодействии вмешательству Австрии в балканские дела. Уже в 1860 г. сербский публицист Матия Бан в записке МИД России развивал мысль о русской поддержке борьбы балканских народов как пути к их освобождению и вместе с тем к усилению внешнеполитических позиций России без прямого конфликта с другими державами. От России требовалось

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 144.

¹⁰ С. А. Никитин. Русская дипломатия и национальное движение южных славян..., стр. 162—164.

прежде всего обеспечить нейтралитет держав. Записка соответствовала точке зрения Горчакова, который назвал ее «замечательной», и Александра II, считавшего высказанные в ней мысли «справедливыми»¹¹. Действительно, аналогичные взгляды излагались в материалах самого ведомства А. М. Горчакова.

В связи с этой политикой установилось отношение русских правящих кругов к славянскому вопросу в Австрийской империи.

В панславистских и славянофильских кругах России имели хождение взаимоисключающие взгляды относительно Австрии. Здесь делались попытки обосновать австрославизм. Например, известный (в более позднее время) историк В. И. Ламанский в конце 50-х годов считал, что распад Австрии нереален и единственный путь к освобождению славян — «ославянить» Австрию и добиться равноправия славян с немцами. Для усиления славян, рассуждал он, можно Австрии «даже придать кое-что из славянских земель Турции... вплоть до Константинополя (!). Уничтожить Австрию, заявлял Ламанский в полном соответствии со взглядами австрославистов, означало бы обрадовать немцев (сторонников «великой Германии», — В. Ф.) и «раскромсать славян»¹².

Но большинство (М. Погодин, Р. Фадеев, И. Аксаков и многие другие) принадлежало к ярким австрофобам и в 40-х и в 60-х годах XIX в. проповедовало распад Австрийской империи как путь к освобождению славян¹³ и усилению позиций России в этой части Европы.

Что касается русской дипломатии, то, вероятно, к единой (отрицательной) точке зрения на австрославизм она пришла не сразу. Свидетельством этого является записка, составленная в ее кругах в 1860 г. Здесь отмечался рост национального самосознания народов Австрийской империи и неизбежность усиления их влияния на ситуацию в этом государстве. Но миссия австрийского «славизма» в записке представлялась неясной.

¹¹ В. И. Фрейдзон. О белградском «комитете» М. Бана, стр. 105, 106. О русско-сербских и русско-хорватских отношениях см. в VII и IX главах.

¹² В. И. Ламанский — И. С. Аксакову, 5.XI 1858 г. (ЦГАОР, Секретный архив, III Отделение, ф. 109, д. 395).

¹³ Победа австро-венгерского дуализма придала аргументации этих кругов дополнительную силу. См. например: И. С. Аксаков. Сочинения. т. I, 1886, стр. 137.

Разве славяне «не наши естественные защитники?» Они, по мнению автора, будут способствовать сохранению связей России со славянами Турции и нейтрализуют ее противников в Австрии; они — сила стабилизирующая и все, что их ослабляет, способствует распространению германского влияния до устья Дуная... Этот революционный сдвиг был бы фатальным для Австрии и вредным для России. В записке выражалась надежда, что австрийское правительство станет рассматривать «славянский вопрос» как нечто связующее обе империи, а не как орудие в русских руках¹⁴.

Но правящие круги России не могли сочувствовать идеям федерализации Австрийской империи. Австрослависты выступали под флагом стабилизации внутривнутриполитического положения Австрии, а в этом вовсе не было заинтересовано царское правительство. Как по мнению русских дипломатов, так и сербских государственных деятелей, успех австрославистов нес в себе серьезнейшую опасность для Сербского княжества. В Сербии подчас понимали, что автономия Хорватии может иметь положительное значение для судьбы южных славян, но опасались усиления влияния Австрии на Балканах. Поэтому и Россия, и Сербия с подозрением относились к политике австро-федералистов¹⁵. Кроме того, федерализация Австрии могла повлиять на настроения в Царстве Польском, а это тревожило власти Александра II.

В 1866 г. консул в Белграде Н. Шишкин, касаясь трудностей, с которыми связано для южных славян освобождение от турецкого господства, писал: «Несостоятельность сербских планов сделается нагляднее и очевиднее, если Австрия, изгнанная из швабского (Германского.— В. Ф.) союза, обратит свое старание на составление славянской конфедерации... Тогда она тотчас станет опасной соперницей Сербии, будет более чем когда-либо препятствовать усилению ее и, уверив народности в искренности своих стремлений, она сделается средоточием, к которому устремятся турецкие славяне»¹⁶. В 1870 г. А. Ионин, консул в Дубровнике, считал, что уступки Вены славянам не сделают Австрию славянским

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 78, лл. 71—83 (Вена), 1860 г.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 182, л. 190а (Вена), 1865 г.

¹⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1384, л. 139, 1866 г.

государством, но роль Сербии упадет еще больше, в связи с чем Россия окажется перед «затруднениями весьма серьезного свойства»¹⁷.

Наконец, австрослависты утверждали, что «славянизированная» Австрия стала бы другом России. Необходимость этой дружбы подчеркивалась ими в особенности ввиду опасности со стороны возникшей в 1870 г. Германской империи: славянский мир, объединившись вокруг России и Австрии, сможет сопротивляться германизму, считали лидеры чешских либералов¹⁸. Однако все это не могло заслонить планов превращения Австрии в притягательный центр для славянского населения Турции¹⁹.

В 1871 г. Ригер в чешском сейме говорил о миссии Австрии на Балканах. В беседе с Новиковым он отрицал антирусскую направленность этой речи и доказывал, что, поднимая балканскую проблему, стремился лишь склонить Франца-Иосифа к поддержке австрославянских федералистских планов. «Зная, что заветной мечтой императора является присоединение Боснии и Герцеговины,—объяснял он смысл своего выступления,—я хотел, чтобы мои слова проникли в его сердце... Наши иллиры (т. е. южные славяне Австрии.— В. Ф.) могли бы когда-нибудь стать ядром притяжения для южных славян...» О премьер-министре Гогенварте (1871 г.), склонном к компромиссу со славянами, Ригер говорил, что тот является сторонником прорусской ориентации...²⁰ Иначе оценивали намерения Гогенварта противники австрославизма. Когда правительство Гогенварта осенью 1871 г. вело переговоры с чешскими либералами о федерализации Австрии, Бейст (противник Гогенварта) заявил Новикову, что глава австрийского правительства, вероятно, стремится победить «фантом русского панславизма» австрийским панславизмом, т. е. федерализмом и автономией земель.

Новиков докладывал в Петербург, что не ошибался, приписывая правительству Гогенварта и австрославистам «утопию Славяно-Дунайской федерации под скипе-

¹⁷ АВПР, Г. А., VA₂, д. 735, л. 125 (Рагуза), 1870 г.

¹⁸ См. например: АВПР, ф. Канцелярия, д. 120, л. 146 (Вена), 1871 г.

¹⁹ О том, что, сделавшись «панславистской империей», Австрия станет еще более враждебной России, писал в 1866 г. К. Маркс. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 31, стр. 204.

²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 121, лл. 286—287 (Вена), 1871 г.

тром Габсбургов», однако не знал, что лидеры австро-славистов рассчитывают при этом на поддержку России, тогда как венгерские радикалы «стремятся к реализации того же самого кошмара против нас при поддержке Германии». «Австрийский панславизм», — подчеркивал Новиков даже после неудачи Гогенварта, — со временем может стать все более опасным для России, так как «в отличие от русского панславизма, являющегося даже в России делом кучки фантазеров» (*une poignée de reveurs*), австрийский федерализм может стать реальностью. По Новикову, различие между дуализмом и федерализмом (имеющими тенденцию «притяжения христианского населения нижнего Дуная») состоит лишь в том, что, согласно федералистам, Австрия должна стать Дунайским государством (овладеть нижним течением Дуная. — В. Ф.) при главенстве славян, а, согласно дуалистам, — венгров... Но федерализм опаснее дуализма, так как быстрее может привести к указанной цели²¹.

Относительно полно взгляды правящих кругов России на проблему национальных движений славян Австрийской империи были изложены в конце 1869 г. в указаниях Горчакова посланнику в Вене Орлову, утвержденным царем. В Австрии, говорилось здесь, сложилась новая внутренняя структура (имеется в виду дуализм. — В. Ф.). При этом «страх перед славянством и ненависть к нему, очевидно, являются господствующей идеей...». Если Австро-Венгрия, продолжал Горчаков, расширит свои пределы по Дунаю, интересы России окажутся под угрозой. Если же достигнут преобладания федералисты, то, конечно, укрепится автономия славянских племен (*gaces*), «наших естественных союзников», но, с другой стороны, федеративные государства вообще приобретают политическую силу, опасную для соседей... Важно, чтобы изменения в Австрии происходили без анархии и кризисов. Поэтому усилия Бейста удерживать национальную борьбу в легальных рамках и «упрочить связи между национальностями в государственном ансамбле» монархии не должны встречать вражды со стороны России. Правительство не отвергает симпатий единокровных и единоверных нам национальностей Ав-

²¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 121, лл. 286, 287, 456, 457; д. 122, лл. 197—199, 236, 237 (Вена), 1871 г.

стрии. Однако «наши отношения с австрийскими славянами в их же интересах следует установить в [определенных] рамках. Наше слишком явное проявление к ним симпатий им не поможет, но лишь затруднит их политическое развитие, подогревая недоверие, инспирируемое призраком панславизма во всей Европе... Но мы не имеем... ни желания, ни средств воспрепятствовать проявлению национальных русских чувств у нас» (т. е. сочувствия славянам.— В. Ф.), в особенности в области литературы и науки... Правительство, говорилось в указаниях, понимает, что России в ее восточной (балканской.— В. Ф.) политике не удастся достичь единства с Австрией, но оно не заинтересовано в разжигании антагонизма с Австрией... «Необходимы мудрость и сдержанность»²².

Эта позиция диктовалась соотношением сил между державами и конкретными целями внешней политики России в 60-х годах XIX в. Показательны колебания между тенденцией рассматривать славян Австрии как союзников России и опасением перед австро-федералистскими планами. Если в отношении Турции в общем и целом проводилась политика учета национальных требований ее народов, то в отношении Австрии превалировало стремление к компромиссу и ощущалось влияние «охранительных» соображений.

Все изложенное не означает, что Россия проводила политику, противную национальным движениям южных славян Австрийской империи. В 1868 г., например, дипломатическим представителям в Австро-Венгрии была дана инструкция ни в коем случае не действовать вопреки интересам австрийских южных славян. В июне 1870 г. Горчаков разъяснял Новикову, что правительство сочувствует всестороннему упрочению славянских наций Австрии и культурным связям их с Россией. «Мы будем приветствовать всякий успех родственного нам населения в отношении автономии, безопасности, процветания». Но интерес австрийских славян, по Горчакову, — в укреплении собственных сил и тем самым в подготовке своего будущего, но не в «насильственной борьбе и анархии». Россия не будет «ни вызывать, ни воодушевлять» их на это. Осенью 1871 г., когда в Австро-Венгрии разгорелась

²² АВГР, ф. Канцелярия, д. 165, лл. 303—318 (Вена), 1869 г.

борьба против дуализма, Горчаков считал, что России следует держаться «спокойно»²³ и т. д.

Естественно, что к югославистской тенденции хорватского национального движения, не связанной с австрославизмом, русская дипломатия относилась более благоприятно. В октябре 1867 г., т. е. после установления дуализма, посланник в Вене Стакельберг считал, что положение хорватов изменится в благоприятном смысле, как только восстание христианского населения в Турции даст им опору и центр притяжения²⁴...

Как правило, неясные идеи общеславянских объединений, имевшие хождение в либеральных кругах славянских земель, предусматривали сохранение очень широкой самостоятельности отдельных народов. По существу такие объединения рассматривались в качестве гарантии национальной самостоятельности. Национальная буржуазия добивалась самостоятельности, а не перемены подданства. Подавляющее большинство славянских национально-буржуазных деятелей придерживалось «культурного панславизма», т. е. считало важным для славянских народов взаимное ознакомление с их культурными ценностями. Что касается политики, то либералы рассчитывали на «славянскую взаимность» в борьбе за национальные интересы каждого народа. В отличие от некоторых национально-радикальных и революционно-демократических элементов либералы имели в виду прежде всего взаимопомощь между господствующими классами (или даже правящими кругами) славянских стран. *Конкретная* программа славянских либералов в Австрии исходила из австрославизма или «австрийского панславизма», а не панславизма в прямом значении этого слова.

Правящие круги России стремились поддерживать свой авторитет и влияние среди славянских народов Австрийской империи и Турции, но они отрицательно относились не только к австрославизму, но по ряду причин и к пропаганде панславизма. Прежде всего эта пропаганда усиливала враждебные России настроения в европей-

²³ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 424 (Фиуме), 1868 г.; АВПР, ф. Канцелярия, д. 148, л. 261, 262 (Вена), 1870 г.; д. 122, л. 198 (Вена), 1871 г.

²⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 164, л. 174 (Вена), 1867 г.

ских державах. Кроме того, либерально-панславистские идеи были неприемлемы для самодержавия. В приведенных указаниях Орлову (1869 г.) говорилось, что Россия, поддерживая хорошие отношения со славянами, «не станет покровительствовать панславистским утопиям, которые очень часто содержат подрывные идеи». Новиков также считал, что славянские либералы исходят из «разлагающего» принципа национальностей. Относительно имевшей хождение в младочешских кругах идеи межславянского объединения, при котором каждая национальность сохранила бы самую широкую автономию, Горчаков заметил: «Иначе говоря, им снятся республики» (*ils rêvent des republicues*)²⁵. Такого же мнения придерживался Александр II. Так, в одном из докладов Новиков сообщает, что часть славянских федералистов не верит в жизненность Австрии и видит будущее славян в объединении на основе автономии и под покровительством российского государя, который совмещал бы «российскую императорскую корону с достоинством славянского императора, так же как король Пруссии одновременно является императором Германии». Даже венгерские национал-радикалы, симпатизирующие Кошуту и враждебные Габсбургам, склоняются к возможности включения Венгрии в состав этой конфедерации... На полях этого доклада царь написал: «тегісі»²⁶.

В 1872 г. в Белграде появилась брошюра А. Орешковича «Славянская задруга», автор которой проводил мысль, что 30 млн. поработанных славян не могут спасти свою национальность, не присоединившись к России (на основе автономии). Сообщение об этом Новиков снабдил следующим комментарием: «Преследуемый в Австрии, дезавуированный нами воинствующий панславизм не признает себя разбитым». Сущность этого панславизма он изложил так: «Югославянская идея, направленная на объединение либо вокруг Белграда, либо вокруг Загреб всего населения сербской и хорватской крови, и пражская программа, мечтающая о федерации славян, как западных, так и южных, под скипетром Габсбургов и при гегемонии чехов,— обе они подчинены (в брошюре

²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 122, лл. 48а, б; 49 (Вена), 1871 г.

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 121, лл. 396, 397 (Вена), 1871 г.

Орешковича.— В. Ф.) «великой идее» тяготения всех народов родственной расы к русскому центру...»²⁷.

Выступление Орешковича произвело столь неприятное впечатление в среде русской дипломатии, что здесь даже возникла мысль, не инспирировано ли оно ... австро-венгерскими властями²⁸.

Царское правительство неоднократно открещивалось от панславизма. В частности, в ответ на заявление Андраши об отказе Австро-Венгрии от политики экспансии на Балканах, русское правительство подчеркнуло, что панславизм ему чужд (1871 г.). Эти демарши явились шагом на пути к «союзу трех императоров» (1873 г.).

Итак, если славянам Турции русская политика оказывала непосредственную поддержку, то национальные движения в Австрии не могли рассчитывать на помощь с этой стороны ни федералистским планам, ни тем более революционным элементам, не было и реальных оснований ожидать австро-русского конфликта в ближайшее время.

Но поддержка Россией освободительной борьбы на Балканах имела большое значение для судьбы южных славян Австро-Венгрии.

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 106, л. 295 (Вена), 1872 г.

²⁸ АВПР, Г. А., VA₂, д. 259, лл. 111—113 (Белград), 1872 г.

*Кульминация кризиса
Австрийской империи
и подъем югославистского движения.
Австро-венгерский дуализм.
1865—1867 гг.*

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА
И АВСТРОСЛАВИСТЫ

В течение лета и осени 1865 г. политическая обстановка в империи изменилась, и усилия самосталцев в Хорватии оказались бесцельными.

Придворным кругам не удалось стабилизировать положение в государстве. Продолжалось движение за парламентский строй. Не утихала борьба против национального неравноправия. В 1862—1863 гг. рейхсрат покинули чешские депутаты. Венгры и хорваты в рейхсрате не появились. Сильная дворянско-либеральная группировка в Венгрии строила свои расчеты на том, что в случае новой внешнеполитической неудачи правительство пойдет на уступки. А между тем надвигалась война Австрии с Пруссией. В этих условиях политика Шмерлинга стала опасной для Габсбургов.

И действительно, уже весной 1865 г. Франц-Иосиф и его окружение окончательно убедились в необходимости компромисса с наиболее сильной оппозиционной группировкой — венгерским дворянством, давно дававшим понять, что оно отказалось от идей Кошута. Не отступая от требования равноправия Венгрии с Австрией и гарантий конституционного строя, Ференц Деак, как и ранее, подтверждал, что венгерские помещики останутся верны империи. Дворянство признавало «общность интересов» Австрии и Венгрии по широкому кругу вопросов. В 1865 г. начались переговоры между придворными кругами и венгерской оппозицией. В июне 1865 г. Франц-Иосиф предпринял поездку в Пешт, где либеральными кругами

ему была оказана торжественная встреча. Трансильвания была вновь включена в состав Венгрии.

В июле 1865 г. Шмерлинг, а за ним и Мажуранич подали в отставку. Место государственного министра занял немецкий консервативный помещик из Моравии граф Рихард Белькреди, известный своим сочувствием псевдофедералистским идеям. 20 сентября 1865 г. был издан манифест, приостанавливавший действие февральского патента 1861 г. Франц-Иосиф вновь пообещал «стать на путь соглашения с законными представителями восточной половины империи». Этот акт был встречен с неудовольствием австро-немецкими либералами и как новое проявление самовластия, и как свидетельство отказа от централизации управления империей. Иными, однако, были отклики в Венгрии и славянских землях: хотя дворянство и буржуазия привыкли относиться с недоверием ко всему, что идет из Вены, они были обрадованы. Белькреди смягчил политику в отношении национально-либеральной оппозиции. Были частично восстановлены права комитатских собраний (жупанийских скупщин в Хорватии). Местным властям было дано указание при сборе налогов действовать осторожней. В ноябре 1865 г. вновь появился «Пóзор». Во всем этом сказалась важная черта политической жизни Австрийской империи — первостепенное значение национального вопроса. «Либерал» и централист Шмерлинг усилил репрессии в национальных областях, а Белькреди несколько сдерживал пыл жандармов...

В Хорватии вновь приободрились федералисты. Хотя целью правительства являлось соглашение с Венгрией, власти стремились сдерживать провенгерские силы в Хорватии, чтобы заставить венгерских либералов пойти на большие уступки Вене¹ и сохранить централистское устройство государства. Таким образом, правящие круги рассматривали Хорватию как средство в политической игре.

В этих условиях открытие сабора откладывалось три раза. Сессия началась лишь 12 ноября 1865 г. после пертурбации в «высших сферах» Австрии. Тогда же была принята отставка Мажуранича, которого сменил унионист.

¹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1023, лл. 11, 12 (Фиуме), 1866 г.

Фракция самосталцев, кроме избранных депутатов, состояла из нескольких помещиков-вирилистов, церковных иерархов (кроме Штросмайера) и чиновников.

В начале заседаний сабора фузия еще сохраняла внешнее единство, но, по мере возрастания перспективы австро-венгерского соглашения, происходило сближение между народняками и самосталцами.

В 1865 г. после смены режима самосталцы усилили акцент на федералистском смысле своей политики. Они говорили об австрийской федерации с общим парламентом, в котором Хорватия должна быть представлена самостоятельно. Программа, составленная в этом духе А. Чепуличем, была обнародована в ноябре 1865 г., т. е. после отставки Мажуранича². Ее исходным пунктом была защита «единства и великодержавия монархии», в связи с чем признавались необходимыми общее правительство и парламент. «Хорватия, конституционная, автономная и самостоятельная» должна договориться с короной³. Газета самосталцев «Домобран» отстаивала «заявление Прицы», т. е. речь шла лишь о совместном рассмотрении всеми землями «общих дел» империи.

Самосталцы искали общую платформу с народняками, однако различие по-прежнему заключалось в объеме требуемых самосталцами и народняками национальных прав. В федерации, по мнению самосталцев, центральная власть могла сохранить преобладание над национальностями, а это было неприемлемо для народняков. Оставались и различия в тактике (фузия еще не исчезла). Среди самих народняков также сохранялись различия: провенгерское крыло их (Перковац) выступало против самосталцев более резко. Рачкий же выражал готовность вести диалог с Веней.

Франц-Иосиф потребовал от сабора обсудить государственно-правовую проблему и, в частности, хорвато-венгерские отношения. Сабору было предложено подготовиться к участию в коронации в Буде.

На позиции сабора в 1865—1866 гг. сказалась политика либералов Деака в Венгрии, стремившихся к компромиссу с короной⁴, а также страх перед надвигав-

² См.: J. Š i d a k. Die kroatische Politik..., S. 205.

³ «Pozor», 21, 24.IX 1865; 19.IX 1866.

⁴ J. Š i d a k. Die kroatische Politik..., S. 205.

шейся войной с Пруссией, последствия которой были неясны.

В отличие от 1861 г. ответ (адрес) сабора Францу-Иосифу исходил из признания «общих дел» империи. Сабор считал, что Хорватии и Славонии следует определить эти общие дела «сообща» с венгерским королевством. Но до этого должны были быть урегулированы хорвато-венгерские отношения, согласно статье 42⁵. Хорватия и Славония признавались землями венгерской короны. Адрес, принятый 10 февраля 1866 г., был выдержан в духе фузии, который едва теплился в саборе.

Адрес был проникнут стремлением к соглашению с короной. Здесь не было требования демилитаризации Военной Границы. Говорилось лишь о ее присоединении к Хорватии при сохранении военного устройства⁶. Депутаты, понимая, что дело идет к войне, не решились требовать большего. В более туманных выражениях, чем в 1861 г., была сформулирована просьба о присоединении Далмации.

И адрес, и прения по нему свидетельствовали о крайнем политическом разброде в Хорватии. После долгих дебатов адрес был принят 78 голосами народняков и унионистов против 22 (небольшая группа правашей, не признававшая «общих дел», и часть народняков, вновь уже склонявшаяся к федерализму) при 92 воздержавшихся.

В ответе императора не без иронии выражалось удовлетворение тем, что сабор признал «общие дела», и содержалась «теплая рекомендация», не выдвигая формальных препон, вступить в переговоры с венгерским сеймом. Франц-Иосиф вновь сослался на «интересы оборонной мощи монархии», не позволяющие присоединить Границу к Хорватии⁷.

Статья 42 фактически уже квалифицировалась в ответе Франца-Иосифа как «формальные препоны» для столь желанной коронации.

Сабор избрал делегацию во главе со Штросмайером для переговоров с венгерским сеймом. Не добившись

⁵ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1023, л. 14 (Фиуме), 1866 г.; «Pozor», 16.II, 1866; М. Polić. Указ. соч., I, стр. 179.

⁶ М. Polić. Указ. соч., I, стр. 152, 153, 173.

⁷ R. Horvat. Najnovije doba..., str. 237; М. Polić. Указ. соч., I, стр. 197 и далее.

согласия венгерской стороны со ст. 42, сабор 10 марта 1866 г. дал делегации наказ держаться «смысла и духа, породившего ст. 42». Имелись в виду: свободный договор с Венгрией, право Хорватии иметь собственный бюджет и отдельное от Венгрии представительство при рассмотрении общеимперских дел. За наказ голосовали самосталцы и большинство народняков. Унионисты считали, что наказ свидетельствует о возвращении народняков к федерализму⁸.

Так завершился развал фузии. Приверженцы фузии в среде народняков с разочарованием убеждались в том, что хорвато-венгерского сотрудничества не получается, и влияние сторонников самостоятельного представительства Хорватии при решении общеимперских проблем вновь возросло.

Главным для политической ситуации являлось то, что правительство продолжало игру с федералистами, чтобы вынудить Венгрию к большим уступкам. Искренно выступая за большую самостоятельность Хорватии, народняки — пока они ориентировались на решение национального вопроса в федералистском духе — невольно облегчали маневры правительства. Унионисты, отмечавшие это, сами звали всего лишь к скорейшей капитуляции перед венгерским дворянством.

Таким образом, в 1866 г. продолжалось сближение между самосталцами и народняками. Все же, пока восстановление венгерской власти над Хорватией не стало непосредственной перспективой, между народняками и самосталцами сохранялись глубокие разногласия⁹.

Правши по-прежнему выступали против соглашения с правительством. Уверенность в близости нового военного конфликта побуждала их бороться против попыток Вены стабилизировать положение в империи. Кватерник утверждал, что целью правительства Белькреди является «выковать новые цепи народам»¹⁰. Старчевич же заявлял, касаясь возрождения федералистских иллюзий: «Между Австрией федерализованной и Австрией централизованной та же разница, что между чертом и сатаной. Не следует давать себя увлечь перспективой присоединения Далмации и т. п.: рабу безразлично, оди-

⁸ М. Роліć. Указ. соч., I, стр. 203—205.

⁹ См. например: «Розог», I.X 1866.

¹⁰ См.: В. И. Фрейдзон. Страницы истории..., стр. 72.

нок ли он или имеется много таких же несчастных, как он сам»¹¹. Из Турина Кватерник информировал его о раздражении в среде итальянских и французских вольнодумцев позицией Деака и венгерских помещиков. Уверенный в близости новой войны, Старчевич считал, что «хорваты тем более должны держаться храбро, и будущее — наше»¹².

Речь Старчевича в саборе была пронизана ненавистью к австрийскому господству. Перечислив разные проявления австрийского гнета, Старчевич воскликнул: «От имени четырехсотлетней истории нашей жизни в Австрии я говорю: Австрия всегда одна и та же, деспотии не изменяются, но погибают. Пока Австрии не грозит опасность, в ней хуже всего тому, кто больше всего сделал ей добра»¹³. Он вновь выступил за суверенитет народов и их взаимопомощь в случае внешней угрозы.

При всех «головокружительных» шатаниях в политике народняков в 1865—1867 гг. они все же добивались широкой автономии Хорватии. Поэтому между народняками и правашами спорадически поддерживался контакт¹⁴. Однако признание сабором 1866 г. «общих дел» империи и принадлежности Хорватии к землям венгерской короны, сближение народняков с самосталцами окончательно оттолкнули от них правашей. Этот разрыв еще более углубился в годы после австро-венгерского соглашения. В его основе лежали обострившиеся классовые противоречия между мелкой буржуазией и широкими слоями народа, с одной стороны, и буржуазными верхами, искавшими соглашения с властью, — с другой.

В делегацию сабора для переговоров с Венгрией вошли народняки, самосталцы и один унионист (унионисты как группировка отказались участвовать в переговорах на основе наказа). Переговоры, начавшиеся в апреле 1866 г., не дали результата. Венгерская сторона ожидала развязки конфликта с Пруссией. Она признавала хорватов «политическим народом», т. е. соглашалась на

¹¹ А. Старчевич — К. Акурти, 27.VIII 1865 г. A. Starčević. Izabrani spisi, str. 382.

¹² А. Старчевич — К. Акурти, 10.IX 1865 г. A. Starčević. Izabrani spisi, str. 384.

¹³ Там же, стр. 91.

¹⁴ См., например: Ch. Šegvić. Dr Ante Starčević, str. 150, 170, 218; он же. Drugo progonstvo..., str. 197, 225 (1865, 1866 г.); V. Koščak k. Strossmayerova ostavština — ostali fondovi. HZ, 1960, str. 266.

предоставление Хорватии особого статута в составе Венгрии, но не более. По-прежнему она считала, что отношения с Веной и законодательство в важнейших областях жизни земель св. Стефана должны входить в компетенцию единого парламента этих земель. Переговоры были прерваны 16 июня — в канун военного столкновения Австрии с Пруссией и Италией.

Война 1866 г. вновь заставила народняков определить свою позицию по важнейшим вопросам национального движения.

За исключением австро-немецкой аристократии и части буржуазии в Австрии почти никто не хотел успеха Габсбургов и восстановления их влияния в Германии, ибо это привело бы к закреплению позиций австро-немцев в Австрийской империи. Венгерские помещики ждали победы Бисмарка, считая, что ее результатом будет австро-венгерский дуализм. Чешские и хорватские национал-либералы надеялись, что за крахом надежд Франца-Иосифа стать во главе Германии последуют реформы. Вместе с тем они опасались полного разгрома Австрийской империи и связанной с этим экспансии Пруссии и Италии, а также, возможно, восстановления сильной Венгрии. Такого исхода боялись и правящие.

Накануне войны «Пóзор» анализировал причины «отвращения к Австрии», охватившего хорватов. Причины эти газета видела в эксплуатации страны: «После 1848 г. все погибло: конституция, национальность; имущество, честь...». Хорватия ограблена австрийскими правителями во имя ошибочной — «не австрийской, а германской политики Меттерниха, Шварценберга, Баха, Шмерлинга». Политика «может стать здоровой», если будет ориентироваться на «естественные составные элементы государства... Немецкие народы не могут считать войну с Пруссией популярной». Победа, заключающая «Пóзор», означала бы гибель их национальности. Внешняя опасность усилила федералистские тенденции в Хорватии, поэтому газета оговаривалась, что народы ненавидят не Австрию, но ее правительство... Совсем не в ура-патриотическом тоне газета народняков сообщала о прохождении через Загреб эшелонов с граничарами, описывала растерянность населения, плач провожающих и т. д.¹⁵

¹⁵ «Pozor», 2—4.V 1866.

Но скоро, по мере нарастания кризиса, позиция газеты изменилась. Вероятно, не только давление властей, но стремление заслужить доверие правящих кругов и боязнь последствий поражения Австрии вытеснили критику, и народняки стали призывать хорватов встать на защиту Австрийской империи, победы которой они не желали.

12 мая 1866 г. газета опубликовала статью за подписью «РФ» (очевидно, Ф. Рачкий). Автор доказывал, что Австрии необходимы спешные реформы. «Сейчас светлой короне представляется самый благоприятный случай осуществить свои намерения... [т. е.] удовлетворить хорватов, венгров и остальные австрийские народы... Мы не сомневались в благих намерениях нашего милостивого короля, уже столько раз проявлявшего отеческую заботу о своих верных народах...». Необходимо восстановить «прочные основы древней конституции» Хорватии и Венгрии. Ведь эти земли отказались от требований, противоречащих «великодержавному положению монархии...». Воодушевленные предоставлением им широких прав, народы «в случае грозной опасности как один поднимутся на нападающих...». Автор упрекал Пруссию и Италию в вероломстве¹⁶.

Но всего этого показалось недостаточным. Уже через два дня газета писала о «заклятых врагах», собирающихся напасть на Австрию. «Будем ли мы, сложив руки, смотреть, как разрывают и растаскивают по частям государство, частью которого является и наше отечество?» Автор нападал на «имеющихся повсюду легкомысленных людей», которые полагают, что им нет дела до событий на северной границе. Вновь был использован аргумент автрославистов: «Славянская взаимность побуждает нас не допустить отпадения славянского племени (имелись в виду чешские или словенские земли.—В. Ф.) от государства, в котором славяне уже теперь имеют физическое большинство, а будут иметь и моральное, когда станут сознательными...». Газета возражала людям, «объятым страстью» и считающим, что Австрию надо наказывать за ее грехи: нынешнее правительство уже «вступило на путь примирения и удовлетворения всех австрийских народов...». Это писалось через двенадцать дней

¹⁶ «Pozor», 12.V 1866.

после статьи о причинах ненависти хорватов к правительству¹⁷.

В Далмации «Национале» утверждал, что славяне «в комплексе австрийских земель имеют гарантии гражданского, хозяйственного и национального развития и... лишь вместе с Австрией... они смогут расширить свою территорию и соединить ее с Боснией и Герцеговиной...»¹⁸.

Ясно, что федерализм в критический момент засвидетельствовал свое политическое бессилие¹⁹. При всем том действительно приходилось учитывать угрозу захвата части национальной территории Италией, как и опасения за Чехию. Распад Австрии мог привести к резкому ухудшению судьбы народов империи.

Все же в Хорватии продолжали действовать оппозиционные элементы, о чем свидетельствовали нападки на людей, «объятых страстью». «В Венгрии и Кроации, — сообщал Н. П. Шишкин в июле 1866 г., — полиция не успевает уничтожать ежедневно воззвания народу к неисполнению требований властей»²⁰. О настроениях хорватского народа во время войны свидетельствовал А. Старчевич: летом 1866 г., говорил он, когда добровольцы из разных земель спешили защищать Австрию, «у нас на родине не нашлось ни одной души, явившейся добровольно...»²¹.

Достойна упоминания напечатанная во время войны брошюра хорватского эмигранта Имбро Ткалаца²², находившегося на итальянской службе. Ткалац гневно писал о вековом австрийском гнете над хорватами и сербами и призывал солдат южнославянского происхождения переходить на сторону противников Австрии («у нас нет врагов, кроме Австрии и Турции»). Австрийская империя, продолжал автор, — препятствие на пути к свободе итальянского, венгерского, южнославянских и других народов; австрославизм — иллюзия; «без полной независимости от Австрии нет нам свободы». Ткалац призывал к восстанию, так как кроме самих народов, никто не даст

¹⁷ «Pozor», 14.V 1866.

¹⁸ Цит. по: «Pozor», 26.VI 1866.

¹⁹ Но следует учитывать, что народняки в 1866 г. не ограничили свою деятельность рамками федерализма (см. ниже).

²⁰ АВПР, Г. А., VA₂, д. 252, л. 179 (Белград), 1866 г.

²¹ М. Рolić. Указ. соч., I, стр. 240.

²² I. I. Tkalac. Pitanje Austrijsko.

им освобождения. Свою брошюру он преподнес А. И. Герцену, сочувствовавшему высказанным в ней взглядам²³.

Однако антиавстрийская деятельность в хорватских землях не получила сколько-нибудь существенного размаха. Правда, австрийские власти были серьезно обеспокоены настроениями граничар. Но граничарское войско осталось верным Габсбургам. В австрийской армии во время войны находилось 32 тыс. граничар. Правительство умело использовало недоверие славянского населения Далмации к итальянцам. Далматинцы, составившие команды военных кораблей австрийского адмирала Тегетхофа, хорошо сражались в битве у о. Вис (20 июля), где итальянский флот потерпел поражение.

Разгром австрийцев у Садовой (Кёниггрец, 3 июля 1866 г.) и оккупация пруссаками Чехии были встречены народняками с тревогой, но заключение перемирия (22 июля) и, наконец, Пражского мира с Пруссией (23 августа)²⁴ они отметили с торжеством. Австрия была исключена из Германского союза, следовательно, централистским планам во внутренней политике был нанесен смертельный удар.

После Садовой в народняцкой среде вновь усилились оппозиционные ноты. «Пóзор» называл австро-прусскую войну «войной ненемецких народов за немецкую политику в ненемецкой Австрии»; если бы, по мнению газеты народняков, Австрия приспособила свое устройство к «основному вопросу развития Европы» (национальному), не было бы поражений 1859 и 1866 гг. Народняки выступили против реваншистской пропаганды в Австрии. «Мы хотим мира, если от Австрии не потребуют большего, чем выход из Германского союза». В борьбе же за «единство Австрийской монархии» они соглашались поддерживать усилия правительства. «Пóзор» указывал, что «за несколько дней политика, связывавшая нас с Германией, потерпела крах. Сожалеем о крови солдат, но не о результатах Кениггреца»²⁵.

Провенгерские настроения среди народняков в большей мере вызывались боязнью включения Габсбургами

²³ См.: В. И. Фрейдзон. К истории русско-хорватских революционных связей. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 29, 1960.

²⁴ См.: «Wiener Zeitung», 2.IX 1866.

²⁵ «Pozor», 6, 7, 16, 21.VII, 2, 13.VIII 1866.

земель св. Стефана в Германский союз. Поэтому, в частности, народняки в период фузии критиковали ориентацию самосталцев на Вену²⁶. Теперь эти опасения исчезли, а вместе с тем уменьшились разногласия между австро-славистскими течениями. Штросмайер был убежден, что после войны «государственная жизнь войдет в естественное русло»²⁷. Под этим понималось устройство Австрии «на историческом основании... на базе государственного и национального равноправия»²⁸.

Быстро возросшей угрозе дуализма федералисты попытались противопоставить свои планы. Народняки и ранее поддерживали контакт с чешской национальной партией. «Позор» перепечатывал статьи из чешских газет, а после его закрытия народняки выступали в пражской «Политик»²⁹. Теперь эти контакты усилились. Новым в хорватско-чешских отношениях в 60-х годах были согласованные политические выступления.

В июле 1866 г. в Вене собрались представители польской аристократии — граф А. Голуховский, князь Е. Любомирский, чешские лидеры Ф. Палацкий и Ф. Ригер, а от хорватов — И. Штросмайер. Было решено сопротивляться осуществлению дуализма³⁰. Был принят федералистский проект Ригера, основанный на принципах, изложенных в «Идее австрийского государства» Палацкого. Он предусматривал автономию земель, конституционный строй, власть центрального правительства, распространяющуюся на сферы, обеспечивающие единство государства (иностранные дела, армия, финансы), рейхсрат, состоящий из представителей пяти групп земель (Венгрия, Галиция, Чешские земли, Хорватия-Славония, австро-немецкие земли вместе со словенскими), придворные канцелярии для каждого комплекса земель и т. д.³¹

²⁶ См.: I. Erceg. Djelatnost dra Franje Račkoga..., str. 279. Письмо Сунце, 19.IX 1866 г.

²⁷ F. Šiđić. Korespondencija..., knj. I, str. 35 (1 августа 1866 г.).

²⁸ «Pozor», 24.VII 1866.

²⁹ См.: R. Horvat. Najnovije doba..., str. 223.

³⁰ «Pozor», 31.VII 1866.

³¹ Zd. Tobolka. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby, díl II. Praha, 1933, str. 112—114. Ср.: M. Prelog. Pouť slovanou do Moskvy roku 1867. V Praze, 1931, str. 18; Н. Д. Патнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг., стр. 117, 118, 136, 149, 150.

Уже принятие за основу устройства Австрии «исторического права» свидетельствовало о том, что сторонники проекта были далеки от демократизма. «Пóзор» оправдывал позицию участников совещания «условиями, в которых они собрались»³², т. е. их стремлением сделать проект более приемлемым для Вены. Впрочем, соотношение сил в империи было таким, что проект Ригера, по замечанию чешского историка, имел «академический характер»³³. Буржуазия славянских наций была в растерянности.

Уже вскоре Штросмайер убедился, что Белькреди «хотел бы использовать славян в своих опасных целях»³⁴ (т. е. для давления на Венгрию и сохранения максимума возможного от абсолютистской и централистской политики) и только.

Как уже было отмечено, накануне австро-венгерского соглашения 1867 г. народняки приветствовали предстоящее создание ответственного правительства Венгрии, видя в этом залог победы парламентаризма во всей империи. Они признавали, что, соглашаясь прежде с принципом административно-политического единства государства, «больше заботились о пользе всей империи», чем о Хорватии (хотя «для нас важнее всего как можно большая самостоятельность родины»). Поэтому, поскольку венгры добились большего, «Пóзор» заявлял, что хорваты не будут отстаивать подчинение Венгрии общеимперским властям³⁵. В отличие от 1848 г. хорватские либералы в 1867 г. не выражали желания бороться за власть центрального правительства. Под влиянием венгерских успехов федералисты предлагали идею гибрида федерации и дуализма — раздела империи на две части, устройство каждой из которых было бы основано на федерации земель³⁶. Но австро-немецкая буржуазия, которая без энтузиазма относилась к дуализму, не хотела и слышать об ослаблении единства земель австрийской части госу-

³² «Pozor», 29.X 1866.

³³ Zd. Tobolka. Указ. соч., стр. 115.

³⁴ И. Штросмайер — М. Мразовичу, 23.VIII 1866 г.; Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

³⁵ «Pozor», 6, 7, 9, 12, 15.IX 1866.

³⁶ О пропаганде аналогичного проекта в австрийской части империи см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 219, л. 270 (Вена), 1866 г. (см. также гл. III).

дарства. Большинство ландтагов Австрии призывало правительство скорее помириться с Венгрией и ввести конституцию.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ.
ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ

Отказ могущественных венгерских помещиков в критический момент поддержать Габсбургов убедил Франца-Иосифа в том, что далее медлить с примирением с ними нельзя. «Австрия должна теперь сделаться венгерской», — отмечал Ф. Энгельс уже 25 июля 1866 г.³⁷

Хотя в правительственных кругах не исчезли разногласия о путях выхода из кризиса, влияние сторонников австро-венгерского дуализма окончательно возобладало осенью 1866 г. с назначением на пост министра иностранных дел графа Ф. Бейста.

Долгое время спор шел о форме дуализма. Правительство Белькреди и часть австро-немецких либералов, согласные с принципом дуализма, хотели создать центральный парламент для рассмотрения общеимперских дел. Это называли «смягченным дуализмом»³⁸. Но венгерская сторона по-прежнему считала восстановление в силе законов 1848 г., т. е. признание суверенитета Венгрии, условием соглашения. Правительство соглашалось создать венгерское министерство в случае предварительного изменения законов 1848 г., а именно признания венграми «общих дел» империи, т. е. ее государственной целостности. Сближение взглядов было достигнуто осенью 1866 г.

В феврале 1867 г. было создано венгерское правительство, ответственное перед парламентом Венгерского королевства³⁹. В его власти должны были находиться территории короны св. Стефана (Венгрия с Трансильванией, Хорватия и Славония). Парламент согласился признать Франца-Иосифа конституционным королем венгерской части монархии (Транслейтании). Для «остальных земель и королевств», т. е. для австрийской части государства (Цислейтания: австро-немецкие и сло-

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 31, стр. 202.

³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, д. 219, лл. 269, 313 (Вена), 1866 г.

³⁹ Полагаем, что с 1867 г. венгерское государственное собрание (сейм) следует называть парламентом.

венские земли, Чехия, Моравия и Силезия, Галиция, Буковина, Истрия, Далмация), Габсбург оставался императором. Компетенция австрийского рейхсрата была опрочена Цислейтанией. Общими для всей дуалистической (двуединой) Австро-Венгерской монархии являлись государь (двор), армия, иностранная политика, финансы — в части, относившейся к общим делам и институтам. Соответственно были созданы четыре общегосударственных министерства.

«Общие дела» подлежали ведению государя, общего правительства и Делегаций обоих парламентов (по 60 человек каждая). Делегации не являлись имперским парламентом. Они действовали в рамках инструкций, данных им обоими парламентами. Делегации собирались периодически, заседали одновременно, но, как правило, раздельно. Для принятия решений требовалось их единодушие.

Поскольку Габсбургская монархия сохранялась как единая в таможенном отношении территория, то имела широкая область, управление которой, хотя и находилось в руках правительств Австрии и Венгрии, требовало согласования в масштабах всего государства (торговля, промышленность, железнодорожный транспорт, государственные займы, принцип формирования армии и др.). Это осуществлялось путем переговоров представителей обеих частей империи.

Австрия и Венгрия были самостоятельны во внутренних делах. Создавалось венгерское территориальное войско — хонвед.

Для Габсбургов существенным было признание венгерской стороной своей доли огромного государственного долга. Финансовые обязательства сторон, как и принципы финансовой и экономической политики, должны были согласовываться каждые десять лет.

Венгрия получила один из решающих голосов в определении внешней, внешнеторговой, финансовой политики монархии, она могла в определенных рамках влиять на экономическое развитие Транслейтании.

Элемент дуализма имел место в устройстве Австрийской империи с XVI в. до 1848 г. Органы управления Венгерским королевством (и Хорватией) — придворная канцелярия, наместник, сейм — отличались от соответствующих органов в собственно Австрии. Октябрьский

диплом 1860 г. и даже — в весьма узких рамках — февральский патент 1861 г. признали это особое положение земель короны св. Стефана. Спор шел о реальном содержании этого «дуализма». Теперь Венгрия формально добилась равноправия с Австрией. Эти права оказались в руках венгерского господствующего класса — крупных помещиков. Как мы отмечали, дуализм являлся компромиссом между австрийским крупным капиталом, а также аристократией во главе с династией, с одной стороны, и венгерскими помещиками и примыкавшей к ним буржуазией, в основном торговой и финансовой, — с другой. Обе стороны были удовлетворены сохранением единого имперского рынка. Но этот результат знаменовал победу интересов австрийского банковского и промышленного капитала над венгерским. В то же время венгерские аграрии — в союзе с их австрийскими собратьями — во все большей степени стали влиять на политику Австро-Венгрии.

Новая обстановка улучшила условия развития буржуазии в Венгрии. Но фактическое преобладание австрийских банков и промышленности над венгерскими обусловило сохранение финансово-экономической зависимости Венгрии от Австрии в последующий период. В составе монархии Габсбургов Венгрии не удалось преодолеть односторонность экономики и относительную хозяйственную отсталость⁴⁰. Дуализм был прочен, пока классы, в нем заинтересованные, сохраняли абсолютное политическое преобладание в Австрии и Венгрии. С конца XIX в. постепенно развился новый общий кризис Габсбургского государства.

Языком армии остался немецкий. Представители австро-немецкой национальности сохранили решающие позиции в военном аппарате монархии. Не только экономическое, но в определенной мере политическое преобладание в монархии осталось за прежней господствующей нацией⁴¹.

⁴⁰ V. S a n d o r. Die Hauptmerkmale der industriellen Entwicklung in Ungarn zur Zeit der Absolutismus (1848—1867). «Etudes historiques publiées par la Commission Nationale des Historiens Hongrois». II, p. 61—83.

⁴¹ См.: P. H a n a k. Probleme der Krise des Dualismus am Ende des 19. Jahrhunderts. «Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie», S. 352, 353.

Существенными были последствия установления дуализма в политической жизни монархии. Конституционный режим в Венгрии являлся формой власти помещичьей олигархии. Но все же дворянство и буржуазия получили определенные гарантии политических свобод. В Венгрии в соответствии с законом 1847/1848 г. была установлена относительно широкая свобода печати, собраний и т. д. Чтобы обезопасить себя от рецидивов самодержавной политики Габсбургов, венгерские либералы поставили условием соглашения с двором введение основ конституционного строя в самой Австрии (Цислейтании). В этом отношении они являлись союзниками австрийских либералов. Большинство последних в свою очередь убедилось, что попытки совместить конституционный строй с австро-немецким господством во всей империи обречены на неудачу. Как упрочение австро-немецкого господства над славянскими народами, так и введение конституционного режима оказались возможными лишь при поддержке венгерского дворянства.

Для завершения политической стабилизации двору осталось договориться с австрийскими либералами и сделать некоторые уступки умеренной оппозиции славянских наций. В июне 1867 г. рейхсрат большинством голосов поддержал принцип дуализма. Тогда же либералы вновь потребовали реформ, в том числе отмены конкордата с папством⁴². В декабре 1867 г. были приняты конституционные законы, в основном сохранившие силу до 1918 г. Рейхсрат стал законодательным органом. Хотя принцип парламентского министерства не был установлен, министры подлежали ответственности перед парламентским судом за свои действия. В Австрии были провозглашены основные политические свободы.

Но фактически император сохранил в своих руках важнейшие рычаги власти. Он назначал премьер-министров Австрии и Венгрии и общеимперских министров. Он сохранил решающую роль во внешней политике, ему подчинялась армия — гарант сохранения целостности государства. Согласно § 14 конституции 1867 г., правительство могло длительное время управлять без рейхсрата. В политическом строе Австро-Венгрии сохранились остатки абсолютизма.

⁴² АВПР, ф. Канцелярия, д. 163, т. 2, л. 493 (Вена), 1867 г.

Дуализм стал основой системы подчинения народов Австро-Венгрии. Некоторым из земель (Галиции, Хорватии и Славонии) была предоставлена автономия. В Австрии § 19 конституции 1867 г. установил право граждан получать образование на родном языке, пользоваться им в общественной жизни. Осуществление этого права подчас оказывалось возможным в результате длительной борьбы. Все же провозглашенные в Австрии национальные права не были пустым звуком. В Венгрии положение было хуже. Как указывалось в законе о национальностях 1868 г., жители «безразлично от их национальности составляют в политическом отношении... неделимую единую венгерскую нацию»⁴³. А ведь невенгерские народы составляли 52% населения королевства⁴⁴. Закон разрешал употребление родного языка в местных делах. В дальнейшем, однако, и этот закон не соблюдался.

Дуализм означал подчинение народов Австро-Венгрии двум господствующим нациям, расширение политической основы монархии, упрочение господства австро-венгерских эксплуататорских классов над всеми народами государства. Такой исход политической борьбы был следствием незавершенности буржуазно-демократических преобразований в государстве. Уже поэтому дуализм, являвшийся определенным шагом вперед в политическом развитии государства, не мог дать решения на длительный исторический период. Вместе с тем он создал такое соотношение национально-политических сил, что возможность дальнейшего реформирования государственного устройства Австро-Венгрии кажется сомнительной⁴⁵. Это окостенелое устройство было ликвидировано лишь вместе с самим Габсбургским государством⁴⁶.

⁴³ Цит. по.: F. Culinović. Državnopravna historija jugoslavenskih zemalja XIX i XX vijeka, I. Zagreb, 1953, str. 125. Это не относилось к Хорватии и Славонии.

⁴⁴ Н. Петровић. Светозар Милетић. Београд, 1958, стр. 118.

⁴⁵ См.: Р. Н а п а к. Probleme der Krize..., S. 348.

⁴⁶ Новые работы о дуализме см.: «Historický časopis» (Bratislava), 1968, № 1.

УКРЕПЛЕНИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ СВЯЗЕЙ В ПОРУ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

В обстановке военных потрясений и подъема национально-освободительных движений в Европе национально-радикальные сербские круги в Южной Венгрии и самой Сербии подталкивали сербское правительство к более активной внешней политике и сами подготавливали вооруженные выступления населения, находившегося под властью Турции. Сербские правящие круги мечтали об объединении сербских, а затем и других южнославянских земель под властью сербской монархии⁴⁷. Пропаганда, направленная к указанной цели, осуществлялась Сербией в южнославянских землях как в Турции, так и в Австрии (по преимуществу на Военной Границе)⁴⁸. Первоочередной задачей считалось присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины и создание таким образом прочного ядра большого государства; деятельность же в австрийских землях прежде всего имела целью обеспечить поддержку Сербии со стороны южнославянского населения Австрии и воспрепятствовать вмешательству Габсбургов в балканские события.

Уже в 50-х годах на Военной Границе существовала патриотическая офицерская организация (Орешкович, Турчич и др.), связанная с национальными деятелями в гражданских хорватских землях и Сербией⁴⁹. Связи граничар с Сербией и народняками резко возросли в 60-х годах. В списке «националистов» Военной Границы и Хорватии, составленном А. Орешковичем, вероятно после его перехода в Сербию в 1862 г. (где он — хорват-католик и бывший граничарский офицер — стал советником князя Михаила), были торговцы и православные священники, а также отставные офицеры, адвокаты, чиновники⁵⁰. В 1862 г. в момент обострения сербо-турецких отношений командирам граничарских полков вменя-

⁴⁷ О политике Сербии в 60-х годах см.: Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије.

⁴⁸ См. В. Вучковић. Национално-револуционарна акција Србије у Војној Граници; он же. Политичка акција Србије...

⁴⁹ АВПР, ф. Канцелария, д. 183, л. 13 (Вена), 1858 г.; В. И. Фрейдзон. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе..., стр. 103.

⁵⁰ В. Вучковић. Политичка акција Србије..., стр. 101—103. О группе Орешковича в 1862 г. см. там же, стр. 131.

лось в обязанность пресекать всякие контакты национально настроенных кругов с людьми, прибывающими из гражданской Хорватии и «вызывающими подозрение в наличии у них революционных поручений», следить за бывшими участниками движения 1848 г., доносить о югославистской агитации и т. д.⁵¹

Илия Гарашанин, глава сербского правительства, проникся уверенностью в том, что в случае сербско-турецкой войны и восстания в Боснии целые подразделения граничар перейдут в Боснию на помощь сербам. Русские дипломатические представители в Белграде сомневались в этом, хотя считали, что стихийные выступления граничар возможны⁵². Действительно, оппозиционные настроения среди офицерства в большинстве случаев сводились к австрославизму. В целом офицерство сохраняло верность императору. Австрийские власти не оставляли надежд направить проявления национальных чувств граничар в нужное им русло.

В условиях 60-х годов с Сербией устанавливали контакты все противники Габсбургов.

Как указывалось (в гл. VI), в своей политике на Балканах русская дипломатия стремилась опереться на правительство князя Михаила Обреновича (1860—1868 гг.). Первая попытка создания сети подпольных комитетов для подготовки согласованного выступления (1860 г.) получила поддержку русского правительства и славянофилов⁵³.

В 60-х годах Сербия увеличила численность войска, закупила оружие. Русские офицеры помогали организации армий и военного производства. Благоприятным временем для выступления в Сербии считали тот момент, когда Австрия и другие западноевропейские державы будут связаны очередным конфликтом⁵⁴. Однако к началу австро-прусской войны Сербия была не готова к активным действиям, силы ее были невелики. Позднее, в 1866—1868 гг., сербское правительство доби-

⁵¹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 246, л. 33, 44 (Белград), 1862 г.

⁵² В. И. Фрейдзон. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе..., стр. 105—107.

⁵³ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России..., стр. 147—152; В. И. Фрейдзон. О белградском «комитете». М. База, стр. 100 и далее.

⁵⁴ АВПР, Г. А., VA₂, д. 251, л. 162 (Белград), 1865 г.

лось успехов в создании Балканского союза: были заключены договоры с Черногорией, болгарской эмиграцией в Румынии, Грецией и Румынией.

Политика хорватских народняков в это время не исчерпывалась выступлениями австрославистского толка. В годы кризиса Австрийской империи возросли надежды народняков на окончательное решение южнославянского вопроса — освобождение и объединение южных славян — усилиями Сербии и при поддержке России. В гл. III мы упоминали, как народняки отнеслись к кризису 1862 г. Хорватские национальные деятели уже в начале 60-х годов поддерживали контакты с сербскими властями⁵⁵. В 1863 и 1865 гг. Штросмайер посетил Белград и встречался с князем и его окружением.

Контакты между Загребом и Белградом активизировались, по-видимому, с приближением австро-прусской войны, ввиду возможности распада Австрийской империи. Хорватско-сербские связи упрочились в 1866 — 1867 гг. После войны (ввиду перспективы австро-венгерского дуализма) народняки обещали Михаилу свое содействие в случае решительных акций княжества в Боснии.

По данным австрийской полиции, Штросмайер в июле 1866 г. встретился в Вене с сербским эмиссаром банкиром И. Кумануди; вероятно, при этом велись переговоры о сотрудничестве⁵⁶. А ведь тогда же Штросмайер участвовал в совещании федералистов... Хотя епископ якобы заявил Кумануди, что не верит в «славянскую политику» Австрии⁵⁷, он все же еще ждал развития событий. Сербский эмиссар сообщал летом 1866 г. из Загреба, что хорватская буржуазия и даже «официальные лица» хотят федерацию, но не верят в нее⁵⁸. Эти колебания проявились даже в октябре 1866 г., когда «Позор» в австро-федералистском духе полемизировал с сербской печатью о судьбе Боснии⁵⁹.

⁵⁵ Например: Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије..., стр. 271.

⁵⁶ Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије..., стр. 272.

⁵⁷ В. Новак. Једно спорно питање из историје српскохрватских односа шездесетих година прошлог века. «Историски часопис». 1948, № 1-2.

⁵⁸ Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије..., стр. 272.

⁵⁹ «Pozor», 19.X 1866.

Все же неудача федералистских планов⁶⁰ побудила народняков-югославистов, вероятно, в августе 1866 г. принять важное решение. Согласно докладу Орешковича князю, «Штросмайер согласился со сделанным ему... Гарашаниным предложением касательно совместных действий Триединого королевства и Сербии с целью основания югославянского государства, независимого и от Австрии, и от Турции», и просил передать князю, что «если будут предприняты серьезные действия, он не только употребит для этой цели все свое влияние в Хорватии и приложит все свои силы, но будет готов и в качестве Вашего министра публично Вас поддержать... Он полагает, что этим дает Вам самую твердую гарантию лояльности и последовательности своих действий»⁶¹.

Радикализация народняцкого руководства подтверждается и другими материалами. Австро-венгерским властям стало известно содержание переписки Штросмайера с Михаилом Обреновичем уже при жизни сербского князя (убитого 10 июня 1868 г.). Министр иностранных дел Бейст в марте 1867 г. сообщил русскому посланнику Е. П. Новикову, что летом 1866 г. были установлены тесные отношения не только между сербами монархии и княжества, но что «монсеньор Штросмайер... вступил в переговоры с г. Гарашаниным с целью достижения соглашения между народной партией и правительством князя». Новиков усомнился в возможности тесных связей между католической Хорватией и православной Сербией. Бейст возразил, что «великая славянская идея ограничила эти расхождения» и что «Штросмайер систематически проповедует идею югославянской конфедерации»: «Из шкур Турции и Венгрии хотят составить конфедерацию славянских государств, группирующихся вокруг княжества Сербии, и он (Штросмайер.— В. Ф.) использует свое влияние для пропаганды этого среди граничар». Бейст добавил, что у него «имеются доказательства и он использует их в соответствующее время»⁶².

⁶⁰ «Никогда ...австрийское правительство добровольно ничего не делает для нас, славян... От австрийского правительства не на что надеяться...». Й. Штросмайер — М. Мразовичу (из Вены), 23.VIII 1866 г.; Arhiv JAZU, Strossmayerova ostavština.

⁶¹ В. Новак. Једно спorno питање..., стр. 188, 189.

⁶² АВПР, ф. Канцелярия, д. 163, т. II, лл. 238, 239 (Вена), 1867 г.

Дружественный Австрии нейтралитет, которого во время кратковременной австро-прусской войны придерживалась Франция, серьезно затруднил осуществление каких-либо планов венгерской эмиграции. Не состоялось и выступление Сербии ни против Турции, ни против Австрии. Дипломаты Бисмарка пытались втянуть Сербию в антиавстрийские демонстрации, чтобы заставить Австрию удержать часть войск на юге, но безуспешно⁶³. Правда, сербские власти «в ожидании конечной гибели Австрии»⁶⁴ активизировали связи с Хорватией и Военной Границей, допустили в Белград венгерских эмигрантов (И. Тюрр и др.), которые по поручению италийских властей пытались организовать движение в южнославянских землях Австрии одновременно с вторжением из Валахии венгерских отрядов ген. Клапки. Как утверждало австрийское консульство в Белграде, Тюрр «установил контакт с недовольными пограничных провинций империи»⁶⁵. Но прибытие Тюрра совпало с заключением перемирия.

Так миновали летние месяцы 1866 г., когда кризис Австрийского государства достиг апогея.

После войны речь уже могла идти не о немедленном создании государства всех южных славян, но лишь об освобождении южнославянских земель Турции. Это государство со временем могло бы присоединить южные области Австрийской империи. Так оценивали положение народняки. Они считали новые международные конфликты неизбежными, а дуалистическое устройство монархии — непрочным и, возможно, чреватым дальнейшим ослаблением связей между Австрией и Венгрией.

Чтобы удержать Австрию (Австро-Венгрию) и другие западные державы от вмешательства в балканские дела, в Сербии предполагали вначале воздержаться от прямого выступления княжества, но начать движение очередным восстанием в Боснии, а затем организовать посылку отрядов в помощь повстанцам из Сербии, Черногории, Хорватии, Военной Границы, Далмации, а также заручиться поддержкой албанцев.

⁶³ АВПР, Г. А., VA₂, д. 251, л. 26 (Белград), 1866 г.; Н. Wendel. Bismarck und Serbien im Jahre 1866.

⁶⁴ АВПР, Г. А., VA₂, д. 252, л. 71 (Белград), 1866 г.

⁶⁵ АВПР, Г. А., 1—9, д. 7 [б. л.] (Белград) (телеграмма Н. Шишкина от 9.VII и допесение от 3.VIII 1866 г.).

В связи с этим после августа 1866 г. продолжались сербско-хорватские переговоры о сотрудничестве. Орешковичем был создан проект соглашения, вероятно, в марте 1867 г. в основном одобренный Гараганиным (последний отредактировал его, сделав акцент на руководящей роли Белграда во всем движении)⁶⁶.

Согласно проекту, задачей хорватов была подготовка добровольческого движения в Австрийской империи, устройство складов снаряжения и т. п. Возглавить эту деятельность должен был Главный комитет в Загребе. «Белград и Загреб, — говорилось в этом документе, — стоят во главе всего движения... Между Белградом и Загребом должно быть вечное взаимопонимание». Конечной целью движения было «освобождение христиан, стонущих под турецким ярмом, чтобы создать базу для соединения всех южнославянских племен в одно федеративное государство». Его устройство будет определено «участвующими [в движении] племенами» после освобождения. «Народность хорватская и сербская — одна и та же, югославянская (словинская), веру никак не следует вмешивать в национальные дела; единственная основа государства — народность...». Все это было в духе идей югославизма. Народняки согласились с предложением Белграда. Так, Орешкович вспоминал, что «имелся договор, по которому сербы и хорваты должны были действовать в согласии и взаимно помогать друг другу... Жизненным вопросом считалось, что Сербия должна быть возможно более сильной, чтобы она могла поддерживать Хорватию в борьбе за ее государственно-правовое положение»⁶⁷. Мразович также отмечал, что сущность договора состояла в том, что «Сербия должна была начать, идти впереди в акции, направленной на освобождение братьев от турецкого ярма, и создать ядро объединения югославянства в одно государство»⁶⁸.

Русские источники также содержат данные о хорвато-сербском сближении. Штросмайер, пользующийся большим влиянием в Хорватии, является (по сообщению Шишкина Н. П. Игнатьеву) «одним из наиболее ревно-

⁶⁶ В. Вучковић. Политичка акција Србије..., стр. 273—283; Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије..., стр. 494.

⁶⁷ А. Орешковић. Мало више светлости. Београд, 1895.

⁶⁸ М. Мразович — И. Штросмайеру, 22. II 1868 г.; Arhiv JAZU. Stros-mayerova ostavština.

стных инициаторов южнославянской конфедерации, которая, согласно первоначальным проектам, должна сформироваться вне Австрии. Национальная партия хорватов обратила взоры на княжество Сербию, способное дать гарантию успеха ее тенденциям, которую она напрасно искала раньше у венского кабинета, и ее шеф вступил в активные переговоры с княжеским правительством с целью установить согласие...». Прошлое Штросмайера, щедрость к нему Франца-Иосифа, боязнь, что его шаги имеют целью католическую пропаганду, продолжал Шишкин,— причина сдержанного отношения к народникам со стороны сербского премьера, который ждал от их лидеров доказательств искренности... «Последние были даны без промедления в форме письма, в котором монсеньор Штросмайер от имени хорватской национальной партии обязуется присоединиться к княжеству, следовать ему в его освободительном предприятии и вручить ему свою судьбу при одном лишь условии, что княжеское правительство не станет препятствовать отправлению католического культа в своем государстве. Этот секретный акт его преосвященства, снабженный его подписью, как и подписями всех корифеев национальной партии⁶⁹, предоставляет в распоряжение Сербии всю молодежь Хорватии, которая встретит со стороны австрийского правительства серьезные препятствия, когда захочет прийти на помощь своим братьям в случае войны с Турцией». Гарашанин заверил Шишкина, что «между ним и епископом существует полная общность во взглядах и принципах и что последний в продолжение всех переговоров не переставал подчеркивать, что он рассчитывает не на Францию, но... на поддержку русского правительства, которое, по его мнению, одно лишь питает бескорыстные симпатии к южным славянам»⁷⁰.

⁶⁹ Имеются сведения, что подписи, наряду со Штросмайером и Мразовичем, поставили быв. самосталцы — Мажураич и Вончина. См.: В. Вучковић. Политичка акција Србије..., стр. 282.

⁷⁰ АВПР, Г. А., VA₂, д. 252, лл. 129—131 (Белград), 29.XII 1866 г.; 9.I 1867 г. Н. П. Игнатъев считал, что позиция народняков — австрийских граждан — может измениться... Кроме того, «большой наплыв славян из Австрии легко может повести к столкновениям с австрийским правительством». Он видел опасность в том, что Австрия попытается «перенести центр южнославянской деятельности в свои пределы». АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 276 (Белград), февраль 1867 г.

Свою тактику в политической борьбе в Австро-Венгрии народняки теперь стали связывать с политикой Сербии и надеждами на помощь России складывающемуся Балканскому союзу⁷¹. В 1867 г. хорватское национальное движение встретилось с особыми трудностями («пугливые стали умолкать, решительные — сомневаться»⁷²), и ориентация на Сербию давала народнякам какую-то надежду. Штросмайер подчеркивал «неизмеримую важность» для хорватов событий «за Савой», в Турции⁷³. Более того, народняки призывали Белград к решительной тактике. Когда турецкое правительство согласилось вывести свои гарнизоны из княжества, «Позор» писал: «Хорошо. Но спрашивается, может ли Сербия за эту цену отречься от важнейшей задачи, поставленной перед ней движением на Востоке? Может ли Белград отказаться от стремления стать очагом славянского движения в Турции, как Афины — очагом эллинского? Никак не может. Всякое дипломатическое маневрирование (с целью избежать борьбы.— В. Ф.) означало бы для сербского правительства гибель»⁷⁴.

Между тем положение на Балканах изменилось. В связи с выводом турецких гарнизонов Михаил совершил поездку в Константинополь. Княжество было плохо подготовлено к войне⁷⁵, невелики были силы и союзников Сербии. Ввиду франко-австрийского сближения неблагоприятно складывалась международная обстановка.

В начале апреля 1867 г. в Белград приехал М. Мразович. Он интересовался намерениями сербских властей, «от которых,—по его уверению,—зависит вполне принятие или отвержение хорватами предложений о соглашении, делаемых мадьярским министерством». Мразович говорил, что, несмотря на «мрачное впечатление», произведенное на хорватов поездкой князя к султану, они «готовы, даже если Сербия отложит до другого срока при-

⁷¹ М. Мразович — Й. Штросмайеру, 25.I; 22.II 1868 г.; Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

⁷² «Pozor», 23.V 1867.

⁷³ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 41, 52 (письма от 29.III; 1.XII 1867 г.).

⁷⁴ «Pozor», 15.III 1867.

⁷⁵ Русские офицеры, изучавшие по просьбе князя состояние сербской армии, пришли к выводу, что она может стать боеспособной лишь в 1869 г. АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 18 (Белград), 1867 г.

ведение в исполнение своих замыслов, ожидать этого срока в настоящем своем положении, несмотря на все выгоды, обещаемые мадьярами». Гарашанин отвечал, что отсрочка не означает отказа от планов и посоветовал народнякам готовить восстание в Боснии, а «когда настанет час действия, помочь княжеству присылкой офицеров, волонтеров и всяких средств для поддержания движения... Мразович, не колеблясь, обещал исполнить желание Гарашанина, присовокупив, что хорваты готовы при первом движении отложиться от Австрии и провозгласить свое присоединение к Сербии. Министр убедил его, однако, не возбуждать такого общего и открытого движения, могущего навлечь на Сербию при начале борьбы с Турцией не только все силы Австрии, но даже вмешательство Франции, и придать народному делу характер вопроса европейского». Мразович «уехал с решимостью советовать национальной партии принять до более благоприятных обстоятельств только негласное участие в предприятиях княжества»⁷⁶.

В начале июня 1867 г., по сведениям русского консула в Риеке, «в Аграме (Загребе.— В. Ф.) составился тайный комитет, который имеет агентов в Военной Границе и Боснии. В случае восстания в Боснии Военная Граница примет в нем участие, а затем, по всей вероятности,— и остальная часть Хорватии»⁷⁷. Членами комитета, основной целью которого было содействовать присоединению Боснии к Сербии, предположительно являлись Мразович, Рачкий, Перковац, Мишкатович⁷⁸.

Народняки прилагали усилия для углубления хорвато-сербского сотрудничества. Во время переговоров в Белграде Мразович предложил вооружить и использовать в случае конфликта с Турцией занятых в Боснии хорватских рабочих — отходников. Сербофильская пропаганда велась со страниц «Пбзора». В дружеском тоне народняки стали отзываться о С. Милетиче и сербских национально-радикальных кругах Воеводины, хотя те еще недавно подвергали их критике за австрославизм. Народняки заявляли, что никогда более южные славяне не будут игрушкой других сил, и выражали уверенность

⁷⁶ АВПР, Г. А., VA₂, д. 252, лл. 59, 60 (Белград), 12.IV 1867 г.

⁷⁷ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1025, л. 91 (Финуме), июнь 1867 г.

⁷⁸ Г. Јакшић, В. Вучковић. Спољна политика Србије..., стр. 362.

в том, что отпор хорватов будет иметь «больше счастья и успеха, и лучшие последствия», чем в 1848 г.⁷⁹ Одновременно они разоблачали политику Австрии: последняя боится возникновения «югославянского государства, к которому с надеждой и терпением обратили бы взоры славяне, едва терпимые в Австрии и Венгрии». Поэтому «бдительно следить за этим движением, пока возможно, защищать Турцию, а когда пробьет ее смертный час, заграбастать как можно больше соседних земель», — такова политика Австрии⁸⁰.

11 мая 1867 г. сабор заявил о признании сербского народа в Триедином королевстве «народом тождественным и равноправным с хорватским народом»⁸¹. «Весьма отраднo видеть теперь, — отмечал русский наблюдатель, — что хорваты — славяне-католики и сербы — славяне православные, забывая религиозный антагонизм, начинают между собой сближаться... Пущена здесь в ход мысль об устройении югославянского королевства, столицей коего постал бы Белград и которое приняло бы под свое покровительство всех югославян»⁸².

В это время народняки высказывали радикальные мысли. Так, «Позор» сослался на выступление Ференца Кошута против дуализма, за независимость Венгрии⁸³.

В этих условиях поездка представителей югославянской интеллигенции Австро-Венгрии в Петербург и Москву в связи с открывшейся в 1867 г. этнографической выставкой приобрела характер демонстрации оппозиционных чувств в отношении нового устройства Габсбургской монархии⁸⁴. В Хорватии был организован сбор эк-

⁷⁹ «Pozor», 23.V; 3.VII 1867.

⁸⁰ «Pozor», 9.III; 3.VII 1867.

⁸¹ Об этом см.: гл. III.

⁸² АВПР, Г. А., VA₂, д. 1025, лл. 78, 81 (Фиуме), апрель-май 1867 г.

⁸³ «Кошут хочет возрождения придунайских народов, их братства с венгерским народом, свободы, лучшего будущего для всех нас... Мы поднимаем знамя братства народов... [под которым], кроме хорватов и сербов, соберутся словенцы и болгары. К нему могут присоединиться венгры и румыны». Позднее «Позор» утверждал, что политический опыт «коренным образом излечил» южных славян от попыток создавать «проекты единой Австрии» и показал, что им пора позаботиться исключительно о своем будущем. «Pozor», 31.V; 1, 12, 13.VI, 10.VIII 1867.

⁸⁴ О поездке славян в Россию см.: М. Pгeлог. Указ. соч., стр. 42—50; С. А. Никитин. Славянские комитеты в России..., стр. 181—187, 245.

спонатов для выставки⁸⁵. Из Хорватии в Россию поехали П. Маткович, этнограф и статистик, стоявший в стороне от политической борьбы, знаменитый в прошлом Людевит Гай⁸⁶ и ряд второстепенных лиц, но также и один из ведущих журналистов «Пóзора» Йосип Мишкатович. От сербов Южной Венгрии и Хорватии в России побывали публицист М. Полит-Десанчич, Л. Костич — поэт и национальный деятель, Й. Суботич — член хорватского верховного суда. Из Далмации — народник Иван Данило, граф М. Пуцич и другие, из Словении — священник литератор М. Маяр и др.⁸⁷

Поездка Мишкатовича и, вероятно, Данило имела целью выяснение политических перспектив, а возможно, и получение помощи. Так, Штросмайер сначала полагал, что Мишкатович не сможет «выяснить и добиться» того, чего бы «другие уже не выяснили и не добились». Впрочем, он соглашался снабдить Мишкатовича средствами на поездку, если «это дело действительно может быть полезным»⁸⁸.

Поддержка Россией сербского правительства, естественно, стала известной населению Австро-Венгрии. «С одной стороны, тенденция настоящего венского министерства к подавлению славянского начала... с другой же стороны, — новая жизнь, которая началась теперь в Сербии, укрепили еще больше народный дух между хорватами и обратили все их внимание на Россию»⁸⁹. На собраниях и молебнах раздавались возгласы в честь «северного дяди» и Сербии. Высказывания о «русских знаменах на Дунае» (см. гл. III) публиковались именно в это время...

В предвидении решающих событий народники стремились сохранить за Хорватией свободу действий. Они противились консолидации нового устройства империи. При всем том в партии сохранялась ориентация и на

⁸⁵ М. Ф. Раевский — Н. А. Попову, 11.V 1866 г.; И. Кукулевич — Н. А. Попову, 11.VI 1866 г. Государственная библиотека им. Ленина. Отдел рукописей, ф. Н. Попова.

⁸⁶ О пребывании Гая в Петербурге см.: ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 193, д. 318.

⁸⁷ См.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России..., стр. 175.

⁸⁸ F. Sišić. Korespondencija..., I, str. 46 (письмо от 1.VI 1867 г.).

⁸⁹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1015, лл. 77, 91 (Фиуме), апрель, июнь 1867 г.

«дружественные славянам» антидуалистические круги Австрии. Даже провозглашая свою ориентацию на Сербию, народняки продолжали сожалеть о неудаче австро-федерализма, заявляли, что хорваты вынуждены ситуацией ориентироваться на «иные силы»⁹⁰. Эти реверансы в сторону Вены симптоматичны.

Удары со стороны властей, колебания и неудачи, но одновременно и немало упорства в поисках путей реализации радикальных планов — такова картина хорватского национального движения в 1866—1867 гг.

После австро-прусской войны перспектив на хорвато-венгерское соглашение не было. Венгерская сторона еще менее чем раньше была склонна к уступкам. В связи с этим сабор, собравшийся в ноябре 1866 г., большинством 86 (народняков и самосталцев) из 134 отказался послать депутатов в венгерский сейм. 19 декабря 1866 г. сабор обратился в Францу-Иосифу с предложением вступить с ним в прямые переговоры. Сабор вновь признавал «общие дела» империи, но считал, что сбор налогов в Хорватии должен производиться самими хорватами. Сабор соглашался на создание имперского верховного органа. «Но, — как заявил он, — мы ни в коем случае не могли бы согласиться с общим органом, который не был бы ответственным перед королевствами и землями... или который был бы создан без согласия Тринединного королевства»⁹¹. Условием соглашения объявлялось также воссоединение хорватских земель.

Разумеется, надежды на осуществление этих требований не было, и большинство сабора имело цель провозгласить свои принципы. Штросмайер считал заявление сабора необходимым: «Разве не следует нам хоть этим действием показать, что мы торжественно протестуем против всего того, что было бы решено без нас?...»⁹².

Вскоре хорватам пришлось убедиться в том, что политический климат в государстве стал иным. Еще недавно с ними вели сложную игру. Теперь же (26 декабря 1866 г.) Франц-Иосиф молча, с выражением недо-

⁹⁰ «Pozor», 9.III 1867.

⁹¹ См.: М. Polić. Указ. соч., I, стр. 223—225, 246, 247; R. Horvat. Najnovije doba..., стр. 255.

⁹² М. Polić. Указ. соч., т. I, стр. 235.

вольства на лице принял из рук хорватской делегации адрес сабора и стал с нетерпением ожидать ее ухода. Открылись двери и дюжие лейб-гвардейцы выпроводили делегатов. Все это произвело на хорватов самое мрачное впечатление⁹³.

В январе 1867 г. сабор был отложен «на неопределенное время». Судьба Хорватии была неясной. Не шло ли дело к полной ликвидации ее национальных институтов? «Несколько дней, как повсюду — на публичных собраниях и частных встречах, на улицах и площадях, — отмечал «Побор», — слышится единственный вопрос: что нового, что теперь будет?»⁹⁴ Возбуждение охватило и Военную Границу. Обстановка в Хорватии вместе с ожидавшимися крупными волнениями в Боснии заставила австрийских и венгерских деятелей выступить с успокаивающими заявлениями. Но одновременно — в феврале 1867 г. — в Хорватию и Славонию были введены крупные воинские части; власти при этом ссылались на «панславистскую опасность...».

Когда дуализм стал фактом, развитие событий ускорилось. 8 апреля 1867 г. венгерский парламент постановил, что акт коронации для земель св. Стефана должен быть единым, а текст коронационной присяги может быть составлен только «общим» (венгерским) парламентом, в котором должна быть представлена Хорватия. Парламент соглашался на определенную автономию Хорватии и Славонии.

После этого 1 мая 1867 г. был созван сабор. На нем самосталцы объединились с народняками в Национальную партию. Это временно усилило оппозицию против Венгрии. Но теперь народняки включили в свой состав умеренные, ориентировавшиеся на поддержку антидуалистических кругов Вены, элементы, которые в дальнейшем первыми пошли на капитуляцию (1872 г.).

Франц-Иосиф отверг предложения сабора от 19 декабря 1866 г. и потребовал не позднее 15 мая прислать делегатов в парламент для участия в выработке коронационной присяги.

⁹³ [J. Суботић]. Живот дра Јована Суботића, књ. III. Нови Сад, 1905; J. Horvat. Ante Starčević, str. 290, 291, а также: АВПР, ф. Канцелярия, д. 220, л. 187 (Вена), 1867 г.

⁹⁴ «Pozor», 7, 17.II; 2.III 1867.

Народняки и теперь не отказывались от соглашения с Венгрией. «Ни в коем случае не хулить венгров и их достижения,— указывал Штросмайер,— но со всей энергией добиваться, чтобы их министерство без нашего свободного согласия не могло иметь никакой власти над нами»; «о коронации, о дипломе, о присяге не может быть и речи,— писал он,— пока не будет осуществлена территориальная целостность Триединого королевства и в отношении Границы, и Далмации, и островов и пока наша автономия не будет основана на ответственности правительства»⁹⁵.

Сабор отказался вести переговоры с венгерским парламентом и участвовать в коронации Франца-Иосифа до удовлетворения своих требований. Он заявил, что, согласно прагматической санкции, от Хорватии нельзя требовать больших уступок, чем от Венгрии. Таким образом, Хорватия добивалась прав, равных Венгрии. Все это вновь свидетельствовало о стремлении народняков провозгласить свои принципы⁹⁶.

Адрес государю был принят 18 мая, а вскоре сабор был распущен. Он «воспротивился нашим отеческим намерениям во всех пунктах»,— заявлял Франц-Иосиф⁹⁷. Коронация состоялась в Буде 8 июня 1867 г. Официальная хорватская делегация отсутствовала.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДАЛМАЦИИ И ИСТРИИ К 70-М ГОДАМ XIX в.

Война 1866 г. поставила Габсбургов лицом к лицу с объединенной Италией. В новых условиях, а также в виду успехов южнославянского Возрождения, опора на итальянскую бюрократию и малочисленную буржуазию в Далмации стала для Вены бесперспективной. Правительство Белькреди — Бейста было вынуждено допустить постепенную «славянизацию» местного управления: с 1866 г. чиновники должны были знать оба языка. Но Вена не была заинтересована в решительном усилении

⁹⁵ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 38, 43 (6.II; 2.IV 1867 г.).

⁹⁶ «Наш народ перед всем миром защитил свою честь». Й. Штросмайер — М. Мразовичу, 29.V 1867 г.; Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

⁹⁷ М. Polić. Указ. соч., I, стр. 283—285.

народняков, а тем более в объединении хорватских земель.

В 1867 г. враждебность «дуалистских» властей к национальному движению усилилась⁹⁸. Все же новая ситуация позволила народнякам оттеснить своих противников. В 1870 г. они завоевали большинство мест в саборе (25 против 16). По мере упрочения системы австро-венгерского дуализма и внешнеполитического положения империи, усилился оппортунизм Национальной партии; вопрос национального воссоединения был предоставлен будущему⁹⁹.

Народняки Далмации, чтобы облегчить дальнейшее укрепление своих позиций в местных делах — славянизацию управления и школьного дела, а также в экономических интересах местной буржуазии, стали искать сотрудничества с правящими кругами Австрии. Уже в 1870 г. сабор избрал депутатов в рейхсрат, хотя еще в 1867 г. народняки требовали посылки представителей в хорватский сабор.

Но в Далмации народняки закрепляли результаты национального движения. С 1867 г. на хорватско-сербский язык стало переводиться преподавание в гимназиях некоторых предметов, а с 1869 г. в Дубровнике и Которе — всех¹⁰⁰.

Политическая борьба в Далмации осложнилась народным восстанием в Которском округе в 1869 г. Жители — горцы Боки Которской издавна пользовались привилегией отбывать военную службу у себя на родине и носить особую форму. Восстание было вызвано попыткой ввести здесь всеобщую воинскую повинность. Повстанцы нанесли ряд поражений карательным войскам. В напряженной обстановке накануне франко-прусской войны Вене пришлось сменить губернатора ген Вагнера и признать прежние права населения. Которское восстание вызвало большое возбуждение в других южнославянских землях монархии. Им восхищались радикально настроенные сербы. Правящие Хорватии уви-

⁹⁸ J. Grabovac. Odras političkih previranja u Habsburškoj monarhiji na proces narodnog buđenja u Dalmaciji (1813—1870). «Могућности», 1962, N 11, str. 1074, 1075. Были арестованы некоторые народняки, в том числе И. Данило (после поездки в Россию).

⁹⁹ M. Gross. O nekim aspektima..., str. 15.

¹⁰⁰ G. Novak. Prošlost Dalmacije, II, str. 405.

дели в нем пример успешной борьбы против австрийской власти.

В конце 60-х, но более явно и остро в 70-х годах, в едином лагере национального движения южных славян Далмации стали проявляться противоречия между либеральным (Нодило, Клаич) и клерикальным (Павлинович) течениями. Клерикализм отражал настроения духовенства и мелкобуржуазных слоев города и деревни и был реакцией на общественно-политическую обстановку в Европе (социалистическое и демократическое движение, Парижская Коммуна, борьба итальянского народа против Папского государства и др.) и, в частности, в Австро-Венгрии (укрепление либерализма и др.). Ввиду известной особенности национальной дифференциации у южных славян (см. главу I) клерикалы развернули хорватскую национальную пропаганду, противопоставляя хорватов сербам. Исторически прогрессивный процесс развития национального самосознания использовали круги, связывавшие национальные интересы хорватов с габсбургским государством и римской курией.

В конце 60-х годов в Далмации активизируется и сербская национальная, а в связи с ней — православно-клерикальная пропаганда. Как отмечалось (в гл. III), Ф. Рачкий упрекал далматинцев в замалчивании этнонима «хорваты». Но югослависты Хорватии, распространяя хорватское национальное самосознание, стремились сохранить хорвато-сербское сотрудничество. Идеология же клерикалов стала угрожать этому сотрудничеству.

Национальное движение в Истрии, еще слабое, не было в состоянии сразу в полном объеме использовать записанные в конституции 1867 г. национальные права. Наоборот, либеральный акт — изъятие школьного дела из ведения церкви вначале имел здесь отрицательные последствия. Ряд хорватских и словенских школ был закрыт.

Все же с конца 60-х годов сдвиги в национальном Возрождении хорватов и словенцев Истрии становились все более ощутимыми¹⁰¹. С 1866 г. стали возникать читальни, в 1871 г. их было уже пять¹⁰². Духовенство теряет

¹⁰¹ См.: V. Spinčić. Narodni prepород u Istri. Zagreb, 1924.
F. Barbalić. Narodna borba u Istri.

¹⁰² F. Barbalić. Narodna borba u Istri, str. 20, 22.

монополию в руководстве движением; в 1873 г. хорват Д. Витезич был избран в рейхсрат. В 1872 г. хорватам удалось победить на выборах в двух городах (Кастав, Бузет). В 1870 г. по соседству с Истрией, в Триесте, который являлся центром южнославянского национально-го движения в австрийской части империи, начала выходить хорватская газета «Наша слога». Это свидетельствовало о значительном росте движения.

Вслед за чехами и словенцами хорваты Истрии стали организовывать «таборы» — многолюдные народные митинги, на которых обсуждались языковые, культурные, политические и экономические требования.

В Воеводине (Бачке) национальное движение среди буневцев и шокцев лишь зарождалось: в 1869 г. епископ Иван Антунович начал издавать газету с просветительской программой, проникнутой югославистской идеологией.

Вопреки стараниям имперских и местных властей задержать сплочение хорватской нации, связи между деятелями национального движения хорватских земель в 60-х годах окрепли. Движение (как отмечалось в гл. III) в преобладающей мере развивалось под знаком югославизма. Хорваты и сербы Далмации, например, поддерживали контакты и с Хорватией, и с Сербией¹⁰³, хорваты Истрии — со Словенией. Оживились отношения с Боснией, Герцеговиной, Черногорией.

В 1861 г., когда были сорваны переговоры о воссоединении, сабор в Загребе предоставил пятерым далматинцам (М. Клаичу и др.) почетное место в саборе. Далматинцы были избраны в сабор Хорватии и Славонии в 1861 и 1865 гг. Один из них — поэт Лука Ботич из Сплита — активно участвовал в политической жизни Хорватии. В 1867 г. в хорватском саборе была оглашена декларация далматинских народняков в пользу воссоединения¹⁰⁴.

Имела место материальная поддержка Хорватией и Славонией национального движения в других землях. Штросмайер финансировал «Матицу далматинскую», «Матицу словенскую», читальни в Далмации и Слове-

¹⁰³ См., например: K. Milutinović. Veze Dalmacije i Srbije u doba Narodnog preporoda. «Zadarska revija», 1961, N 4-5.

¹⁰⁴ G. Novak. Prošlost Dalmacije, II, str. 401.

нии, тайно поддерживал «Национале», «Нашу слогу»¹⁰⁵, газету Антуновича в Бачке и т. п.

Хорватская печать как народняков, так (позднее) и правашей систематически освещала положение в других хорватских и южнославянских землях. В 1861 г. далматинцы, еще не располагавшие своей газетой, выступали в «Пóзоре»¹⁰⁶, да и в дальнейшем посылали туда свои материалы. Народняки Хорватии пытались вести пропаганду в Далмации¹⁰⁷.

В 60-х годах поддерживалась обширная переписка между хорватскими деятелями, а также между хорватами и другими южнославянскими деятелями. Переписка была важным средством идейного воздействия Хорватии на другие земли (вспомним, например, о доводах Рачкого в пользу этнонима «хорваты»). Участники национального движения совершали поездки в соседние земли, подчас сопровождавшиеся патриотическими манифестациями.

Интенсивность связей между отдельными хорватскими землями зависела от политических условий и отражала процесс развития самой нации. Например, на Военной Границе загребские деятели имели прочные связи среди буржуазии, духовенства, части офицерства. С Истрией же сношения были невелики. Местные власти затрудняли даже получение газет из Загреба.

¹⁰⁵ См., например: F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 151; K. Milutinović. Strossmayer i narodni preporod u Zadru. «Zadarska revija». 1962. N 4.

¹⁰⁶ J. Horvat. Povijest novinstva..., str. 208.

¹⁰⁷ См. например: «Građa», knj. 19, str. 202.

Хорвато-венгерское соглашение 1868 г.

После заключения политического союза австрийскому и венгерскому господствующим классам уже было легче «урегулировать» остальные проблемы.

Положение Хорватии и Славонии в новой системе было установлено в момент, когда определилась неудача планов выступления Сербии против турецкого господства на Балканах. Эта неудача явилась следствием ряда обстоятельств.

Преобразование империи Габсбургов в дуалистическую Австро-Венгрию создало новую ситуацию. Реформы в Австрийской империи нашли благоприятный отклик в буржуазных кругах Сербии. Венгерские деятели правящего лагеря выступали в это время против приобретения новых земель, населенных славянами, и власти Сербии полагали, что Венгрия будет сдерживать осуществление австрийских экспансионистских замыслов¹.

В политике Сербии существенную роль играли связи ее правящих кругов, в том числе самого князя, с венгерским дворянством, важность для сербской буржуазии экономических связей с Венгрией.

Но хотя венгерские правящие круги и могли сделать некоторые шаги, дружественные Сербии, они, как и ав-

¹ Регент Й. Ристич (после убийства Михаила Сербией управляли трое регентов, по-сербски — наместников) считал, что централизованная Австрия крайне опасна для Балкан. Поэтому, говорил он, Сербия не намерена препятствовать «стремлениям Венгрии, имеющей одинаковые с Сербией интересы». АВПР, ф. Посольство в Константинополе, д. 1386, л. 123, 1869 г.

стрийские, опасались южнославянского освободительного движения. В период реформ монархия Габсбургов прилагала усилия, чтобы парализовать активность Сербии, а тем самым ослабить движение южных славян как в Турции, так и в Австро-Венгрии. Воспрепятствовать возникновению прочного ядра славянского государства у своих южных границ осталось для Австро-Венгрии задачей первостепенной важности. Для всего этого было необходимо ослабить связи Сербии с Россией.

Австро-Венгрию поддержала Франция, рассматривавшая монархию Габсбургов как вероятного союзника в надвигавшемся конфликте с Пруссией и как противовес России². В августе 1867 г. в Зальцбурге Франц-Иосиф встретился с Наполеоном III. Австро-французское сближение стало фактом. Но уже в марте 1867 г. французский представитель в Белграде потребовал от Гарашанина заверений в том, что Сербия отказывается от враждебных действий против Порты и от «возбуждения соседних областей». Согласно франко-австрийской договоренности, продолжал он, в случае беспорядков в Боснии и Герцеговине туда вступят австрийские войска. Хотя Гарашанин ответил, что вмешательство Австрии «будет сигналом к страшным беспорядкам в ее славянских областях», французский демарш и аналогичное заявление французского посла в Вене самому сербскому князю имели важные последствия. Согласованные выступления двух держав, поддержанные Англией и направленные против освободительного движения на Балканах, имели место и в 1868 г.³

Но австро-венгерская дипломатия понимала, что для изменения ориентации Сербии одного нажима недостаточно. Уже в 1866 г. Бейст убеждал сербские власти в наступлении «новой эры» в австро-сербских отношениях⁴. Бейст содействовал Сербии в избавлении от турецких гарнизонов (1867 г.), был разрешен транзит оружия в Сербию, в 1868 г. начались австро-сербские переговоры о ликвидации консульской юрисдикции и т. д. Михаила

² См., например: «Pozor», 19.X 1866.

³ АВПР, Г. А., 1—9, д. 7, ч. III, [б. л.] (Белград), 1867 г.; АВПР, ф. Канцелярия, д. 164, л. 5 (Вена), 1867 г.; л. 12, л. 149, (Вена), 1868 г.

⁴ В. Вучковић. Политичка акција Србије., стр. 238.

стремились убедить в том, что в Вене относятся с пониманием к сербским нуждам.

После совещания в Зальцбурге Андраши посетил князя Михаила в его имении Иванка в Словакии. По всей видимости, Андраши вновь убеждал князя в бесперспективности борьбы против Турции и обещал содействовать присоединению к Сербии всей или большей части Боснии при условии сотрудничества Сербии с Австро-Венгрией⁵. Вопреки противодействию России, княжество стало все более следовать австро-венгерской политике. В 1867 г. была дана отставка Гарашанину, организатору Балканского союза.

Аналогичная политика проводилась Веней в отношении Черногории. Наместник Далмации ген. Филипович в декабре 1867 г. заявил князю Николаю о решимости Франции и Австро-Венгрии сохранить целостность Османской империи, добавив, что обе державы смогут поддержать некоторые территориальные претензии Черногории, если она сохранит спокойствие⁶.

Русское посольство в Вене уже в мае 1867 г. сделало вывод, что активные действия невозможны «до эпохи, когда наши единоверцы будут подготовлены морально и материально и когда мы сами будем в состоянии их поддержать». Горчаков согласился с этим. В декабре 1867 г. русский посланник в Вене Стакельберг в письме к сербскому князю отмечал, что ныне «центр тяжести всей обстановки представляет соглашение Парижа и Вены», и просил Михаила, если он считает, «что этот факт говорит в пользу отсрочки», сообщить свое мнение в Петербург. Все же русская дипломатия продолжала поддерживать сплочение Балканского союза. После смерти Михаила она предостерегала регентов от разрыва с южными славянами Австро-Венгрии в угоду новому курсу⁷.

⁵ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 234, 235 (Београд), 1868; см. также А. Орешкович. Мало више светлости, стр. 42—51. Имеются сведения, будто Андраши пытался убедить правящие круги империи в целесообразности нажима на Турцию и передачи Боснии под контроль сербского князя, однако не имел успеха. «Светозар Милетић и Народна странка», кн. I, стр. 571—575; кн. II, стр. 143—153.

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 164, лл. 493, 494 (Вена), 1867 г.

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 163, т. 2, лл. 449, 450; д. 164, л. 481 (Вена), 1867 г.; АВПР, Г. А., VA₂, д. 254 а, л. 424 (Белград), 1868 г.

В конечном счете в основе неудачи Балканского союза был недостаток сил сербского национально-освободительного движения, как и других антитурецких движений на Балканах. Среди обстоятельств, затруднявших достижение успеха, была боязнь решительных действий в лагере консервативных правящих кругов княжества.

В Хорватии народникам стало ясно, что целью австро-венгерской политики являлся раскол сербско-хорватского союза, подавление национального движения и сербов, и хорватов. В мае 1868 г. Штросмайер просил Михаила сохранить сотрудничество с Россией, иначе «Австрия сможет сделать с ним все, что хочет»⁸. Сближение Сербии с Австро-Венгрией хорватские народники, как и деятели сербского движения в Воеводине, считали тяжелой ошибкой. Небезуспешные действия австро-венгерской дипломатии на Балканах облегчили габсбургским правящим кругам подчинение Хорватии. Народники потеряли опору в Сербском княжестве⁹.

Недовольство дуализмом и общий подъем радикальных настроений в среде разночинной интеллигенции (учителя, попы, мелкие служащие) сказались на деятельности югославистски настроенных кругов. В начале 1868 г. «магнаты и вообще землевладельцы, известные своим сочувствием к Венгрии», получили письма с угрозой сжечь их имения. Скорее всего, письма являлись импровизацией более радикальных буржуазно-демократических элементов. Они напугали магнатов уже потому, что в Хорватии имели место крестьянские волнения¹⁰ (см. гл. II).

Унионисту барону Л. Рауху, в июне 1867 г. назначенному исполнять обязанности бана, было поручено, не стесняясь в средствах, добиться признания Хорватией ее нового положения. После ряда банов — генералов управление Хорватией было передано крупному помещику — унионисту. Это назначение симптоматично: судьба Хорватии вручалась венгерскому господствующему классу.

⁸ А. Орешкович. Мало више светлости, стр. 61.

⁹ Там же, стр. 43. «С удалением из министерства г. Гарашанина прерываются деятельные сношения с хорватами и граничарами», — сообщал Н. Шишкин. АВПР, Г. А., VA₂, л. 254^а, л. 237 (Белград), 1868 г.

¹⁰ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1027, л. 19 (Фиуме), 1868 г.

Власти продолжали бдительно следить за южнославянским движением. По данным русского консула, в 1867 г. у Штросмайера был произведен обыск¹¹. Кардинал Хаулик, еще недавно «убежденный» централист, призвал духовенство поддержать дуализм, ибо «панславистская агитация исходит из России — недруга католической церкви»¹². Были уволены многие учителя и чиновники, в частности, Й. Суботич, ездивший на выставку в Россию¹³.

Уже в апреле 1867 г. Штросмайер был вызван к Францу-Иосифу и тот потребовал от него отказа от оппозиционной деятельности, пригрозив в противном случае применить «насильственные меры»¹⁴. Лидер народняков отправился на несколько месяцев в Париж. Мажураничу также было дано указание временно устраниваться от политической деятельности. В августе 1867 г. был закрыт «Пóзор», а редактор брошен в тюрьму. При этом Раух воспользовался баховым законом о печати, в самой Австрии уже отмененным. В «ненадежной» Хорватии и при Шмерлинге, и при Андраши продолжало сохранять силу реакционное законодательство. Французский журналист Ригондо, сочувствовавший народнякам и сообщавший о неустойчивом положении в стране, был выслан из Хорватии. Новый командующий генерал Габленц энергично «противодействовал развитию славянского духа» на Военной Границе¹⁵.

Однако положение действительно было неустойчивым. Власти опасались восстания в Боснии и волнений на Военной Границе. Развертывалась югославистская пропаганда и деятельность сербских радикальных организаций, связанных с Воеводиной и Сербией. Стакельберг сообщал, что в Хорватии и на Военной Границе в 1866—

¹¹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1025, л. 45 (Фиуме), 1867 г.

¹² АВПР, ф. Канцелярия, д. 164, д. 173 (Вена), 1868 г.; М. Polić. Указ. соч., II, стр. 8, 9.

¹³ «Отняли у меня... звание и чин, и пенсию, отняли также без повода право адвокатуры». Й. Суботич — Н. А. Попову, 13.II 1868 г. Государственная библиотека им. Ленина. Отдел рукописей, ф. Н. А. Попова.

¹⁴ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 45.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 163, т. 2, лл. 542, 543 (Вена), 1867 г.; АВПР, Г. А., VA₂, д. 1027, л. 24 (Фиуме), 1868 г.

1867 г. «господствовала полная анархия», но Раух и Габленц стали наводить порядок¹⁶.

Ко всему сказанному прибавилась агитация в Хорватии со стороны австрийских противников дуализма. Среди влиятельных придворных, военных и бюрократических кругов Австрии имелись серьезные разногласия. Часть их стремилась найти опору в Хорватии и восстановить единоецентрированное устройство империи¹⁷. Сблизиться с народняками они пытались, в частности, посредством сочувствовавших австрославизму генералов — южных славян. Такова, например, фигура генерала Дж. Гривичича, по словам современника, находившегося в «интимных отношениях, с одной стороны, с национальной кроато-сербской партией, а с другой стороны, с венской комарилою» (так! — В. Ф.)¹⁸.

Австро-венгерский компромисс резко сузил возможности маневрирования для хорватской национально-либеральной оппозиции. Но все же эти возможности остались. Вплоть до 1871 г. хорватские федералисты и особенно бывшие самосталцы получали поддержку со стороны противников дуализма в Австрии.

Народняки, объединившиеся со самосталцами, продолжали поиски контактов на разных направлениях — и с Веной, и с Прагой (куда в мае 1868 г. ездили М. Мразович и Н. Крестич¹⁹), и с Белградом, и с Петербургом.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 164, л. 243 (Вена), 1867 г. О положении в Среме см.: В. Крестич. Политичке прилике у Срему уочи склапања Хрватско-угарске нагодбе 1868. «Зборник за друштвене науке», № 50, Нови Сад, 1968.

¹⁷ Уже в мае 1867 г. А. Брлич сообщал в Белград из Хорватии: «Возбуждение в Загребе велико, молодежь и Национально-либеральная и Самостоятельная партия славят Елачича и 1848 г. Прекрасно. Но камарилье в Вене все это по душе». См.: В. Вучкович. Политичка акција Србије..., стр. 296. Но одновременно народняки славил и Кошута (см. гл. VII).

¹⁸ См.: Н. П. Жуковская, А. Е. Шнейдер. Записки Боголюб-ба Каталинича о военно-политическом положении в южнославянских землях в 1869—1870 гг. «Славянский архив», 1961, стр. 225.

¹⁹ О политической борьбе в чешских землях в 1868 г. см. в начале гл. IX. В мае 1868 г. Мразович и Крестич, наряду с сербами, чехами, украинцами (из Галиции и Закарпатья) и русскими панславистами, участвовали в совещании в Праге, приуроченном к открытию здесь театра. Здесь хорваты придерживались югославистской и австрославистской позиции. О совещании см.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России..., стр. 235, 238; V. Z a č e k. Pokusy o slovanské sjezdy po r. 1867. «Slovanský přehled», 1968, № 3.

«Пóзору» удалось возродиться в Вене, а с сентября 1869 г. уже под названием «Зачочник» («Поборник», «Борец»), а затем «Браник» («Защитник») — в Сисаке, на Военной Границе. Отсюда народняки вели ожесточенную кампанию против Рауха. В мае 1868 г. в Хорватию и на Военную Границу совершил поездку шеф австро-венгерской армии эрцгерцог Альбрехт. «Он имел в виду лично заявить сочувствие свое поборникам национального начала в Кроации»²⁰. В Загребе сиятельный гость с непокрытой головой постоял у памятника Елачичу и пожалел посетить могилу бана. Ряд магнатов уклонились от встречи с представителем династии, что было неслыханным явлением, а Раух отсиживался в Пеште. Габленц пожаловался императору, упрекая Альбрехта в том, что тот «одним ударом» уничтожил плоды его усилий...

Хотя многие факты о сотрудничестве народняков с Сербией были известны имперским властям, в отношении их лидеров не было предпринято сколько-нибудь серьезных репрессий. Вероятно, причиной этого была не только популярность Штросмайера среди населения, но и влияние псевдофедералистских кругов Австрии. Однако акция австрийских противников дуализма не имела успеха.

В октябре 1867 г. Франц-Иосиф утвердил закон о составе сабора, благоприятный унионистам. Андраши был уверен, что «крупные земельные собственники» в любом случае будут на стороне правительства²¹.

Крайне узкий состав избирателей, половину которых составляли чиновники, отстранение $\frac{9}{10}$ народа от влияния на состав сабора облегчили задачу властей. Выборы в сабор, проведенные в конце 1867 г. в условиях подавления оппозиции, дали народнякам всего 14 мест²². Народняки имели успех лишь в Среме, где сербские лидеры, убедившись в невозможности компромисса с венгерскими властями, выступили против унионистов.

Но причина поражения народняков заключалась не только в действиях властей. В 1867—1868 гг. влияние унионистов среди верхов буржуазии усилилось, на их настроениях сказалось австро-венгерское соглашение. На выборах муниципалитета Загреба унионисты одержали полную победу. На их стороне выступили, в частности,

²⁰ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1027, л. 14 (Фиуме), 1868 г.

²¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 164, лл. 330, 331а (Вена), 1867 г.

²² R. N o g v a t. Najnovije doba..., str. 274.

богатый купец Н. Николич, предприниматель Г. Понграц и др.²³ Унионисты утверждали, будто в составе Венгрии экономическое положение страны резко улучшится, будут снижены налоги.

В январе 1868 г. в начале новой сессии оппозиция во главе с Ф. Рачким покинула сабор. Она заявила протест против подчинения Хорватии Венгрии, объявила сабор незаконным. Но из состава оппозиции в саборе остались трое депутатов, в том числе такие известные деятели, как Л. Вукотинович и М. Хрват. Так в 1868 г. уже появились признаки развала оппозиции.

Сабор, заседавший под усиленной охраной жандармов, избрал делегацию на переговоры с делегацией венгерского парламента. Большинство ее состояло из крайних унионистов («раухианцев») во главе с графом Л. Пеячевичем, меньшинство — из умеренных унионистов (Ю. Янкович, И. Живкович, И. Брлич). Последние пытались включить в договор некоторые гарантии прав Хорватии: поручить управление «общими делами», в особенности сбор налогов, хорватской администрации с тем, чтобы Хорватия сама передавала часть средств в общий бюджет; наделить ее представителей в парламенте особыми правами при решении вопросов, относящихся к Хорватии, а также правом избирать хорватских представителей в Делегацию, осуществлять назначение бана указом императора без вмешательства венгерских властей²⁴. Как видим, умеренные унионисты кое в чем были близки народнякам²⁵.

Роль умеренных унионистов в 1867—1868 гг. была сомнительной. Им удалось оторвать от народняков часть недовольных. Отстоять же свою программу они не могли. Все это в конечном счете принесло пользу «крайним».

Задача венгерской стороны была нетрудной, так как в среде хорватской делегации преобладало мнение, что широкая автономия Хорватии дорога и... опасна. Большинство господ помещиков хотело, чтобы венгерское

²³ М. P o l i ć. Указ. соч., II, стр. 35.

²⁴ J. Z [i v k o v i ć]. Politički pabirci iz nedavne prošlosti Hrvatske, str. 47—51.

²⁵ Различие состояло в том, что народняки в это время предлагали учреждение Делегаций для рассмотрения общих дел Хорватии и Венгрии, т. е. добивались полной внутривластной самостоятельности Хорватии. См.: «Dnevnik sabora... 1868—1871», str. 175; J. Z [i v k o v i ć]. Указ. соч., стр. 31.

правительство своими силами собирало налоги в Хорватии, содержало здесь административный аппарат и т. д. Эти круги боялись остаться один на один со своим народом.

Достоинно внимания, что Бейст побуждал венгерскую сторону не уступать хорватам, так как успех последних ободрил бы чешскую оппозицию²⁶.

В июле 1868 г. текст «Хорвато-венгерского соглашения» («Нагодба») был согласован. Сабор после кратких прений проголосовал за Соглашение (24 сентября 1868 г.). Помещичье-чиновное большинство сабора стремилось скорее покончить с «невыносимым состоянием неизвестности...» Оно утверждало, во-первых, что Соглашение сохраняет за Хорватией «народность», автономию, статус королевства, а за Францем-Иосифом — титул хорватского короля. Во-вторых, что большего достичь невозможно, ныне же Хорватия «вырвана из лап реакции» (имелась в виду австрийская бюрократия, «камарилья»). В-третьих, что проект Соглашения защищает Хорватию от... панславизма: «Если эта идея славянства когда-нибудь осуществится, то и года не пройдет, как история вычеркнет Хорватию из своего списка», — так говорили защитники интересов помещиков, страшившихся возникновения южнославянского буржуазного государства. Наконец, проект Соглашения «гарантирует наши выкупные облигации...»²⁷.

Соглашением 1868 г.²⁸ Хорватия и Славония признали дуалистическое устройство империи. Соглашение исходило из принципа неделимости земель короны св. Стефана, установленного прагматической санкцией 1723 г. Указывалось, что для обеих сторон имеет силу единый акт коронации.

Хорватский сабор посылал в венгерский парламент 29 депутатов (после присоединения Военной Границы — 40), которые участвовали в заседаниях на равных правах с остальными. Их участие требовалось, когда рассматривались дела, касавшиеся Хорватии, т. е. «общие дела»

²⁶ J. Z[i v k o v i ć]. Указ. соч., стр. 71.

²⁷ «Dnevnik sabora... 1868—1871», str. 53, 143, 154, 195.

²⁸ Текст см.: «Nagodba. Svi zakoni o Nagodbi». U Zagrebu, 1906; «Gesetz-Artikel des Landtages der Königreiche Kroatien, Slavonien und Dalmatien von den Jahren 1868, 1869, 1870». Agram, 1871; «Венгерско-хорватское соглашение 1868 г.». СПб., 1910.

Транслейтании (тогда парламент назывался «общим»). Таким образом, в отличие от положения, существовавшего до 1848 г., Хорватия не была представлена особой группой «нунциев». Численность представителей Хорватии не превышала $\frac{1}{10}$ состава парламента, и обычно они не могли оказать решающего влияния на характер законодательства, касающегося Хорватии. Кроме того, сабор посылал в палату магнатов двух представителей. Хорватские магнаты получили места в верхней палате. Здесь же заседали бан, великие жупаны, епископы Хорватии и Славонии. Предусматривалось включение в состав венгерской Делегации четырех хорватских членов, избираемых парламентом среди депутатов от Хорватии, и одного хорватского члена палаты магнатов. Этот порядок закрывал путь в Делегацию противникам центрального правительства.

Государственное единство Венгрии и Хорватии воплотилось прежде всего в единой финансово-экономической системе и связанном с ней едином законодательстве в области промышленности, торговли, банков, кредита, бюджета, государственного долга, казенных имуществ, транспорта, связи и т. п. Это законодательство входило в компетенцию «общего» парламента²⁹. Управление же — в компетенцию центрального (венгерского) правительства. Ему подчинялся соответствующий чиновничий аппарат, в том числе занятый сбором налогов. Итак, организация органов власти, ведавших экономикой и финансами, обеспечивала господство венгерских правящих кругов на территории Хорватии и Славонии, а государственное единство Транслейтании означало свободу эксплуатации страны инонациональным господствующим классом.

За Хорватией и Славонией была признана «полная автономия» в областях: 1) внутреннего управления; 2) юстиции (кроме морского права); 3) просвещения и церкви. Здесь законодательная власть принадлежала сабору, а исполнительная — краевому или земскому (zematjska) правительству во главе с баном. Оно было организовано в 1869 г. и состояло из трех отделов³⁰. Бан являлся главой гражданской власти, им могло быть толь-

²⁹ Только при продаже казенных имуществ Хорватии и Славонии должно было быть получено согласие сабора.

³⁰ См.: «Gesetz-Artikel des Landtages...», S. 26—32.

ко гражданское лицо. В соответствии с принципом государственной системы монархии Габсбургов решения сабора становились законом лишь после утверждения их императором (хорватским королем).

Положения хорвато-венгерского договора 1868 г. сохранили за Хорватией права, в основном уже принадлежавшие ей в 1861—1868 гг. Эти права были перечислены в известной ст. 42 1861 г. (§ 4), определявшей минимальную автономию Хорватии. До 1868 г. местные хорватские власти, ведавшие указанными делами, были подчинены Хорватско-славонской придворной канцелярии, осуществлявшей волю имперского правительства, теперь, формально автономные, они зависели от венгерского министерства. В центральном министерстве хорватскими автономными делами ведал «далмато-хорвато-славонский министр без портфеля». Формально он являлся лишь посредником между хорватскими властями и государем (в его обязанности входила передача хорватских документов на рассмотрение Франца-Иосифа), в действительности — контролером над банским правительством. Бан назначался королем по представлению премьер-министра Венгрии и формально был ответствен за свои действия перед сабором. Эта система обеспечивала влияние венгерского министерства на автономные дела Хорватии. Кроме того, министерство могло воспрепятствовать утверждению государем любого хорватского закона.

На расходы по автономному управлению венгерское правительство должно было ежегодно выделять 2,2 млн. форинтов (так называемая тангента; согласно букве Соглашения, эта сумма составляла примерно 45% налоговых поступлений в Хорватии). Таким образом, рост налоговых сборов не давал возможности Хорватии увеличить расходы на автономные дела.

Соглашение признало хорватский язык официальным языком законодательства, суда и администрации на территории Хорватии и Славонии. На чиновничьи посты в Хорватии должны были «по возможности» назначаться местные жители. Пункты, касавшиеся языка и государственных служащих, действительно закрепляли национальные права хорватов (что, впрочем, не мешало габсбургским властям покушаться на эти права в дальнейшем). Эти пункты удовлетворили численно возростающий слой буржуазно-дворянской бюрократии.

Территориальные требования хорватов были частично поддержаны Венгрией: Соглашение провозглашало необходимость присоединения Военной Границы и Далмации к Хорватии и Славонии. Но конфликт из-за Риеки урегулирован не был. Уже в начале 1867 г. в Риеку был послан королевский комиссар, а хорватские власти были фактически устранены. Даже унионистский сабор оговорил в тексте Соглашения, что решить вопрос о принадлежности Риеки не удалось. Но решением Франца-Иосифа район Риеки на правах «особой территории» был подчинен венгерскому правительству. Значение порта Риеки для венгерских помещиков и буржуазии было столь велико, что они не удовлетворились возможностью его использования в составе Хорватии.

В последнем (70-м) параграфе Соглашения указывалось, что его пересмотр возможен с согласия Венгрии, Хорватии и короля.

В Хорвато-венгерском соглашении сосредоточились многие особенности политики правящих кругов Габсбургской монархии. Установление господства инонациональных помещиков и капиталистов над Хорватией сопровождалось прокламированием уважения к историческому праву, традиции и т. д. Власти (в тексте Соглашения) признали Хорватию равноправной стороной на переговорах. Осуществив реорганизацию устройства империи, правящие круги получили теперь «законное» согласие Хорватии с новым устройством, а в одном из пунктов Соглашения дали ничего не стоящее обязательство — «впредь» производить подобные реформы только с согласия Триединого королевства. Вновь право Хорватии на бумаге было соблюдено. «Полная автономия» Хорватии прокламировалась в одних параграфах, а содержание других давало возможность правительству подчас нарушать эту автономию.

В Хорватии, подвергавшейся национальному гнету, не могло быть подлинного парламентарного режима; но на бумаге он существовал. Формально Хорватия сохранила ряд государственных прав. Фактически было сделано все, чтобы Хорватия не играла в государственном механизме Австро-Венгрии никакой самостоятельной роли. Хотя всем было ясно, что дуализм означал закрепление раздела хорватских земель между Австрией и Венгрией, и Франц-Иосиф, и венгерское министерство

признавали государственное единство Триединого королевства. Во время рассмотрения «общих дел» над зданием парламента поднимался наряду с венгерским и хорватский флаг. Национальные чувства хорватов до некоторой степени могли быть удовлетворены...

И все же хорватская автономия имела немалое значение. Согласно тогдашней терминологии, население Королевства Хорватии и Славонии признавалось особой нацией, обладающей территорией и автономией. Сохранение хорватами статуса «политического народа» (или «нации») ставило их в условия, во многом более благоприятные, чем те, в которых находилось большинство других народов монархии. В отличие от других районов Транслейтании (см. в гл. VII о законе о национальностях), в Хорватии в ряде сфер государственной жизни правительство должно было осуществлять свою политику руками хорватов и сербов.

Ввиду того что решения сабора не подлежали утверждению парламентом, габсбургские власти должны были заботиться о составе сабора, им приходилось применять иные методы управления, чем, например, в Словакии, Трансильвании или Воеводине, им приходилось обшивать существовавший в Хорватии режим парламентскими одеждами. Хорваты сохранили условия для развития национальной культуры, просвещения на родном языке, а в политической жизни -- немалые возможности для деятельности оппозиционных партий, издания ими газет и т. д. Полякам и чехам в Цислейтании приходилось добиваться прав, которые получили хорваты в 1868 г. Но эти права (языка и т. п.) могли удовлетворить лишь немногочисленные слои общества, которые выражали удовлетворение по поводу того, что Соглашение гарантировало Хорватии самостоятельность «в трех важнейших сферах национально-государственной жизни»³¹.

Хорватско-венгерское соглашение 1868 г. стало основным законом Хорватии и Славонии, определяющим их положение в составе Австро-Венгрии. Оно оставалось в силе в течение пятидесяти лет. В обстановке острой политической борьбы оценки Соглашения колебались от восхвалений до проклятий. Положение Хорватии в целом, смысл отдельных параграфов Соглашения и даже

³¹ М. Рolić. Указ. соч., II, стр. 100. Заявление барона Рауха.

имеющихся в нем умолчаний привлекали внимание авторов не только в Хорватии³², но и в Австрии, Венгрии, а также за границей. Полемика эта — уже в историческом плане — продолжалась и после краха Австро-Венгрии в связи с политической борьбой в буржуазной Югославии³³.

В СФРЮ анализ Соглашения был дан Ф. Чулиновичем³⁴, а затем Х. Сиротковичем, который с основанием отметил, что в Хорватии не существовало парламентской системы правления, сабор был бессильным, а бан исполнял волю центральных властей³⁵. Характеристика Соглашения имеется в ряде советских исследований³⁶.

Чем же объясняется особая линия австро-венгерских властей в отношении Хорватии и Славонии?

Габсбургам надо было противопоставить национально-освободительному движению на Балканах и почти независимой Сербии автономную Хорватию. Самому венгерскому господствующему классу было выгодно держать Хорватию под строгим контролем, но все же — отдельно от остальных угнетенных наций, составлявших большинство населения Транслейтании (действительно, представители Хорватии и Славонии в парламенте оказались послушным орудием правительства). Хорватия и Славония занимали исключительно важное для империи положение. Хорватское национальное движение находилось на таком уровне, что ликвидировать автономию полностью было опасно. Имперские правящие круги опасались создать здесь очаг крайнего недовольства.

³² См.: В. Sulek. Hrvatski ustav ili konstitucija godine 1882. U Zagrebu, 1883.

³³ Следует указать труды: М. Владисављевић. Државноправни положај Хрватске у оквиру хабсбуршке монархије. Београд, 1937; он же. Хрватска аутономија под Аустро-Угарском. Београд, 1939.

³⁴ F. Culinović. Državnopravna historija..., I, str. 110 и далее.

³⁵ H. Sirotković. Državnopravni položaj hrvatskog sabora u razdoblju Hrvatsko-Ugarske nagodbe. «Zbornik radova iz pravne istorije». Београд, 1966, стр. 207—216.

³⁶ Н. Д. Ратнер. Возникновение хорватско-венгерского соглашения 1868 г. «Вопросы истории», 1947, № 6; В. И. Фрейдзон. Развитие капитализма в хорватской деревне. «Ученые записки Института славяноведения», т. X, 1954, стр. 74, 75; «История южных и западных славян». М., 1957; Ю. А. Писарев. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962; «История Югославии», т. I. М., 1963.

Кроме того, в Хорватии и Славонии им было на кого положиться: помещики, верхушка буржуазии и чиновничества служили здесь опорой нового режима. Передав Хорватию в подчинение Венгрии, придворные круги все же считали полезным сохранить возможность опоры на хорватов в случае внутривластных осложнений в империи. По всем этим причинам Франц-Иосиф заявил, что Хорватия может «совершенно спокойно смотреть в будущее» и пусть защиту своей автономии хорваты «с доверием вручат Его Величеству»³⁷.

Полностью пренебречь «хорватским правом» Габсбурги не только не хотели, но и не могли. Длительная упорная борьба хорватов за автономию (те права, которые Хорватия сохранила в 1868 г., рассматривались как необходимый минимум широкими кругами буржуазии, дворянства и чиновничества, в том числе самосталцами и унионистами), традиция автономии Хорватии, которая сохранялась с древних времен, сказались на результатах политической борьбы в 60-х годах XIX в.

Вслед за «урегулированием» хорватского вопроса Франц-Иосиф в 1869 г. посетил Хорватию и Славонию, а барон Раух был провозглашен баном.

³⁷ М. Роліć. Указ. соч., т. II, стр. 81.

*Временная
стабилизация Габсбургской монархии
в начале 70-х годов
и отступление хорватской
национальной буржуазии. 1868—1873 гг.*

В 1867—1870 гг. Габсбурги надеялись исправить свои дела сближением с Францией. Поражение Пруссии дало бы им возможность восстановить свое влияние в Германии. Но, пока в Австрии не была оставлена мечта возглавить объединение Германии, успех венгерского национального движения казался не прочным. На этой основе в 60-х годах сложились дружеские отношения между прусскими и венгерскими правящими кругами¹.

Венгерские либералы видели выход из неустойчивого положения монархии в усилении влияния Венгрии на политику государства. Успехом в этом отношении было назначение Андраши на пост министра иностранных дел в конце 1871 г.

В австрийской части монархии нарастала оппозиция новому порядку. С 1868 г. в Чехии возникла новая форма движения — массовые митинги («таборы»). Наряду с борьбой за те же права, которые получила Венгрия, народные массы выступали за демократию, всеобщее избирательное право². Происходили столкновения с полицией и войсками. В октябре 1868 г. в Праге было введено осадное положение. Чешские депутаты бойкотировали рейхсрат, отказывались признать дуализм. В 1870 г. рейхсрат

¹ См.: J. Kořalka. Pruskoněmecká politika ve vstahu k vyrovnání roku 1867 a k narodním problémům v střední Evropě. «Historický časopis» (Bratislava), 1968, N 2.

² Я. Гавранек, И. Коржалка, Ю. Месарош, З. Шолле. Народные массы в чешском и словацком национальном движении XIX в. «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 109, 110.

временно покинули польские депутаты. Чешская оппозиция собрала большинство на выборах в сейм.

Национальные движения, а также недовольство правлением либералов со стороны части господствующего класса Австрии, поставили под вопрос судьбу нового государственного устройства. Политическая борьба в империи достигла такой остроты, что иностранные наблюдатели проникались убеждением в неизбежности краха государства: «Чем больше я слежу за тем, что происходит в Венгрии, Хорватии, Триесте и в Праге, тем больше начинаю верить..., — писал русский представитель в Вене Александру II в июле 1868 г., — что перед нами не кризис, поддающийся разрешению, но агония Австрийской империи, которой предстоит исчезнуть...»³. В дальнейшем политическая атмосфера продолжала накаляться⁴. В этой обстановке развивалась политическая борьба в хорватских землях в 1868—1871 гг.

УНИОНИСТСКИЙ РЕЖИМ В ХОРВАТИИ И СЛАВОНИИ

Вопреки предсказаниям унионистов, венгерские земельные магнаты, державшие в своих руках власть, не проявляли намерения благородно заботиться об экономике Хорватии. Их политика в масштабах Транслейтании была централистской. Строительство железных дорог, установление тарифов производились в интересах венгерских экспортеров. В 1873 г. Риека была соединена железной дорогой (через Загреб) с Будапештом и с этих пор начался ее быстрый подъем. О трансхорватской магистрали (Земун—Риека) по-прежнему не было речи. В отношении общественных работ и промышленного строительства Хорватия оставалась в неблагоприятном положении. Быстрее здесь развивались лесопильная и мукомольная отрасли промышленности.

В стране продолжался рост налогов. Венгерская казна, как ранее общеимперская, страдала от хронической нехватки средств. Но часть хорватской и сербской буржуазии, главным образом торговой, и прежде связанная

³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 150, л. 390 (Вена), 1868 г.

⁴ ЦГАОР. Секретный архив, III Отделение, ф. 109, д. 429.

с венгерским капиталом, получила благоприятные перспективы и поддерживала новый режим.

Уже с приходом к власти унионистов в 1867 г. в Хорватии установился режим помещичьей диктатуры. Политическое сотрудничество с унионистами (в 1862—1866 гг.) свидетельствовало об умеренности социальных взглядов народняков. Но в момент распада фузии народняки стали смелее критиковать помещиков. Ввиду конфликтов в деревне они провели в саборе (1866 г.) ряд аграрных законопроектов, которые предусматривали ускорение ликвидации остатков феодальных отношений и некоторые облегчения крестьянам⁵. «Позор» вновь, как и в 1862 г., выступил против злоупотреблений помещиков — взыскания с крестьян повинности в двойном размере⁶. Сабор заявил государю о стремлении «устранить неестественные отношения, сохранившиеся от феодализма». Так выявилось определенное, хотя и второстепенное по значению, различие между позицией буржуазии и помещиков.

Габсбурги стояли на страже интересов последних: Франц-Иосиф не утвердил решение сабора. «Позор» писал, что унионисты, «улыбаясь, слушали рескрипт, содержащий отказ в утверждении законопроектов об урегулировании горных, чиншевых и различных иных отношений, оставшихся от крепостничества...»⁷.

Дворянство стремилось ликвидировать права крестьян на спорные территории. Раух усиленно проводил раздел лесов и пастбищ, который сдерживался до тех пор ввиду сопротивления крестьянства. Сегрегация сопровождалась многочисленными злоупотреблениями. Власти «отводят наилучшие участки помещикам, а наихудшие и нередко вдали от самого жительства — поселянам, которые, таким образом, бывают принуждены продавать отводимые им участки прежним их землевладельцам. Со временем произойдет то, что леса и пастбища станут исключительно собственностью древних феодалов»⁸.

Население приписывало новые распоряжения властей «единственно аристократическому началу, господствующему в нынешней местной администрации... Уже бы-

⁵ «Pozor», 7.I 1867; Lj. Kuntić. O nekim osnovama..., str. 78—80; B. Stojasavljević. Gornjaci, str. 93—97.

⁶ «Pozor», 14—17.I 1867.

⁷ «Pozor», 18.VI 1867.

⁸ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1025, л. 4 (Фиуме), 1867 г.

вали примеры, что сельское население выказывало вооруженную оппозицию» властям⁹. Если ранее Шокчевич по просьбе помещиков неохотно посылал войска (придворная канцелярия, стремясь избавить централистский режим от новых затруднений и противопоставить крестьян дворянской оппозиции, разрешала использовать войска лишь в крайних случаях), то теперь расправы с крестьянами участились. Борьба крестьян толкала помещиков к скорейшему оформлению государственного единства Хорватии с Венгрией.

Связь позиции магнатства с остротой противоречий в деревне и объективный смысл борьбы крестьян были ясны уже современникам: когда сельское население, писал русский консул в Риеке, оказывает сопротивление администрации Рауха, то, «не понимая значения дуализма, по силе самих обстоятельств действует против него»¹⁰. Здесь подмечено социальное «значение дуализма» — переход власти в Венгрии и Хорватии в руки самого помещичьего класса.

После Соглашения 1868 г. острота внутривластных проблем возросла. Заседания сабора в 1868—1873 гг. представляют картину беспардонного засилия помещиков. Жалобы крестьян не только оставались без внимания, но иногда даже не оглашались. Осуществлялась политика разорения крестьянства, так как помещичьим имениям не хватало работников (такой, например, была тенденция законопроекта о задругах). Закон об охоте 1870 г. сохранил за помещиками практически монопольное право охоты, обычно сопровождавшейся потравками крестьянских посевов. Сабор обсудил законы о порядке получения помещиками выкупных сумм, вопрос о кредитном банке и др.¹¹

Автономное законодательство 1869—1873 гг. имело целью упрочение режима. По закону о местном (жупанском) управлении чиновники назначались баном и великим жупаном, эта бюрократия должна была окончательно стать орудием правительства. Власти отказались отделить суд от администрации, сославшись на «темно-

⁹ АВПР Г. А., VA₂, д. 1025, л. 46 (Фиуме), 1867 г. О крестьянских выступлениях см. в гл. II.

¹⁰ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1025, л. 46 (Фиуме), 1867 г.

¹¹ См.: «Dnevnik sabora... 1868—1871», str. 64, 65, 81, 121, 478—483, 611—614, 641, 650, 671, 672, 1189.

ту» народа¹². Право магнатов на личное присутствие в саборе было закреплено.

Помещичье-бюрократическая клика, стоявшая у власти, не допускала политической свободы. «Чиновники удалены от должностей, духовенство — под страшным контролем, всякий, читающий, не только подписывающийся на «Розог», считается изменником и преследуется... «Розог» нужно раздавать по большей части, чтобы читали, так как боятся на нее подписываться»¹³. Банское правительство распустило оппозиционные магистраты Карловаца и других городов. После демонстраций в Загребе в 1870 г., направленных против нового архиепископа — сторонника режима, власти усилили репрессии: «Господствует страшный террор; людей бросают под арест, изгоняют из Загреба, избивают»¹⁴. По замечанию умеренного униониста Л. Вукотиновича, «один лишь сабор представляет собой некую тень конституционного и свободного движения...». Ища в унии гарантию конституции, «мы попали из абсолютизма в деспотизм», — вторил ему депутат М. Броз¹⁵. Народняцкая оппозиция испытывала серьезные финансовые затруднения¹⁶. Так как главным источником ее средств было имение Штросмайера, власти грозили ему секвестром.

Режим в Хорватии в 1867—1873 гг. отличался от положения в венгерских областях своей реакционностью.

ХОРВАТСКО-РУССКИЕ КОНТАКТЫ

В 1868—1871 гг. народняки по-прежнему стремились к равноправному хорвато-венгерскому объединению или же к федерализации империи. Как и ранее, их деятельность была направлена на достижение ближайшей цели — расширение автономии Хорватии; при этом, по мере упрочения нового устройства государства, увеличивалась их неуверенность, а влияние бывших самосталцев

¹² М. Ролиć. Указ. соч., II, стр. 142.

¹³ М. Ф. Раевский — Н. А. Попову, 13.III 1869 г.; Государственная библиотека им. Ленина. Отдел рукописей, ф. Н. А. Попова.

¹⁴ М. Мразович — И. Штросмайеру, 13.VIII 1870 г.; Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

¹⁵ «Dnevnik sabora... 1868—1871», стр. 851, 863, 1138, 1139.

¹⁶ См.: М. Мразович и И. Перковац — Н. А. Попову [б. ч.], 1868 г.; М. Ф. Раевский — Н. А. Попову, 13.III 1869 г. Государственная библиотека им. Ленина. Отдел рукописей, ф. Н. А. Попова.

в партии усиливалось. Но одновременно народняки пытались укрепить межславянские связи как с целью приобретения опоры для борьбы в Австро-Венгрии, так и на случай международных событий. В частности, партия пыталась противодействовать изменению политического курса Сербии. В начале сентября 1868 г., т. е. незадолго до обсуждения Соглашения в саборе, в Белград был направлен Суботич, который, по сведениям Шишкина, «имел поручение от епископа Штросмайера и народной хорватской партии сделать наместникам последнее воззвание к соглашению с ними и к начатию действия между единомышленниками для основания югославянской конфедерации, центром которой должна быть Сербия, и в случае отказа съявить, что они начнут действовать со своей стороны помимо Сербии». Суботич сообщил регентам о желании Штросмайера «приехать в Белград для вступления с ними в личные сношения и дальнейшие переговоры»¹⁷.

В действительности, с того момента, как народняки убедились в утере Сербией активной роли, они в поисках опоры предприняли шаги в иных направлениях. Поездка Штросмайера, предпринятая в октябре 1868 г., преследовала цель сблизиться с русской дипломатией.

В Белграде Штросмайеру была организована молодежью торжественная встреча. Так население проявило солидарность с национальным движением хорватов. Австро-венгерский консул собирался сопровождать гостя, «но эти происки только поощрили хитрого епископа презреть их,—сообщал Шишкин в Петербург.—Остановившись в Землине, он приехал в Белград, не предупредив моего австрийского товарища, и таким образом мог делать все свои посещения без докучливого надзора последнего»¹⁸.

20 октября Штросмайер беседовал с Шишкиным¹⁹. Он высказал убеждение, что, обещая сербскому правительству способствовать присоединению Боснии и Герцеговины к Сербии, если последняя «отвернется от Рос-

¹⁷ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, лл. 205, 206 (Белград), 1868 г. Как отмечалось, речь пока что могла идти лишь о содействии хорватов политике Сербии, а также о помощи со стороны Сербии хорватской оппозиции.

¹⁸ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 257 (Белград), 1868 г.

¹⁹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 251 и далее (Белград), 1868 г.

сии», австрийские министры «обманывают и Европу и Сербию. Я знаю положительно от многочисленных своих приятелей из граничар,— говорил он,— что главное начальство Военной Границы имеет уже более года секретное предписание держать войска в готовности для вступления по первому приказанию в Боснию и Герцеговину, и я убежден, что знаком для приведения этого указания в исполнение будет первое серьезное народное движение в этих областях... Как нечего ожидать от Порты несчастной райе», так нам нечего ожидать от Австро-Венгрии, продолжал Штросмайер. Хорваты рассчитывали на активность Сербии, но в последнее время они получили здесь совет договориться с Венгрией на условиях 1868 г... Лидер народняков продолжал в связи с этим, что им остается обратиться к России. Далее он попросил оказать помощь патриотам, лишившимся службы, предоставить субсидию газетам «Пóзор» и «Цукунфт» (издавалась в Вене), существующим лишь на его средства, а также самой партии для целей избирательной борьбы.

Тут же выяснилось, что главной целью Штросмайера было установление прочных связей с Россией. Штросмайер предложил действовать совместно против планов Габсбургской монархии, направленных во вред интересам России и южных славян. Он заявил о готовности народняков принять на себя обязательство действовать по указаниям России, в частности, употребить свое влияние, чтобы Военная Граница в нужный момент выступила согласно с ее «великодушными предначертаниями...». «Не сочтите мои слова выражением бессильного негодования...»,— сказал Штросмайер,— источником их служит глубокое и непоколебимое убеждение, что одна Россия разрешит давнишнюю задачу воссоздания югославянского мира и что все козни ее врагов бессильны помешать ей исполнить эту славную задачу». Он хотел бы поддерживать связь между народняками и консульством в Белграде или посольством в Вене.

Итак, народняки стремились к политическому сотрудничеству с Россией, имея в виду неизбежные, по их мнению, крупные международные события²⁰.

В момент пассивности Сербии возросла роль Черногории. В начале 1869 г. князь Николай Негош посетил

²⁰ Предложение Штросмайера не было принято (см. ниже).

Петербург. В России он получил финансовую поддержку и традиционный совет поддерживать дружеские отношения с Сербией, которую русское правительство продолжало рассматривать в качестве — пока что потенциального — центра южнославянского движения...

В связи с переменами в Белграде народняки попытались опереться на Черногорию. А. Орешкович, по характеристике русского консула в Дубровнике, — «доверенное лицо Штросмайера и хорватской партии, нарочно посланный в Цетинье», — в мае 1869 г. сообщил консулу Ионину, что он поддержал намерение князя сохранить прорусскую ориентацию. Как выяснилось, народняки не оставили надежды на сотрудничество с русской дипломатией. По Орешковичу, «хорватская национальная партия решила вполне подчиниться указаниям императорского правительства по отношению к деятельности в среде южных славян»²¹. Продолжая попытки создать атмосферу доверия в своих отношениях с Россией, партия желала «действовать с Черногорией независимо и самостоятельно, но с условием, чтобы действия ее были бы известны императорскому правительству и от него получали направление...». Наконец, Орешкович, якобы по поручению Штросмайера, советовал черногорскому князю пополнить свою армию австрийскими офицерами — национально настроенными хорватами и сербами.

В условиях назревания нового военного конфликта в Европе в конце 60-х годов народняки желали, по сообщению Орешковича, «составить в наших странах некоторую силу, которая могла бы действовать с успехом, когда Россия, собравшись со своими средствами, решится на политику смелого действия, когда представится удобный случай, как, например, война между Пруссией и Францией. Тогда мы, хорваты, хотели бы не упустить удобной минуты и если не совсем освободиться, то основать в Северо-Западной Турции довольно полновесное Сербское княжество, к которому могли бы тяготеть австрийская Хорватия и Славония...»²².

Наконец, в сентябре 1870 г. Штросмайер беседовал с русским посланником в Вене Новиковым. Нарисовав картину надвигающейся угрозы германской экспансии,

²¹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 734, лл. 113—117 (Пагуза), 1869 г.

²² АВПР, Г. А., VA₂, д. 734, лл. 182, 183 (Пагуза), 1869 г.

он горячо доказывал необходимость солидарности России с угнетенными славянами. Именно тогда он высказал (см. гл. III) мнение, что славянам остается руководствоваться своими собственными интересами. Будучи не в силах спасти монархию (Габсбургов.— В. Ф.), «они должны спасти самих себя без нее, а при необходимости и против нее»²³.

Попытки народняков сблизиться с Россией не были успешными ввиду несоответствия их задач целям царского правительства. В 1867 г. посольство в Вене выражало сомнение в возможности сербско-хорватского сотрудничества против Австрии, так как видело в Штросмайере «человека, весьма преданного императору и придерживавшегося ультракатолических принципов». Правда, уже в апреле 1867 г. посольству стало ясно, что австрийские власти «испытывают раздражение» деятельностью лидера народняков и что якобы Франц-Иосиф поставил его перед выбором: стать на сторону правительства или отказать от сана, и все же Стакельбергу казалось, что будет лучше, если сербские министры не станут до конца доверять этому «князю церкви»²⁴.

30 сентября 1868 г., незадолго до приезда Штросмайера в Белград, Шишкин просил указаний, может ли он встретиться с хорватским лидером. Было дано разрешение встретиться, «не входя с ним ни в какие обязательства». Это указание было утверждено царем²⁵.

Беседа со Штросмайером произвела глубокое впечатление на Шишкина: «Могу выразить лишь сожаление,— писал он в отчете Горчакову 21 октября 1868 г.,— что я не имел в распоряжении своем стенографа для представления Вам от слова до слова увлекательно красноречивой речи его, объясняющей отчасти то неоспоримое влияние, которое он успел приобрести между своими единоплеменниками и которое только упрочилось его бескорыстно патриотической деятельностью»²⁶. В том же духе он обращался к Стремоухову (22.X 1868 г.): «Я уверен, что если бы князь-канцлер (т. е. Горчаков.— В. Ф.)

²³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 146, л. 136 и далее (Вена), 1870 г.

²⁴ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 290; д. 1011, л. 2, 3; д. 1017, л. 78; д. 1018, лл. 15, 16 (Флуме), 1860 г., 1863 г.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 163, т. 2, лл. 238, 290 (Вена), 1867 г.

²⁵ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 376, 386 (Белград), 1868 г.

²⁶ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, л. 256.

вместо моего сухого отчета о свидании со Штросмайером мог выслушать исполненную горячего убеждения речь епископа, он не задумался бы стать перед государем ходатаем за несчастных хорватов. Описание их страданий не красивая перифраза, но горькая истина...»²⁷.

Царское правительство, хорошо понимая наличие противоречий между Петербургом и Веной на Балканах, все же держало курс на сотрудничество с Австро-Венгрией. Кроме того, руководители русского дипломатического ведомства не могли забыть австрославистских тенденций народняков. «Снисходя на ходатайства [Штросмайера] и даже продолжая с ним переговоры и сношения, мы прямо и враждебно вмешались бы во внутренние дела Австрии, что вовсе не входит в нашу политическую программу,— указывало министерство консулу в Белграде в ноябре 1868 г.— А потому прошу Вас ... передать епископу дьяковарскому, что, сочувствуя его ревностным усилиям поддержать народность хорватскую, мы не можем принять никакого участия в действиях, направленных против австрийского правительства». Здесь же выражалась уверенность в том, что новая активизация политики Сербии неизбежна. Россия в этом случае поддержит сербское правительство. Шишкину предписывалось следить за австрийскими происками в Сербии²⁸.

Аналогичным был результат попытки народняков (1869 г.) заручиться поддержкой русского правительства посредством Черногории и русского консула в Дубровнике А. С. Ионина.

В письме к Стремоухову от 6 мая 1869 г. Ионин предложил перенести центр тяжести в деятельности на Балканах на Черногорию и Национальную партию Хорватии. Если князь Николай хочет играть роль центра (в южнославянском движении), рассуждал Ионин, пусть он собирает силы сербов под покровительством России; «надобно нашу деятельность применять к требованиям времени, соединить по возможности силы славян, искать их везде, несмотря на разницу религий и наименований». Деятельность «независимых славянских кружков и патриотов» во имя освобождения Боснии и присоединения

²⁷ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254а, лл. 491, 492 (Белград), 1868 г.

²⁸ АВПР, Г. А., VA₂, д. 254, лл. 430, 431 (Белград), 1868 г. Инструкция была утверждена царем.

ее к Сербии или Черногории способна воодушевить народ. Цель народняков — создать в Черногории силу и в подходящий момент выступить против Турции... «Итак...если партия Штросмайера окажется самостоятельной и честной, то нет причины мешать соединению ее деятельности с деятельностью кн. Николая». Отвратить «партию Орешковича» от деятельности, от связей с Черногорией,— продолжал Ионин,— вообще невозможно, «потому что к ней принадлежит все действительно живое в хорвато-сербском мире...»²⁹.

Стремоухов отвечал 12 мая 1869 г., что обстоятельства таковы, что «как бы мы ни сочувствовали нашим восточным братьям...нам покуда и думать нельзя о решительных действиях и об обширных планах», нельзя и втягиваться в их подготовку... «Как ни толкуйте, а единственно надежной опорой для славянства представляется Сербия; вследствие временных обстоятельств она парализована и идет по ложному пути; это неизбежно изменится, а до тех пор нужно быть терпеливым и выждать». Черногория, конечно, должна укрепляться, необходимо, чтобы князь Николай «не продал за что-либо хотя частицу независимости своего народа; эта независимость дорога как принцип, как светлая искра... сближению его и даже сделкам с сербами, хорватами, албанцами, греками мы никак мешать не должны, но тем менее должны брать их на свою ответственность»³⁰.

Однако идеологи хорватского югославизма остались при твердом убеждении, что только Россия способна внести решающий вклад в дело освобождения южных славян и, кроме того в союзе с Францией (об этом см. ниже) воспрепятствовать германской экспансии.

Народняки пытались получить денежную поддержку для газеты со стороны славянофилов. Но, несмотря на усилия представителя славянских комитетов в Вене М. Ф. Раевского, ограниченность средств не дала возможности славянофилам поддержать хорватскую газету³¹.

²⁹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 734, лл. 188—194 (Рагуза), 1869 г.

³⁰ АВПР, Г. А., VA₂, д. 734, лл. 299—301.

³¹ См.: И. Мишкатович — Н. А. Попову, 30.IV 1868 г. К Раевскому обращался Штросмайер. См.: М. Ф. Раевский — Н. А. Попову, 13.III 1869 г. «С «Позором», впрочем, не знаю, что делать. 600—800 рублей ему не поможешь», — писал Раевский. Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. Н. А. Попова.

Приведенные материалы показывают, что Штросмайер и его единомышленники некоторое время после 1868 г. — пока международная обстановка таила новые осложнения и перспектива распада империи Габсбургов казалась возможной — сохраняли радикальную программу.

«АФЕРА ВАГНЕРА»

Австро-венгерские правящие круги не жалели усилий для прекращения хорвато-сербского сотрудничества. В 1869—1870 гг. они продолжали давать туманные обещания содействовать присоединению хотя бы части Боснии к Сербии. С другой стороны, наместник Далмации фельдмаршал-лейтенант И. Вагнер, действуя по поручению имперских властей, в июне 1869 г. попытался привлечь народняков в поддержку внешней политики монархии посулами присоединить Боснию к Хорватии. Он предложил Орешковичу и Мразовичу программу совместных действий властей и Национальной партии. Объединение Боснии и Герцеговины с Хорватией, поучал Вагнер народняков, «должно быть главной целью каждого сына Хорватии», но в этом заключаются и «жизненные интересы государства». И поэтому народнякам, «действуя внешне самостоятельно», следует агитировать в Боснии в пользу Австрии³². Для этой цели правительство отпустило бы средства... Далее генерал говорил о стремлении эрцгерцога Альбрехта и венской аристократии ослабить влияние Венгрии в государстве³³. Он говорил о дружеских хорватам чувствах противников дуализма.

Хотя летом 1869 г. надежды народняков на сотрудничество с австрийскими правящими кругами росли, все же политический опыт не позволил им принять провокационное предложение генерала. Позднее Штросмайер писал Ристичу, что «мы с самого начала считали» действия Вагнера попыткой завлечь народняков в ловушку... «Мы,— писал он в другой раз,— предпочли бы тысячу раз отречься от собственного существования и уме-

³² См.: V. Vučković. Ristić, Strossmayer i Wagnerova afera. «Jugoslovenska revija za međunarodno pravo» (Beograd), 1955, N 1.

³³ АВГП, Посольство в Константинополе, д. 1386, л. 122, 1869 г.

реть, чем рассориться с вами из-за какого-то клочка земли»³⁴.

Вероятно, Мразович в поездке в Далмацию в июле 1869 г. имел целью не только встретиться с Вагнером, но и упрочить контакты с местными народняками и Черногорией. Путешествие Мразовича по Далмации, как докладывал Ионин, «не очень беспокоило местные власти...», но когда он поехал в Катарро (Котор.— В. Ф.) и хотел было посетить Черногорию, то «все каттарские власти были в большой тревоге, и телеграф был исключительно занят Мразовичем»³⁵.

По версии, сообщенной самими народняками Ионину, «афера Вагнера» была подготовлена военными кругами и якобы одобрена императором без ведома министров. Народнякам было обещано отделить Хорватию от Венгрии. Вагнер якобы рассчитывал, что волнения в Которском округе, ожидавшиеся в связи с законом о всеобщей воинской повинности, возбудили бы движение против турок, что дало бы Австрии повод для захвата славянских провинций Турции³⁶. Здесь ход событий рисуется так, будто восстание в Которе спровоцировали власти³⁷, что мало вероятно, а народняки якобы сначала склонялись к сотрудничеству с Вагнером. Очевидно, это частично соответствовало истине, особенно в отношении бывших самосталцев и Орешковича³⁸.

Народняки, несмотря на недоверие к Вагнеру, пошли на переговоры с ним. Мразович «пять-шесть раз посетил Вагнера»³⁹. Затем к имперскому министру Бейсту направился И. Мажуранич. Но Бейст отрицал причастность правительства к проекту Вагнера. «Из всего этого следу-

³⁴ V. Vučković. Ristić..., str. 42, 44. См.: он же. Политичка акција Србије..., str. 433.

³⁵ АВПР, Г. А., VA₂, д. 734, л. 60 (Рагуза), 1869 г.

³⁶ По данным А. С. Ионина, «Вагнер переписывался... с Вончиной и Мишкатовичем о том, как бы хорваты могли ворваться в Боснию и Герцеговину, если бы здесь произошли смуты...» АВПР, Г. А., VA₂, д. 735, л. 118 (Рагуза), 1870 г.

³⁷ А. С. Ионин сообщал, что «Австрия не стремилась предупредить восстание, власти даже раздували его...» АВПР, Г. А., VA₂, д. 735, л. 118 (Рагуза), 1870 г. О близкой версии см.: В. Вучковић. Политичка акција Србије..., стр. 423, 424.

³⁸ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 82, 87; Письма от 13 и 30.VII 1869 г.

³⁹ М. Мразович -- Й. Штросмайеру, 5.XI 1869 г.; Arhiv JAZU, Strossmayerova ostavština.

ет..., — писал Мразович Штросмайеру, — что Вагнер, по указанию Бейста, как-то хотел нас использовать, а окажись мы ненужными, он послал бы нас хоть на виселицу...»⁴⁰.

Сохранился доклад Вагнера Бейсту о переговорах с Мразовичем. Наконец, имеются данные о согласованных действиях Бейста и премьер-министра Венгрии Андраши в это время: первого — посредством Вагнера, второго — посредством австро-венгерского консула в Белграде⁴¹.

«Афера Вагнера» не удалась. Властям с трудом удалось замять это дело.

Но правящие круги Австро-Венгрии продолжали усилия, направленные на парализацию южнославянского движения: осенью 1870 г., во время франко-прусской войны, они предложили Сербии заключить договор о разделе Боснии и Герцеговины при условии сохранения Сербией нейтралитета в случае расширения войны в Европе⁴².

Спад национального движения на Балканах в 1868 г. и австро-французское сближение побудили народняков сосредоточить внимание на попытках перестройки Габсбургской монархии. При всем том они не изменили стремлению укреплять связи с южными славянами вне Австро-Венгрии.

ХОРВАТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ И ПОДЪЕМА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ

Крупнейшим событием этого времени была франко-прусская война. Соотношение сил в Европе резко изменилось. Что касается монархии Габсбургов, то победа Германии могла привести, как казалось представителям славянских национальных движений империи, либо к федерализации ее австрийской части, либо к ликвида-

⁴⁰ Там же. Вончина также убедился, что народняков «хотели использовать в качестве дешевого орудия». См.: В. Вучкович. Политичка акција Србије..., str. 406.

⁴¹ К. Милутиновић. Бокељски устанак и вагнерова афера. «Историски записи», 1958, № 1-2, стр. 21, 25.

⁴² В. Вучкович. Политичка акција Србије..., str. 428, 429.

ции дуализма, либо к краху империи...⁴³ Как и в 1866 г. было неясно, не устремится ли прусская военная машина на австро-немецкие земли Габсбургов. Новая волна пан-германской пропаганды захлестнула Австрию.

Будущее представлялось хорватским национальным деятелям весьма тревожным. Они вновь, как и в 1866 г., остро ощутили политическую слабость южных славян, свою неподготовленность к событиям, «развивающимся молниеносно» (Ф. Рачкий)⁴⁴.

Роль барьера против германской экспансии в Европе, в частности на Юго-Востоке, считали как народняки, так и праваши, мог бы сыграть франко-русский союз. Об этом «Пóзор» писал уже в 1866—1867 гг.: «Германский вопрос для обеих держав — перворазрядный, и он не может быть решен благоприятно для них иначе, как их взаимным союзом»⁴⁵. Народняки упрекали правительство Наполеона III во враждебности к России. После образования Германской империи пропаганда франко-русского союза еще более активизировалась. Штросмайер выступал за «тесный, близкий, прочный, чуть ли не вечный союз Франции с Россией»⁴⁶. В сентябре 1870 г. он убеждал посланника в Вене Новикова в том, что «высшей мудростью» со стороны России было бы настоять на сохранении территориальной целостности Франции⁴⁷.

Праваши, как известно, ориентировавшиеся на Францию, незадолго до франко-прусской войны также пришли к выводу о важности для хорватов франко-русского союза. После Седана его необходимость, по их мнению, стала крайне настоятельной. Они критиковали политику сближения с Пруссией и Австрией, проводившуюся правительством Александра II, и отмечали любое проявление в России недовольства ею⁴⁸.

⁴³ См.: D. Kermauner. *Političnogodovinske opombe*. в кн.: I. Prjatelj. Указ. соч., т. IV, стр. 522.

⁴⁴ F. Šišić. *Korespondencija...*, I, str. 120.

⁴⁵ В. И. Фрейдзон. *Пропаганда в Хорватии франко-русского союза...*, стр. 58.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 146, л. 163 (Вена), 1870 г. Эти же мысли были развиты Штросмайером в письме к Мразовичу, 20.X 1870 г.: Arhiv JAZU. *Strossmayerova ostavština*.

⁴⁸ См.: В. И. Фрейдзон. *Пропаганда в Хорватии франко-русского союза...*, стр. 55, 56.

После поражения Франции опорой всех югославистских планов, как и ранее, народняки считали Россию. Уже в сентябре 1870 г. Мразович заявил русскому консулу в Риеке Л. Березину о стремлении его партии, «по опыту убедившейся в ложности обещаний западных держав», войти в более тесные отношения с Россией, так как в Загребе «ходят слухи о намерении России возбудить при нынешних обстоятельствах Восточный вопрос»⁴⁹.

Отказ России в октябре 1870 г. от статей Парижского мира, запрещавших ей иметь военный флот на Черном море, как сообщал Березин, «кroatы встретили с восторгом и с нетерпением ожидают политических событий, которые будут вызваны этим заявлением». Березин писал о «перевороте в политических мнениях в Хорватии, вызванном нотой»⁵⁰. Рачкий с торжеством отмечал: «Все думают что Россия не ограничится этим первым шагом, но скоро возбудит Восточный вопрос, который не может быть решен во вред южному славянству»⁵¹.

Свою тревогу выразил Новикову граф Андраши. Декларацию Горчакова он назвал «бомбой, сброшенной на голову австро-венгерского правительства», стремящегося сохранить статус-кво на Балканах. Нота, продолжал он, произвела впечатление не только на христиан Турции, «но и среди славянского населения Австро-Венгерской монархии, возбудив их надежды на расторжение связей, с таким трудом созданных дуализмом».

Нота вызвала подъем духа и в Сербии. Сербское правительство предложило России помощь в случае войны. Представляет интерес заверение Ристича в том, что ряд полков Военной Границы откажется воевать против России⁵².

Штросмайер считал, что во время франко-прусской войны Сербия должна была занять Боснию и Герцеговину. Не будь он в начале войны в Риме, говорил он Новикову в сентябре 1870 г., то оказался бы в Белграде, чтобы побудить Сербию сделать это. Он просил русское

⁴⁹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1030 лл. 107, 147 (Фиуме), 1870 г.

⁵⁰ Там же, л. 111, 112.

⁵¹ F. Šišić. Korespondencija..., I, стр. 123. Письмо от 23.XI 1870 г.

⁵² J. Ристич. Последња година спољашне политике кнеза Михаила. Београд, 1895, стр. 44; В. И. Фрейдзон. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе..., стр. 110.

правительство в благоприятный момент поддержать эту акцию Сербии, провозгласив принцип невмешательства, чтобы «связать Австрию руки»⁵³.

После поражения Франции и сдвигов в политике Сербии в сторону нового сближения с Россией народники стремились восстановить связи с княжеством — с правительственными и либеральными кругами. В 1871 г. Штросмайер и Ристич заверяли друг друга в верности югославизму.

В 1866 г. в Воеводине возникло «Общество сербской молодежи» («Омладина»), которое пыталось активизировать борьбу против турецкого господства и добивалось сотрудничества с властями Сербии в этих целях. Поэтому осенью 1870 г. Штросмайер считал необходимым «всеми силами добиваться теснейшего союза с сербскими либеральными элементами»⁵⁴.

Контакты между народниками и сербскими деятелями имели место. В частности, председатель Омладины Дж. Влайкович, один из организаторов повстанческого движения в Боснии, находился «в особенно интимных отношениях с передовыми хорватами Народной партии»⁵⁵. После поездки в апреле-мае 1871 г. в Черногорию Влайкович посетил Штросмайера. Возможно, он информировал хорватского лидера о планах восстания в Боснии осенью 1871 г.

Вероятно, опасность распада Австро-Венгрии и поглощения Германией австро-немецких (а возможно, чешских и словенских) земель — перспектива, казавшаяся возможной после Седана, — побудила народников установить контакт с прусскими политическими деятелями. В переписке Штросмайера имеется упоминание о поездке Вончины в Берлин (очевидно, осенью 1870 г.). Штросмайеру, однако, вскоре стало ясно, что создающейся

⁵³ АВГР, ф. Канцелярия, д. 146, л. 136 и далее (Вена), 1870 г. Чувства лидера народников не являлись секретом для прусской дипломатии. В начале войны 1870 г. прусский представитель в Риме фон Арним «тайно обещал» ему три миллиона талеров и оружие для организации сербского вторжения в Боснию, если Австрия подержала бы Францию (там же).

⁵⁴ И. Штросмайер — М. Мразовичу, 20.X; III.XI 1870 г. Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština; V. Ciliga. Narodna stranka..., str. 93; D. Kermauner. Še nekaj gradiva o ljubljanskem kongresu leta 1870. «Zgodovinski časopis», 1963, str. 157.

⁵⁵ АВГР, Г. А., VA₂, д. 736, лл. 28, 29 (Пагуза), 1871 г.

Германской империи для борьбы за гегемонию в Европе нужна Австро-Венгрия в качестве союзника. Не с этим ли связаны слова Штросмайера: «Мое мнение поэтому, что Вончина напрасно ездил в Берлин»⁵⁶.

Одновременно народняки предприняли шаги к сплочению между южными славянами Габсбургской монархии. Поскольку, как писал Ионин, в сложившейся обстановке славянам невозможно самостоятельно объединиться, хорваты (народняки.— В. Ф.) считали, что надо помочь Австрии устоять против немцев (т. е. Пруссии — Германии.— В. Ф.) и временно объединиться вокруг Вены или Пешта⁵⁷.

Уже накануне дуализма в Словении наряду с консервативным активизировалось либеральное течение (А. Томшич, Ф. Левстик, Р. Разлаг, Д. Трстеняк и др.), более последовательно выступавшее за объединение словенских земель и южнославянское сближение. Хотя печать, как Хорватии, так и Словении, периодически комментировала положение в соседних южнославянских землях и этот взаимный интерес возрос после событий 1866—1867 гг., все же связи между словенским и хорватским национальными движениями были невелики. Положение изменилось во время франко-прусской войны.

По инициативе хорватских народняков 8 ноября 1870 г. в Сисаке собрались представители Хорватии, Военной Границы и Словении. Все сошлись на необходимости хорвато-словенской конфедерации⁵⁸. Большинство совещания склонялось к тому, что перед лицом пангерманской угрозы южным славянам следует вступить в «реальную унию» с Венгрией на условиях широкой автономии объединенных Хорватии и Словении⁵⁹. Часть народняков исходила из того, что дуализм прочен⁶⁰.

Но обстановка в Хорватии не могла способствовать провенгерской ориентации. Мразович, как и другие народняцкие лидеры, готовый пойти на соглашение и с

⁵⁶ Й. Штросмайер — М. Мразовичу, 20.X 1870 г.; Arhiv JAZU. Strosmaayerova ostavština.

⁵⁷ АВПР, Г. А., VA₂, д. 735, л. 148 (Пагуза), 1870 г.

⁵⁸ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1030, л. 111 (Фиуме), 1870 г.

⁵⁹ К. Milutinović. Problematika ljubljanskog jugoslovenskog programa 1870 kod Srba i Hrvata. «Zgodovinski časopis», 1956—1957.

⁶⁰ См.: «Hèrvatska», 19.II 1871.

Венгрией и с Австрией, все же после встречи в Сисаке считал, что югославянам лучше объединиться в составе Австрии, где имеется больше политических свобод⁶¹.

Новое совещание, более широкое по составу участников, было созвано в Любляне 1 декабря 1870 г. На нем присутствовали деятели Словении (Я. Блейвейс и др.), Хорватии (Мразович и др.), Далмации (И. Данило и др.), от Воеводины — Л. Костиц, один из ведущих деятелей Омладины, были и сербы-границары.

Совещание опубликовало декларацию. В ней подтверждалось единство южных славян, «проявляющееся в единстве языка... [и] живом национальном чувстве». Далее говорилось, что южные славяне Габсбургской монархии ощущают одинаковые национальные потребности и, «чтобы удовлетворить их и обеспечить свое национальное существование», ради культурного, политического и экономического единства, они объединяют свои силы — моральные и материальные. Они будут всеми законными средствами (общества, выборы, пресса) действовать во имя осуществления единства, наконец, стремиться «удовлетворить такие же потребности своих братьев за границей, с которыми составляют один народ»⁶².

Смысл совещаний и декларации заключался в провозглашении солидарности между южными славянами, в их стремлении к объединению, идейной подготовке такого объединения на случай любого поворота событий⁶³. Заявлением о принадлежности словенских земель к южнославянскому комплексу была подчеркнута решимость бороться против их денационализации. Все же декларация не была платформой для практической деятельности. Ее авторы не ставили и не решали никаких конкрет-

⁶¹ V. Ciliga. Narodna stranka..., str. 109, 110; K. Milutinović. Problematika..., str. 163.

⁶² Текст см.: I. Prijatelj. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina, III. Ljubljana, 1958, str. 204, 205.

⁶³ D. Kermauner. Se nekaj gradiva..., str. 163, 164; V. Ciliga. Narodna stranka..., str. 94. Симптоматично, что накануне совещания в Сисаке Рачкий, чтобы снять препятствия сближению со словенцами, от имени своей партии публично отрекся от идеи «единого литературного языка» всех южных славян. См.: D. Kermauner. O pajlovejši apologiji..., str. 268. Народняцкий «Заточник» в убедительных словах выразил признание национальных прав словенцев. См.: «Zatočnik», 24.X 1870. Но в декларации, принятой и словенцами, упоминание «единства языка» имело целью подкрепить тезис о единстве южных славян. Об этой проблеме см. гл. III.

ных проблем. В декларации был обойден вопрос, какой проект — австро-федералистский или дуалистский — приемлем для авторов. Разумеется, любой из этих проектов имел в виду «законную» деятельность в рамках империи⁶⁴.

Участников совещания объединяло стремление создать южнославянский комплекс в составе империи⁶⁵ на основе широкой автономии. Рачкий подчеркивал, что южные славяне должны иметь возможность в критический момент распорядиться своей судьбой⁶⁶. Для словенцев условием любого объединения оставалась автономия Словении⁶⁷. Но в создание южнославянского комплекса в «дуальной империи» мало кто верил. На практике речь шла о том, чтобы способствовать идейно-политической подготовке объединения южных славян в случае «катастрофы», т. е. распада Австро-Венгрии. «Мы должны знать, что мы едины... и это сознание распространять в народе...; [надо] готовиться к соответствующему моменту, который должен застать нас как сознательное целое»⁶⁸.

Деятели, для которых было приемлемо (хотя бы на время) решение в духе австрославизма, указывали на значение южнославянского комплекса для Габсбургов: этот комплекс «обладает данными для морального завоевания пограничных родственных племен соседней Турции», его положение весьма «благоприятно для промышленности и торговли» и т. п.⁶⁹ Весьма характерно, что Штросмайер, горячо выступавший в 1870 г. за сотрудничество с Сербией и Россией, вместе с тем некоторое, правда, недолгое время намеревался убедить Франца-Иосифа и Андраши в целесообразности для Австро-Венгрии объединить южных славян⁷⁰.

Ввиду того что декларация формально оставалась в рамках лояльности империи, она была встречена беспо-

⁶⁴ D. Kermauner: Nekaj kritičnih pripomb k razpravljanju dr. Košte Milutinovića. «Zgodovinski časopis», 1960, str. 208.

⁶⁵ АВПР, Г. А., VA₂, д. 157 (Фиуме), 1870 г.

⁶⁶ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 120.

⁶⁷ См.: V. Novak. Antologija..., str. 359, 361.

⁶⁸ М. Мразович — И. Штросмайеру, 6.XII 1870 г.; Arhiv JAZU. Strosmajerova ostavština.

⁶⁹ М. Мразович — в письме М. Клаичу, лидеру далматинских народняков. K. Milutinović. Problematika..., str. 162.

⁷⁰ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 117.

шадной критикой со стороны правашей⁷¹. Кроме того, декларация противоречила панхорватским взглядам правашей.

Радикально настроенные сербские круги относились к декларации с недоверием. Они обоснованно считали, что декларация неосуществима в монархии Габсбургов, а «вслед за падением династии Габсбургов политическое объединение южных славян неминуемо осуществится»⁷². Милетиц стремился воспрепятствовать росту австрославистских иллюзий; не возражая против сближения между южными славянами, он писал: «Мы всей душой противны направлению их политического единения под властью Габсбургской монархии. Если бы оно и было осуществлено, то принесло бы больше вреда, чем пользы»⁷³. В связи с этим Мразовичу пришлось разъяснять, что декларация не имеет целью укрепление Австрии, но лишь исходит из того, что Австрия, вероятно, еще продержится немалое время⁷⁴. Интересно замечание сербской демократической газеты «Панчевац», что декларация способствует подготовке окончательного решения вопроса⁷⁵.

Конечной целью народняков оставалось объединение южных славян в независимом государстве.

* * *

Прусские победы, вызвавшие ликование пангерманских элементов в Австрии, обеспокоили двор. Франц-Иосиф попытался стабилизировать внутреннее положение в государстве путем уступок чешской и польской буржуазии и помещикам. Декретом от 6 февраля 1871 г. главой австрийского правительства был назначен граф Карл Го-

⁷¹ «Hèrvatska», 15.I 1871.

⁷² По сведениям русского консула в Риеке, эта точка зрения прева-лировала среди сербов. АВПР, Г. А., VA₂, д. 1030, л. 161 (Фиуме), 1870 г.

⁷³ С. Милетић. Изабрани чланци, стр. 184. Последнее рассужде-ние было спорным. Скепсис же в отношении самой возможности объединения вполне оправдан.

⁷⁴ Следует помнить, что и до и после совещания в Любляне народ-няки добивались активизации политики Сербии. Мразович под-черкивал, что открыто сказать больше о солидарности с Сербией в декларации было невозможно. См.: В. Вучковић. Политичка акција Србије..., стр. 430 (6.XII 1870 г.)

⁷⁵ См.: J. Šidak. Jugoslavenska ideja u hrvatskoj politici do prvog svjetskog rata. «Encyclopaedia moderna», 1967, br. 3-4, str. 16.

генварт (Хоэнварт). Его поддержала часть австро-немецких клерикальных и консервативных кругов. Гогенварт обещал предоставить автономию чешским землям и Галиции. В выработанном в апреле 1871 г. проекте реформы предусматривалось расширение полномочий сеймов⁷⁶. В сентябре 1871 г. были сформулированы условия соглашения с чешским сеймом («Фундаментальные статьи»). Лидеры чешского национального движения не требовали ликвидации дуализма, а правительство согласилось объединить чешские земли, признать их особое государственно-правовое положение, существенно расширить права сейма. Чешские земли получали право решающего участия в рассмотрении общих вопросов австрийской части монархии. Франц-Иосиф должен был короноваться в Праге чешской короной.

В условиях острых противоречий в империи и головокружительных международных событий народняцкая оппозиция в Хорватии считала, что венгерские власти также будут вынуждены пойти на большие уступки. Но целью провенгерского, проунионистского крыла народняков, которое усиливалось после 1867 г., стал компромисс с венгерским правительством. Деятели этого крыла (Мишкатович и др.), хотя и протестовали против режима Рауха, были уверены в прочности дуализма и делали отсюда вывод о необходимости как-то договориться с Будапештом. Эти круги заявили о себе на конференции народняков в мае 1870 г.⁷⁷ Как нам приходилось указывать, надежды хорватской буржуазии на то, что совместно с Венгрией легче удастся отстоять свои интересы, ее зависимость от помещиков являлись глубокой основой унионистской тенденции в среде народняков. Сильное антиунионистское крыло народняков (Рачкий, Мразович, Маканец) в 1870 г. предпочитало федерализм, но и оно охотно договорилось бы с Венгрией на началах широкой автономии.

С другой стороны, правление Рауха, нарушение некоторых статей Соглашения 1868 г., рост налогов и общее ухудшение экономического положения мелкой буржуазии,— все это привело к тому, что влияние оппозиции усилилось. Мелкая буржуазия была увлечена патриоти-

⁷⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 120, лл. 143, 144, 272 (Вена), 1871 г.

⁷⁷ М. Р о і і с. Указ. соч., II, стр. 126.

ческой пропагандой народняков⁷⁸. Но у умеренных буржуазных кругов также не было оснований опасаться народняков, среди лидеров которых находились Мажура-нич, Вончина и др.

Режиму Рауха не удалось упрочить свое положение. Венгерское правительство стало понимать необходимость расширения политической основы нового порядка в Хорватии. Кроме того, Раух был известен как враг австрийских централистов и военщины. Теперь последняя повела игру с его противниками. Народняцкая газета, издававшаяся в Сисаке (на Военной Границе), выступила с утверждением о корыстных связях Рауха с консорциумом, подрядившимся осушить болотистую низменность — Лоньско поле. Когда бан обвинил народняцких публицистов в клевете, граничарский суд оправдал их. В январе 1871 г. Рауху пришлось уйти в отставку. Народняки торжествовали. Баном был назначен унионист К. Бедекович, который несколько смягчил режим. Орган народняков («Обзор») стал выходить в Загребе.

Народняки выдвинули программу гарантий политических свобод, отделения суда от управления, равноправия Хорватии с Венгрией, в частности, требовали назначения бана без санкции венгерского правительства. Они заявляли о необходимости снижения налогов, упомянув, что в этом отношении в привилегированном положении находятся крупные землевладельцы. В сфере социальных отношений в деревне их программа говорила о необходимости «скорее отделить» крестьянские владения от помещичьих, «справедливо урегулировать горницу, десятину, право производить вино, пользоваться мельницами, охотиться». Подчеркивалась задача учредить в Загребе университет, чтобы образование стало доступно выходцам из небогатых слоев⁷⁹. Вскоре народняки, выступая под этими лозунгами, одержали решительный успех на выборах в сабор (май 1871 г.): они получили 51 место, унионисты — 13, праваша — 1. В девяти избирательных округах, созданных на территории двух деми-

⁷⁸ В источниках 1870—1872 гг. отмечен рост доверия к народнякам со стороны «горожан, в том числе ремесленников». См.: F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 108, 128, 133, 136, 170. Письма Рачкого, [1] VIII, 27.I.1871; около 18.IV, 19.V 1871 г.; 5.IV 1872 г.

⁷⁹ «Branik», 10.V 1871.

литаризованных и присоединенных к Хорватии в 1871 г. полков Военной Границы, народняки также одержали победу.

Усиление народняков 1871 г. совпало с успехами чешской национальной партии. «Если чехам удастся добиться признания чешского государственного права,— писал Рачкий,— тогда конец нынешнему дуализму...⁸⁰». Обе стороны поддерживали друг друга. В 1870 г. Мразович вновь ездил в Прагу, где состоялись переговоры о координации действий оппозиции в обеих землях. Победа народняков на выборах в 1871 г. в свою очередь укрепила надежды на успех в лагере чешской оппозиции⁸¹. «Хорватия угрожает стать таким же раскалывающим элементом в другой части монархии, каким является Чехия в Цислейтании»,— считали сторонники дуализма⁸².

Но венгерское правительство показало народнякам, что их успех значит немного. Сабор, назначенный на июнь 1871 г., был отложен на сентябрь 1871 г. и, наконец,— на 15 января 1872 г. Стало ясно, что сабора не будет, пока состав его не удовлетворит центральную власть или, вероятно, пока не станет ясной судьба «Фундаментальных статей». Народняцкая фракция сабора, возмущенная этим, 20 сентября 1871 г. издала манифест к избирателям. В нем были подвергнуты критике Соглашение 1868 г. и деятельность хорватских властей в 1868—1871 гг. Соглашение 1868 г., указывалось здесь, составленное «без участия большинства нашего народа», подвергло Хорватию «безответственной воле венгерского сейма и правительства в самых главных и жизненно важных делах, касавшихся денег и крови (комплектования армии.—В. Ф.), дорог и портов, транспорта и торговли». Хорватией, продолжал манифест, управляет псевдоконституционный аппарат. Все это, по мнению авторов «Сентябрьского манифеста» 1871 г., привело к материальному регрессу страны. Но «народ королевства давно уже твердо решил жить свободно и самостоятельно под благим покровительством Его Величества, и нет никаких способов... которые бы могли его отвратить от этой

⁸⁰ F. Sišić. Korespondencija..., I, str. 111. Письмо от 31. VIII 1870 г.

⁸¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 145, л. 2 (Вена), 1870 г., «Врапик», 25.V 1871.

⁸² АВПР, ф. Канцелярия, д. 121, л. 10 (Вена), 1871 г.

священной цели»⁸³. На содержании манифеста сказались надежда на успех политики Гогенварта.

В манифесте прямо не говорилось о незаконности Соглашения⁸⁴, тем самым дверь для переговоров с венгерскими властями оставалась открытой.

ПРАВАШИ

И ВОССТАНИЕ В ОГУЛИНСКОМ ПОЛКУ

После 1867 г. активную деятельность развернули праваша. Радикализация мелкой буржуазии создала условия для роста их влияния, а политическая обстановка подтолкнула их к выступлениям. Стремление австрийских противников дуализма восстановить централизованную монархию рассматривалось правашами как наибольшая опасность. В сравнении с ней дуализм, хотя в Хорватии он ознаменовался помещичьей реакцией, праваша считали меньшим злом. Одним из центральных моментов пропаганды правашей была борьба против федералистских тенденций в Хорватии. «При нынешних условиях, в тот момент, когда мы освободимся от венгров, то попадем под власть швабов», — считал Старчевич⁸⁵. Праваша поставили себе цель воспрепятствовать тому, чтобы австрийская реакция использовала Хорватию в качестве своего резерва⁸⁶. Поэтому Раух, для которого народняки являлись главным противником, допустил выход изданий правашей («Хrvat» в 1868—1869 гг. и «Хрватска» в 1869—1870, 1871 гг.). Но здесь А. Старчевич, Э. Кватерник, вернувшийся на родину после амнистии 1867 г.⁸⁷, и их сторонники нападали не только на австрийский централизм, австрославизм и югославизм, но и на унионистов.

⁸³ V. Ciliga. Prilog ocjeni Rujanskog manifesta Narodne stranke od 20.IX 1871. HZ, 1961, str. 225—228 (текст манифеста).

⁸⁴ Там же, стр. 229. Уже в заявлении «Заточника» в ноябре 1870 г. о «незаконности» акта 1868 г. не было речи. См.: Zatočnik, 10. XI 1870.

⁸⁵ A. Starčević. Djela..., I, str. 75.

⁸⁶ К 1870—1871 гг. относятся наиболее резкие выступления правашей с разоблачением политики австрийской реакции в 1848—1849 гг. (см. гл. IV).

⁸⁷ В 1865 г. Кватерник, нелегально возвратившийся в Хорватию, был выслан за границу.

В 1870 г. народняцко-либеральные круги, как обычно, отмечали день смерти Елачица. После 1868 г. эти манифестации использовались народняками для выражения протеста против реакционного режима. На этот раз (19 мая 1870 г.) на площадь Елачица собрались тысячи людей, а власти, запретившие манифестацию, явно готовились учинить над ними расправу. Несколько человек было арестовано, и масса народа сопровождала их до места заключения⁸⁸. Несколько ранее группа гимназистов во главе с правашем — учителем Давидом Старчевичем (племянником главного идеолога партии) освистала граждан, стоявших у памятника бану. Д. Старчевич выпустил брошюру, в которой высмеял людей, прославлявших Елачица. В ответ на это десять учителей гимназии потребовали увольнения Старчевича. Раух дал отставку и ему, и его противникам, в том числе видному филологу В. Ягичу. Народняки утверждали, что праваша действовали по наущению властей. Все это иллюстрирует сложность политической ситуации в Хорватии.

Хотя власти разрешали правашам выступать публично, а бан Раух даже финансировал издание сатирического журнала «Звѣкан»⁸⁹, в котором они подвергали народняков едким нападкам, все же праваша, как и ранее, оставались противниками режима⁹⁰.

По мере нарастания франко-прусского конфликта, вновь усилились надежды правашей на Францию. Поражение Наполеона III явилось для них тяжким ударом.

Единственным явлением, подававшим правашам надежду, было возбуждение, царившее на Военной Грани-

⁸⁸ «Zatočnik», 21, 23, 25. V 1870.

⁸⁹ См. рец. В. Крестича в ЈИС., 1963, № 2, str. 127.

⁹⁰ См., например: А. Palavršić, В. Zelić. Korespondencija Mihovila Pavlinovića, str. 101—105. Кватерника побуждала к контактам с Раухом необходимость восстановить права подданного Австро-Венгрии. Еще в 1867 г. он затребовал освобождение от русского подданства. В декабре 1867 г. нужное свидетельство было передано русским посольством австрийскому МИД. Но в мае 1869 г. «означенное министерство уведомило посольство, что аграрские (загребские.— В. Ф.) власти, коим помянутое свидетельство было отправлено для передачи Кватернику, оное затеряли; в то же время оно ходатайствует о доставлении дубликата...» (АВПР, Славянский стол, д. 417, л. 25). В июле 1869 г. дубликат попал в Загреб и Кватерник был восстановлен в правах. Возможно, что Раух шантажировал Кватерника, стремясь принудить его к поддержке режима.

це. После 1867 г. развитие капитализма в Австро-Венгрии диктовало ликвидацию этого архаического института. В этом была заинтересована не только национальная, но и австрийская, и венгерская буржуазия. Венгерские власти стремились получить в свое распоряжение доходы от государственных имуществ Границы. Присоединение территории Военной Границы к землям св. Стефана увеличило бы налоговые поступления в казну. Венгрия добивалась демилитаризации Границы также и потому, что последнюю рассчитывали использовать в своих целях противники дуализма. Далее, правящие круги монархии опасались недовольства населения Границы⁹¹. Наконец, Граница потеряла прежнее значение, так как в Австро-Венгрии была введена всеобщая воинская повинность.

В сложившейся в 1868—1871 гг. ситуации народняки отрицательно относились к австро-венгерским планам демилитаризации Границы, хотя принципиально выступали за нее. Они верили, что в момент политических осложнений Граница сможет сыграть решающую роль. В планах австрийских противников дуализма разжигание на Границе антивенгерских настроений занимало большое место. Правящие начали кампанию против планов военщины относительно Границы, а также против политики народняков здесь. Масса граничарского населения была заинтересована в устранении произвола военщины, в снятии преград хозяйственной деятельности и т. д., но была настроена против передачи власти в руки инациональных магнатов и банкиров, введения новых налогов и т. п.

В 1869 г. была объявлена демилитаризация двух полков Военной Границы и началась подготовка к разоружению остальных. В июне 1871 г. был издан соответствующий указ. Одновременно половина лесных площадей Границы передавалась в распоряжение казны. Остальные леса были объявлены собственностью граничарских (полковых) общин.

Эта экспроприация и начало землемерных работ — предвестник повышения налогов — возбудили граничар. Агенты австрийской военщины и офицеры подстрекали

⁹¹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1030, л. 3 (Фиуме), 1870 г.

население против демилитаризации и Венгрии⁹². Одновременно народняками на Границе проводился сбор подписей под петицией к Францу-Иосифу, содержащей просьбу защитить права граничар. Народняки хотели, чтобы в саборе было заслушано мнение граничар о пути ликвидации военного режима. Особое внимание в петиции уделялось судьбе казенного имущества Военной Границы — контроль над ним предлагалось передать комиссии, избранной населением⁹³.

Ввиду крайне запутанной обстановки на Военной Границе Кватерник и его сторонники считали, что, если здесь и можно поднять восстание, 1871 г. для этого был крайним сроком. После изъятия у граничар оружия о выступлении нечего было и думать. Так как на Границе в это время агитацию вели самые различные элементы, подготовка восстания могла пройти менее заметно. «О расположении умов в Границе между народом, — сообщал сербскому правительству Раде Чуич — один из руководителей восстания в октябре 1871 г.⁹⁴, — я могу сказать из опыта, что озлобление против мадьяр велико, что распространяются всякие интриги и агитации, что различные агенты разъезжают по народу, выдавая себя одни за народных, другие за сербских, третьи за русских... и почти на всяком базаре... [их] наезжает по нескольку, и эти агенты явно говорят между простым народом... Офицеры и попы при всяком случае возбуждают народ против мадьяр».

Хорватские национал-радикалы стремились раздуть недовольство на Военной Границе. Р. Чуич рассказывает, как в 1870 г. Кватерник и Старчевич его «расспрашивали, какое расположение умов на Границе... жесто-

⁹² «Коноводы движения проводят между сельским населением ту мысль, что венгры намерены отнять у него все поземельное имущество», АВПР, Г. А., VA₂, д. 259, л. 20, 21 (Фиуме), 1871 г.

⁹³ «Zatočnik», 8.IV; 28.V; 30.V; 7.VI 1870 и др.

⁹⁴ Р. Чуич, племянник граничарского обер-лейтенанта, имел дом в селе Брочанац, неподалеку от Раковицы. Здесь началось восстание. Оказавшись в Белграде, он представил сербским властям записку о восстании. Частично она была опубликована: G. Jakšić. Rakovička buna (1871). «Zbornik naučnih radova Ferdi Šišiću». Zagreb, 1929, а полностью см.: V. Vojvodić. Izveštaji Rada Čuića o Rakovičkoj buni (1871) HZ, 1961. Имеется перевод записки: АВПР, Г. А., VA₂, д. 258, дл. 203—214. Мы пользуемся этим переводом,

ко ругали швабов и мадьяр... говорили, что мы, граничары, снова получим свои прежние права и освободимся от швабов и мадьяр... Таковые их разговоры в такой степени расположили меня в их пользу, что я... поклялся, что за такую идею я готов жертвовать своей жизнью и при удобном случае поведу за собой по меньшей мере четыре роты...».

Осенью 1870 г. на Границе агитировал сподвижник Кватерника А. Ракияш. «По его желанию,— рассказывал Чуич,— я дал ему одного из своих людей, который и сопровождал его в течение более месяца времени по всем селам в Границе...». В агитацию включился и Чуич: он «при всяком случае проповедовал против швабской неправды, предавшей нас без согласия нашего мадьярам». Именно потому, что военщина сама вела агитацию, создалось положение, когда, как рассказал Чуич, «я ходил по базарам и явно говорил, что наверное видели и слышали господ офицеры, но не запрещали это, особенно в Слуне, где собирались люди из четырех или пяти полков. Всякий одобрял мысли, распространяемые мной по народу, и все обещали встать как один человек, как только где бы то ни было начнется революция».

В память хорватских магнатов Зринского и Франкопана, казненных австрийцами в 1671 г., праваша устроили в Загребе банкет. На нем присутствовали учителя, торговцы, чиновники, журналисты, адвокаты и граничары. Горячо были встречены трое граничар, в их числе Чуич. Бурным одобрением был поддержан возглас: «Да здравствует Бока Которская!..». Вся программа была выполнена, отмечала «Хрватска», кроме мессы в кафедральном соборе, так как ее запретил капитул: «Помешали те, кто от пота и мозолей народа наполняет свои амбары и карманы...»⁹⁵.

Банкет был использован для подготовки выступления. «Старчевич и его дружина уверяли меня,— писал Чуич,— что все гости принадлежат к нашей партии и что они, подобно мне, подымут народ в своем околке в назначенный день. С этих пор я все более и открытее возбуждал народ к восстанию, говоря, что нам лучше всем погибнуть, чем позволить швабам предать нас как

⁹⁵ «Hèrvatska», 7.V 1871.

скотов мадырам... Когда я явился на последнюю сходку в Карловац, мы окончательно договорились о восстании: ... меня уверяли, что в Поле, Фиуме, Вербовском, Сене, Глине, Петрине, Ястребарском, Жумберке, Делнице и Бродах и во всем далматинском побережье все готово к революции...» Эта «сходка» была 23 сентября.

Как доносила властям загребская прокуратура, «целью вооруженного восстания было отторжение Хорватии от империи и создание независимого государства Великой Хорватии»⁹⁶.

Однако по вопросу о целесообразности восстания в партии не было единства. Роль Анте Старчевича, если верить Чуичу, участвовавшего в подготовке восстания, неясна⁹⁷. Очевидно, большинство партии не поддержало идею восстания. Но разногласия, раскалывавшие Партию права в связи с отношением к социалистическому движению и религии (см. гл. IV), при этом не играли роли. В частности, деятель левого крыла партии Ф. Матасич содействовал повстанцам. На судебном процессе в 1872 г. он заявил о поддержке Кватерника⁹⁸.

Помимо Кватерника в подготовке к восстанию принимали участие также Анте Ракияш, ставший мелким служащим в Карловаце, Векослав Бах — редактор газеты «Хрватска», сын граничарского офицера, по профессии юрист, Петар Врдоляк, житель Границы, в прошлом студент — юрист и богослов, затем депутат сабора

⁹⁶ См.: Arhiv S. R. Hrvatske. Ostavštine. Obitelj Kvaternik, str. 30.

⁹⁷ Существует обоснованное мнение (Ф. Шишич, Я. Шидак, Л. Кунтич), что Старчевич не одобрял восстания и не знал о непосредственной его подготовке. Привлеченный к суду, он был оправдан. Старчевич, по его словам, «написал разъяснение о несогласии, господствовавшем между членами партии и пок[ойным] Кватерником». А. Старчевич — Э. Халперу, 4.I 1872 г. Arhiv JAZU. Ostavštine, XV 22 A, 10. Вероятно, стремясь спасти партию от репрессий, Старчевич заявил, что сомневается, являлись ли повстанцы ее членами Arhiv S. R. Hrvatske. Akten des Generalkommandos Zagreb. Rakovička buna, kutija 6, br. 277. По мнению прокуратуры, следствие показало, что восстание произошло «не без ведома» Партии права, но материалов для обвинения Старчевича и др. не оказалось. Arhiv S. R. Hrvatske. Ostavštine. Obitelj Kvaternik, str. 40.

⁹⁸ Матасич — «единомышленник убитых повстанцев Кватерника и Баха, и этим во время процесса неоднократно гордился без всякого к тому повода... сам он в духе повстанцев руководил газетой» (из обоснования приговора Ф. Матасичу, 2.X 1872 г.) Muzej grada Zagreba. Kvaternikova ostavština.

1861 г., Рудольф Фабияни — полицейский чиновник в Карловаце, по образованию юрист, Раде Чуич.

Для начала восстания был избран район Раковицы (Огулинский полк), так как здесь праваша имели давние связи. Кроме того, неподалеку находилась боснийская граница: из-за кордона, возможно, удалось бы получить подкрепление, в случае же неуспеха повстанцам был бы облегчен отход.

В первых числах октября Кватерник и Бах направились на Военную Границу⁹⁹. На нужды восстания Бах захватил в почтовой кассе одного селения 15 тыс. форинтов. 7 октября было сформировано повстанческое «Национальное правительство» во главе с Кватерником, в него вошли Бах (по делам финансов), Врдоляк (внутренние дела), Ракияш (военные дела), командиром повстанцев был назначен Чуич.

Прежде всего было заявлено о прекращении обмера граничарских участков. Подпись гласила: «Раде Чуич, командующий. В Раковице 8 октября 1871 г. в первый день восстания за хорватскую свободу»¹⁰⁰. А. Туркаль — «хорватский гражданин» — был назначен комендантом Огулинского округа («Издано в главной квартире Хорватской национальной армии и вместе с тем местопребывании Национального хорватского правительства. В Раковице, 8 октября 1871 г. в день восстания хорватского народа за свободу и независимость»). На декрете — оттиск печати, которая была изготовлена во время эмиграции Кватерника.

Третий документ наиболее важен. Основное его содержание в следующем: 1. На освобождение «от швабско-мадьярского господства» направлены все живые силы народа. 2. Равенство всех перед законом. 3. Справедливый суд. 4. Община сама ведает делами управления и суда; охраной личности и имущества граждан. 5. Обязанность граждан исполнять порученную службу. 6. Во время восстания судебные процессы отменяются. 7. Отменяются полки и создаются свободные жупании.

⁹⁹ Изложение хода восстания дается по докладу командующего войсками на Военной Границе фельдмаршал-лейтенанта Моллилари. См.: M. Ne ha je v. Djela, sv. 7, str. 355—372 и записке Р. Чуича; См. также: F. Šišić. Kvaternik (rakovička buna); Lj. Kuntić. Kvaternik i ustanak u Rakovici 1871. godine.

¹⁰⁰ Arhiv S. R. Hrvatske. Rakovička buna, kutija, 5, br. 89.

8. Священники обоих вероисповеданий обязаны воспитывать народ в христианской любви и согласии ¹⁰¹.

Равенство граждан формально существовало в Австро-Венгрии, было положено и начало демилитаризации Границы, но правши стремились осуществить демилитаризацию в интересах населения Границы. Самоуправление общин противопоставлялось ими бюрократической опеке над крестьянством. Без единства и равноправия граждан разных вероисповеданий невозможно было сколько-нибудь действенное национальное движение. Из этого, конечно, нельзя делать вывод о пересмотре Кватерником своих взглядов (он продолжал считать православное население хорватским) ¹⁰². В первых актах повстанцев ничего не относилось к аграрному вопросу в гражданской Хорватии. Агитация повстанцев направлялась на выполнение их первой задачи — поднять граничар.

Руководители восстания намеревались занять ротный центр — Раковицу, провозгласить здесь независимость Хорватии, в случае успеха — идти на Загреб и обратиться за поддержкой к иностранным государствам. Получив известие о восстании, верные правительству офицеры по тревоге собрали часть роты и направили ее из Раковицы в Брочанац. Дорогу солдатам преградило до 400 повстанцев. Капрал, пытавшийся организовать сопротивление повстанцам, был убит, после чего солдаты (по Чуичу, — «все мне знакомые и преданные люди») присоединились к восстанию. Вскоре восставшие заняли Раковицу, где захватили склад снаряжения и ротную кассу.

Уже в первый день восстания начались неудачи. 9 октября командование Границей привело в боевую готовность Огулинский, Оточацкий и Слуньский полки. Путь повстанцам к Боснии и на север был прегражден. Бихачский паша по просьбе австрийцев усилил охрану границы.

Уже попытка восставших привлечь на свою сторону граничар поселка Дрезник не удалась. 8 октября

¹⁰¹ Оригинал см.: там же, бг. 89¹/₂.

¹⁰² Это подтверждается пропагандистским материалом правшей: православных они призывали присоединиться к хорватам («не мешает же немцам вера объединяться»). Arhiv S. R. Hrvatske. Rakovička buna, kutija 5, бг. 96.

отряд повстанцев во главе с Ракияшем вошел в Дрезник, но находившемуся там офицеру с помощью пощады удалось убедить жителей не присоединяться к восстанию. На восставших эта неудача произвела тяжелое впечатление. Они отошли к Раковице. 9 октября основная часть повстанческих сил¹⁰³ двинулась к Плашки — центру соседней роты. Однако командование отвело роту в Огулин и занятие Плашки не привело к росту сил повстанцев. Неудачи, слухи об энергичных мерах властей и агитация буржуазии и духовенства против восстания повлияли на повстанцев. Составился заговор против Кватерника, Баха и Ракияша. Отряд начал таять. Было решено отходить в Боснию. Но в ночь на 11 октября лагерь повстанцев был окружен. Заговорщики связались с австрийским командованием. Утром 11 октября из засады были убиты Ракияш, Кватерник и Бах. Повстанцы рассеялись по лесу. Несколько человек было казнено, другие подвергнуты наказаниям.

Основной контингент повстанцев составили граничары православного вероисповедания. Правашаи привлекли их своей освободительной программой. Однако правашам пришлось для этого изменить характер агитации. По словам Чуича, они «при всякой встрече высказывали большую надежду на помощь России, а так как народ в Границе, особенно сербы, сильно обожают Россию, то это меня более всего увлекло в это дело, тем более что они говорили, будто бы действуют в согласии с сербскими агентами из Белграда...» Кватерник и Старчевич «хвалили Сербию и Россию, а особенно Сербию, которая, по их словам, вместе с Хорватией завоюет Боснию, прогонит аги и спахи в Азию, а земли разделит между райею и граничарами, которые бедны землей». Итак, если верить Чуичу, правашам пришлось вести югославистскую пропаганду, да еще с налетом авантюризма. Противники восстания использовали некоторые публицистические выступления правашей в прошлом для отрыва от них граничар¹⁰⁴.

Восстание вспыхнуло во время напряженной политической борьбы в Австрии. Реакция на него зависела от целей борющихся группировок.

¹⁰³ Их общая численность, по данным Л. Кунтич, достигла 1700 человек. Lj. Kuntić. Kvaternik i ustanak u Rakovici, str. 27.

¹⁰⁴ F. Šišić. Kvaternik (rakovička buna), str. 34.

В донесении от 2(14) октября 1871 г., т. е. непосредственно после восстания, Е. Новиков писал: «Близость Турции, подчеркнуто политический характер восстания, руководимого одним адвокатом, и подозрение в соучастии хорватской народной партии в первый момент дали основание опасаться всеобщего восстания...»¹⁰⁵. В Вене передавали, будто услышав, что в восстании повинны авторы «Сентябрьского манифеста» (т. е. народняки), Франц-Иосиф вначале было приказал арестовать их («Den Befehl schreiben»), однако вскоре выяснилось, что организаторы восстания были врагами народняков¹⁰⁶.

Народняки отмежевывались от восстания¹⁰⁷. Австрийская и венгерская печать то утверждала, что Кватерник — орудие панславизма, то, что он действовал в интересах Австрии. «Мятеж, подавленный в Раковице, — сообщал Новиков 16 октября 1871 г., — ... вызвал самые противоречивые комментарии прессы. Правительственные газеты в Загребе с явной аффектацией преувеличивали его значение. Они утверждают, что движение это давно подготавливалось вождями хорватской народной партии с целью вызвать всеобщий пожар среди югославян Австрии, Сербии, Боснии и Черногории. Более того, они стремятся доказать причастность чешских лидеров и даже русских эмиссаров. В свою очередь газеты хорватской (народняцкой. — В. Ф.) партии... усиленно стремятся свести события в Раковице до простой стычки». По их утверждению, «д-р Старчевич, адвокат Кватерник и иже с ними принадлежат к той части хорватских нигилистов, которую, несмотря на ее тесные революционные связи с заграницей, барон Раух содержал на свои средства...» По словам Штросмайера, «выходка в Раковице была инспирирована самим Раухом»; Андраши же, «знавший об интриге, если не замешанный в ней, не сомневался, что мятеж можно будет использовать против славянской политики кабинета Гогенварта». Императору якобы доложили о плане широкого восстания и таким образом было сорвано соглашение с чехами и «получено одобрение энергичных репрессивных мер против нацио-

¹⁰⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 121, лл. 245, 246 (Вена), 1871 г.

¹⁰⁶ И. Костренчич — И. Штросмайеру, 21. XI 1871 г.; Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

¹⁰⁷ См. например: М. Мразович — И. Штросмайеру, 17. XI 1871 г.; Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

нальной партии в Загребе...»¹⁰⁸. «Если моральное участие загребских патриотов легко допустимо..., — заключал Новиков, — то участие горячих голов из Праги, о чем утверждает одна венская газета, было бы весьма странным. Но граф Бейст дал мне понять, будто имеются признаки этого соучастия». Разумеется, Бейст представлял чешскую оппозицию в нужном ему свете. Относительно же версии о «русских эмиссарах» Новикову стало известно, что расследование «не обнаружило ни малейших следов участия в движении иностранцев»¹⁰⁹.

Мнение, что праваша действовали в соответствии с видами венгерского правительства¹¹⁰, как и противоположное, что восстание — результат широкого южнославянского заговора, не имело почвы. А. С. Ионин писал об утверждении венских газет, будто повстанцы были связаны с Сербией и Черногорией: «Это чистейший вздор — ни с кем они не были в согласии и даже с сербской Омладиной Кватерник и Старчевич были не только не в согласии, но в открытой вражде. Это были люди ультрахорватской партии, сербов не признающие, и нет сомнения, что посредством их мадыарское правительство интриговало в свою пользу и проповедовало в Боснии будущее соединение с Хорватией. Что они были агенты мадыарской политики — нет сомнения (! — В. Ф.). Как же они восстали и даже были убиты — решительно не понимаю. Да и странное самое дело... начальники все убиты, а солдата — ни одного. Хорватские газеты уверяют, что само правительство произвело суматоху, чтобы скомпрометировать хорватскую народную партию, и намекают, что убило начальников, чтобы самому не быть скомпрометированным. Но что-то уже очень дико...»¹¹¹.

¹⁰⁸ В литературе высказывалась точка зрения, будто восстание явилось одним из решающих событий, побудивших Франца-Иосифа устранить кабинет Гогенварта. См. например: J. Novgaf. *Politička povijest Hrvatske*, I, str. 271, 274; Я. Шидак пришел к выводу об ее необоснованности. См.: J. Šidak. *Značenje rakovičke bune u austrijskoj politici 1871*. «Historijski pregled», 1961, N 1.

¹⁰⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 121, лл. 245, 246, 299—302 (Вена), 1871 г.

¹¹⁰ См., в частности, донесения российского генконсула в Белграде Н. Шишкина, 14.XII 1871 г.; АВПР, Г. А., VA₂, д. 258, л. 199; д. 259, л. 4.

¹¹¹ АВПР, Г. А., VA₂, д. 737, л. 363 (Паруза), 1871 г.

Подозрениям о правительственной провокации, приведшей к восстанию, не был чужд сам Старчевич¹¹². Но доказательств этого не было обнаружено.

Глубже вникал в дело консул в Риеке Л. В. Березин. Он видел причины широкого «брожения умов» на Границе в условиях демилитаризации и распродаже казной лесов. Существенно замечание Березина, что «политические события могли бы много благоприятствовать успешному исходу» восстания, т. е. Березин признавал обоснованность надежд правашей на успех восстания¹¹³.

Либеральные сербские газеты обращали внимание на недовольство населения и советовали Андраши достичь соглашения с народняками¹¹⁴.

Последовательную защиту повстанцы нашли в органе сербской революционной демократии — газете «Раденик». Светозар Маркович отверг версию о провокации. «Выступление простого народа на вооруженную борьбу против властей является признаком того, что власти действительно не годятся, что народ страдает от них и что терпение его кончилось... Мы не удивляемся, что вспыхнул конфликт, напротив, удивительно, что до сих пор он не вспыхнул по всей Границе — среди всего сербского и хорватского народа... И разве не законный путь защищаться от... насильников также и оружием?..,— продолжал Маркович.— По нашим понятиям, Кватерник, Бах и их группа, вожди крайней великохорватской партии, идя на огулинское восстание, находились на действительно законном основании — на основании национальной человеческой свободы. Они погибли за свободу своего народа... Вся их публичная деятельность, как и последняя борьба и смерть, доказывают, что они принадлежали к самым славным гражданам Хорватии»¹¹⁵.

Это выступление «Раденика» прозвучало таким диссонансом в хоре откликов на восстание, что Ионик в

¹¹² «Saborski dnevnik... 1881—1884», sv. II, str. 1328—1329.

¹¹³ АВПР, Г. А., VA₂, д. 1031, лл. 7, 8 (Фиуме), 1871 г.

¹¹⁴ См.: К. Milutinović. Svetozar Marković o rakovićkoj buri i o starčevićevoj stranci prava. «Zbornik Historijskog Instituta». Zagreb, 1960, str. 289, 290.

¹¹⁵ «Раденик», 16. X 1871 г. В статье «Бунт и революция» Маркович указал на существовавший режим как на причину восстания. См.: С. Маркович. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 332.

своим донесением почти целиком переписал его, указав, что мысли «Раденика» «коренным образом противны всем до сих пор высказанным»¹¹⁶.

Мнения о связях повстанцев с «коммунистами» придерживались и австро-венгерские власти. В декабре 1871 г. в беседе с Новиковым Андраши говорил о возбуждении пролетариата Будапешта, контактах венгерских социалистов с Интернационалом и, наконец, о связях и единомыслии «огулинских повстанцев с Интернационалом»¹¹⁷.

Ни о каких связях единомышленников Кватерника, противника социализма, с международным рабочим движением не может быть и речи, но все же сказанное министром имело определенный смысл. Ведь левое крыло партии, возможно, было связано с бакунистами. Кроме того, имеется сообщение, что у Матасича было найдено письмо В. Барача из Женевы от 3 октября 1871 г., содержащее, по выражению властей, «идеи коммунизма, попытки распространения которых предпринимаются и в этой стране»¹¹⁸.

Восстание не охватило массу населения Границы. Основной контингент повстанцев составили граничары-крестьяне, возглавили их представители мелкой буржуазии и демократической интеллигенции. Что касается зажиточных слоев, буржуазии Военной Границы, то они приветствовали реформы и не имели никакой связи с событиями в Раковице.

Ввиду слабости Партии права, ее пропаганда не могла охватить массы, которым еще были свойственны настроения доверия к императору. Противники восстания поэтому стремились убедить население, что Кватерник — агент венгров, враждебных императору. Панхорватская пропаганда правашей в 60-х годах не могла не повредить сплоченности повстанцев. Наконец, Кватерник мечтал связать восстание с войной какой-либо державы про-

¹¹⁶ АВПР, Г. А., VA₂, д. 737, л. 358 (Рагуза), 1871 г.

¹¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 121, лл. 418—419 (Вена), 1871 г.

¹¹⁸ Lj. Kuntić. Vanjskopolitički pogledi..., str. 812. Письмо не сохранилось. Возможно, оно являлось основанием утверждений о связях правашей с Интернационалом.

тив Австрии. Вероятно, он считал, что успехи повстанцев вызовут международный конфликт¹¹⁹.

Следует иметь в виду, что сербская Омладина считала внешнеполитическую ситуацию в 1871 г., сложившуюся в результате франко-прусской войны, благоприятной для восстания народов Балканского полуострова. На осень 1871 г. сербскими революционными кругами намечалось восстание в Боснии¹²⁰. Быть может, правши рассчитывали, что движение в ряде южнославянских земель поможет им добиться успеха.

При всей незначительности своих масштабов восстание 1871 г. привлекает внимание как единственное в истории Австрийской монархии от середины XIX в. до мировой войны вооруженное выступление, поднявшее знамя национальной независимости и политических свобод. Национально-революционные элементы предприняли попытку восстания с малыми шансами на успех, без достаточной подготовки. Им были присущи характерные черты мелкобуржуазной революционности. Но так действовали люди, не жалевшие своей жизни ради дела национальной свободы.

Имеются некоторые сведения о действиях сторонников повстанцев вне Военной Границы. Так на следующий день после гибели Кватерника полиция обнаружила на стенах домов в Загребе листовки, содержавшие призывы «вырвать из хищных когтей поганого австрийского орла золотую свободу и священные права нашего народа...» Следовало: «Да здравствуют герои — граничары! Да здравствует свободная Хорватия! Хорваты — к оружию!»¹²¹. У Матасича, хотя политически и солидаризовавшегося с Кватерником, но отрицавшего причастность к восстанию, был найден набросок прокламации резко антигабсбургского содержания. Австрийский государь именовался «черным швабом». «Итак, за дом... в

¹¹⁹ Такова точка зрения крупного буржуазного деятеля начала XX в. А. Трумбича. См.: А. Trumbić. *Suton Austro-Ugarske i Riečka rezoluzija*. Zagreb, 1936, str. 74. См. также: Lj. Kuntić. *Vanjskopolitički pogledi...*, str. 814, 815.

¹²⁰ М. Екмечић. *Ustanak u Bosni 1875—1878*. Sarajevo, 1960, str. 56.

¹²¹ Arhiv S. R. Hrvatske. *Ostavštine*. *Obitelj Kvaternik*, str. 41—45; Lj. Kuntić. *Vanjskopolitički pogledi...* Приложение II к главе о 1867—1871 гг.

бой, в бой, скорей, скорей все в бой против нее» (Австрии)...¹²² По обвинению в государственной измене, оскорблении государя и нарушении общественного порядка Матасич был приговорен к семи, а позднее — к пяти годам строгого заключения¹²³.

После Огулинского восстания деятельность Партии права временно была подавлена.

В 1873 г. на Военной Границе завершилось введение гражданского управления. Присоединение ее территории к Хорватии и Славонии было осуществлено в 1881 г.

КАПИТУЛЯЦИЯ НАРОДНЯКОВ

Трагический эпизод на Военной Границе был выражением глубокого народного недовольства, наблюдавшегося в Хорватии-Славонии и Военной Границе повсеместно и имевшего социальный характер. Крестьянские волнения и гайдучество дополняли картину социальных и национальных конфликтов. Буржуазией все это воспринималось как «социальный распад», «разложение административного и даже национального организма», угрожающие «существованию общественного и нравственного порядка» и т. п.¹²⁴

В этих условиях буржуазия и ее интеллигенция, в особенности чиновничья, жаждала спокойствия. И. Вончина, выражая эти настроения, утверждал в 1872 г., что Хорватия нуждается в «обширной деятельности» по «устройству этой заброшенной страны», обстановка же «бесплодных споров» порождает такие эксцессы, как события в Раковице¹²⁵.

Большое влияние на позицию народняков оказала неудача чешского национального движения. Встретившись с ожесточенным отпором проектам Гогенварта со стороны австро-немецких шовинистов как в Австрии, так и в самой Чехии, а также с давлением Бисмарка, подержавшего их, Франц-Иосиф в октябре 1871 г. удалил

¹²² Arhiv S. R. Hrvatske. Ostavštine. Obitelj Kvaternik, str. 34.

¹²³ Muzej grada Zagreba. Kvaternikova ostavština (Обоснование приговора от 2.X 1872 г.). Матасич, освобожденный после двух лет заключения, вскоре умер от туберкулеза.

¹²⁴ См.: М. Роліć. Указ. соч., II, стр. X—XII.

¹²⁵ «Dnevnik sabora... 1872—1875», str. 456, 457.

Гогенварта. Это событие означало решающий шаг к стабилизации дуализма на относительно большой период (до конца XIX в.).

Не оправдались и расчеты хорватской оппозиции на внешнеполитические осложнения. Это обстоятельство не могло не иметь первостепенного значения в повороте народняков ко все большим уступкам правящим кругам.

По инициативе венгерских властей накануне 1872 г. в Вене начались переговоры между премьер-министром графом М. Лоньяи и лидерами народняков. Лоньяи был заинтересован в соглашении с народняками ввиду острых политических разногласий в самой Венгрии. Поэтому народняки сохраняли некоторую надежду на существенный пересмотр Соглашения 1868 г.

Венгерские власти, от внимания которых не могло ускользнуть наличие унионистского течения в среде хорватской оппозиции, еще раньше пытались привлечь на свою сторону некоторых влиятельных народняцких деятелей. Попытки сблизиться с народняками были сделаны накануне франко-прусской войны, когда были неясны ее последствия. Но тогда народняки в качестве условия соглашения выдвигали смену бана, роспуск «раухианского» сабора, избрание нового с участием граничар¹²⁶. Рачкий в 1870 г. опубликовал ряд «Писем антиуниониста», в которых защищал широкую автономию Хорватии. Добиться капитуляции народняков в 1870 г. властям не удалось, но, как отмечалось, влияние сторонников соглашения с властями в среде оппозиции было сильным. В заявлениях ее некоторых кандидатов на выборах 1871 г. Соглашение признавалось в качестве «исходного пункта» переговоров¹²⁷. Таким путем народняки пытались привлечь на свою сторону колеблющуюся и в целом проунионистски настроенную загребскую буржуазию и чиновничество, и это им удалось. Но после ухода Гогенварта разногласия уже касались вопроса о рубеже, до которого оппозиция могла отступить.

Примирившись с дуализмом, народняки надеялись добиться компромисса с венгерским правительством,

¹²⁶ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 103, 104. Письма Рачкого, 29. IV; 3. VII 1870 г.

¹²⁷ См., например: M. Polić. Указ. соч., II, стр. 149, 150.

указывая на свое прочное влияние в Хорватии¹²⁸. Теперь, в конце 1871 — начале 1872 г., из бесед с народняцкими лидерами Лоньяи вынес впечатление, что они «оставили великую идею югославянского государства», а это, по его мнению, служило залогом их капитуляции¹²⁹.

Первоначально на переговорах хорваты выдвинули следующую платформу: 1) Соглашение 1868 г. принимается как факт, но его следует пересмотреть. Новое Соглашение должен заключить сабор Троединого королевства с участием представителей от Военной Границы и Далмации; 2) независимость хорватского правительства от венгерского; 3) изменение финансовых отношений (имелось в виду создание хорватской администрации, отмена принципа выдачи Хорватии фиксированной суммы на автономные расходы и др.)¹³⁰; 4) решающий голос хорватов в парламенте, в делах, касающихся Хорватии; 5) создание в Хорватии парламентского правительства¹³¹ (т. е. из народняков). Но центральным вопросом оставался финансовый, остальные уже не принимались всерьез венгерскими властями.

Лоньяи согласился создать «правительство доверия» при условии... слияния оппозиции с унионистами. Венгерские власти были убеждены, что в это время оппозиция народняков имеет в основном «персональный характер»¹³², т. е. те согласятся заменить крайних унионистов у кормила правления при незначительных изменениях Соглашения. Но на слияние с унионистами, т. е. капитуляцию, народняки пока что не пошли.

Среди лидеров народняков Штросмайер некоторое время проявлял наибольшее упорство¹³³. Не в последнюю очередь эта позиция диктовалась опасением «скомпрометировать себя перед страной» в случае больших уступок¹³⁴.

¹²⁸ Народнякам «требовалось доверие [народа], чтобы пользоваться авторитетом у венгров». А Старчевич — Э. Халперу, 2.II 1872 г. Arhiv JAZU. Ostavština.

¹²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 121, л. 438 (Вена), 1871 г.

¹³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 106, лл. 57, 58 (Вена), 1872 г.

¹³¹ F. Šišić. Korespondencija..., I, стр. 154. Также см.: стр. 171, 172.

¹³² АВПР, ф. Канцелярия, д. 106, лл. 138, 139 (Вена), 1872.

¹³³ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 150. Письмо от 11.XII 1871 г. Й. Штросмайер — П. Прерадовичу, 25.XI 1871 г.; Arhiv JAZU. Strossmayerova ostavština.

¹³⁴ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 150.

Неудача переговоров привела 19 января 1872 г. к роспуску сабора, который едва успел собраться. Однако Франц-Иосиф с удовлетворением отмечал, что «среди населения милых нам королевств Хорватии и Славонии распространяется миролюбивый и трезвый дух...»¹³⁵.

На место бана в феврале 1872 г. был назначен А. Ваканович, олицетворявший беспринципность буржуазной бюрократии. Бывший деятель иллиризма, он теперь был готов пойти на любую меру для выполнения планов властей. Он передал Лоньяи и Андраши сфабрикованные материалы («Промемории») якобы имевшего место в Загребе совещания народняков с «чешскими агитаторами», русскими и черногорцами. Цель совещания — выработка «основ широкого плана революции среди южных славян» при поддержке России и... сторонников Кошута. Чешский банк, славянские комитеты Петербурга, Москвы и Одессы, а также правительство Сербии будто бы снабдили заговорщиков деньгами. В качестве инициаторов предприятия упоминались панслависты — генералы Черняев и Фадеев, владелец газеты «Голос» Краевский, «граф Толстой» (подразумевался министр просвещения) и др. Как «русский эмиссар» на совещании фигурировал Е. Панютин — журналист, сотрудник «Голоса».

Сам Франц-Иосиф «заинтересовался этим делом»¹³⁶, и оно стало предметом нескольких бесед Новикова с Андраши. Из Петербурга пришло опровержение Горчакова¹³⁷ и о многих «моментах» материалов Вакановича в Вене вскоре перестали упоминать. Краевский, находившийся в Вене, опроверг подлинность «Промемориев». Все же это дело занимало дипломатов несколько месяцев. Когда над народняками нависла угроза ареста, авторы «Промемориев» признались в провокации, и дело было прекращено¹³⁸. На выборы 1872 г. народняки уже шли под лозунгом «ревизии» (пересмотра) Соглашения 1868 г. Поэтому путь к новым переговорам был открыт, а степень «ревизии» могла быть минимальной.

В мае 1872 г. народняки вновь победили на выборах: им досталось 47 мест, блокировавшимися с ними умерен-

¹³⁵ «Dnevnik sabora... 1872—1875», str. 8; M. Polić. Указ. соч., II, стр. 157.

¹³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 106, л. 546 (Вена), 1872 г.

¹³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 107, лл. 110—114 (Вена), 1872 г.

¹³⁸ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 178.

ным унионистам — 8, сторонникам режима — 20. Но загребские власти привлекли в сабор 47 вирилистов и... получили большинство. Народнякам вновь была доказана тщетность их надежд на существенные перемены.

Народняцкая часть сабора, собравшегося в июне 1872 г., капитулировала, согласившись объединиться с унионистами. Новая партия сохранила название «национальной» (или «народной»). Народняки думали, что этот шаг и политическая борьба в Венгрии позволят им получить уступки¹³⁹. Лишь Маканец во главе небольшой группы депутатов возражал против капитуляции.

Переговоры о пересмотре Соглашения продолжались с осени 1872 г. до весны 1873 г. при участии Штросмайера, Вончины, Крестича, Якича, Мразовича и ряда унионистов. Вначале хорваты предложили назначать бана без влияния венгерских властей, учредить хорватское финансовое ведомство («финансовая автономия») и т. д.¹⁴⁰ «Общественное мнение присоединяется, но под условием *больше не уступать*», — отмечал Рачкий¹⁴¹. Но большинство хорватской делегации уступало и дальше. Рачкий считал представителей бюрократии наиболее беспринципными¹⁴². Однако в сущности вслед за ними, подчас упираясь, шли буржуазно-либеральные круги в целом. Уже после «ревизии» Рачкий отмечал, что «большинство, хотя и недовольно, принимает нынешнее гнилое состояние, так как опасается худшего и не видит перспектив к лучшему. Указывают на Цислейтанию и Чехию, на общее положение в Европе...»¹⁴³.

В конце концов Штросмайер и Рачкий считали, что и с неудовлетворительным договором можно примириться, если венгерские правящие круги позаботятся о Хорватии, о ее «моральном и материальном положении»¹⁴⁴.

Долголетний руководитель народняков, видя, что существенных прав Хорватии отстоять не удастся, предпочел самоустраниться¹⁴⁵. Штросмайер покинул Будапешт.

В Соглашение 1868 г. были внесены некоторые поправки. Главным было предоставление Хорватии 45% от

¹³⁹ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 181.

¹⁴⁰ См.: «Dnevnik sabora... 1872—1875», str. 458, 495.

¹⁴¹ F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 197. Письмо от 28.XI 1872 г.

¹⁴² Там же, стр. 216, 218. Письма от 25 и 28.III 1873 г.

¹⁴³ Там же, стр. 256. Письмо от 13.XI 1873 г.

¹⁴⁴ Там же, стр. 139, 190. Письма от 18.VII 1871 г.; 25.X 1872 г.

¹⁴⁵ Там же, стр. 190, 226, 227. Письма от 25.X 1872 г.; 4. VII 1873 г.

налоговых сборов на ее территории. Таким образом, ее бюджет должен был увеличиваться, по мере возрастания поступлений, но управление финансами осталось в руках венгерского правительства. Было установлено, что сабор должен созываться в трехмесячный срок после его роспуска. Наконец, хорватскому министру в Будапеште вменялось в обязанность без задержки передавать акты автономных властей королю.

В сентябре 1873 г. сабор 79 голосами против 10 принял проект пересмотра Соглашения. Рачкий и Маканец, выступившие против проекта¹⁴⁶, выдвигали на первый план финансовую автономию.

И в дальнейшем — в 80—90-х годах XIX и в начале XX в. — это требование оставалось важнейшим в программах оппозиционных группировок в Хорватии.

После «ревизии» Соглашения 1868 г. баном был назначен Иван Мажуранич. Ряд народняков получили крупные посты. Отступление народняков привело к падению их авторитета в народе¹⁴⁷. В отличие от «раухианцев» квалифицированная буржуазная бюрократия помогла властям временно стабилизировать политическое положение в Хорватии.

Рачкий, Штросмайер, Мразович и другие представители небольшого круга народняков, хотя и относились к новому режиму с недоверием, выразили желание сотрудничать с ним в области внутренних реформ, в особенности в деле развития научных учреждений¹⁴⁸. Как югослависты, они остались сторонниками упрочения Сербии, остались верны идее сближения между южными славянами и конечной цели — объединению и независимости южных славян¹⁴⁹.

¹⁴⁶ «Dnevnik sabora... 1872—1875», str. 450—456.

¹⁴⁷ См.: F. Šišić. Korespondencija..., I, str. 184, 226, 264. Письма от июля 1872; июля и декабря 1873 г. «Обзор» к концу 1872 г. потерял до 400 подписчиков. Там же, стр. 194.

¹⁴⁸ См.: Там же, стр. 228, 246, 247, 259.

¹⁴⁹ В 1873 г., например, Рачкий и Мразович выступали за присоединение всей Боснии к Сербии и советовали Сербии не предоставлять концессии на строительство железной дороги австро-венгерским компаниям. См.: «Светозар Милетић и Народна странка», II, стр. 507—509; В. Вучкович. Политичка акција Србије..., стр. 466. О программе учреждения южнославянского федеративного государства (1874 г.) говорилось в гл. III. См. также: J. Sidak. Jugoslavenska ideja..., str. 15.

Слияние народняков с унионистами и назначение Мажуранича знаменовали начало временного сотрудничества национальной буржуазии с венгерскими правящими кругами. Назначение Мажуранича, выходца из буржуазных слоев, свидетельствовало о сдвигах в общественном развитии как всей Австро-Венгерской монархии, так и самой Хорватии. Правительство Мажуранича (1873—1880 гг.) осуществило ряд буржуазных реформ (в сфере суда, просвещения, управления), приспособившая политическую надстройку к этим сдвигам.

Прошло несколько лет, прежде чем нарастание недовольства масс народа и средних слоев вызвало быстрое возрождение Партии права. Это же побудило часть более умеренных буржуазных деятелей открыто порвать с режимом, установленным Соглашением 1868 г.

Заключение

Ход политической борьбы в хорватских землях и идеология национального движения подтверждают ленинскую характеристику эпохи, закончившейся в ряде важнейших государств Европы второй третью XIX в., как эпохи «буржуазно-прогрессивных, национально-освободительных и демократически-освободительных движений». Тогда для прогресса главной «пружиной было движение буржуазии против феодально-абсолютистских сил», «на первом плане исторического процесса в важнейших государствах Европы» стояли «безусловно прогрессивные буржуазные движения»¹. Указывая на глубокое различие между эпохой XVIII — первых двух третей XIX в. и началом XX в., Ленин подчеркивал, что в первом случае «в разных странах, представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда... даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом»².

Ленинская характеристика эпохи дает ключ к пониманию места и значения прогрессивной тенденции в противоречивой политике и идеологии буржуазии угнетенной нации в конце 50-х — начале 70-х годов XIX в. Основной смысл национальной идеологии хорватской буржуазии определяли ее прогрессивные элементы. Так, доктрина единого народа не соответствовала реальной действительности, но реальным было стремление к сбли-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 137, 140.

² Там же, стр. 144.

жению между южными славянами и объединению их на федеративной основе. Борьба за демократию, национальный суверенитет и независимость превалировала в деятельности правашей, хотя теория панхорватизма уже тогда приходила с ней в противоречие и т. д.

Национальное движение народов Австрийской империи конца 50-х — начала 70-х годов не переросло в бурное, революционное. Общественные силы, участвовавшие в нем, были ограничены. Правда, ему удалось сорвать попытки упрочения централизма и политику германизации всего государства. Хорватия обеспечила себе определенные национальные права. Однако существенные цели движения в силу исторических условий и уровня самого движения достигнуты не были. Попытки национальной буржуазии обеспечить Хорватии равноправный голос при решении коренных (экономических и политических) проблем империи, не говоря уже о более смелых планах, потерпели неудачу. Радикальное мелкобуржуазное течение было разбито.

Временное поражение хорватского национального движения было следствием соотношения социально-политических сил, участвовавших в борьбе в Австрийской империи. Это было поражение мелкой и средней, преимущественно торговой, буржуазии перед лицом блока крупного инационального капитала и землевладения. Поражение стало неизбежным, поскольку внутривнутриполитическая борьба в 60-х годах не переросла в революцию и Австрия смогла устоять, несмотря на неудачи в двух войнах.

Но в начале XX в. в условиях нарастающего кризиса дуализма произошел новый подъем освободительного движения. Господствующие классы были не в состоянии упрочить внутреннее положение империи в силу неизлечимых противоречий, раздиравших Австро-Венгрию.

Ввиду неразвитости, недостаточной устойчивости внутринациональных хозяйственных связей (слабости экономической основы складывающейся нации) для формирования национального сознания широких слоев хорватского народа исключительное значение приобрела национальная пропаганда, осуществлявшаяся буржуазными течениями в зависимости от стоявших перед ними политических задач. Общественный подъем конца 50-х — начала 70-х годов XIX в. привел к большому сдвигу в

этом отношении. Но буржуазно-национальная пропаганда наложила печать на всю общественную жизнь Хорватии и в дальнейшем.

Нерешенность задачи национального освобождения влияла двояким образом на политическое развитие хорватского общества. Она ускорила отделение мелкобуржуазных радикальных элементов от буржуазно-либеральных: классовые интересы разных слоев получили четкое выражение в их национальных программах и тактике. Но она затруднила размежевание в национально-радикальной среде, отделение от нее революционной демократии. Наконец, она усложнила условия распространения пролетарской идеологии.

Прогрессивность буржуазно-национальных идей была ограниченной. Ни одно из буржуазных идейно-политических направлений не могло стать базой взглядов пролетарской демократии по национальному вопросу. Каждому из буржуазных течений конца 50-х — начала 70-х годов XIX в. были свойственны не только прогрессивные идеи и тенденции. Хотя многое во взглядах деятелей этого времени стало идейным достижением южнославянских наций, история национально-освободительного движения дает основание для вывода об исторической неспособности буржуазии этих наций даже последовательно демократически поставить задачу, подойти к проблеме, особо сложной в южнославянских землях. Принципы национализма частично уже тогда оказались несостоятельными. Тем более представляется важным критическое рассмотрение национальной идеологии прогрессивной буржуазии конца 50-х — начала 70-х годов XIX в.

В эпоху империализма национальный вопрос в южнославянских странах все теснее переплетался с социальным. В освободительное движение втягивались народные массы. Буржуазия отходила в лагерь реакции. В королевской Югославии все буржуазные течения оказались неспособными ни обеспечить межнациональное сотрудничество, ни отстаивать национальные интересы.

Тем более величественной предстает перед нами мысль и деятельность революционно-демократических кругов, а затем борьба пролетариата за революционный, демократический путь решения национальных проблем. Освобождение народов революционная и социалистиче-

ская демократия связывала с грядущей революцией, с революцией в России.

Не буржуазному наследству, а борьба с национализмом народы Югославии обязаны своим освобождением. Но рабочий класс использовал завоевания прогрессивной буржуазной мысли — идеи национального суверенитета и сплочения южнославянских народов. Идея федерации суверенных народов имела глубокое демократическое содержание. Осуществление программы национальной независимости и федерации южных славян стало возможным в условиях, не имевших ничего общего с представлениями либеральных деятелей XIX в.

Передовые элементы хорватского рабочего и социалистического движения переходили на позиции интернационализма. Солидарность с австрийским, венгерским и международным пролетариатом была их важнейшим оружием. Идея хорватско-сербского единения приобрела значение для рабочего движения как органическая часть интернационализма. Так понимали одну из основных проблем югославизма лучшие представители рабочего движения.

В королевской Югославии Коммунистическая партия выдвинула последовательно интернационалистский принцип суверенитета и союза равноправных народов.

Рабочий класс и его партия устранили из идеологии национального движения черты национального эгоизма, придали идеям национального суверенитета и федерации новое содержание, связав их с борьбой против общественного строя, оказавшегося неспособным разрешить национальный вопрос в Югославии. История подтвердила силу и жизненность пролетарского интернационализма.

Указатель имен *

- Аксаков И. С. 57, 145, 272
Александр II 64, 161, 186, 248,
268, 271, 272, 278, 331, 344
Александр III 186
Алпатов М. А. 159
Альбрехт 321, 341
Андраши Д. 226, 279, 317, 319,
321, 330, 343, 345, 349, 363,
365, 366, 371
Антунович И. 313
Арним 346
- Бакунины М. А. 160, 161, 185,
218, 222—227, 269
Балабин В. П. 62, 64, 249
Бальбо Ч. 229
Бан М. 133, 145, 271, 272
Барач В. 219, 220, 366
Бах А. 46, 48, 53, 286
Бах В. 74, 176, 231, 232, 359,
360, 362, 365
Бедскович К. 352
Бейст Ф. 274, 275, 292, 310, 316,
323, 342, 343, 364
Белькредо Р. 281, 284, 291, 292,
310
Бенни К. 262
Березин Л. В. 345, 365
Бисмарк О. 96, 286, 301, 368
Блейвейс Я. 92, 348
Богданов В. 130, 235, 236
Богович М. 47, 71, 72, 76, 133,
241, 262
Бонапарт Ж. 65, 260
Борелли Ф. 62
Ботев Х. 184
Ботич Л. 133, 313
Брлич А. 320
Брлич И. 322
Броз М. 334
Брук 46
Будилович А. 148
- Вагнер И. 341—343
Ваканович А. 371
Вебер А. 251, 253
Вежич В. 74
Винтер Э. 159
Витезич Д. 313
Витезович П. (Риттер) 200
Владимирский-Буданов М. Ф.
148
Влайкович Дж. 346
Вончина И. 123, 251, 303, 342,
343, 346, 347, 352, 368, 372
Враз С. 226
Враницани 32
Враницани А. 54, 252
Враницани В. 241
Врбанчич С. 145
Врдоляк П. 359, 360
Вукотинович Л. 48, 61, 123, 251,
322, 334
- Габленц К. В. 319—321
Габсбург Ф. 14
Габсбурги 7—9, 14, 15, 27, 43,
45, 46, 48, 50, 52, 54, 62, 67,
91, 95, 96, 99, 100, 102, 104,
106, 107, 109—111, 134, 136,
138—140, 143, 147, 157, 168,
178, 192, 194—197, 213, 242,
243, 245, 256, 259, 260, 275, 278,
280, 286, 289, 292—295, 297,
298, 310, 315, 316, 325, 328—
330, 332, 338, 341, 343, 344,
349, 350
Гай Л. 121, 122, 142, 177, 202,
307
Гайнау Ю. 51
Гарашани И. 144, 271, 298,
300, 302, 303, 305, 316—318
Гарибальди Дж. 51, 57, 161,
169, 225, 226, 260, 262—264,
269

Герцен А. И. 160—162, 185, 218,
224—226, 270, 289
Гладстон У. Ю. 140
Гогенварт К. (Хоэнварт) 274,
275, 350, 351, 354, 363, 364,
368, 369
Гоголь Н. В. 148
Голобуцкий В. А. 159
Голуховский А. 53, 60, 66, 290
Горчаков А. М. 136, 151, 268,
271, 272, 275, 276—278, 317,
338, 345, 371
Гривичич Дж. 320
Гросс М. 236
Грот Я. 148
Губец М. 30
Гюго В. 197, 220

Данило И. 266, 307, 311, 348
Даничич Дж. 120, 133
Дарвин Ч. 158
Деак Ф. 69, 70, 280, 282, 285
Деметер Д. 255
Джоберти В. 229
Добрила Ю. 267

Елачич Й. 30, 46, 51, 55, 58, 97,
98, 176, 177, 198, 320, 321, 355

Живкович Й. 322

Зичи Э. 71
Зринский П. 358

Игнатъев Н. П. 302, 303
Ионин А. С. 273, 337, 339, 340,
342, 347, 364, 365

Кабэ Э. 87, 197
Кавур Б. К. 76, 161, 264
Караджич В. С. 119, 133
Карл VI 14
Каутокий К. 96, 172
Кватерник Э. 47, 63—66, 70, 74,
75, 78, 164, 166, 168, 169, 174—
177, 179—183, 185, 187, 188,
190, 193, 195, 197, 199, 203,
204, 206, 209—213, 216, 218,
227—232, 234, 235, 242, 244,
258—264, 284, 285, 354, 355,
357—367

Кершовани О. 235
Кирилл 153, 270
Кланч М. 312, 313, 349

Клам-Мартиниц Г. 111
Клапка Д. 260, 262, 301
Ковалевский Е. П. 63
Коменский Я. 198
Костич Л. 307, 348
Котур В. 80
Кошут Л. 51, 52, 57, 65, 68, 96,
169, 178, 179, 214, 260, 261,
278, 280, 306, 320, 371
Краевский А. А. 371
Крестич Н. 320, 372
Крешич М. 80
Крижанич Ю. 159
Крлежа М. 235
Кукулевич-Сакцинский И. 48,
61, 131, 148, 241, 244, 249,
251—256
Кулаковский П. 148
Кумануди И. 299
Куниц А. 63
Кунтич Л. 234, 236, 359, 362
Курелац Ф. 226
Кушлан Д. 141, 225, 226, 244,
262
Кэри Г. Ч. 181, 182

Ламанский В. И. 148, 154, 272
Лассаль Ф. 96
Лев XIII 158
Левстик Ф. 92, 347
Лемке М. 225, 226
Ленин В. И. 7, 40, 95, 96, 110,
115, 146, 170—172, 180, 271,
375
Лоньяи М. 369—371
Любиша С. 129, 133
Любомирский Е. 290
Людовик XVI 192

Мадзини Дж. 161, 193, 194, 214,
221, 223, 230, 269
Мажуранич И. 48, 61, 175, 240,
241, 244, 250, 251, 254—256,
281, 282, 303, 319, 342, 352,
373, 374
Макавец М. 86, 87, 98, 351, 372,
373
Макиавелли Н. 174
Мамини Т. 229
Маркович С. 174, 234, 365
Маркс К. 5, 96, 181, 215, 219,
221, 258, 274
Матасич Ф. 219, 220, 231, 359,
366—368

- Маткович П. 307
 Маяр М. 307
 Менделеев Д. И. 148
 Меттерних К. 286
 Мефодий 153, 270
 Миклошич Ф. 119
 Милетич С. 56, 72, 103, 113, 114,
 124, 210, 231, 305, 350
 Милковский З. 260, 262
 Милутинович К. 146, 205
 Мишкатович И. 127, 131, 148,
 149, 305, 307, 342, 351
 Моллилари А. 360
 Мразович М. 116, 138, 244,
 302—305, 320, 341—345, 347—
 351, 372, 373
 Наполеон III Бонапарт 57, 58,
 65, 75, 102, 212—214, 231, 316,
 344, 355
 Негош Николай 317, 336, 339,
 340
 Николай I 139, 151, 214, 215
 Николит Н. 322
 Ничипоренко А. 224, 225
 Новиков Е. 136, 274—276, 278,
 300, 337, 344, 345, 363, 364,
 366, 371
 Нодило Н. 265, 312
 Обреновичи 49
 Обренович М. 271, 297—300,
 304, 315—318
 Огарев Н. П. 224
 Ожегович М. 245
 Орбини М. (Орбин) 116
 Орденга Ю. 187, 262
 Орешкович А. 137, 278, 279, 297,
 300, 302, 337, 340—342
 Орлов 275, 277
 Павлетич Я. 114, 141
 Павлинович М. 193, 266, 312
 Палацкий Ф. 90, 92, 93, 104,
 106, 290
 Панютин Е. 371
 Парнелл Ч. 197
 Пашич Н. 184
 Перковац И. 78, 110, 116, 131,
 136, 144, 244, 254, 264, 282,
 305
 Петранович Б. 266
 Петрович Н. 231
 Пеячевич Л. 322
 Пий IX 157
 Погодин М. П. 63, 272
 Полит-Десанчич М. 72, 307
 Понграц Г. 322
 Попов Н. А. 137, 148
 Попович А. 116
 Потресов А. Н. 96
 Прасничка Е. 84
 Праус И. 226
 Прица М. 226, 244, 251
 Прудон П. Ж. 181, 189
 Пулич М. 307
 Пшибыльский В. 187, 260, 263
 Пыпин А. Н. 234
 Раевский М. Ф. 340
 Разлаг Р. 347
 Ракияш А. 264, 358—360, 362
 Раух Л. 318—321, 329, 333, 351,
 352, 354, 355, 363
 Рачкий Ф. 10, 11, 76, 78, 80, 81,
 85, 88, 100, 101, 114, 116, 117,
 121, 123, 124, 126, 128, 131,
 132, 134, 135, 137, 142, 144,
 146, 147, 149, 152—154, 157,
 160, 240, 241, 244, 282, 287,
 305, 312, 314, 322, 344, 345,
 348, 349, 351, 353, 369, 372,
 373
 Реджич Э. 236
 Ригер Ф. 92, 274, 290, 291
 Рикасоли Б. 161
 Ристич Й. 315, 341, 345, 346
 Ровинский П. А. 148
 Романовы 86
 Росмини А. 229
 Рошфор А. 197
 Руссо Ж.-Ж. 197
 Саффи А. 225
 Сен-Симон А. К. 86, 181, 182
 Сироткович Х. 328
 Скерлич И. 235
 Смит А. 180
 Смичиклас Т. 121
 Соловьев С. М. 148
 Спасович В. Д. 234
 Срезневский И. И. 63, 148
 Стакельберг 46, 277, 317, 338
 Старчевич А. 66, 164—169, 171,
 173, 175—178, 180—186, 188,
 190, 192, 193, 195, 196, 200—
 202, 205, 206, 208, 209, 211,
 213, 214, 216—218, 227, 230,

- 231, 234—236, 242—245, 259,
262, 284, 285, 288, 354, 357—
359, 362—365
- Старчевич Д. 355
- Стасов В. В. 148
- Стефан св. 14, 62, 68, 70, 76,
114, 257, 264, 286, 290, 292,
294, 309
- Стремоухов П. Н. 338—340
- Суботич Й. 124, 307, 319, 335
- Талейран Ш. М. 174
- Тегетхоф 289
- Ткалац Имбро П. 110, 288
- Толстой Д. А. 371
- Томмазо Н. 64
- Томшич А. 92, 347
- Торбар Й. 131
- Трстеняк Д. 347
- Трумбич А. 367
- Тургенев И. С. 148
- Туркаль А. 360
- Туркович В. 80
- Турковичи 32
- Турчич 297
- Тюрр И. 301
- Успенский Ф. И. 148
- Фабияни Р. 360
- Фабкович С. 197
- Фавр Ж. 220
- Фадеев Р. 214, 272, 371
- Филипович Ф. 317
- Филипович И. 47
- Флоринский Т. 148
- Фолнегович Ф. 219, 227, 231
- Франкопан Ф. К. 358
- Франц-Иосиф 53, 54, 59—61, 67,
68, 76, 83, 102, 112, 142, 156,
157, 237, 239, 242, 243, 246—
249, 258, 274, 280—283, 286,
292, 303, 308—310, 316, 319,
321, 323, 325, 326, 329, 332,
338, 349—351, 357, 363, 364,
368, 371
- Францель Э. 8, 111
- Фрич В. 225
- Фрич Й. В. 110, 185, 226, 261—
263
- Халпер Э. 230
- Ханч Х. 111, 112
- Хаулик Ю. 252, 264, 319
- Хелленбах Л. 71, 72, 80, 256,
264
- Хорват Й. 256
- Хрват М. 93, 94, 322
- Цесарец А. 220, 235
- Црнадак Дж. 80
- Црнадаки 32
- Чепулич А. 282
- Чернышевский Н. Г. 51, 220
- Черняев М. Г. 371
- Чуич Р. 357—362
- Чулинович Ф. 146, 205, 328
- Шафарик П. И. 119
- Шварценберг Ф. 286
- Шегвич К. 234
- Шеноа А. 163
- Шидак Я. 236, 359
- Шишич Ф. 10, 163, 234, 359
- Шишкин Н. П. 269, 273, 288,
302, 303, 318, 335, 338, 339,
364
- Шлиппенбах А. 30
- Шмерлинг А. 66, 67, 101, 175,
243, 251, 254, 256, 258, 259,
264—266, 280, 281, 286, 319
- Шокчевич Й. 58, 102, 243, 246,
250, 333
- Штросмайер Й. Ю. 10, 11, 54,
61, 65, 66, 75, 79, 80, 82, 84,
86, 90, 101, 105, 116, 123, 124,
131—133, 136, 137, 140, 143,
146, 152—159, 163, 175, 177,
196, 197, 204, 240, 241, 244,
249, 252, 267, 282, 283, 290,
291, 299, 300, 302—304, 307,
308, 310, 313, 318, 319, 321,
334—341, 343—347, 349, 363,
370, 372, 373
- Шулек Б. 48, 81—83, 88, 90, 94,
98, 107, 108, 114, 127, 131, 158,
177
- Энгельс Ф. 41, 215, 219, 270,
292
- Эрдеди 239
- Эрдеди И. 61, 72
- Юркович Я. 251
- Ягич В. (И. В.) 124, 131, 137,
140, 148, 149, 160, 355
- Якич А. 80, 92, 141, 264, 372
- Якшич А. 219, 220, 222, 227, 230
- Янкович Ю. 61, 72, 241, 322

Оглавление

ОТ АВТОРА	5
---------------------	---

Глава первая

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ХОРВАТОВ. АВСТРИЙСКАЯ РЕАКЦИЯ 50-х ГОДОВ XIX в. (КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ)	12
---	----

Хорваты и другие южнославянские народы в системе Австрийской империи. (12). О национальной дифференциации в хорватских землях (16). Хорватское национальное Возрождение (18). Абсолютизм 50-х годов и политика германизации (22).

Глава вторая

НАЧАЛО ПОДЪЕМА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ХОРВАТСКИХ ЗЕМЛЯХ. 1859—1861 гг.	24
---	----

Общественно-экономическая обстановка в Хорватии в 50—60 годах XIX в.— условия нового подъема национального движения (24). Оппозиция абсолютизму и его крах (46). Начало конституционных маневров Габсбургов. Политическая ситуация в Хорватии (59).

Глава третья

АВСТРОСЛАВИЗМ И ЮГОСЛАВИЗМ	74
--------------------------------------	----

Об общетеоретических основах хорватского национального движения (74). Народняки и их общественные взгляды (79). Программа решения национального вопроса в рамках Австрийской империи. Автрославизм и проблема австрийского федерализма (87). Хорватский буржуазный югославизм. Программа борьбы за независимость и федерацию южных славян (116). Отношение югославистов к России и «панславизму». Церковная проблема в свете югославизма (146). О тактических взглядах народняков (159).

Глава четвертая

ХОРВАТСКИЙ НАЦИОНАЛ-РАДИКАЛИЗМ	164
--	-----

Партия права и требование национальной независимости (164). Экономические и социальные взгляды правых. Национально-радикальные круги и крестьянский вопрос (180). Программа демократизации политического строя и культуры (190). Теория панхорватизма и великохорватская политика (200). Ориентация на зарубежную помощь (210). Национал-радикалы и революционно-демократическая тенденция в Партии права (217).

Глава пятая

ПОПЫТКА УПРочЕНИЯ ЦЕНТРАЛИСТСКОГО РЕЖИМА В ИМПЕРИИ. 1861—1865 гг.	237
---	-----

Сабор 1861 г. (237). Политическая борьба в Хорватии в 1862—1865 годах. «Самосталцы» (248). Национальное движение в Далмации и Истрия (255).

Глава шестая

РОССИЯ, НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БАЛКАНАХ И АВСТРОСЛАВИЗМ	268
---	-----

Глава седьмая

КУЛЬМИНАЦИЯ КРИЗИСА АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПОДЪЕМ ЮГОСЛАВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ, АВСТРО-ВЕНГЕР- СКИЙ ДУАЛИЗМ. 1865—1867 гг.	280
---	-----

Австро-прусская война и австрославы (280). Австро-венгерское соглашение. Его общественно-политическое содержание (292). Укрепление южнославянских связей в пору австро-венгерского соглашения (297). Результаты национального движения в Далмации и Истрии к 70-м годам XIX в. (310).

Глава восьмая

ХОРВАТО-ВЕНГЕРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1868 г.	315
---	-----

Глава девятая

ВРЕМЕННАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ В НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ И ОТСТУПЛЕНИЕ ХОРВАТСКОЙ НАЦИО- НАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ. 1868—1873 гг.	330
---	-----

Унионистский режим в Хорватии и Славонии (331). Хорватско-русские контакты (334). «Афера Вагнера» (341). Хорватское национальное движение во время франко-прусской войны и подъема освободительной борьбы в чешских землях (343). Праваши и восстание в Огулинском полку (354). Капитуляция народняков (368).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	375
----------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	379
--------------------------	-----

Владимир Израилевич Фрейдзон

БОРЬБА ХОРВАТСКОГО НАРОДА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ СВОБОДУ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

Редактор *М. Д. Коган*. Редактор издательства *Н. П. Бобрик*

Художник *Сайко И. А.*

Технические редакторы: *Т. И. Анурова, Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 28/XI 1969 г. Подписано к печати 23/III 1970 г. Форм

Печ. л. 12. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 1.700 экз.

Т-00883. Бумага № 2. Тип. зак. 5914 Цена 1 р. 42 коп.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
49	13 стр.	немецких	ненемецких
105	10 стр.	гл. VI	гл. VII
124	9 стр.	1867—1867	1867—1868
186	1 стр.	сутье	чутье

В. И. Фрейдзон

бр. 42 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Борьба хорватского народа за национальную свободу